

5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes

5th INTERNATIONAL CONGRESS
OF ARCHAEOLOGY
OF THE EURASIAN STEPPES

Kazakhstan, Turkistan, 11–14 October, 2022

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-62-1

Eurasian steppe civilization: *human and the historical and cultural environment*

ISBN 978-601-7106-62-1

9 786017 106621

official website of the Margulan Institute of Archaeology:
<https://archaeolog.kz/>

official website of the Khoja Ahmed Yasawi International
Kazakh-Turkish University:
<https://ayu.edu.kz>

official website of the A.Kh. Khalikov Institute
of Archaeology:
<http://archtat.ru>

official website of the International Institute
for Central Asian Studies:
<https://www.unesco-icas.org>

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
Татарстан Республикасы Ғылым академиясының А.Х. Халиков атындағы Археология институты
Орталық Азиялық зерттеулер халықаралық институты
Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті
Түркістан облысының әкімдігі
Қазан федералдық университеті
Ресей Ғылым академиясының Археология институты (РҒА АИ)
РҒА Сібір бөлімінің Археология және этнография институты
РҒА Ұлы Петр атындағы Антропология және этнография музейі (Кунсткамера)
РҒА Материалдық мәдениет тарихы институты
РҒА Сібір бөлімінің Моңғолтану, буддология және тибетология институты
РҒА ҚБ Қиыр шығыс халықтарының тарих, археология және этнография институты
Алтай мемлекеттік университеті
Ұлттық археологиялық институты мен музейі (Болгария)

Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта

Еуразия даласы археологиясы
V халықаралық конгресінің материалдары

(Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.)

1-том

Алматы – Түркістан
2022

ӘОЖ 902/904
КБЖ 63.4
Е 89

Жинақ Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің
бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру, ЖТН OR11465466 жобасы аясында
басылып шығарылды

Баспаға Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Ғылыми кеңесі ұсынған

Бас редактор

А. Оңғар, тарих ғылымдарының кандидаты,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бас директоры

Жауапты редакторлар:

Б.Ә. Байтанаев, тарих ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА академигі
А.Ғ. Ситдиқов, тарих ғылымдарының докторы, ТР ҒА корреспондент мүшесі
Д.А. Воякин, тарих ғылымдарының кандидаты

Рецензенттер:

М.Е. Елеуов, тарих ғылымдарының докторы, профессор
Т.В. Савельева, тарих ғылымдарының докторы

Редакциялық алқа:

Т.Б. Мамиров, тарих ғылымдарының кандидаты; И.В. Мерц, тарих ғылымдарының кандидаты,
философия докторы (PhD); Г.С. Жұмабекова, тарих ғылымдарының кандидаты; Ә.М. Манапова,
тарих ғылымдарының кандидаты; Ғ.А. Базарбаева, тарих ғылымдарының кандидаты;
Т.Н. Лошакова; Д.А. Байтілеу, тарих ғылымдарының кандидаты; Е.Ш. Ақымбек, философия
докторы (PhD); Ж.Р. Утубаев, тарих ғылымдарының кандидаты, философия докторы (PhD);
А.Қ. Айтқали, философия докторы (PhD)

Е 89 **Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта.** Еуразия даласы
археологиясы V халықаралық конгресінің материалдары (Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.).
5 томдық. Алматы – Түркістан: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022. 1 том. 312 б.

ISBN 978-601-7106-64-5

ISBN 978-601-7106-62-1

Конгресс материалдарының бұл жинағына Еуразияның кең далалық аумағының
палеометал кезеңіне жататын ескерткіштері жайлы мәліметтер легі енді. Жарияланымдарда
мәдени-тарихи үрдістер, экономика және әлеуметтік қайта жаңғырту, егіншілік және дала
мәдениеттерінің өзара қарым-қатынасы, өнері сынды мәселелер көрініс тапқан.

Кітап археологтар, тарихшылар мен тарих мамандығы студенттері үшін сөзсіз қызығушылық
тудырады.

ISBN 978-601-7106-64-5

ISBN 978-601-7106-62-1

ӘОЖ 902/904
КБЖ 63.4

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана
Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
Международный институт центральноазиатских исследований
Международный казахско-турецкий университет имени Ходжа Ахмеда Ясави
Акима́т Туркестанской области
Казанский федеральный университет
Институт археологии Российской академии наук (ИА РАН)
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Институт истории материальной культуры РАН
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего востока ДО РАН
Алтайский государственный университет
Национальный археологический институт и музей (Болгария)

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда

материалы V международного конгресса
археологии евразийских степей

(г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.)

Том 1

Алматы – Туркестан
2022

УДК 902/904
ББК 63.4
Е 89

Сборник издан в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта OR11465466

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета
науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Главный редактор

А. Онгар, кандидат исторических наук,
генеральный директор Института археологии им. А.Х. Маргулана

Ответственные редакторы:

Б.А. Байтанаев, доктор исторических наук, академик НАН РК
А.Г. Ситдииков, доктор исторических наук, член-корреспондент АН РТ
Д.А. Воякин, кандидат исторических наук

Рецензенты:

М.Е. Елеуов, доктор исторических наук, профессор
Т.В. Савельева, доктор исторических наук

Редакционная коллегия:

Т.Б. Мамиров, кандидат исторических наук, И.В. Мерц, кандидат исторических наук, доктор
философии (PhD), Г.С. Джумабекова, кандидат исторических наук; А.М. Манапова, кандидат
исторических наук; Г.А. Базарбаева, кандидат исторических наук; Т.Н. Лошакова,
Е.Ш. Акымбек, доктор философии (PhD); Д.А. Байтлеу, кандидат исторических наук;
Ж.Р. Утубаев, кандидат исторических наук, доктор философии (PhD);
А.К. Айткали, доктор философии (PhD)

Е 89 **Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда.**
Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан,
11 – 14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
2022. Т. 1. 312 с.

ISBN 978-601-7106-64-5

ISBN 978-601-7106-62-1

Сборник материалов Конгресса включает материалы по памятникам эпохи палеометалла
огромной территории Евразийских степей, публикации отражают такие вопросы, как культурно-
исторические процессы, экономика и социальные реконструкции, взаимоотношения
земледельческих и степных культур, искусство.

Книга представит несомненный интерес для археологов, историков, студентов исторических
специальностей.

ISBN 978-601-7106-64-5

ISBN 978-601-7106-62-1

УДК 902/904
ББК 63.4

Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
Committee of Science
Margulan Institute of Archaeology
A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
International Institute for Central Asian Studies
Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University
Akimat of Turkistan region
Kazan Federal University
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (IA RAS)
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) of the RAS
Institute for the History of Material Culture of the RAS
Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the RAS
Altai State University
National Archaeological Institute and Museum (Bulgaria)

Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment

Proceedings of the 5th International Congress
of Archaeology of the Eurasian Steppes

(Turkistan, 11–14 October, 2022)

Volume 1

Almaty – Turkistan
2022

UDC 902/904
LBC 63.4
E 89

The collection is published within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, IRN of the project is OR11465466

Recommended for press by the Scientific Council of the Margulan Institute of Archaeology of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Editor-in-chief

A. Onggar, Candidate of Historical Sciences,
Director General of the Margulan Institute of Archaeology

Executive editors

B. Baitanayev, Doctor of Historical Sciences,
Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan
A. Sitdikov, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
D. Voyakin, Candidate of Historical Sciences

Reviewers:

M. Eleuov, Doctor of Historical Sciences, Professor
T. Savelieva, Doctor of Historical Sciences

Editorial board:

T. Mamirov, Candidate of Historical Sciences; I. Mertz, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD); G. Jumabekova, Candidate of Historical Sciences; A. Manapova, Candidate of Historical Sciences; G. Bazarbayeva, Candidate of Historical Sciences; T. Loshakova, D. Baitileu, Candidate of Historical Sciences; Ye. Akymbek, Doctor of Philosophy (PhD); Zh. Utubayev, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD); A. Aitkali, Doctor of Philosophy (PhD)

Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). In 5 volumes. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 2022. Vol. 1. 312 p.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-62-1

The collection of materials of the Congress includes materials on the monuments of the paleometal epoch of the vast territory of the Eurasian steppes, publications reflect such issues as cultural and historical processes, economics and social reconstruction, the relationship of agricultural and steppe cultures, art.

The book will be of undoubted interest to archaeologists, historians, students of historical specialties.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-62-1

UDC 902/904
LBC 63.4

АЛҒЫ СӨЗ

Еуразия даласы археологиясының V-ші халықаралық конгресі **«Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта»** атпен 2022 жылдың 11–14 қазанында түркі әлемінің рухани астанасы – Түркістан қаласында өтеді.

Конгресс 2009 жылдың 7–11 желтоқсанында Татарстанның Қазан қаласында «Идел-Алтай: еуразиялық өркениеттің бастауы» атты ғылыми-практикалық конференция аясында тұңғыш рет өтті. Дала халықтарының мәдениетін зерттеумен шұғылданатын археологтардың өзара қатынасының бұл жаңа форматының мақсаты түркі тілдес халықтардың арғы тегі жайлы жаңа, өзекті, жарияланбаған мәліметтермен танысу және кеңінен бөлісу болып табылды.

Еуразия даласының орта ғасыр археологиясының келесі II-конгресі 2012 жылдың 5–8 қыркүйегінде Ресейдің Барнаул қаласында Алтай мемлекеттік университетінің базасында «Далалық Еуразия халықтарының тарихы мен мәдениеті» атпен ұйымдастырылса, Еуразияның орта ғасырлық мемлекеттері мен империяларының тарихы мен археологиясына арналған «Шығыс пен Батыс аралығында: мәдениет, технология мен империялардың қозғалысы» атты III-конгресс 2017 жылдың 2–6 мамырында Ресейдің Владивосток қаласында өткізілді. Ал ресей академиялық археологиясының жүзжылдығына арналған IV-конгресс 2019 жылдың 16–21 қыркүйегінде «Археологиялық және пәнаралық зерттеулердегі Еуразияның көшпелі империялары» деген атпен Ресейдің Улан-үдэ қаласында өтті.

Биыл 2022 жылы Қазақстанда ұйымдастырылып отырған V-конгреске әлемнің түкпір-түкпірінен Еуразияның қола дәуірінен кейінгі орта ғасырына дейінгі сан түрлі ғылыми мәселелерді зерттейтін 28 елдің мамандары қатысады. Конгресс жұмысының түрлі бағыттылығы далалық Еуразия археологиясы мәселелерінің ауқымдылығы мен тереңділігін көрсетеді. Ұсынылып отырған Конгрестің бес томдық жинағында далалық зерттеулердің нәтижелері туралы өзекті ақпараттар, теориялық талдаулардың нәтижелері жинақталып, жекелеген нақты мәселелер мен жалпылама тұжырымдар да ұсынылған. Сонымен қатар палеометалл дәуірі, ерте көшпелілер археологиясы, ортағасырлық қалалық мәдениет, көшпелі империялар, өнер мен дүниетаным, ескерткіштерді қорғау, археологиялық зерттеулер тарихының әртүрлі аспектілері қарастырылды. Ұсынылған баяндамалар теориялық қорытындылаудың жоғарғы деңгейін, әр түрлі дереккөздерді талдауды, жазбаша деректерді тартуды, археология ескерткіштерін зерттеуде жаратылыстану ғылымдарының жаңа әдістерін, құжаттандырудың заманауи әдістерін қолданудың жоғары деңгейін көрсетеді.

Еуразиялық дала материалдарын бөлу хронологиялық принципке сай негізделген. Басылымның бірінші томына еуразиялық далалық белдеу мен оңтүстіктегі егіншілік аудандардың кең аумағындағы мәдени-тарихи процестер, көшпелі өркениеттің қалыптасуы, мәдени дамудың экономикалық және әлеуметтік аспектілері, табиғи-климаттық жағдайларға бейімделу факторлары, ландшафт ерекшеліктері секілді палеометалл археологиясы мәселелері қарастырылған жарияланымдар енгізілді.

Екінші том скиф-сақ және ғұн-сармат кезеңдері археологиясы материалдарынан құралған. Әртүрлі дереккөздерін талдау Орталық Азия, Сібір мен Алтай, Орал, Солтүстік Қара теңіз аймағы және Қырым, Қытайды қамтыды. Орасан зор аймақ тұрғындары тіршілігінің барлық салаларындағы, әсіресе әлеуметтік тұрғыдан алғандағы түбегейлі өзгерістермен, тұрғындардың мобилділігімен, даладағы ауқымды қозғалыстармен ерекшеленетін бұл дәуір осы томның лайықты, көрнекті жарияланымдарында көрініс тапқан.

Адамзат тарихындағы үлкен кезең – орта ғасыр жайлы материалдар 3 және 4-томда көрініс тапқан. Бұл томдарда Даладағы тарихи даму процестері, қалалар тіршілігінің сан қырлы аспектілері, дала империяларындағы биліктің сипаты, қала халқы, дала мен орманды дала арасындағы қарым-қатынас ерекшеліктері, Алтын Орда мен түркілік көрнекті, әрі сан қырлы мәдениеттің пайда болуы туралы жалпылама тұжырымдар келтірілген.

Соңғы 5-томда археологиялық зерттеулер тарихы, тарихи-мәдени мұра ескерткіштерін қорғау, далалық материалдар, өнер мен дінді талдаудың пәнаралық, кешенді сипатына арналған әртүрлі мақалалар енген.

Аталмыш конгресс Еуразиялық дала археологиясының даму кезеңін қорытындылауға, тарихи-мәдени мұра ескерткішке аса бай аумақта болашақта жүргізілетін зерттеулердің перспективалары мен векторын белгілеуге арналған.

Қазіргі таңда мұра нысандарын зерттеудегі археологтардың бірлігі, Еуразиялық дала белдеуі аумағында бірнеше мыңжылдықтар бойы мәдени-тарихи даму тұжырымдамасын әзірлеудегі, ескерткіштерді қорғау мен музейлендірудегі ғалымдар қауымдастығының тиімді жұмысы ерекше өзектілікке ие болуда.

Қазақстанда өткізілетін Конгресс Еуразия археологиясының дамуына ықпал ететін бірқатар іс-шаралардың маңызды кезеңі болады деп үміттенеміз.

Аталған жинақта келтірілген тұжырымдар мен пікірлер, сондай-ақ ұсынылған материалдар авторлардың жеке жауапкершілігінде болатынын ескертеміз.

*Құрметпен,
редакциялық алқа*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Международный конгресс археологии евразийских степей – V-й, тема которого звучит: **«Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда»** (11–14 октября 2022 года, г. Туркестан), ставший уже традиционным, имеет свою не такую долгую, но знаменательную историю.

Первый Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей, прошедший в Казани 7–11 декабря 2009 года в рамках научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», объединил археологов всего континента – Европы и Азии.

Целью этого нового формата общения археологов, специализирующихся на изучении культуры народов Степи, стало получение новой, актуальной, еще не опубликованной информации о предках тюркоязычных народов, широкий обмен знаниями. В числе учредителей форума – Казанский государственный университет, Национальный музей Венгрии, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан, ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет», Институт востоковедения РАН и Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. В нем участвовали специалисты из России, Болгарии, Венгрии, Казахстана, Кыргызстана, Китая, Турции, Узбекистана, Украины.

В 2022 г. в Конгрессе принимают участие ученые из различных регионов Казахстана и России, а также специалисты еще из 28 стран, значительно расширилась его география: Азербайджан, Армения, Австралия, Болгария, Венгрия, Великобритания, Германия, Израиль, Иран, Канада, Китай, Кыргызстан, Молдова, Монголия, Польша, Пакистан, США, Таджикистан, Туркмения, Турция, Узбекистан, Украина, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция, Южная Корея, Япония, охватившая страны и континенты нашей планеты.

Широкий спектр направлений работы Конгресса отражает глубину и масштаб проблем археологии Степной Евразии, решение которых требует встречи и живого общения специалистов. В представляемом пятитомнике собраны материалы, в которых сконцентрирована как актуальная информация по результатам полевых исследований, так и итоги теоретических разработок; представлены отдельные конкретные вопросы и широкие обобщения. Рассмотрены самые разные аспекты археологии эпохи палеометалла, ранних кочевников, городской культуры Средневековья, кочевых империй, искусства и мировоззрения, охраны памятников, истории археологических изысканий. Представленные доклады демонстрируют высокий уровень теоретических обобщений, анализ различных видов источников, привлечение письменных данных, использование новых методов естественных наук, современных способов документации в исследовании памятников археологии.

В основе разделения материалов конгресса лежит хронологический принцип. Первый том издания включает публикации, отражающие рассмотрение вопросов археологии палеометалла: культурно-исторические процессы на огромной территории евразийского пояса степей и южных земледельческих районов, сложение кочевой цивилизации, экономические и социальные аспекты развития культуры, факторы адаптации к природно-климатическим условиям, особенностям ландшафта.

Второй том образован материалами археологии скифо-сакского и гунно-сарматского времени. Анализ различных видов источников охватывает регионы Центральной Азии, Сибири и Алтая, Урала, Северного Причерноморья и Крыма, Китая. Эпоха, отличающаяся кардинальными сдвигами во всех областях жизни населения огромного региона, особенно в социальном плане, мобильностью населения, масштабными подвижками в Степи, отражена в соответствующих ярких публикациях тома.

Огромный период в истории человечества – Средние века – отражен в 3-м и 4-м томах издаваемых материалов. Обобщения по процессам исторического развития в Степи, многогранным аспектам функционирования городов, характеру власти в степных империях, особенностям взаимоотношений населения города, Степи и лесостепи, по облику яркой и многогранной культуры эпохи Золотой орды и тюрков, искусства – представлены в этих томах.

Диффузный характер 5-го тома сборника материалов V Международного конгресса археологии евразийских степей отражен в разноплановых статьях, затрагивающих вопросы истории археологических исследований, охраны памятников историко-культурного наследия, междисциплинарного, комплексного характера анализа полевых материалов, искусства и религии.

Конгресс археологии евразийских степей призван подвести некоторый итог развитию археологии Евразии, наметить перспективы и вектор дальнейших исследований на такой огромной и насыщенной памятниками историко-культурного наследия территории.

В настоящее время особую актуальность приобретает единство археологов в изучении объектов наследия, эффективная работа содружества ученых в разработке концепции культурно-исторического развития на территории евразийского пояса степей на протяжении нескольких тысячелетий, в охране и музеефикации памятников.

Мы надеемся, что проводимый в Казахстане Конгресс станет значимым этапом в ряду событий, способствующих развитию археологии Евразии.

Отметим, что выводы и мнения, изложенные в настоящем сборнике, а также предоставленный материал остаются на персональной ответственности авторов.

*С уважением,
редколлегия*

PREFACE

The 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes, the theme of which is: **“Eurasian Steppe civilization: human and the historical and cultural environment”** (October 11–14, 2022, Turkistan), which has already become traditional, has its own not so long, but significant history.

The first International Congress of Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes, held in Kazan on December 7–11, 2009 as part of the scientific and practical conference “Idel-Altai: the Origins of Eurasian civilization”, united archaeologists from all over the continent of Europe and Asia.

The purpose of this new format of communication between archaeologists specializing in the study of the culture of the peoples of the Steppe was to obtain new, relevant, not yet published information about the ancestors of the Turkic-speaking peoples, a broad exchange of knowledge. Among the founders of the forum are Kazan State University named after V.I. Ulyanov-Lenin, the National Museum of Hungary, the Institute of Archaeology of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, the Altai State University, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and the Institute of History named after Sh. Marjani AS RT. It was attended by specialists from Russia, Bulgaria, Hungary, Kazakhstan, Kyrgyzstan, China, Turkey, Uzbekistan, and Ukraine.

In 2022, the Congress is attended by scientists from various regions of Kazakhstan and Russia, as well as specialists from 28 other countries, its geography has significantly expanded: Azerbaijan, Armenia, Australia, Bulgaria, Hungary, Great Britain, Germany, Israel, Iran, Canada, China, Kyrgyzstan, Moldova, Mongolia, Poland, Pakistan, USA, Tajikistan, Turkmenistan, Turkey, Uzbekistan, Ukraine, France, Czech Republic, Switzerland, Sweden, South Korea, Japan, covering the countries and continents of our planet.

A wide range of areas of work of the Congress reflects the depth and scale of the problems of archaeology of Steppe Eurasia, the solution of which requires a meeting and live communication of specialists. The presented five-volume collection contains materials that concentrate both up-to-date information on the results of field research and the results of theoretical developments; individual specific issues and broad generalizations are presented. Various aspects of paleometal archaeology, early nomads, urban culture of the Middle Ages, nomadic empires, art and worldview, monument protection, history of archaeological research are considered. The presented reports demonstrate a high level of theoretical generalizations, the analysis of various types of sources, the involvement of written data, the use of new methods of natural sciences, modern methods of documentation in the study of archaeological monuments.

The division of congress materials is based on the chronological principle. The first volume of the publication includes publications reflecting the consideration of paleometal archaeology issues: cultural and historical processes in the vast territory of the Eurasian steppe belt and southern agricultural areas, the formation of nomadic civilization, economic and social aspects of cultural development, factors of adaptation to natural and climatic conditions, landscape features.

The second volume is formed by the materials of the archaeology of the Scythian-Saka and Hun-Sarmatian times. The analysis of various types of sources covers the regions of Central Asia, Siberia and

Altai, the Urals, the Northern Black Sea region and Crimea, China. The epoch, characterized by cardinal shifts in all areas of life of the population of a huge region, especially in social terms, population mobility, large-scale movements in the Steppe, is reflected in the relevant bright publications of the volume.

A huge period in the history of mankind – the Middle Ages – is reflected in the 3rd and 4th volumes of published materials. Generalizations on the processes of historical development in the Steppe, the multifaceted aspects of the functioning of cities, the nature of power in steppe empires, the peculiarities of the relationship between the population of the city, steppe and forest–steppe, the appearance of the bright and multifaceted culture of the Golden Horde and the Turks, art – are presented in these volumes.

The diffuse nature of the 5th volume of the collection of materials of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes is reflected in diverse articles dealing with the history of archaeological research, the protection of monuments of historical and cultural heritage, the interdisciplinary, complex nature of the analysis of field materials, art and religion.

The Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes is intended to sum up the development of archaeology of Eurasia, to outline the prospects and vector of further research in such a huge and rich in monuments of historical and cultural heritage of the territory.

At present, the unity of archaeologists in the study of heritage sites, the effective work of the community of scientists in developing the concept of cultural and historical development on the territory of the Eurasian steppe belt for several millennia, in the protection and museification of monuments is of particular relevance.

We hope that the Congress being held in Kazakhstan will become a significant stage in a series of events contributing to the development of archaeology of Eurasia.

It should be noted that the conclusions and opinions expressed in this collection, as well as the material provided, remain the personal responsibility of the authors.

*Sincerely,
the editorial board*

А. Г. Ситдиков

Айрат Габитович Ситдиков,
Институт археологии им. А.Х. Халикова,
г. Казань, Россия; sitdikov_a@mail.ru

Международный конгресс археологии Евразийских степей: этапы становления

Аннотация. В публикации представлено краткое описание содержания и итогов работы Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей с момента проведения Учредительного съезда в 2007 г. в Казани и до его проведения в пятый раз в г. Туркестан. Дается обзор места и роли Конгресса в развитии археологических исследований степной Евразии. Конгресс является значимым институтом, объединяющим в системе международного сотрудничества специалистов разных стран. Представлены этапы проведения конгресса и даны описания приоритетных задач, рассмотренных на каждом из форумов, прошедших в разных городах. Важным этапом в его проведении определяется Конгресс, организованный в 2022 г. в Туркестане (Республика Казахстан). Определяются перспективы и направления актуальные в изучении древних и средневековых номадов Евразии.

Ключевые слова: археология, история, Евразия, конгресс, кочевые империи, городская культура, междисциплинарные исследования

Айрат Ғабитұлы Ситдиков,
А.Х. Халиков атындағы Археология институты,
Қазан, Ресей

Еуразия даласының археологиясы Халықаралық конгресі: қалыптасу кезеңдері

Аннотация. Жарияланымда 2007 ж. Ұйымдастыру съезінің Қазанда өтуінен бастап бесінші рет Түркістан қаласында өткізілгенге дейінгі Еуразия даласындағы ортағасырлық археологияның Халықаралық конгресінің мазмұны мен жұмысының нәтижелері туралы қысқаша сипаттама берілген. Конгрестің Еуразия даласындағы археологиялық зерттеулерді дамытудағы орны мен рөліне шолу жасалады. Конгресс халықаралық ынтымақтастық жүйесінде әртүрлі елдердің мамандарын біріктіретін маңызды институт болып табылады. Конгрестің өткізілу кезеңдері ұсынылып және түрлі қалаларда өткізілетін форумдардың әрқайсысында қарастырылатын басым міндеттер сипатталған. Оны жүзеге асырудың маңызды кезеңі ретінде 2022 ж. Түркістанда (Қазақстан Республикасы) ұйымдастырылған Конгресс белгіленді. Еуразияның ежелгі және ортағасырлық көшпенділерін зерттеудегі өзекті перспективалар мен бағыттар айқындалды.

Түйін сөздер: археология, тарих, Еуразия, конгресс, көшпелі империялар, қала мәдениеті, пәнаралық зерттеулер

Airat Sitdikov,
A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology,
Kazan, Russia

International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes: stages of formation

Abstract. The publication provides a brief description of the content and results of the work of the International Congress of Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes from the moment of the Founding Congress in 2007

in Kazan to its holding for the fifth time in Turkistan. An overview of the place and role of the Congress in the development of archaeological research of steppe Eurasia is given. The Congress is a significant institution that unites specialists from different countries in the system of international cooperation. The stages of the congress are presented and descriptions of the priority tasks considered at each of the forums held in different cities are given. An important stage in its implementation is determined by the Congress organized in 2022 in Turkistan (Republic of Kazakhstan). The prospects and directions relevant in the study of ancient and medieval nomads of Eurasia are determined.

Keywords: archaeology, history, Eurasia, congress, nomadic empires, urban culture, interdisciplinary research

Проведение в Казахстане в городе Туркестан V Международного конгресса – важная веха в его становлении. Прошел 21 год с момента проведения его Учредительного съезда. Пройден большой путь. Важно оценить и понять значение реализованных его этапов и наметить задачи на будущее. Древняя и средневековая история степной Евразии - важная часть мировой истории. На протяжении многих тысячелетий номады вносили фундаментальный вклад в развитие цивилизаций Евразии. Их тесные и многообразные исторические связи с другими народами являлись важным фактором взаимного поступательного развития, обогащения их материальной и духовной культуры. Опыт истории убеждает, что наивысшие результаты достигались народами в условиях плодотворного взаимодействия. Об этом говорит и история народов.

Особенности географии степной Евразии делают его огромным естественным транзитером материальных ресурсов и культурных традиций. С эпохи палеометалла обширные пространства степи стали ключевым фактором в формировании различных культур, имевших влияние на развитие всего континента. Многоаспектные явления, протекавшие в степных просторах Евразии, оказали определяющее влияние на возникновение и развитие многих общностей и государств Европы и Азии. Составной частью этого процесса является зарождение и сложение тюркских, индоевропейских, угорских и других народов востока и запада.

Вовлеченность в процессы культурогенеза населения Евразии и сопредельных территорий обуславливает актуальность данной проблематики в изучении истории их материальной и духовной культуры. Без целенаправленного исследования и осмысления этих явлений невозможно понять сложение тесно связанных между собой истоками культур. Ключевым фактором в изучении истории происхождения и развития культур номадов, в получении новых знаний об их хозяйственной, культурно-духовной жизни, становлении государств на просторах огромного континента являются археологические исследования. В силу объективных обстоятельств значительные периоды истории региона не представлены или слабо отражены в письменных источниках, и только материалы, полученные в ходе раскопок, позволяют получать новые исторические источники.

Эффективное решение научных проблем возможно только на принципах междисциплинарности, межрегионального и международного сотрудничества. Они позволяют достигать прорывных результатов. Современный уровень организации науки требует координации усилий археологов как на этапе полевых исследований (обмен опытом по усовершенствованию методики раскопок), так и в процессе анализа и научной интерпретации добытых материалов. Исследования в археологии предполагают более активного привлечения данных гуманитарных и естественнонаучных дисциплин. Это в значительной мере повышает качество и диапазон получаемой информации с объектов культурного наследия.

Археологические исследования, проводимые на огромных пространствах степной зоны Евразии, отличаются особенностями как полевой, так и аналитической деятельности. Методическое своеобразие вызывает необходимость накопления, анализа и распространения коллективного опыта исследовательской работы. Сотрудничество обусловлено также изучением материалов в разных значительно удаленных друг от друга регионах. Широко известно, что значение степных

культур и обществ в истории Евразии в целом и России в особенности было велико. Многократное наложение разнокультурных ареалов и нередкая их чересполосица также требуют сосредоточения коллективных знаний. Другая причина, побуждающая к тесному профессиональному общению, - малочисленность специалистов, занятых в области степной археологии, как в самой России, так и за рубежом.

Разрешению перечисленных аспектов научного сотрудничества, оживлению и углублению археологического изучения средневековья степной зоны призван содействовать учрежденный в Казани в 2007 г. Международный Конгресс средневековой археологии Евразийских степей. Особая его роль сегодня заключена в развитии традиций международной археологии номадики.

С момента создания Международный конгресс археологии Евразийских степей проводится в пятый раз, и нынешний форум является продолжением выполнения задач, которые были определены в период его создания и были закреплены Учредительным съездом конгресса в 2007 г. в Казани. Уже многие годы Конгресс активно формирует взаимодействие со специалистами смежных археологических областей и иных научных дисциплин, публикуются материалы в тематических периодических изданиях в Казани. Создано периодическое издание «Археология Евразийских степей», ставшее официальным изданием Конгресса. Журнал на своих страницах публикует работы специалистов, занимающихся вопросами изучения археологии и истории степной Евразии в широком хронологическом диапазоне и проблемам степных культур в целом, что позволяет создавать пространство научного обмена званиями ученых разных стран. Выходит серия «Археология Евразийских степей», публикующая монографические исследования. На сегодня издано около 30 выпусков этой серии, в которой представлены работы авторов, затрагивающих широкий круг вопросов археологии Европы и Азии.

Тематика Конгресса создает благоприятные условия для объединения исследовательских центров внутри России. Она сопряжена с упрочением международных научных связей России с Болгарией, Венгрией, Казахстаном, Китаем, Кыргызстаном, Монголией, Турцией, Узбекистаном, Украиной, европейскими и американскими археологическими центрами, исследования которых посвящены археологии степных культур Евразии.

Основными направлениями работы Конгресса в названной области стало постижение особенностей:

- археологического источниковедения в целом;
- взаимовлияния разных археологических культур;
- сложения официальных культур средневековых государств;
- этнического определения древностей;
- процессов урбанизации и истории архитектуры;
- археологического изучения духовной культуры и мировых религий;
- памятников искусства, размещенных в естественном ландшафте;
- соотнесения археологических и нарративных источников;
- полевого и кабинетного изучения эпиграфических памятников;
- взаимодействия археологии и вспомогательных исторических дисциплин;
- взаимодействия археологии и естественнонаучных дисциплин;
- древняя и средневековая агрокультурная традиция степной Евразии;
- сохранения и использования археологического наследия.

Тематика Конгресса создала благоприятные условия для объединения исследовательских центров внутри России и других стран. Объединение усилий распространится на выработку в каждой из названных областей первостепенных исследовательских направлений. Организационное

единство расширяет взаимодействие с научными фондами и привлечение в науку средств негосударственных учреждений.

Историко-археологическое изучение Евразии сегодня привлекает внимание ученых разных стран, но вопрос консолидации научного сообщества, занимающегося историей Евразии, не имел организационного выражения. Археологи Казани в 2006 г. выступили инициатором создания научного форума и стали активным участником в рассмотрении вопросов в историко-археологическом изучении древностей Евразии и истории ее народов. Предложение о созыве Учредительного Международного конгресса археологии Евразийских степей в Казани поддержали Институт археологии Российской академии наук, Национальный центр археологических исследований Института истории АН РТ, Казанский государственный университет, Национальный музей Республики Татарстан.

Проблемы культурогенеза Евразии в широком гуманитарном плане являются объектом целенаправленных научных исследований специалистов Татарстана на протяжении нескольких десятков лет [Ситдинов и др. 2019]. Накоплен обширный фактический материал, имеются фундаментальные научные разработки по ключевым проблемам археологии Восточной Европы, Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, оформился высококвалифицированный коллектив с широкими научными связями.

Ученые Татарстана внесли большой вклад в развитие археологии кочевых народов и изучения их взаимодействия с другими культурами [Хузин и др. 2014; Национальный центр... 2007]. В Казани накоплен уникальный опыт в изучении разнообразных научных проблем Урало-Поволжья и Евразийской степи, опирающийся на междисциплинарность и широкое применение цифровых технологий. Широкая география археологических изысканий ученых республики на Алтае, в Сибири, Украине, Крыму, Болгарии, Казахстане, Кавказе, Урале, Нижнем и Среднем Поволжье расширяет научное сотрудничество со специалистами разных регионов России и зарубежья, что позволяет реализовывать новые совместные проекты. Созданы и активно действуют в Казани авторитетные координационные институциональные международные форумы: Конгресс средневековой археологии Евразийских степей, Болгарский форум, Форум «Идель-Алтай», объединяющие специалистов от Дуная до Дальнего Востока [Ситдинов 2011; Хузин и др. 2013]. Музейные фонды Республики являются уникальным депозитарием, содержащим исключительный материал по археологии не только памятников Татарстана, но и многих объектов Урало-Поволжья. Среди хранящихся артефактов выделяются антропологические фонды, дающие уникальный материал в развитии как традиционной физиологической антропологии, так и популяционной генетики, и микробиологии. Многогранная, эффективная, результативная научная и научно-организационная деятельность археологов республики выдвигает Республику Татарстан в число лидеров в изучении Евразийской степи и позволяет выступать во многих вопросах координатором международных исследований.

В Учредительном съезде 2007 г. в Казани приняло участие около 150 специалистов из восьми стран [Средневековая... 2007а; 2007б]. В центре внимания его участников стояли вопросы истории материальной культуры степной Евразии, хронологически охватывающие период с эпохи раннего железа и до развитого средневековья. Археологические раскопки последних десятилетий, проведенные на этих памятниках, привели к открытию ценностей, составляющих уникальный пласт историко-культурного наследия страны. Общеизвестна значительная роль степных народов и средневековых государственных образований в сложении современного этнокультурного многообразия Евразии.

I Международный конгресс средневековой археологии степной Евразии, по решению Учредительного съезда проходивший в Казани в 2009 г., начал своей работой реализацию инициативы археологов разных стран Евразии. На нем в ходе обсуждений было отмечено, что археологические

памятники, расположенные на огромных пространствах степной зоны континента, несмотря на очевидную специфику каждого из них, отличаются определенным культурно-историческим единством, сложившимся на сходных природно-ландшафтных условиях, что вызывает необходимость координации исследовательской работы научных учреждений и коллективов, занятых их изучением на разных территориях. Одной из ключевых тем, которая была представлена на конгрессе, стали вопросы взаимодействия кочевых и оседлых культур, проблемы урбанизации степной Евразии (рис. 1).

Местом проведения следующего конгресса был выбран г. Барнаул (Алтайский край, Россия) [История и культура... 2012; Ситдиков и др. 2013]. В 2012 г. на Алтае прошел II международный конгресс средневековой археологии степной Евразии, на котором приняло участие 93 участника из 12-ти стран (Беларусь, Болгария, Венгрия, Молдова, Монголия, Китай, Польша, Россия, Румыния, Украина, Франция, Япония) (рис. 2). В работе конгресса принял участие первый президент Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев. На заседаниях предметом обсуждений стали вопросы реализации проектов по изучению процессов, протекавших на территории от Великой Китайской стены на Востоке и до Дуная на Западе в эпоху средневековья, на территории, где тюркские, славянские и финно-угорские народы создали уникальную евразийскую цивилизацию. Ключевой темой Конгресса стали вопросы генезиса народов Алтая и их роль в развитии материальной культуры Евразии в эпоху средневековья. Прошедший на Алтае Конгресс способствовал поднятию престижа региональной науки и создал серьезные возможности для расширения контактов, которые будут способствовать привлечению финансовых ресурсов, увеличению туристического потока и выполнению новых научно-исследовательских проектов

Следующий III конгресс прошел в 2017 г. во Владивостоке (Приморский край, Россия), в работе которого приняло более 120 участников из 12-ти стран (Болгария, Венгрия, Германия, Казахстан, Канада, Китай, Монго-

Рис. 1. Материалы I Международного конгресса средневековой археологии степной Евразии

Участники II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей (5-8 сентября 2012 г., Барнаул)

Рис. 2. Материалы II Международного конгресса средневековой археологии степной Евразии

лия, Польша, Россия, США, Франция, Япония) [III Международный... 2017]. На пленарном заседании Конгресса была подчеркнута значимость изучения истории движения кочевников, а вместе с ними и идей, технологий, знаний, их влияние на политические и экономические изменения в мире (рис. 3). Встреча учёных, занятых исследованиями роли номадов в мировом историческом процессе, состоялась в рамках работы конгресса именно во Владивостоке. Особенно важно посмотреть на историю и опыт кочевников сегодня, роль и место трансконтинентальных связей Евразии, объединяемых многочисленными торговыми коммуникационными маршрутами: Шёлковым, Волго-Балтийским, Черноморско-Балтийскими другими историческими путями. Обсуждение научных вопросов на Конгрессе было сосредоточено на рассмотрении проблем изучения истории и археологии средневековых государств и империй Евразии, коммуникаций и связей между культурами и цивилизациями, массовых миграций и диффузии культурных и технологических импульсов, истории и археологии Евразии в эпоху средневековья.

Предшествующая нынешнему Конгрессу встреча ученых, объединенных идеей изучения древностей степной Евразии, прошла в 2019 г. в Улан-Удэ, на которой приняло участие более 230 участников из 20 стран (Россия, Австрия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Израиль, Индия, Испания, Казахстан, Канада, Китай, Кыргызстан, Монголия, Турция, Украина, Франция, Хорватия, Швейцария, Япония) [Ситдииков и др. 2020]. Его работа стала важным этапом, позволившем собрать отечественных и зарубежных исследователей разных специализаций в изучении проблем номадизма, оседлости и городской цивилизации на широком пространстве Евразийских степей в

Рис. 3. Материалы III Международного конгресса средневековой археологии степной Евразии

средневековом мире (рис. 4; 5). Конгресс подтвердил и упрочил свой изначальный статус важной международной и межрегиональной научной площадки, соединяющей специалистов в области средневековой археологии степной Евразии и способствующей обмену результатами их достижений, существенно расширив как хронологические рамки исследований, так и географию участников, определив новые ориентиры в исследованиях и сформировав основы для укрепления сотрудничества в изучении исторического наследия Евразии.

На каждом из этапов проведения Конгресса объектом обсуждения ставились вопросы, определявшие актуальные вопросы в изучении степной Евразии. Сформированные в ходе их проведения подходы оказывают влияние на развитие современных научных исследований в разных странах. Созданное в рамках его реализации пространство научного обсуждения дает возможность специалистам обмениваться новыми знаниями с коллегами, работающими в изучении проблем огромного степного пространства и сопредельных территорий.

Выбор места проведения конгресса в Туркестане (Казахстан) является закономерным развитием научных актуальных тем представленных в работе Конгресса и расширяющего географию его проведения, создавая новые возможности в изучении культур степных пространств евразийского континента. Ключевой темой в обсуждении в ходе его работы определены темы истоков и развития кочевых культур и их взаимодействия с другими культурами, а также вопросы генезиса городской культуры и его места в культуре степной цивилизации.

В основе реализации направлений работы Конгресса находятся вопросы изучения историко-культурного наследия народов Евразии. Они содержат в себе значительный инновационный компонент, а положения и параметры, рассматриваемые на его заседаниях, отвечают высоким тре-

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии, этнографии и филологии Сибирского отделения Российской академии наук
 Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
 Государственное научное учреждение «Академия наук Республики Татарстан»
 Российское отделение программы международного сотрудничества им. А. С. Пушкина
 Федеральное государственное научное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

**КОРМЫЕ ИМПЕРИИ ЕВРАЗИИ В СВЕТЕ
 АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**
 IV международный научный
 средневековой археологии евразийских степей,
 посвященный 100-летию
 российской академической археологии
 Книга 2
 Ответственные редакторы:
 канд. фил. н. и. ист. наук, член-корр. РАН И. И. Крайнов

Участники IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (16-21 сентября, 2019, г. Улан-Удэ)

Улан-Удэ
 Издательство ИИЭ СО РАН
 2019

Рис. 4. Материалы IV Международного конгресса средневековой археологии степной Евразии

бованиям, которые предъявляются сегодня к историко-археологическим исследованиям. Междисциплинарные подходы в изучении историко-культурного наследия, представленные в материалах конгресса, позволяют выработать целостную и объективную картину историко-культурного развития Евразийской степи и сопредельных территорий.

Изучение многих аспектов археологии Евразийских степей широко проводится и за рубежом. Все более возрастающий интерес у исследователей вызывает проблематика зарождения и развития степных империй и городских культур, формирование крупных урбанизированных сообществ, интегрированный в культуру кочевников. Степной коридор всегда был основной экономической, политической и культурной артерией континента, играл особую роль в развитии трансконтинентальных маршрутов. Сегодня эти исследования объединяют крупные научные центры России, Китая, Казахстана, Киргизии, Туркмении, Узбекистана и др. стран, формирующих общее политико-экономическое и культурно-духовное единство.

Междисциплинарное изучение исторических, торгово-экономических, культурно-духовных коммуникаций народов России и сопредельных государств в системе средневековых цивилизаций Степной Евразии и Великого Шелкового пути, проведение комплексных исследований выдающихся памятников материальной и нематериальной культуры народов Евразии, обладающих признаками всемирной универсальной ценности. Возможности современной археологии в реконструк-

Рис. 5. Материалы Международного конгресса средневековой археологии степной Евразии

ции исторических процессов значительно расширяются. Ярким примером этому в России является Болгарский историко-археологический комплекс, вошедший в 2014 г. в мировую сокровищницу объектов культурного наследия ЮНЕСКО.

Составной частью этого процесса стало и включение в работу форума молодых ученых, получивших возможность взаимодействия с ведущими специалистами и повышения уровня их исследований. Регулярными стали международные археологические школы, объединяющие молодых ученых разных стран. В числе таких проектов является и Международная археологическая школа в Болгаре, которая прошла уже девять раз и стала значимым объединяющим фактором сотням археологов разных стран [Ситдииков и др. 2014].

Достижения Высокой международной науки определяют научные разработки и экспертно-аналитические исследования в области изучения историко-культурного и археологического наследия Евразии. На заседаниях конгресса представлены глобально ориентированные исследовательские проекты. Этим определяется формирование системы взаимодействия российских и международных специалистов в реализации приоритетных направлений в изучении археологии степей Азии и Европы. Осуществляются совместные комплексные исследования специалистов различных стран, сформированные в ходе работы Конгресса, что определяет и будущие перспективы его проведения. Его работа является важным институциональным механизмом взаимодействия ученых разных стран и формирования международного пространства для их успешного сотрудничества и обмена новыми знаниями.

ЛИТЕРАТУРА

- III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» / Отв. ред.: Крадин Н.Н, Ситдииков А.Г. Владивосток: Дальнаука, 2017. 328 с.
- История и культура средневековых народов степной Евразии: м-лы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей (Барнаул, сентябрь 2012 г.) / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2012. 248 с.
- Национальный центр археологических исследований. Библиография трудов научных сотрудников (1987-2007 гг.) / Отв. ред. и сост. А.Г. Ситдииков, Ф.Ш. Хузин. Казань, 2007.
- Ситдииков А.Г.* II Международный Болгарский форум // Научный Татарстан. 2011. № 2. С. 112-113.
- Ситдииков А.Г. Красильников П.В.* IV Международный конгресс средневековой Археологии евразийских степей // РА. 2020. № 3. С. 204-205.
- Ситдииков А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М.* О работе Международной полевой археологической школы в Болгаре (18-31 августа 2014 г.) // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 294-304/
- Ситдииков А.Г., Измайлов И.Л.* Средневековая археология Евразийских степей в исследованиях казанских археологов // Кочевые империи Евразии в свете археологических и международных исследований. М-лы IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвящ. 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16-21 сентября 2019 г.). Кн. 2 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 171-175.
- Ситдииков А.Г., Тишкин А.А., Хузин Ф.Ш.* II Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей // РА. 2013. № 4. С. 181-183.
- Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. I. Казань: Институт истории АН РТ, 2007а. 252 с.
- Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. II. Казань: Институт истории АН РТ, 2007б. 180 с.
- Хузин Ф.Ш., Владимиров Г., Ситдииков А.Г.* IV Международный Болгарский форум «Истоки, историческое развитие и культурное наследие Болгарской цивилизации» (Варна, Болгария, 22–25 октября 2012 г.) // Поволжская археология. 2013. № 1. С. 232-237.
- Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г.* Казанская археологическая школа: итоги и перспективы развития // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 6-40.

3. Самашев

Зайнолла Самашев,
Институт археологии им. А.Х. Марғұлана,
г. Алматы, Казахстан; archaeology_kz@mail.ru

Производственные центры в макроэкономических структурах бронзового и раннего железного веков

Аннотация. В статье кратко обобщены результаты многолетних исследований памятников эпохи бронзы–раннего железа Восточного Казахстана. Ставится акцент на необходимости изучения производственных центров, сконцентрированных в регионе, которые, в совокупности с другими подобными объектами, возможно, составляли Западно-Алтайский горно-металлургический Центр и играли важную роль в совершенствовании технологии добычи сырья и обработки материалов, в укреплении межобщинных связей, а также в обменах и торговле конечными продуктами производства и в развитии макроэкономических связей в обширном пространстве. Подобный подход позволяет получить значительный объем информации о палеоэкономике. В качестве производственных центров рассматриваются объекты древнего горного дела – выработки, штольни, шахты, где происходила непосредственная добыча природного сырья из недр и первичное обогащение руды на специализированных площадках, т. е. производственная деятельность горняков и шахтеров.

Ключевые слова: археология, Восточный Казахстан, эпоха бронзы, ранний железный век, производственные центры

Зайнолла Самашев,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан

Қола және ерте темір дәуірлердегі макроэкономикалық құрылымдардағы өндірістік орталықтар

Аннотация. Мақалада Шығыс Қазақстанның қола-ерте темір дәуірі ескерткіштері туралы көп жылғы зерттеулердің нәтижелері қысқаша сипатталады. Өңірде шоғырланған өндірістік орталықтарды зерттеу қажеттігіне баса назар аударылып, басқа осындай объектілермен бірге Батыс Алтай тау-кен металлургия орталығын құруы мүмкін және шикізат өндіру мен материалдарды өңдеу технологиясын жетілдіруде, қауымаралық байланыстарды нығайтуда, сондай-ақ өндірістің түпкілікті өнімдерімен алмасу мен үлкен кеңістікте макроэкономикалық байланыстарды дамытуда маңызды рөл атқарды. Бұл тәсіл палеоэкономика туралы айтарлықтай ақпарат алуға мүмкіндік береді. Ежелгі тау-кен ісінің нысандары өндірістік орталықтар – жер қойнауынан табиғи шикізатты тікелей өндіру және мамандандырылған учаскелерде кенді бастапқы байыту, яғни кеншілер мен кеншілердің өндірістік қызметі орын алған қазбалар, шахталар ретінде қарастырылады.

Түйін сөздер: археология, Шығыс Қазақстан, қола дәуірі, ерте темір ғасыры, өндірістік орталықтар

Zainolla Samashev,
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

Production centers in the macroeconomic structures of the Bronze and early Iron Ages

Abstract. The article briefly describes the results of long-term studies of monuments of the Bronze Age – early Iron Age of East Kazakhstan. The emphasis is placed on the need to study the production centers concentrated in the region, which, together with other similar facilities, may have formed the West Altai Mining and Metallurgical Center and played an important role in improving the technology of extraction of raw materials and processing of materials, in strengthening inter-community ties, as well as in exchanges and trade of final products of production and in the development of macroeconomic relations on a vast territory. This approach allows us to obtain a significant amount of information about paleoeconomics. The objects of ancient mining are considered as production centers – workings, tunnels, mines, where there was direct extraction of natural raw materials from the subsoil and primary ore enrichment at specialized sites, i. e. the production activities of miners.

Keywords: archaeology, East Kazakhstan, Bronze Age, early Iron Age, production centers

Введение. Экономический аспект изучения истории обществ древнего населения Казахских степей до сих пор вызывает много вопросов из-за слабой разработанности самой проблемы в науке, поскольку археологические исследования были ориентированы на получение материалов преимущественно из тафокомплексов, которые, при всей многочисленности и яркости, как отмечал К.А. Акишев, «дают лишь косвенные свидетельства об уровне развития экономической основы общества и о формах хозяйства» [Акишев 2013: 11]. Поэтому разработку актуальных проблем палеоэкономики древних обществ необходимо осуществлять также на основе использования археологических материалов, происходящих из производственных центров (специализированных и многопрофильных) ранних эпох (прослеживаемых, как полагают, еще в ашеле [Матюхин 2006: 9]) и последующих периодов, как базового источника информации о системе хозяйственной деятельности населения на протяжении многих тысячелетий и показывающих разнообразие и динамику процесса их развития, в диахронии. Они, в отличие от погребальных сооружений, содержащих, в основном, престижные предметы (оружие, украшение, конское снаряжение и др., причем, часть из них может иметь импортное происхождение), имеют очевидные признаки производства на месте в виде остатков сырья, отходов производства, готовые изделия и заготовки, орудия труда, различные инструменты и множество подсобных помещений и приспособлений; мастерские, печи, жилища мастеров и ремесленников, хранилища для готовой продукции и т. д.

Производственные центры эпохи бронзы и раннего железа (горнорудные, медеплавильные, металлообрабатывающие, ремесленные, земледельческие и др.), как факторы экономического и социального (и технологического) развития общества, представляли собой сложноструктурированные комплексы, включавшие (производственные) площадки (открытого, больше – закрытого типа) в пределах стационарных поселений и размещавшиеся на них технологические объекты – мастерские, печи, очаги и другие категории средств труда; постройки для хранения запасов руды, сырья или готовой продукции (для внутреннего потребления, обмена или торговли).

К категории производственных центров относятся и объекты древнего горного дела – выработки, штольни, шахты, где происходила непосредственная добыча природного сырья из недр и первичное обогащение руды на специализированных площадках, т. е. производственная деятельность горняков и шахтеров.

Эти центры обеспечивали значительную часть рынков Евразии сырьем и высококачественной в технологическом отношении продукцией своего производства на протяжении многих веков.

К.Н. Линдафф прямо указывает, что «изначальное движение металлоносных культур в сторону Западного Китая зародилось в среде народов андроновского круга культур, прежде всего в Восточном Казахстане» [Линдафф 2005: 32].

Несколько центров производства меди, олова и золота в бронзовом и раннем железном веках располагались на территории современного Восточного Казахстана, т. е. в пределах Западного (Казахского) Алтая, откуда могли распространяться технологические идеи, сырье и сами продукты производства по разным направлениям.

Материальное производство (подробнее о дефиниции см.: [Кожин 2002: 15; Щапова 2011: 9, 10; и др.]) как основа развития обществ, как отмечал в свое время В.М. Массон, «распадается на две большие сферы – группу производств, связанных с получением и обработкой продуктов питания, и группу внепищевых производств. Охота, рыболовство, земледелие и скотоводство являются для древних эпох основными формами хозяйственных систем, входящих в производства первой группы» [Массон 1976: 19].

В бронзовом веке существовали адаптированные к природно-экологической нише системы экономических отношений (как межобщинного характера, так и с внешним миром) и соответствовавшие им социально-политические устройства; были созданы культурно-мировоззренческие ценности – религиозные культы, погребально-поминальная обрядность; художественные произведения, сложились общие представления о мироустройстве и т. д.

Экономическая система, сложившаяся на протяжении нескольких тысячелетий в ряде горно-степных ландшафтных зон Евразии приблизительно в конце II – начале I тыс. до н.э., постепенно трансформируется и переходит на новый уровень развития – в кочевое скотоводство.

«Переход» к раннему железному веку в разных природно-климатических зонах Казахских степей и в Евразийском степном поясе в целом проходил по-разному, как по протяженности во времени, так и по социально-экономическим, технологическим и другим характеристикам. Так, по результатам исследований на юге Зауралья, длительность переходного периода от бронзы к началу эпохи ранних кочевников составляет примерно 500–600 лет – XIV–IX вв. до н.э. [Епимахов и др. 2005: 100; Епимахов 2009: 56]. Именно в этот переходный период происходило, наряду с существованием прежних и зарождающихся элементов экономических взаимоотношений и способов производства, становление новых механизмов адаптации к природно-экологическим нишам степного пространства. Некоторые исследователи рассматривают это время как самостоятельную эпоху, с присущей ей формой хозяйственной деятельности, типов орудий труда, предметов вооружения и др. [Ермолаева 2012; Молодин и др. 2015: 5–12], даже предлагают этот переходный период назвать ферраэнеум или биметалликум [Бочкарев, Кашуба 2018: 55–76].

В качестве основной причины перехода к системе подвижного скотоводства в рассматриваемое время многие указывают на геодетерминистическую, т. е. на глобальные климатические изменения (возникновение аридных зон, чередовавшиеся циклы увлажнения и др.), которые способствовали зарождению в недрах различных культурно-хронологических горизонтов бронзового века нового хозяйственно-культурного типа, основанного на полукочевом и кочевом скотоводстве (подвижная форма скотоводства).

На фоне какой палеогеографической обстановки и палеоклиматических событий (или глобальных экологических катастроф [Воронцов 1999: 1–10]) происходил данный процесс в жизни населения изучаемого региона мы точно не знаем в силу отсутствия результатов системных исследований, поэтому приведем некоторые данные по соседним регионам [Дирксен, Кулькова и др. 2006: 198–200].

Так, по данным новейших исследований Южной Сибири и сопредельных территорий Центральной Азии, некоторые культуры позднего бронзового века, например карасукская, существовавшая в 1460–900 гг. до н.э., развивалась в условиях теплого и умеренно сухого климата, а около 850 г. до н.э. здесь происходит понижение температуры, увеличение влажности и, следовательно, возникают благоприятные возможности для увеличения пастбищных ландшафтов и развития кочевнических культур [Кулькова, Боковенко 2018: 154, 160].

О серьезных экологических кризисах в начале I тыс. до н.э., которые привели к миграциям, способствовавшим, в свою очередь, формированию сакского типа культур на обширной территории Центральной Азии, пишут и некоторые другие ученые [Тишкин 2006: 24; Таиров 2017: 51–60; Чугунов 2014: 680; и др.], однако отсутствие результатов системных исследований по палеоклимату нашего региона пока не позволяет всецело принять некоторые их положения. Это, в первую очередь, касается вопросов происхождения раннесакских культур на востоке казахских степей.

Некоторые ученые указывают на возможность синхронизации климатических колебаний и исторических процессов. Так, считают, что примерно 3000 лет назад на Алтае началось похолодание (сопровождавшееся наступлением ледников), которое длилось примерно до 1400 (1200) лет назад [Быков, Быкова 2006: 26]. Однако ясно, что объективные результаты могут быть получены при синхронизации близких по уровню информационных возможностей природных и общественных явлений.

Новые элементы культуры и хозяйственной жизни достаточно быстро распространились в пространстве степей и в предгорно-степных зонах, образуя своеобразный «культурный горизонт», но генетически были связаны с предшествующими подвижными культурами эпохи бронзы, где существовали уже пароконные боевые колесницы и квадриги, т. е. соответствующее снаряжение (дисковидные и иные типы псалиев, вожжи и др.) и устойчивые навыки управления конем. Новации в различных сферах жизнедеятельности населения были вызваны, естественно, не только существенными климатическими колебаниями и воздействием различных внешних факторов, но трансформации структуры позднебронзового века могут быть подготовлены (возможно, даже в большей степени) длительным процессом внутреннего, экономического и социально-политического (возможно и демографического) развития самих степных сообществ, хотя нельзя исключить роль внешних воздействий в результате миграции и военных походов, не говоря о влиянии палеоэкологической обстановки в конце II тыс. до н.э. и в 1-й пол. I тыс. до н.э.

Механизмы сложения новой экономической системы, особенно природа и сущность самого кочевого скотоводства, до сих пор вызывают множество вопросов. Проблемы кочевого скотоводства активно разрабатывались в прошлом в казахстанской исторической науке и многие из них актуальны по сей день [Толыбеков 2013; и др.] (историографию проблем кочевничества см.: [Крадин 2001: 369–398; Масанов 2011]).

Существует мнение об экстенсивности экономики кочевого скотоводства в целом, поскольку она непосредственно не связана с обработкой земли и «не предполагает целенаправленного воздействия на почву для воспроизводства и увеличения ее ценных качеств» [Бунятян 1984: 113, 114; 1985: 23–43].

При всей прогрессивности кочевого скотоводства, особенно при круглогодичном содержании скота на подножном корму в степных условиях [Потапов 1954: 73; Бунятян 1984: 113] и создании действенных механизмов адаптации к климатическим условиям среды обитания и т. д., оно, как представляется, не может составлять единственно возможную экономическую базу общества без сосуществования с другими направлениями хозяйственной деятельности.

Трудно представить, что экономическую основу сложных обществ степного пространства на протяжении всего I тыс. до н.э. составляло исключительно кочевое (и пастушеское) скотоводство.

Различные взгляды на экономику кочевого скотоводства подробно рассмотрены в свое время в монографии Н.А. Гаврилюк, посвященной анализу экономики скифского общества [Гаврилюк 1999].

Новации в социально-идеологической и религиозно-мировоззренческой сферах прослеживаются и в погребально-поминальной обрядности, которая считается наиболее консервативным явлением в системе жизнедеятельности человека и общества.

На начальном этапе перехода к раннему железному веку сохраняются, например, обычай помещения тела умершего в каменные ящики, скромные формы и параметры наземных конструкций и т. д., но затем, уже в IX–VIII вв. до н.э. (возможно, еще раньше), в степном пространстве возникают, наряду с обычными, грандиозные многокомпонентные пирамидальные погребальные сооружения, наподобие Бесшатыр, Байгетобе, Шиликты, Елеке сазы, Акжайлау и др., где происходили сложные многоступенчатые ритуально-обрядовые действия; появляются подбойные могилы; погребения элиты общества в чрезвычайно богато украшенных золотом и драгоценными камнями облачениях и с сопроводительным захоронением большого количества лошадей в роскошном снаряжении и убранстве, которые со всей очевидностью отражали глубокие социально-политические перемены в обществе и переход от низшей ступени вождества к власти единоличных лидеров, т. е. становление новой потестарно-политической системы.

Центры горнорудного производства. Динамику социально-экономических преобразований в степных сообществах можно рассматривать в контексте анализа данных из различных центров горнорудного производства, поселенческих комплексов бронзового и раннежелезного веков.

В Сарыарке и в Мугалжар сейчас известны месторождения, материалы из которых активно привлекаются в разработке вопросов палеоэкономики, горнорудного производства и т. д. [Маргулан 2001; Жауымбаев 2001; Ткачев 2010: 268–271; Кузнецова, Тепловодская 1994].

Из более чем 40 месторождений меди в Сарыарке, исследованных в 70–80-х гг. прошлого века С.У. Жауымбаевым, выделим в качестве одного из опорных памятников горнорудного производства медное месторождение Алтынтобе (Бухаржырауский р-н, Карагандинская обл., РК), относящееся к «Успенско-Спасскому рудному поясу», где исследованы 24 выработки открытого типа и одна шахта, которые датируются поздним бронзовым веком. Своеобразие этому памятнику придает то, что рядом с ним расположены синхронные ему могильник и поселение, что существенно повышает его информационный потенциал. Отсюда происходит керамический материал, кости животных и многочисленные орудия труда из оловянистой или оловянно-свинцовой бронзы и другие материалы. С.У. Жауымбаев выделяет алтынтобинскую группу меди и полагает, что отдельные образцы этой продукции могли распространяться вплоть до Восточной Европы [Жауымбаев 2001: 23].

В данной работе мы обращаемся, главным образом, к восточно-казахстанским горно-металлургическим комплексам бронзового и раннего железного веков, изучение которых началось еще в середине 30-х гг. прошлого века, продолжается и сейчас [Черников 1948; 1949; 1960; Stöllner, Samašev et al. 2013: 357–383]. Многие из открытых месторождений горного дела из Восточного Казахстана, которые, по нашему мнению, составляют единый Западноалтайский горно-металлургический центр (рис. 1), куда входят Рудноалтайский (Правобережье Иртыша) меднорудный и Калбинский олово-золоторудный (и редкоземельных металлов) и, возможно, Южноалтайский и Нарымский рудные пояса, также используются в различных историко-культурных реконструкциях (см. напр.: [Ситников 2006: 150–157]).

Из более чем 50-ти известных на сегодняшний день древних месторождений по добыче олова, меди и золота в Восточном Казахстане (рис. 1) масштабностью эксплуатации (несколько кв. км)

выделяется Мыншункыр, состоящий из множества групп выработок, карьеров, шахт, штолен, отвалов и впечатляющих по своим размерам производственных площадок для первичного обогащения руды. Здесь, начиная с бронзового века, кроме кассетерита добывали и золото, а в советское время – тантал и другие редкоземельные металлы. Одна из его выработок состояла из четырех

Рис. 1. Древние выработки Восточного Казахстана: 1 – выработка у Семипалатинской крепости; 2 – Орловское; 3 – Николаевское; 4 – Шемонаиха; 5 – Николаевский рудник; 6 – Уба (правый берег); 7 – Таловская; 8 – Убинское; 9 – Дельбегетей; 10 – Аскаралы-I; 11 – Аскаралы-II, III; 12 – Верхне-Березовская; 13 – Пролетарское (Бетегели-III); 14 – Бетегели-I; 15 – Бетегели-II; 16 – Белоусовский рудник; 17 – Уланка; 18 – Казаншункыр; 19 – Уланское-I; 20 – Мыншункыр; 21 – Былкылдак; 22 – Сентас; 23 – Сибинский пикет-I; 24 – Сибинский пикет-II; 25 – Саенко; 26 – Урунхай; 27 – Карагойын; 28 – Алтуайт; 29 – Кошанай; 30 – Шалшы; 31 – Аккезен; 32 – Жаманжизак; 33 – Калайы Тапкан; 34 – Баймырза; 35 – Кырык Шурык; 36 – Черновая; 37 – Асубулак; 38 – Риддер; 39 – Бухтарминский рудник; 40 – Буян-1; 41 – Буян-2; 42 – Зыряновский рудник; 43 – Снегиевский прииск; 44 – Чудское; 45 – Палатцы-I; 46 – Палатцы-II; 47 – Саясу; 48 – Ленинские; 49 – Чердоаяк; 50 – Жалтыр; 51 – Карасу; 52 – Каршыга; 53 – Сарыяк; 54 – Ахметкин (Дворянское). Карта составлена Е.В. Водясовым

забоев, глубина достигала 19 м. Отметим, что вертикальный забой (с остатками деревянных креплений) выработки на Уранхае достигал глубины до 28 м [Черников 1949: 11, 43; 1960: 13]. Детальное изучение характера залегания рудных тел, техники проходки, а также типов найденных в отвалах выработок бронзовых орудий указывает на сложность технологии добычи, обогащения руды и плавки металла и изготовления различных вещей на завершающей стадии всего цикла и одновременно позволяют раскрыть специфику производственных отношений в обществе древних скотоводов, горняков и металлургов [Черников 1960: 118–136]. Согласно данным С.С. Черникова, рядом с Мыншункыром прослеживались остатки поселения горняков, где были зафиксированы на глубине 1,0–1,5 м литейная форма, различные орудия труда из камня, кости и бронзовые предметы.

Некоторый интерес представляют выработки на олово у сопки Сарыаяк (Уланский р-н, ВКО, РК) (рис. 2), недалеко от Мыншункыра, которые по типу и расположению напоминают наиболее широко распространенный тип горных работ на Каргалы (Южное Приуралье) – выработок-«провалов», но отличающиеся от них более ровной, линейно упорядоченной планировкой и наличием обширной производственной площадки по отделению рудного тела от пустой породы [Черных, Лебедева и др. 2002: 27–30, рис. 2, б–8]. В контексте обозначенной темы заметим, что продукция этого гигантского меднорудного центра, расположенного почти в середине так называемой Евразийской металлургической провинции, как утверждает Е.Н. Черных, «уходила по торгово-обменным путям исключительно западного и юго-западного направлений» [Черных 1997: 27], тогда как Западно-

Рис. 2. Сарыаяк. Выработки и площадка для обогащения руды. Снимок 2022 г.

алтайский горно-металлургический центр мог обеспечивать, судя по анализу состава металлических изделий из Южной Сибири и других регионов, высококачественным оловом, в основном, северные и северо-восточные зоны. Хотя, забегаая вперед, скажем, что в ходе совместных с немецкими учеными работ на Аскаралинских выработках в Восточном Казахстане была высказана мысль о возможности импорта в познем бронзовом веке олова из Западноалтайского горно-металлургического центра вплоть до Месопотамии.

Высокогорный рудник с конкретным названием Калайы тапкан* (*что в переводе с каз. яз. означает «место, где найдено олово». Букв. «қалайы» – олово, «тапқан» – нашёл) расположен недалеко от бывшего Белогорского горно-обогатительного комбината. Здесь в 2005 г. казахско-германская экспедиция (рук. З. Самашев, Т. Штольнер) проводила топольемку (рис. 3) и небольшие разведочные раскопки в двух забоях.

Рис. 3. Калайы тапкан. Центральный участок рудника с отвалами. Снимок 2022 г.

Шахта 1 находится в нижней части склона, на высоте 50 м от уровня дна долины. Через узкий лаз можно было попасть в первую выработку размерами 5×4 м и высотой 2,5 м. В северо-восточной стенке выработки сохранилась кварцевая жила длиной 1,80 м и шириной до 0,60 м.

Как на стенках камеры, так и на своде забоя, отчетливо видны следы прокала, которые указывают на то, что проходка велась здесь с помощью термического воздействия. В северной стенке очистного забоя, в 0,7 м от кварцевой жилы, находился маленький лаз шириной 0,5 м, через который можно было попасть во вторую камеру забоя. Она была совсем узкая, шириной 1,5 м, и сужалась к северо-западу до ширины 0,3 м, высотой до 6 м. В северо-западной половине шахты был заложен шурф, чтобы проследить поверхность подошвы выработки и получить древесный уголь для датирования рудника.

Шахта 2 находится в 80 м выше шахты 1. Выработка имела характер штрека, ориентированного параллельно дайке в северо-западном направлении. На дне шахты был заложен раскоп площадью 2,5×1 м, где на глубине 0,7 м были найдены отбойник, три каменных молотка и древесный уголь. На стенах и сводах выработки заметны следы огневой проходки. Согласно радиоуглеродному датированию, оловосодержащая руда в шахте 2 добывалась во 2-й пол. II тыс. до н.э. (дата ЕТН 31183 с учетом калибровки (2 σ) укладывается в интервал ВС 1462–1210), т. е. в эпоху поздней бронзы.

Наконец, в районе горы Аскаралы на востоке Казахстана локализованы две мощные концентрации оловодобывающей индустрии, исследованные нами в 2003–2008 гг. совместно с учеными из Германского музея горного дела (г. Бохум) – Аскаралы I, где на площади 1870×360 м зафиксированы десятки древних выработок, орудий труда (молоты, кайла, молотки), керамика, кости животных, и Аскаралы II (рис. 4), где расположены три шахты (глубиной от 4 м до 9 м) со следами огневой проходки, датируемые по остаткам угля в заполнениях 1860–1310 ВС, а также синхронные им поселение и могильник шахтеров, которые дали, кроме традиционной керамической посуды, набор орудий труда горняков (рис. 5; б) и обломков тигля, кассетеритовой руды, костяных инструментов и др. [Stöllner, Samašev et al. 2010: 86–98; Stöllner, Samašev et al. 2011: 231–251; Штельнер, Самашев и др. 2009: 228–236].

Только в Аскаралы I были измерены 47 отдельных выработок. На основе анализа особенностей их плана можно выделить несколько типов выработок – овальные, воронковидные и удлинненно-вытянутые, искривленные и щелевидные и др.

Горные выработки Аскаралы II расположены на высоте около 84 м над низменностью долины (около 575 м над уровнем моря), в верхней трети южного склона гранитной гряды 5. Этот склон прорезается тремя водотоками. Выработки вытянуты цепочкой, состоящей из трех шахт (Западная 1, Восточная 1, 2), на протяжении 31,66 м в соответствии с простираем оловянного оруденения в сопровождающей гранитной породе.

Трехмерные обмеры шахт дают возможность рассчитать продуктивность такого рудника по добыче олова. Согласно этим расчетам, было всего разработано 190 м³ породы, что соответствует около 532 т гранита вместе с касситеритом. Однако мы не знаем какой мощности были залежи касситерита. Обнажение жилы в шахте Западная может косвенно говорить о содержании олова во всей шахте. Если мы при этом исходим из среднего содержания олова между 0,1 и 0,01% веса (5,3

Рис. 4. Аскаралы II. Шахта

Рис. 5. Аскаралы II. Деревянная рукоять каменного молотка. Без масштаба

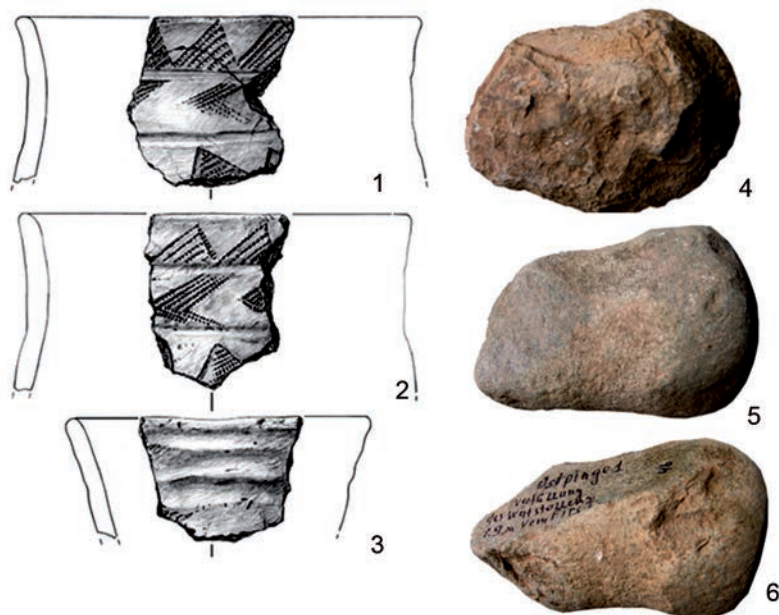

Рис. 6. Аскаралы II. Находки из заполнения шахты. Без масштаба

соответственно 53 т), то можем исходить из значительной цифры добычи олова. Даже при умеренных расчетах речь может идти фактически о нескольких тоннах олова.

Погребальные сооружения могильника Аскаралы II (Мастаубай), расположенные в 800 м от вышеотмеченного рудника, интересны тем, что в пределах их оградок и в самих каменных ящиках были найдены, в числе различных заупокойных вещей (орнаментированные горшки, бронзовые нашивки, браслет со спиралевидными завитками и др.), и каменные молотки, идентичные каменным орудиям, происходящим из заполнения шахт (рис. 7). Соответственно, они дали полное основание предполагать о принадлежности погребенных (как по обряду кремации, так и ингумации) людей к шахтерам, которые жили здесь в бронзовом веке и непосредственно добывали касситеритовую руду и участвовали в различных других производственных отношениях. Пока нет прямых свидетельств о металлургических печах и металлолитейном производстве на поселении Аскаралы II, но не исключено, что они могут появиться при расширении площади вскрытия.

Также отметим месторождение меди Бозшаколь

в Северо-Восточном Казахстане (рис. 8), где мы в 2005 г. проводили предварительные изыскания. По своему геолого-промышленному типу Бозшаколь относится к медно-порфировым месторождениям. Главная рудная залежь (всего на участке месторождения выделяется пять рудных залежей) имеет сложную форму. Ее размеры - около 3 км по простиранию при мощности до 300 м. Размеры остальных залежей намного скромнее. Выходы руд на поверхность приурочены в основном к западной части Центрального блока месторождения и к Восточному блоку. На западе и юге рудного поля они не встречаются. Зона окисления также наиболее широко развита в западной

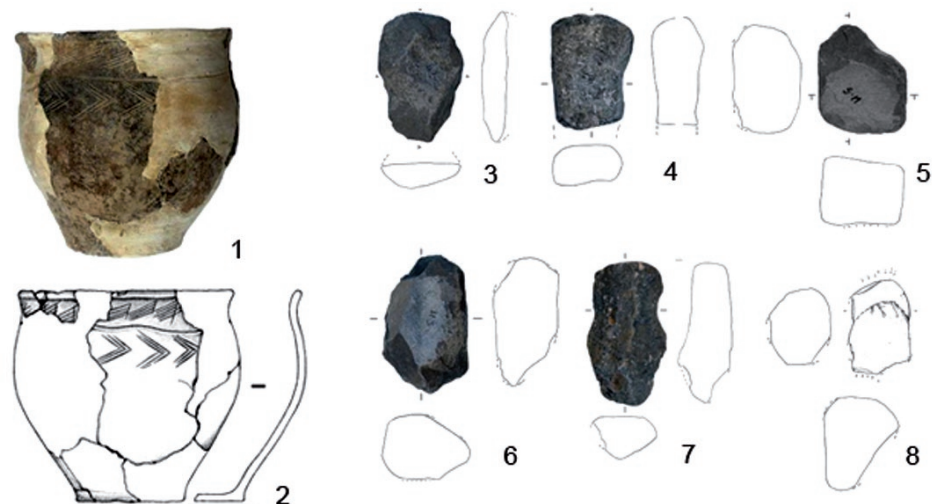

Рис. 7. Аскаралы II. Каменные орудия шахтеров
и обломки орнаментированных горшков из ящиков ограды. Без масштаба

Рис. 8. Бозшаколь. Участок месторождения меди

части Центрального блока. Ее морфология: линзообразная пластовая залежь, местами выходящая на поверхность. Окисленные руды представляют собой каолинизированные породы с примазками рудных минералов: малахита, азурита, хризоколлы, атакамита, брошантита, куприта, тенорита, самородной меди, халькозина, ковеллина и др. [Берденов, Самашев и др. 2004: 157].

На территории Центрального блока – наиболее богатой зоны месторождения – был заложен опытно-промышленный карьер площадью 400×100 м, уничтоживший самые крупные из древних выработок [см. также: Дубягина 2017]. Их очертания можно установить только по понижениям в рельефе и характеру растительности. Рудное поле Бозшаколя протянулось более чем на 10 км. Нами был обследован восточный фланг зоны Центральный, уцелевший после проведения промышленно-исследовательских работ. Там на поверхности по простиранию Главного рудного тела прослеживается цепочка древних карьеров, в ряде случаев длиной по 50–70 м и глубиной 2–3 м каждый.

Поселенческие комплексы, такие как Талдысай в Жезказган-Улытауском горно-металлургическом центре, Акбауыр, Бозшаколь, Новая Шульба, Трушниково на востоке страны и

мн. др., содержавшие культурные пласты различных периодов бронзового и раннего железного веков, базировавшихся на освоенных еще раньше мощных горнорудных местонахождениях (на медь, олово, золото и др.), становятся, начиная с эпохи палеометалла, центрами «производственно-технологических процессов, вокруг которых впоследствии возникали различные структуры (поселения, в т. ч. и протогородского типа) родо-племенных (т. е. протогосударственных) и более сложных сообществ и объединений. В свете вышесказанного некоторый интерес представляют материалы, полученные нами из шурфа на месте предполагаемого поселения Бозшаколь.

Здесь на поверхности и в шурфе было найдено значительное количество находок (рис. 9). Это многочисленные обломки керамической посуды, кости животных (корова, овца/коза), кусочков руды (малахит), бронзовый полуфабрикат, игла, оселок. Керамика орнаментирована валиками с оттисками пальца на переходе от венчика к шейке, характеризуется короткими воротничковыми венчи-

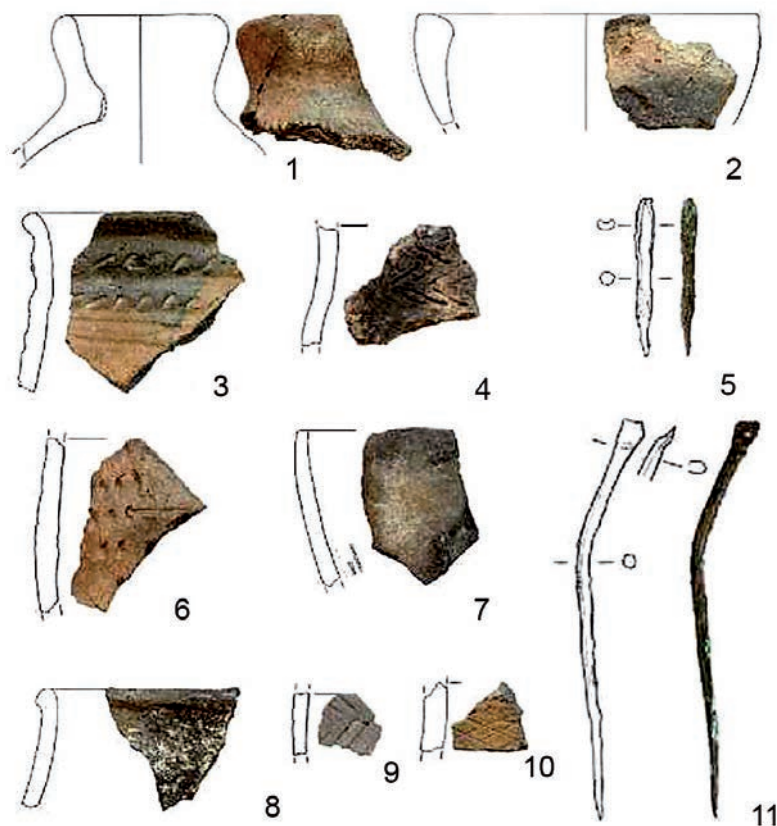

Рис. 9. Поселение Бозшаколь. Находки. Без масштаба

ками, зигзагами и др. Большое значение имеют два фрагмента тиглей с ошлакованностью изнутри из окисей меди. Они доказывают, также как и находки руды, значение первичного производства металлов и их обработки для поселения Бозшаколь.

Новая Шульба. Особый интерес для обозначенной нами темы имеют материалы поселения Новая Шульба, открытого Л.Н. Ермоленко в 1980-е гг. на окраине одноименного села [Ермоленко 1986; 1987], которые были введены в научный оборот в различные годы [Ермолаева, Ермоленко и др. 1998: 39–46; Ермолаева 2012; Ермолаева, Ермоленко 2016: 654–672]. На производственном участке обнаружены скопления золы и шлака. На раскопанном участке поселения было собрано свыше 115 кг пластинчатого и комкового шлака и свыше 4,5 кг медной руды и бронзовых слитков. Среди находок – сопло, много литейных форм, что свидетельствует о наличии на поселении полного цикла металлургического производства: от выплавки металла из руды до получения готовых металлических изделий. Отливаемые изделия – тесла, остря, ножи и др.

Поблизости от описанного поселения – юго-западнее с. Новая Шульба Ю.П. Алехиным и А.М. Илюшиным был выявлен комплекс поселений и стоянок эпохи бронзы, связанных с металлургическим производством [Алехин 2000: 140–144]. Считают, что некоторые фрагменты керамики с гребенчатым орнаментом, найденные здесь, имеют абсолютное сходство с керамикой поселения Кольванское I, которое находится всего в 110 км к ССВ от Новой Шульбы на территории Алтайского края РФ и датируется 2-й пол. III – началом II тыс. до н.э. В 2005–2006 гг. на остатках поселений Новая Шульба IX, X, разрушенных эрозией, казахско-германской экспедицией проводились поисковые работы с применением геомагнитной разведки и небольшие раскопки (рис. 10).

В ходе разведок на краю склона, на месте, выделявшемся насыщенностью древесным углем, был заложен раскоп площадью около 0,4×1 м. Была обнаружена яма, впущенная в супесь, заполненная продуктами горения, в первую очередь, древесным углем. Это был очаг, откуда был взят образец для датировки (рис. 11; 12). Уголь, взятый на пробу из очага, позволил датировать его началом III тыс. до н.э. (ETH 31185: 2σ-доверительный интервал: BC 2878–2618 [93%]; 2612–2581 [7%]).

Поселение Новая Шульба находится на окраине Вавилонского рудного района, и в радиусе 10–12 км от него расположены шесть месторождений меди, самое крупное из которых – медно-

Рис. 10. Новая Шульба IX. Керамика эпохи ранней бронзы.
Без масштаба

Рис. 11. Новая Шульба IX. Место кострища на краю надпойменной террасы р. Шульбинка

пирротинное месторождение Вавилонское. Одним из возможных источников олова вполне могли быть Аскаралинские рудники, которые находятся всего в 50 км к ЮЮВ от Новой Шульбы.

Поселение Аскаралы II (Мастаубай), изучение которого начато казахско-германской экспедицией, еще не завершено, но материалы, происходящие из него (каменные молотки, остатки касситеритовых руд, тиглей, фрагменты орнаментированных керамических

горшков и др.), явно свидетельствуют, в совокупности с данными вышеупомянутых погребальных памятников, расположенных в непосредственной близости, о жизни и производственной деятельности горняков позднего бронзового века (рис. 13; 14).

Материалы поселения Аскаралы II (Мастаубай) интересны во многих отношениях. Во-первых, они содержат тот же набор форм керамики (с теми же примесями, орнаментом, фактурой поверхностей), типов каменных молотков, что и оловянный рудник и могильник. Во-вторых, оловянная руда из Мастаубай 1 указывает на взаимосвязь рудника и поселения. Остатки тиглей говорят в пользу того, что касситерит на нем плавился в тиглях. Также спектр костей животных на поселении соответствует, по-видимому, остеологическим материалам из рудника.

Поселение Акбауыр. Наконец, укажем, что на восьми поселенческих комплексах Акбауыра (рис. 15–18) к

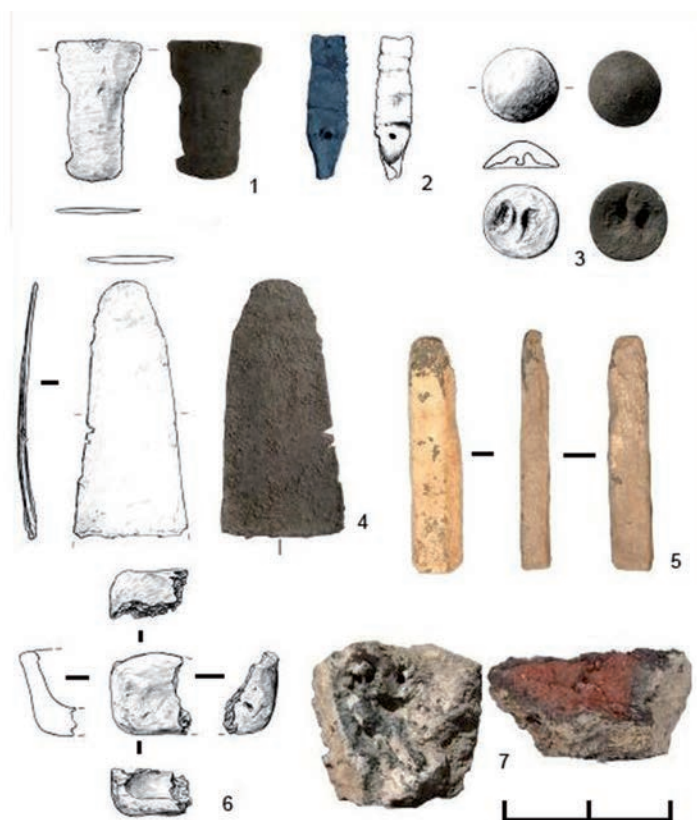

Рис. 12. Поселение Новая Шульба IX. Предметы для металлургического производства. 1–6 – без масштаба

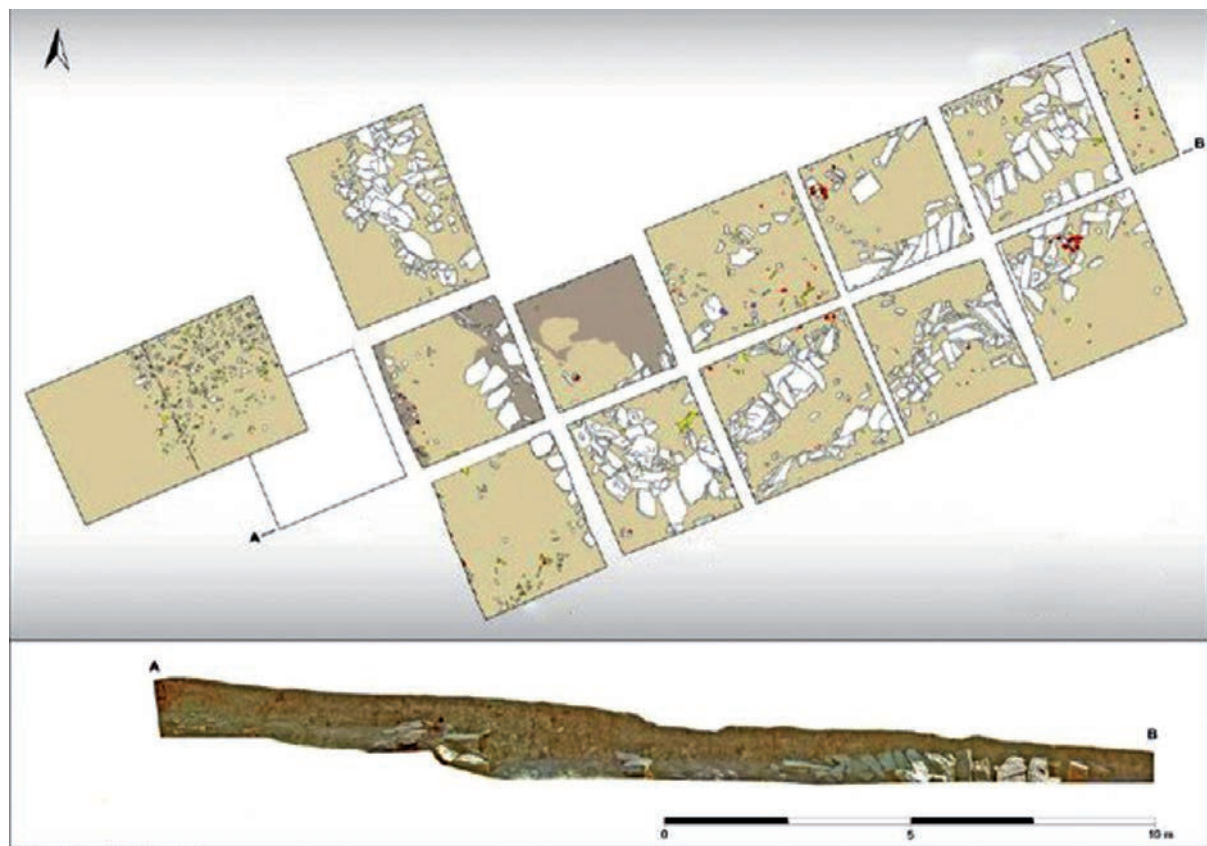

Рис. 13. Поселение Аскаралы II (Мастаубай). План и разрез

настоящему времени выявлено огромное количество материалов, свидетельствующих о функционировании здесь в самом начале раннего железного века мощного производственного центра [Самашев 2020: 103–118], который работал на местном сырье и обеспечивал своей продукцией потребности не только собственного социума, но и, возможно, имел более отдаленные торгово-экономические связи.

Заключение. В производственных центрах протекала непосредственная созидательная деятельность профессионально ориентированных членов общины,

Рис. 14. Поселение Аскаралы II (Мастаубай). Находки

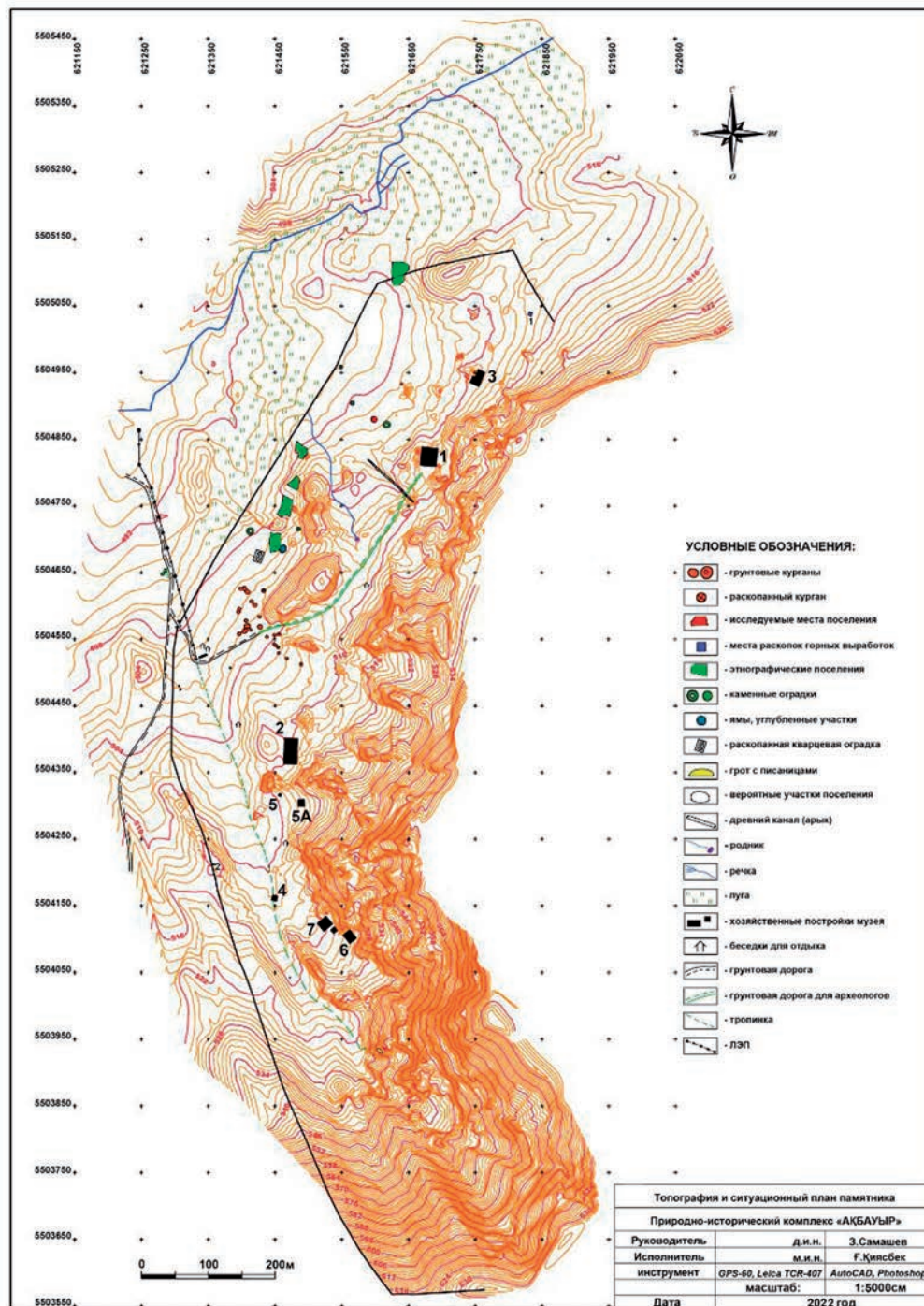

Рис. 15. Поселение Акбауыр. Топоплан

Рис. 16. Поселение Акбауыр-1

Рис. 17. Поселение
Акбауыр-1.
Зернотерка с курантом

Рис. 18. Поселение Акбауыр-1. Мотыга с костяной ручкой

которые вступали в различные отношения с другими представителями социума (и не только собственного) в процессе производства материальных благ.

Производственные центры раннесакского времени, как и в предшествующие периоды, возникали вблизи горно-рудных месторождений в благоприятных для жизнедеятельности природно-ландшафтных зонах; способствовали становлению новой экономической системы, основу которой составляли, наряду с ее доминантной – кочевым скотоводством (со всеми его проявлениями), горно-металлургическая отрасль,

земледелие, обработка материалов, ремесленное производство и др. Они, в свою очередь, привели к кардинальным изменениям в области социальных отношений в обществе: наряду с кастой воинов-всадников и скотоводов в социуме становится заметной позиция профессиональных групп горняков и металлургов, ремесленников, ювелиров, земледельцев и других производителей материальных благ.

В сфере религиозно-культурных воззрений в рассматриваемое время происходило становление новых ориентиров и переосмысление содержания некоторых прежних культов и появление новых, в частности, связанных с производственными циклами. Сам производственный участок или даже рудное сырье, по мнению исследователей, могут выступать как сакральные объекты с соответствующими ритуально-обрядовыми моментами [Грушин, Ковалев 2006: 168–171].

Дальнейшее расширение диапазона исследований на междисциплинарном уровне позволит получить здесь интересные данные по производственной деятельности, социально-экономической структуре раннекочевнического общества и его разнообразных связей в пространстве.

В рамках деятельности многопрофильных производственных центров осуществлялись воспроизводство поголовья домашнего скота, обработка продукции скотоводства, а также сельскохозяйственные работы, производство средств производства, ремесленное дело и другие как необходимые условия жизнеобеспечения социума, каждый из которых функционировал автономно, но, в целом, вписывался в единую макроэкономическую систему более обширных и взаимодействующих между собой этносоциокультурных сообществ рассматриваемого хронологического диапазона.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К.А. Древние и средневековые государства на территории Казахстана (этюды исследования). Алматы: ИА КН МОН РК, 2013. 192 с.
- Алехин Ю.П. Аварийные поселения эпохи бронзы в Новошуйбинском районе Семипалатинской области (РудныйАлтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Сб. науч. статей. Вып. XI. Барнаул: АлтГУ, 2000. С. 140-144.
- Берденов С., Самашев З., Штолльнер Т., Черны Я., Ермолаева А. Куц Г. Древнее горное дело и металлургия Восточного Казахстана (начало работ по казахско-германскому проекту) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана / Ред. М.Н. Сдыков. 2004. Вып. 3. С. 154-170.

- Бочкарев В.С., Кашуба М.Т. Между бронзой и железом // Принципы и методы датирования в археологии (неолит–средние века) / Отв. ред. Э. Кайзер, М.Т. Кашуба. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 55-76.
- Бунятян Е.П. К вопросу о материально-технической базе кочевых обществ // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ / Бунятян Е.П., Генинг В.Ф. (Ред.). Киев: Наукова думка, 1984. С. 109-124.
- Бунятян Е.П. О формах собственности у кочевников // Археология и методы исторических реконструкций. Сб. науч. трудов / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Киев: Наукова думка, 1985. С. 23-43.
- Быков Н.И., Быкова В.А. О синхронности исторических и климатических периодов на Алтае // Эколого-географические, археологические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и западной Монголии. Российско-монгольский сб. науч. трудов / Отв. ред. В.В. Невинский. Барнаул: АлтГУ, 2006. С. 24-35.
- Воронцов Н.Н. Экологические кризисы в истории человечества // Соросовский образовательный журнал. Биология. 1999. № 10. С. 1-10.
- Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н.э. Харьков: изд-во ПТФ, 1999. 420 с.
- Грушин С.П., Ковалев А.А. Исследование сакрального объекта, связанного с древним горнорудным делом на Алтае // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. М-лы тематич. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 18–21 декабря 2006 г.) / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 168-171.
- Дирксен В.Г., Кулькова М.А., В. Van Geel, Боковенко Н.А., Чугунов К.В., Семенцев А.А., Зайцева Г.И., G. Cook, J. vanderPlicht, M. Scott, Лебедева Л.М., Бузова Н.Д. Изменение климата и растительности Южной Сибири в голоцене и динамика археологических культур // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. М-лы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г.) / Отв. ред. академик А.П. Деревянко; академик В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 198-200.
- Дубягина Е. Памятник Бозшаколь древней горнодобывающей промышленности Казахстана // Вестник КазНПУ им. Абая. Сер. «Ист. и соц.-полит. науки». 2017. № 1 (52). С. 235-239.
- Епимахов А.В. Завершающие века эпохи бронзы Южного Зауралья: штрихи к портрету // Проблемы археологического изучения Южного Урала: сб. науч. статей / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: АБРИС, 2009. С. 56-66.
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Рэнфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92-102.
- Ермоленко Л.Н. Отчет о работах археологической экспедиции Семипалатинского пединститута им. Н.К. Крупской летом 1986 г. на пос. Новошувльбинское // Архив ИА КН МОН РК. Ф. 11, оп. 2, д. 3045, 53 л.
- Ермоленко Л.Н. Отчет о работах археологической экспедиции летом 1987 г. на поселении Новошувльбинское // Архив ИА КН МОН РК. Ф. 11, оп. 2, д. 2191, 52 л.
- Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). Алматы: ИА КН МОН РК, 2012. 238 с.
- Ермолаева А.С., Ермоленко Л.Н. Поселение эпохи ранних кочевников на Иртыше // Мир Большого Алтая. 2016. № 2 (4.1). С. 654-672.
- Ермолаева А.С., Ермоленко Л.Н., Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Поселение древних металлургов VIII–VII вв. до н.э. на Семипалатинском Правобережье Иртыша // Вопросы археологии Казахстана / Отв. ред. З. Самашев. Алматы; М.: Гылым, 1998. Вып. 2. С. 39-46.
- Жауымбаев С. Горное дело и металлургия бронзового века Сарыарки. Караганды: КарГУ, 2001. 165 с.
- Крадин Н.Н. Кочевничество в современных теориях исторического процесса // Время мира. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 369-398.
- Кожин П.М. Система представлений в археологии: хронология, этногенез, производство, структура общества // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). М-лы III Междунар. конф. (г. Тирасполь, 5–8 ноября 2002 г.). Тирасполь, 2002. С. 13-16.

- Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Ғылым, 1994. 207 с.
- Кулькова М.А., Боковенко Н.А. Абсолютная и относительная хронология памятников бронзового – раннего железного веков Южной Сибири по данным геохимических методов исследования // Принципы и методы датирования в археологии (неолит – средние века) / Отв. ред. Э. Кайзер, М.Т. Кашуба. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 141-170.
- Линдафф К.М. Как далеко на восток распространялась Евразийская металлургическая традиция? // РА. 2005. № 4. С. 25-35.
- Маргулан А.Х. Сарыарка. Горное дело и металлургия в эпоху бронзы. Джекказган – древний и средневековый металлургический центр (городище Милыкудук) / Сочинения: В 14 т. / Сост. Д.А. Маргулан, Д. Маргулан. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. Т. 2. 144 с. + вкл. 40 с.
- Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. Изд. 2-е, доп. Алматы: Print-S, 2011. 740 с.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976. 192 с.
- Матюхин А.Е. Мастерские и развитие материальной культуры в палеолите // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. М-лы тематич. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 18–21 декабря 2006 г.) / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 9-14.
- Молодин В.И., Кожин П.М., Комиссаров С.А. Особенности перехода к раннему железному веку на территории Северного Китая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 4: Востоковедение. С. 5-12.
- Потапов Л.П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // Вопросы истории. 1954. № 6. С. 73-89.
- Самашев З. Производственный центр ранних саков в Казахском Алтае // Археология Южной Сибири. К 75-летию со дня рождения В.В. Боброва. Вып. 28 / Отв. ред. О.С. Советова. Кемерово: Изд-во КРИПК и ПРО, 2020. С. 103-118.
- Ситников С.М. К вопросу о горном деле и металлургическом производстве саргаринско-алексеевского населения Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века: сб. науч. трудов / Отв. ред. С.П. Грушин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 150-158.
- Таиров А. Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н.э. / Материалы и исследования по культурному наследию. Т. VIII. Астана. 2017. 392 с.
- Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2006. 54 с.
- Толыбеков С.Е. Концепция основного экономического отношения кочевого общества казахов в XVII–XX веках. Алматы: ИЭ КН МОН РК, 2013. 256 с.
- Ткачев В.В. Горное дело и металлургия меди в Уральско-Мугоджарском регионе в позднем бронзовом веке // Известия Самарского научного Центра РАН. 2010. Т. 12, № 2. С. 268-271.
- Черников С.С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая (Тезисы канд. дисс.) // КСИИМК. 1948. Вып. 23. С. 96-100.
- Черников С.С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1949. 112 с.: ил.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л.: Наука, 1960. 272 с.
- Черных Е.Н. Каргалы. Забытый мир. М.: Нох, 1997. 177 с.
- Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Кузьминых С.В., Луньков В.Ю., Горожанин В.М., Горожанина Е.Н., Овчинников В.В., Пучков В.Н. Каргалы. Т. I: Геолого-географические характеристики: История открытия, эксплуатации и исследований: Археологические памятники. М.: Языки славянской культуры, 2002. 112 с.: ил.

- Чугунов К.В. Переход от эпохи бронзы к эпохе раннего железа на территории Саяно-Алтая (презентация концепции) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. Казань, 2014. С. 679-683.
- Штельнер Т., Самашев З., Черны Я., Гарнер Дж., Горелик А., Хауптман А. Добыча олова в Центральной Азии в эпоху бронзы: основные итоги работ по казахстанско-германскому проекту // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии. М-лы Междунар. науч. конф. «Маргулановские чтения–2008» (г. Караганда, 25–27 марта 2008 г.) / Отв. ред. В.В. Варфоломеев. Караганда: КарГУ, 2009. С. 228-238.
- Щапова Ю.Л. Материальное производство в археологическую эпоху. СПб.: Алетейя, 2011. 236 с.
- Stöllner Th., Samašev Z., Berdenov S., Cierny J., Garner J., Gorelik A., Kusch G.A. Bergmanngräber im bronzezeitlichen Zinnrevier von Askaraly, Ostkasachstan // Der Anschnitt 2010. № 3. S. 86-98.
- Stöllner Th., Samašev Z., Berdenov S., Cierny J., Doll M., Garner J., Gontscharov A., Gorelik A., Hauptmann A., Herd R., Kusch G.A., Merz V., Riese T., Sikorski B., Zickgraf B. Tin from Kazakhstan – Stepp Tin for the West // Ü. Yalçin (ed.). Anatolian Metal V. Der Anschnitt. Beiheft 24 (Bochum 2011). P. 231-251.
- Stöllner T., Samašev Z., Berdenov S., Cierny J., Doll M., Garner J., Gontscharov A., Gorelik A., Hauptmann A., Herd R., Kušč G., Merz V., Riese T., Sikorski B., Zickgraf B. Zinn und Kupfer aus dem Osten Kasachstans. Ergebnisse eines Deutsch-Kasachischen Proektes 2003–2008 // Unbekanntes Kasachstan. Archaologie im Herzen Asiens. Band I / Ed. T. Stöllner, Z. Samašev. Bochum, 2013. S. 357-383.

Р. Х. Сулейманов

Рустам Хамидович Сулейманов,
Национальный Университет Узбекистана,
Ташкент, Узбекистан; sr39@mail.ru

К вопросу о происхождении и роли кочевой цивилизации в Центральной Азии

Аннотация. С переходом к производящему хозяйству особую роль обретают конкуренция и борьба за ресурсы. У земледельцев вырабатывается система равномерного распределения земли и воды, особое значение обретает понятие справедливости. У кочевых же скотоводов этот принцип постоянно нарушался, соперничество переходило в войны. Скот был богатством, за охрану которого нужно было воевать, т. е. всегда надо было быть воином, готовым дать отпор налетчикам. Основной причиной частых войн и набегов кочевников была слабость и ненадежность их собственной экономической базы – рискованного кочевого скотоводства. Они всегда нуждались в продуктах оседлых хозяйств. Отсюда жизненная необходимость к обмену с земледельцами.

Ключевые слова: Центральная Азия, кочевники, воины, одомашнивание, земледелие

Рустам Хамидович Сулейманов,
Өзбекстан Ұлттық университеті,
Ташкент, Өзбекстан

Орталық Азиядағы көшпелілер өркениетінің пайда болуы мен рөлі туралы мәселе бойынша

Аннотация. Өндірісті экономикаға көшумен бәсекелестік пен ресурстар үшін күрес ерекше рөлге ие болады. Жер өңдеушілер жер мен суды біркелкі бөлу жүйесін дамытады, әділеттілік ұғымы ерекше мәнге ие болады. Ал көшпелі малшыларда бұл қағида үнемі бұзылып, бақталастық соғысқа апаратын. Мал байлық болды, оны қорғау үшін күресу керек болды, яғни басқыншыларға тойтарыс беруге әрқашан дайын жауынгер болу керек еді. Көшпелілердің соғыстары мен шапқыншылықтарының жиі болуының басты себебі – өздерінің экономикалық базасының – тәуекелге толы көшпелі мал шаруашылығының әлсіздігі мен сенімсіздігі болды. Оларға үнемі отырықшы шаруашылықтардың өнімдері қажет. Осыдан жер өңдеушілермен айырбастың өмірлік қажеттілігі туындады.

Түйін сөздер: Орталық Азия, көшпенділер, жауынгерлер, қолға үйрету, егіншілік

Rustam Suleimanov,
National University of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan

To the question of the origin and role of nomadic civilization in Central Asia

Abstract. With the transition to a productive economy, competition and the struggle for resources acquire a special role. Farmers develop a system of even distribution of land and water, the concept of justice acquires special significance. For nomadic pastoralists, this principle was constantly violated, rivalry turned into wars. Livestock was

wealth, for the protection of which it was necessary to fight, i. e. you always had to be a warrior, ready to repulse the raiders. The main reason for the frequent wars and raids of nomads was the weakness and insecurity of their own economic base – risky nomadic pastoralism. They always needed the products of settled farms. Hence there appeared the vital need for exchange with farmers.

Keywords: Central Asia, nomads, warriors, domestication, agriculture

Великий степной пояс средних широт Евразии простирается по бескрайним просторам континента от Восточной Европы до низовьев р. Хуанхэ на востоке. Он издревле служил транзитной зоной миграций животных. Первые гоминиды, охотники и собиратели, распространяются по этому пространству вслед за стадами быков, лошадей, мамонтов и др. При этом вырабатываются и годовичные циклы миграции животных по сезонам года в меридиональном направлении. Но эпохальные миграции животного мира происходят в широтном направлении.

Человек с переходом к земледелию и животноводству включается в эти естественные циклы миграции животных. Он подчиняет уже одомашненных животных целям своей экономической политики, нарушая естественные циклы миграции животных, обусловленные климатическим фактором. Первые домашние животные распространяются от Ближнего Востока и юга Европы до Северного Китая. Это были одомашненные бараны, козы и коровы. Затем в Китае появляется лошадь, одомашненная в Центральной Азии. Эти животные появляются в Китае вместе с одомашненной пшеницей и овсом в эпохе культуры Луншань в XXV в. до н.э.

В Средней Азии одомашненные животные появляются с VII тыс. до н.э. Они известны на Кельтеминарской стоянке Аякагитма в низовьях Зарафшана. Здесь отмечены кости домашней овцы и коровы. На этой же стоянке найдены кости самых ранних одомашненных двугорбых верблюдов в Бактриане. С конца IV – начала III тыс. до н.э. в связи с иссушением и опустыниванием Каракумов и Кызылкумов поздние представители кельтеминарской культуры мигрируют на север в более прохладные и влажные степи Казахстана, юга России, юга Сибири, где складывается несколько археологических культур скотоводческих племён энеолита. Среди них выделяются представители ямной и афанасьевской культур. Первые доходят от Урала до Центральной Европы, вторые – от Средней Азии до Монголии. Основным транспортным средством их передвижения были запряжённые в повозку волы или быки. Но ни бык, ни верблюд, ни онагр в эпохе энеолита не могли дать такой дальности передвижения, как конь. Лошадь – сильное, быстрое и очень чуткое животное – позволила человеку беспрепятственно преодолевать тысячи километров вдоль степного пояса.

Древние коневоды, изобретшие боевые колесницы и тактику боя на них, – основатели андроновской и срубных культур эпохи бронзы – в середине II тыс. до н.э. проникают в оседло-земледельческие районы Древнего Египта, Месопотамии, Ирана, Индии и Китая.

С начала I тыс. до н.э., благодаря распространению в степях верховой езды и технологии боя с коня длинными копьями и мечами в эпоху карасукской культуры, общество вступило в историю кочевого скотоводства. Как известно, первыми волнами их движения были киммерийцы и скифы.

В России, начиная с переводов китайских источников Иакинфа Бичурина и исследований Г.Е. Грумм-Гржимайло, в изучении скифских и других кочевых народов сделано очень много. Особо следует отметить труды С.В. Киселева, К.Ф. Смирнова, Л.Н. Гумилева, Э.А. Новгородовой и А.М. Хазанова. Книга последнего “Кочевники и внешний мир” даёт глобальный обзор и систематизацию истории кочевых сообществ не только Евразии, но и Африки. Но эпицентром сложения и процветания кочевнических народов и их государств были обширные засушливые просторы Центральной Азии. Изображение всадника на коне есть уже в археологической культуре Окса Средней Азии (Цивилизация Окса по Г.П. Франкфурту), это конец III – II тыс. до н.э. Но цельное общество

кочевнического хозяйственно-культурного типа сложилось далеко на Востоке в конце II – начале I тыс. до н.э.

Следует остановиться на географических особенностях Центральной Азии, находящейся в центре великого степного пояса Евразии.

В недавно опубликованной монографии С.М. Горшениной “Изобретение контента Средней/Центральной Азии: между наукой и геополитикой” автор подробно анализирует всю историографию географической терминологии понятий Центральная и Средняя Азия, Высокая Азия и Туранская низменность А. Гумбольта, Клапрота и Бичурина, триаду Центр – Переходная зона – периферия Рихтгофена, Осевую зону и Срединную землю Х.Дж. Маккиндера. Дается критика и анализ географических понятий и И.В. Мушкетова, Р. Фадеева, Н. Данилевского эпохи “Большой игры”. Особо рассмотрены понятия Туран, Туркестан, Тартария, Татария и Трансоксиана [Горшенина 2019].

Мы в нашей географии событий жизни Амира Темура придерживаемся традиционной географии “Шахнаме” о Туране как бассейне р. Сырдарьи и Иране как бассейне р. Амударьи и используем средневековое географическое понятие Хорасан как о землях к югу от Амударьи. Каждый из этих терминов имеет свою историю, но граница этих историко-культурных областей уже современных границ русской Средней Азии и европейской Центральной Азии, тянущейся как минимум от Каспия до Монголии включительно, также нами использованы. С.М. Горшенина отмечает, что географические представления о Центральной Азии у отдельных специалистов включают не только Афганистан и Северную Индию, но и Иран [Горшенина 2019: 100].

Тоже самое можно сказать и о динамике географического понятия “Шелковый путь”, которое геолог Ф.П.В. Рихтгофен ввел в науку, имея в виду торговлю шелком Китая. Со временем это понятие превратилось в “Великий шелковый путь”, объединявший все страны Евразии в широтном направлении от Японии до Европы. В принципе этот путь состоит из основных трасс миграции и торговли Центральной Азии, выходящих на своих хвостовых концах в Китай, Индию, Европу и Ближний Восток до Африки. Большая часть торговых путей идет по степям, которые тянутся от равнин Центральной Европы правобережья Дуная, вдоль средних широт на восток вплоть до бассейнов Хуанхэ и Амура. Эту степь средневековая Русь называет “Дикое поле”, в средневековых источниках Турана ее именуют “Бадбахт дала” – “Голодная степь” или “Бесплодное поле”. Освоение этих гигантских просторов происходило очень медленно. Сначала эти бескрайние равнины начинают осваивать пастушеские племена IV–III тыс. до н.э., которые жили и передвигались на перекрытых кошмой телегах. С конца II – начала I тыс. до н.э. их сменяют древние кочевники, освоившие верховую езду. В Средней Азии они по мере прорастания травы двигались от своих южных зимовий близ тугаев Амударьи и Сырдарьи к северу вплоть до Тюмени, и потом по мере похолодания климата возвращались назад, скармливая скоту оставшуюся траву. Это были годичные меридиональные перекочевки на длительные дистанции в пределах своих традиционных кочевий каждого этно-племенного или государственного образования. Скотоводы горных районов летом поднимались в горы, зимой же спускались в речные долины с разнообразной флорой.

В ином широтном векторе направления происходили длительные в пространстве и времени миграции племен и народов, начиная с эпохи энеолита вплоть до реформы П.А. Столыпина, который переселял безземельное крестьянство России в Сибирь и Среднюю Азию. В этом же направлении с запада на восток шли представители ранних цивилизаций эпохи медного и бронзового веков. Позже, в обратном направлении, с востока на запад, идут завоевательные походы кочевников, к которым их принуждали засухи, заморозки, перенаселенность или истребительные войны. По этим же направлениям развиваются межцивилизационные торговые трассы Великого шелкового пути, которые опять же контролируют кочевники. Это общая схема преобладающих

маршрутов пересечения степного пояса. Хотя в каждом конкретном случае трассы передвижения людей имели более сложный характер в зависимости от их целей и меняющихся экологических условий их маршрутов.

В Средней Азии этот степной пояс имеет широкое южное ответвление, через Кызылкум и Каракумы, степные и пустынные пространства уходят на юг вплоть до пустыни Тар в долине Инда, низовьях Гильменда и на запад через пустыни Дашти Лут и Дашти Кабир в Иране, далее минуя Загросский хребет, степи и пустыни продолжают в Месопотамии с выходом на Аравийский полуостров и далее в Северную Африку.

К югу, а местами и к северу от этого пояса, с IV тыс. до н.э. возникают оседлые центры притяжения урбанизированных цивилизаций, с которыми активно взаимодействуют степные скотоводы. В степь уходит продукция земледелия, ремесла и идеологические учения. В обратном направлении шли продукты скотоводства и военная экспансия с целью грабежа и получения дани. При этом особенностью степей является периодически происходящая частичная или полная смена населения. Племена и народы приходят и уходят из степей в силу частых изменений климата, засух или истребительных войн. При этом меняются расы, культуры и языки.

С переходом к производящему хозяйству особую роль обретают конкуренция и борьба за ресурсы. У земледельцев вырабатывается система равномерного распределения земли и воды, особое значение обретает понятие справедливости. У кочевых же скотоводов этот принцип постоянно нарушался, соперничество переходило в войны. Животные при дефиците травы быстрее передвигаются. Деление пастбищных территорий было условным. При внедрении стада на чужую территорию ее хозяин в наказание конфискует и угоняет чужой скот, это приводило к войне. Со временем войны обретают периодический, а временами регулярный характер. Война и добыча превращается в разновидность экономической деятельности, но мобильным и агрессивным кочевникам удобнее было грабить оседлые земледельческие страны, население которых экономически были привязаны к своим посевам и садам. Последние не успевали дать отпор неожиданно появившимся степным налетчикам, которые ограбив и разорив их, опять исчезали в степи.

История сложения и развития оседло-земледельческой цивилизации достаточно известна, хуже дело обстоит с изучением кочевнической цивилизации, оказавшей гигантское влияние на формирование всех цивилизаций Евразии и Северной Африки. Проблема выяснения происхождения кочевнического уклада жизни в Центральной Азии и этнокультурная атрибуция археологических культур ранних кочевников Центральной Азии еще далека от своего решения. Как отмечено, придомное скотоводство как способ производства в Средней Азии был известен по памятникам оседло-земледельческой джейтунской неолитической культуры с VII тыс. до н.э. [Брунэт и др. 2012]. В эпоху бронзы скотоводческие сообщества консолидируются на северных границах Китая. С XV в. до н.э. на гигантских степных просторах Монголии и Восточного Туркестана скотоводы начинают переходить к всадническому образу жизни. Следует отметить, что технология верховой езды, возможно, была известна со времен эпохи энеолита, когда лошадь уже была одомашнена (Ботайская археологическая культура Северного Казахстана).

В древней Монголии в эпоху позднего бронзового века на контакте скотоводов алтайской языковой группы и оседлого земледельческого населения Китая складываются мобильные и воинственные группы кавалеристов, противостоять которым оседлое население не было способно. На этой базе формируется наиболее ранняя кочевническая культура, ее представители впервые создали привилегированное сословие воинов – всадников эпохи древности и средневековья. Археологические остатки ее представлены поздними наследниками карасукской археологической культуры. В XII в. до н.э. они распространяются от Сианя до Енисея в Минусинской котловине, где они вытесняют и ассимилируют поздних андроновцев. Вслед за этим наступает эпоха скифов.

Последний анализ так называемого неизвестного письма на серебряной чаше из скифского кургана Иссык V в. до н.э. показал, что оно относится к раннетюркскому языку [Гасанов 2014: 215–230]. Махмуд Кашгари и ал-Бируни называли скифов “искит” и относили их к древнейшим тюркоязычным народам. В X в. до н.э. скифы достигли низовий Сырдарьи, где известны гробницы их вождей (могильник Северный Тагискен). Создатели карасукской культуры были европеоидами с небольшой примесью монголоидности за счет женщин.

С VIII в. до н.э. кочевники с территорий современной Монголии и Восточного Туркестана начинают внедряться вглубь великой китайской равнины. Археолог Го Мо Жо отмечает скифский облик их погребальных обрядов и вооружения и считает их скифами. После этих миграций в Китае начинается Эпоха Джань го – эпоха воюющих царств. Скифы создают в Китае свои мелкие царства и владения. С VIII–VII вв. до н.э. курганы скифов известны в Европе на западном берегу Дуная, более того, проф. Сорбонны Адиле Айда, занимавшаяся расшифровкой этрусской письменности, считает, что язык этрусков был пратюркским. Книга ее так и называется “Этрусклер (Турсакалер) туркилер идилер” “Этрусски (Турсаки) были тюрками” [Adile Ayda 1992]. Кочевников скифов, которые грабят земли Китая, древнейшие китайские иероглифические источники называют Ди на севере и Жун на западе Китая. А. Ходжаев убедительно показал, что за этими иероглифами кроются названия тюркских этнонимов [Ходжаев 2011: 25–72]. Китайское правительство на агрессию кочевников отвечало периодическими карательными походами, иногда сопровождавшимися геноцидом кочевников, и ассимиляцией тех, которые проживали на территориях, находившихся под контролем правительства Китая. Кроме того, они формируют воинские контингенты из кочевников, проживающих в Китае или на территории, граничащей с великой земледельческой равниной самого Китая, для отражения натиска кочевников. Истории гуннов, тюрков, монгол и манчжур, покорявших весь Китай, свидетельствуют, что немногочисленные кочевники на протяжении нескольких поколений полностью ассимилировались в плотном, однородном и многомиллионном населении страны.

Сам по себе образ жизни постоянного кочевания и охраны стада не простое дело. Такого человечество не знало с появления производящего хозяйства. В какой-то мере это возврат к охотничьему и собирательскому образу жизни, с тем отличием, что скот был богатством, за охрану которого нужно было воевать, т. е. всегда надо было быть воином, готовым дать отпор налетчикам. Кочевники были вечными воинами, и они злоупотребляли этим, издревле грабя или облагая земледельцев данью. Это начинает практиковаться с эпохи ранних скифов. И при своем движении на запад они переносят эту практику вплоть до Европы и Ближнего Востока. Геродот отмечает, что скифы говорили на семи языках, но главными среди них были царские скифы. Это были древнейшие тюркоязычные народы, лишь с эпохи Чингиза степи Восточной части Центральной Азии стали называться Монголией.

Суровый климат этих степей накладывает специфические особенности на образ жизни тюрко-монгольских этносов. Вот что пишет об этом Л.Н. Гумилев: “Наряду с этнической мозаичностью Великой степи в ней наблюдаются общие черты, свойственные всем евразийским кочевникам. Они прослеживаются, прежде всего, в хозяйстве и быте, основанном на бережном отношении к богатствам природы, что ограничивало прирост населения, ибо стимулировалась детская смертность и межплеменные войны.

Современному европейцу и то, и другое кажется дикой жестокостью, но в ней есть своя логика и строгая целесообразность. При присваивающем натуральном хозяйстве определенная территория может прокормить определенное количество людей, входящих в геобиоценоз как верхнее, завершающее звено. Чрезмерный прирост населения ведет к истощению природных ре-

сурсов, а попытки расселения – к жестоким войнам, так как свободных угодий нет. Переселение же в далекие страны с иными природными условиями тем более сложно потому, что скоту трудно, а то и невозможно там адаптироваться. Следовательно, остается только самоограничение прироста населения, а это легче всего делать с новорожденными.

Зимой ребенка бросали в снег, а затем кутали в тулуп. Если он оставался жив – вырастал богатырём; а если умирал – то через год появлялся новый сын. Когда он становился юношей – его посылали в набег на соседей. Если его убьют – ладно, новый вырастет, а если он привезет добычу – значит, он герой. Поэтому редкий мужчина доживал до старости и смена поколений шла быстро, а развитие производственных отношений – медленно.

Девочкам было труднее. Уход за ними в детстве был еще хуже, а потом кроме смерти их подстерегала неволя. Зато, став матерью, женщина царила в доме, а овдовев – становилась женой деверя, который должен был обеспечить ей почет и покой, даже если брак был фикцией” [Гумилев 1974: 13].

Как отмечал Л.Н. Гумилев, экологические условия Монголии были всегда более суровыми, чем в степях Дашт-и Кипчака и Восточной Европы. Поэтому кочевники при экологических кризисах или усилении агрессии Китая мигрировали на запад. Первой крупной волной в этом направлении был великий поход скифов, достигший Эллады, Аппенин и границ Египта. Известно, что скифы служили полицией в Афинах эпохи демократии. Как уже отмечалось, это были миграции ранних кочевников.

В обратном направлении, из Европы и Средиземноморья на Восток, шли древние миграции эпохи каменного и бронзового веков. Культурологически это были миграции более крупных исторических и этнокультурных градаций, несших на Восток не только новые этносы, но и новые технологии и идеологические учения.

Как отмечалось, в конце эпохи бронзы на Востоке Центральной Азии к северу от р. Хуанхэ в бескрайних степях Монголии и на плато Ордос происходит переход от локальных форм пастушеского скотоводства к кочевому скотоводству. Причиной тому был массовый переход от передвижения на телегах и колесницах к верховой езде. Это дало возможность перегонять большие стада домашних животных на сотни и даже тысячи километров. Такими животными были лошадь и овца. Они могли круглый год пастись в степи, так как были способны к тебеневке (тепиниш), разгребать снег ногами и поедать траву под ним. Для защиты своего скота и грабежа других скотоводов возникают военные объединения военных всадников, вооруженных длинными копьями и мечами для боя верхом на коне. Эти явления, как указано, впервые были отмечены для карасукской культуры Монголии с XII–XI вв. до н.э. Видимо, это были отдаленные предки тюркских народов. В XII в. до н.э. под натиском этих кочевников падает государство династии Шань-Ин, на их место приходит династия Чжоу – выходцы из северо-западных степей. Как отмечалось, с XII в. до н.э. представители карасукской культуры оккупируют Минусинскую долину, и далее в X в. до н.э. они распространяются по степям Казахстана, где они оставили царские погребения – Северный Тагискен, Дандыбай и Бегазы. Прежнее население андроновской культуры было ассимилировано ими. Экономика войны имеет пока эпизодический характер. Это указывает на сложение ранних форм государственности кочевнического способа производства.

Как отмечалось, западная часть Центральной Азии, древний Туран, средневековый Туркестан и Хорасан, состоявший из ряда отдельных оазисов, разделенных степями и горами, развивал свой тип цивилизации, где гармонически сочеталось орошаемое земледелие оазисов со скотоводческим комплексом, занимавшим свободные пространства между ними.

Восточная и Северная части Центральной Азии представляли собой безводные, каменистые мелкосопочки Казахстана и Монголии, а к юго-востоку вплоть до р. Хуанхэ шли степи, перехо-

дящие в большие пустыни Такламакан и Гоби. В них стекают мелкие речушки Восточных склонов Тянь-Шаня и северных склонов Каракорума и Тибета. На концевых, дельтовых частях этих речушек, имевших малый дебет воды, складываются уже с эпохи неолита и бронзы мелкие поселения, тянущиеся редким пунктиром с запада на восток на расстоянии до 3000 км. В своей книге “Великий шелковый путь” Валери Хансен убедительно показала, что при всех своих мизерных орошаемых площадях и гигантским пространствам, разделявшим их, они превратились всего лишь в мелкие городки – государства, или укрепленные поселения, которые всегда политически были зависимы от недолговечных крупных военно-политических государств родо-племенных союзов или конфедерации кочевников. Автор приводит расстояние от Самарканда до Чаньяня (Сианя) 3600 км. К северу от пустынь Такламакана и Гоби путь сначала идет вдоль судоходной реки Тарим, где были более крупные города. Далее на Восток путь опять шел через опасные пустынные пространства. Автор на основе письменных и археологических источников показывает, что во всем этом регионе преобладал мелкий локальный обмен местными продуктами и сырьем. Лишь со временем эпохи Тюркского каганата и халифата по этим трассам прошли большие караваны [Хансен 2014].

Вторая особенность этих гигантских пространств это крайняя этно-культурная и конфессиональная пестрота их. Но кочевники в границах своих гигантских политических объединений чувствовали себя как дома. Так, каганы тюрков Ашинов при расширении своей власти в Азии преследуют не признающих их власти вплоть до Центральной Европы. Беглых тюрков, вошедших в состав аварского каганата, европейские историки называют псевдоаварами. Каган пишет гневное письмо императору Византии, обвиняя последнего в том, что тот дал убежище его беглым конюхам. В моменты усиления власти Тюркского каганата ему подчинялось и срединная равнина Китая. Так, один из каганов сообщает в своей надписи, что он напоил своих коней водами Яшил окуза – Янцзы.

Таким образом, именно Восточная часть Великой степной полосы Евразии оказалась эпицентром миграции волн древних и средневековых кочевников. Историографически Центральная Азия большинством специалистов подразделяется на Западную и Восточную части, или используются понятия Большой Центральной Азии со Средней Азией как западной части Центральной Азии [Горшенина 2019].

Основной причиной частых войн и набегов кочевников была слабость и ненадежность их собственной экономической базы – рискованного кочевого скотоводства. Они всегда нуждались в продуктах оседлых хозяйств. Отсюда жизненная необходимость к обмену с земледельцами. Однако частые иммиграции неизбежно приводят к столкновениям и войнам. Самым весомым аргументом в споре оказалось оружие. Это рождает воинственность и милитаризм кочевнических-политических объединений. Это началось очень рано, известно, что величайшие из древних кочевников скифы и сарматы поклонялись Мечу как божеству воинов. Но длиться война бесконечно не могла, она прекращалась по мере истощения завоевательного потенциала кочевников и достижения определенных объемов дани с покоренных земель. Далее следует следующая стадия – развитие мирной государственности с неизбежным классовым расслоением и ассимиляцией оседающих кочевников.

Исследователь номадических культур Центральной Азии Томас Барфилд в своей книге “Опасная граница, кочевые империи и Китай” (2011/1757 г.) пишет, что государственность кочевников была обусловлена необходимостью создания эффективной эксплуатации номадами экономических ресурсов китайских государств. Т. Барфилд исследует это явление, начиная с Хуннского великодержавия, при Шаньюе Моде-Бахадуре [интернет 30 августа 2018 CAA Network].

Археологически гунской культуре предшествует скифская. О царях скифов VII в. до н.э. пишут ближневосточные источники. Геродот пишет не только о царях скифов, но также и о царских ски-

фах, которым были подчинены другие скифские народы. При этом он отмечает, что скифы говорили на 7 языках, то есть система создания полиэтничных кочевнических империй сложилась уже при древних скифах. Обсуждая идеологические воззрения древних скифов, Геродот сообщает, что скифского первочеловека звали Таргитай, на языке современного тюркоязычного населения Алтая это означает “кузнец”. Надо полагать, что эта легенда относится к истории царских скифов, которые были тюркоязычными.

Известно, что древнейшие гидронимы и оронимы Центральной Азии и Восточной Европы носят ираноязычный характер. Видимо, это реликты арийских диалектов катакомбной, андроновской и других культур эпохи бронзы и раннего железного века, которых покорили царские скифы. К этому же времени относятся сообщения “Авесты” о противоречиях мирных оседлых арья с кочующими турья. Скифы были основателями первых кочевых империй. Основной формой эксплуатации оседлых народов было получение регулярной дани и участие войска скифов при походах на земли других, часто отдаленных соседей. При этом, признание власти кочевников могло быть мирным, путем договоров. В случае сопротивления начиналась война с людскими потерями и мародерством. Эта форма взаимодействия кочевников с окружающим миром не менялась на протяжении тысячелетий. Дальнейшие подъемы кочевнической государственности позже происходят при гуннах и древних тюрках. Согласно Л.Н. Гумилева и А.М. Хазанова, максимального расцвета система государственности кочевников достигла в государстве Чингиз-хана [Хазанов 2002: 369–407].

В Центральной Азии и, как уже отмечалось, зоне чересполосного проживания оседлых и кочевых народов гарантией развития культуры была сильная власть правителя. Эта необходимость озвучена еще в “Авесте”. В средние века эту идею развивает Юсуф Баласагуни в своем труде (“Благословенное знание”). Амир Темур, родившийся и выросший в постчингизовском Мавераннахре – под властью Чагатаев, которые систематически обирали и грабили оседлых производителей богатств и благоденствия, с детства понимал значение сильной власти в защите справедливости. Кочующие налетчики Центральной Азии с конца II – начала I тыс. до н.э. были вечной проблемой, которая обнажилась уже при Заратуштре.

Завоевать можно было любую страну, но удержать можно было только освоенную и благоустроенную страну, где были налажены стабильное производство и социальная жизнь народа. Сама степь легко меняла хозяев и задержаться тут надолго не мог никто. Древние кочевники неоднократно проносились как ураган по средним широтам Евразии, оставляя только могильники предков. В случае экологического кризиса, когда кочевое скотоводство не оправдывало себя, они мигрировали и оседали на границах уже освоенных земель Китая, Индии, Турана, Ирана и Европы. В новой среде они постепенно создают свои оседлые общины и внедряются в этнические среды давно сложившихся оседлых цивилизаций. Длинные во времени и пространстве миграции эпохи ранних государств по мере демографического роста и усиления охраны государственных границ сменяются войнами с оккупацией уже заселенных и освоенных территорий.

Армии оседлых государств, пытаясь покорить земли самих кочевников, всегда терпели поражения. Выдающиеся основатели величайших в истории империи Ахеменидов дважды терпели поражения от кочевников. При этом Кир Великий погиб, по наиболее популярной версии Геродота от массагетов во главе с Томирис, а по второй версии Ктесия, от саков амюргиев во главе с Амормом и его супругой Спаретрой. Грандиозный поход же Дария на заморских скифов Восточной Европы кончился провалом – он не мог найти скифов и едва успел вернуться обратно. На этом эпизоде остановимся ниже.

На Дальнем Востоке большие карательные экспедиции империи Хань неоднократно терпели поражения в степях у гуннов. Наиболее крупным поражением было пленение основателя

династии Хань Гао-Цзу шаньюем Модэ (Бахадур), основателем кочевой гунской империи. Лишь подкуп любимой младшей жены его китайцами, которая уговорила шаньюя отпустить китайцев из окружения, спас армию Хань от уничтожения.

Великий поход римской армии Красса, вторгшегося на землю парфян, кончился катастрофическим поражением, римские легионеры были разбиты закованной в броню кавалерией Сурены.

Лишь Александру Македонскому удалось пройти через степи и пустыни Египта и Ближнего Востока до Согда. Проф. П. Бернард, выдающийся специалист по истории античной культуры, при обсуждении со мной причины победы Александра в Азии отмечал, что сама Македония, крайняя на севере страна греков, считалась варварской. Центральная часть ее представляла собой продолжение степей правобережья Дуная, по которой протекала река Пела. Когда-то в этих степях господствовали скифы. Филиппу II, отцу Александра, пришлось всю жизнь воевать с ними и удалось вытеснить скифов к северу на левый берег Дуная. Известно, что это случилось лишь после того, как 90-летний царь скифов Атей погиб, упав с коня. После чего скифы уступили правобережье Дуная Филиппу II.

Фаланги и кавалерия македонцев имела большой опыт войны с кочевниками. Да и власть государства Филиппа II и его сына Александра имела монархический характер. Оба они, как и ранние скифы и персы, пытались покорить себе остальные мелкие греческие полисы. Этого удалось добиться при Александре. Покорить греков в полной мере не удавалось ранее даже шаханшахам из Ахеменидов. У Александра была сильная кавалерия и пехота, знавшая тактику и стратегию скифских войн. Но в Средней Азии и Александр, получив сильные ранения, вынужден был отказаться от своих намерений покорить скифов за Сырдарьей. Он возвращается в Самарканд и начинает поход на юг в Индию. На севере за Танаисом (так Александр Македонский называл Сырдарью) господствовали сильные объединения кочевников массагет, саков и дахов, родственных савроматам и более поздние сарматам.

Как отмечено, Туран или Туркестан и Хорасан, как и Ближний Восток, имели отличающийся от Казахстана, Восточного Туркестана, Забайкалья и Монголии экологический и культурный ландшафт. Здесь не было бескрайних степей, тянувшихся вдоль средних широт на тысячи километров. Здесь земледельцы мелких оазисов и скотоводов обширных степей и полупустынь или горных хребтов изначально были обречены жить вместе в одной стране и совместно развивать свою культуру и государственные институты. В землях Турана и Хоросана экономический потенциал городов, оседлых земледельцев и кочевых скотоводов был пропорционален и равнозначен. Здесь не было тотального господства кочевнической культуры как на просторах Монголии и Казахстана. Не было и господства обширной и монолитной земледельческой культуры как в Древнем Китае или Египте.

Китай на севере граничил с самой большой в Евразии степной зоной Монголии и Восточного Туркестана. Здесь дихотомное противостояние и соперничество оседлой и кочевой цивилизации было жестоким и длилось с конца III тыс. до н.э. до средневековья. Соперничество было безжалостным, войны велись с большими людскими потерями и часто сопровождались случаями геноцида. Великая китайская стена не спасала. Но при усилении имперской власти в Китае организовывались жестокие карательные экспедиции против кочевников, которые бежали далеко на запад. И как отмечалось, эту жестокость войн Чингиз-хан распространил и на остальную часть Азии.

Л.Н. Гумилев приводит характерный пример эпохи троецарствия в Китае, когда соперничество гуннов приводит к взаимному истреблению населения в стране, количество которого упало с 50 млн. до 7,5 млн. на протяжении 40 лет войн 180–220 гг. [Гумилев 1974: 23]. И такое происходило не один раз. Часто это было связано с захватом Китая кочевниками, после чего их мелкие владения начинают борьбу за выживание или с целью объединения Китая.

Обычными рекрутами китайских армий, начиная с эпохи Хань, служили “молодые негодяи” – преступники или люди, не нашедшие себе места в обществе, но служа в армии, они часто захватывали власть в стране. Этот контингент дополняли предавшиеся Китаю группы кочевников. Для обеих категорий этих рекрутов главной целью был грабеж незащищенного населения. Таким образом, эпические масштабы истребления мирного населения были хорошо известны Чингизхану, который получил свое воспитание под сильным влиянием государства династии Чжурчженей – Цзинь.

Таким образом, начиная с древних скифов, кочевнические империи строились на энергии захватов и грабежей соседних земель с последующим налогообложением в пользу захватчиков. Дальше в эксплуатации ресурсов кочевнические империи не шли и не могли идти в силу своего кочевнического образа жизни, когда подданные ханов пасли свой скот в состоянии атомарной и дисперсной рассеянности на гигантских просторах средних широт Евразии без каких-либо средств связи кроме лошади.

Эпистолярное наследие казахских ханов XVIII–XIX вв., изученное Ириной Ерофеевой, очень хорошо иллюстрирует эту власть хана, почти не имевшую мобилизационного потенциала в мирном состоянии. Письма казахских ханов писались соседям с просьбой о протекции и поддержке против своих же соперников соседних казахских ханов, они обращаются к России, Бухарскому и Хивинскому ханам. В письмах императору России они просят в основном о военной поддержке, чаще просят прислать порох и свинец. При этом для ханов это не означало перехода в подданство России. Они мыслили в традициях степной кочевой государственности, имевшей военнопотестарный характер, основанный на генеалогических, родственных отношениях – Улуг-хан, Улуг-ага, Кичик-хан, биродар и другие эпитеты родоплеменных связей. Император России, как и узбекские ханы на юге, воспринимались авторами писем в качестве Старшего брата, к которому обращается Младший брат, главное – эти отношения не означали включение казахов в систему российской или другой юрисдикции. Эти акты мыслились в качестве разовых патронажных поддержек.

Точно таковыми были и акты поддержки Тохтамыша со стороны Амира Темура, который не планировал подчинение Золотой Орды, но надеялся на то, что Тохтамыш будет вести внешнюю политику, угодную Амиру Темуру. Но тот вел себя как раз наоборот, что также типично для представителей кочевников. Ведь он по крови был Чингизидом и выше самого Амира Темура, поэтому в отсутствие последнего грабил его земли, но это кончилось плачевно для Тохтамыша. Амир Темур пришлось идти излишним для него походом на Золотую Орду, чтобы уговорить этого неблагодарного просителя о помощи. У Амира Темура в отличие от кочевников, помимо кавалерии была и мощная пехота с артиллерией и стенобитными машинами, бравшими города.

Слабость власти и государственности самих кочевников состояла в их рассеянности и периодической сезонной смене места жительства. На это, согласно И. Ерофеевой, жаловался русскому царю хан Абулхайр, который пишет о том, что он не знает где и когда находятся его подданные в процессе кочеваний. Он их мог встретить только на зимовье. Но при сплочении и усилении власти кочевники всегда пытаются подчинить себе оседлые государства с целью регулярного получения дани в виде продуктов земледелия и ремесла. Это демонстрировали государства скифов, гуннов и тюрок.

Важное стимулирующее значение в рождении государственности кочевников играли периодические засухи Центральной Азии. В эти неблагоприятные критические для этноса сезоны в наиболее развитых и многочисленных родоплеменных объединениях к власти приходят наиболее дальновидные и харизматичные лидеры, которые находят выход из кризиса за счет покорения со-

седних племен и захвата их ресурсов. Нам известно пять основных миграций кочевников на запад: скифы, гунны, тюрки и монголы. В историческое время известны и имена инициаторов сложения кочевнических держав – ранних джахангиров. Моде китайских источников, которого Г. Бабаяров считает возможным сопоставить со средневековым “Бахадур”. Известны имена великодержавия Тюркского каганата, Темучжин – Чингизхан, создатель народа и государства монгол. Аналогичным образом безвестные, но выдающиеся лидеры скифов создавали и скифское великодержавие. Каждый раз это был выход из кризиса кочевнического общества, связанный с потерями и небывалым напряжением всех сил родоплеменных объединений. Поскольку мигрировать приходилось на уже освоенные соседями земли, это неизбежно сопровождалось войнами и развивало милитаризм государств ранних и средневековых кочевников. Изначально эти миграции были вызваны похолоданиями и засухами, или агрессией соседей. Далее, несмотря на то, что экологический кризис прошел, сложившиеся агрессивные государства по своей кинетической энергии продолжают расширяться и развиваться. Они оказываются более устойчивыми и сильными в военном отношении по сравнению с государствами соседних земледельцев. Так у кочевников экономика войны обретает особое значение.

При этом сокрушающие все на своем пути волны тюрко-монгольских кочевников, извергаемых с Востока, отнюдь не были сборищем варваров, отправлявшимися с целью грабежей далеко на запад. И скифы, и гунны, и тюрки, и монголы формировали свои культуры и государства в тесном взаимодействии с оседлыми государствами и цивилизациями. Армии кочевников, при сохранении родоплеменных отношений, имели жесткую военную дисциплину. Много было заимствовано из культуры и традиций государственности Китая. Даже если они не господствовали над Китаем, то пользовались его продукцией, испытывали влияние социальных отношений Китая. Очень часто кочевники служили в войсках Китая в войнах против самих кочевников. Сам Чингизхан в годы его неудач на родине в Монголии служил в войсках государства Чжурчжэней сотником, охраняя границы государства, и использовал их силы для уничтожения своих врагов в Монголии. Кочевники хорошо знали формы неравенства оседлых государств. Л.Н. Гумилев сообщает, что китайские рекруты, отправленные на охрану китайских торговых форпостов на Шелковом пути, по соседству с гуннами, часто перебежали на сторону гуннов, считая, что “у гуннов жизнь веселее”. Строительством городов гуннов и Каракорума, столицы Чингиз-хана, занимались китайцы.

Войска кочевников постоянно меняли свою дислокацию на карте. Быстро передвигаясь, они всегда имеют возможность использовать ситуацию в свою пользу, чего не могли себе позволить земледельцы, которые всегда привязаны к своим посевам и садам. В еще более уязвимом положении находились древние города. Они всегда были мишенью для малочисленных, но воинственных и сплоченных кочевников. Мобильность делала их неуловимыми.

Как отмечено, мобильность кавалерии кочевников, вооруженных для боя с коня была недоступна и армиям оседлых народов, поэтому кочевники, пользуясь своей неуловимостью, малыми силами были способны изводить и истощать превосходящие, но неповоротливые армии крупных урбанизированных империй. Это преимущество кочевнических армий было присуще им, начиная с древних скифов до конца средневековья, когда была изобретена винтовка с нарезным стволом, против которой кавалерия стрелков из лука оказалась бессильной.

Впервые о стратегии войны скифов сообщает Геродот в четвертой книге своей Истории, где описан поход Дария на скифов Северного Причерноморья в период между 516–512 гг. до н.э. Приведем сокращенное описание этого неудачного похода, кончившегося бегством Дария из страны в изложении М.А. Дандамаева: “Через Дунай был сооружен понтонный мост из судов, и, перейдя его, армия Дария начала продвигаться по южнорусским степям. Для охраны моста был оставлен

греческий контингент из ионийцев, сопровождавших до этого Дария. Эти греки по распоряжению Дария должны были охранять мост в течение 60 дней и, если к тому времени персидская армия не вернется, разрушить его и отправиться домой.

Скифы не отважились вступить в решающую битву с огромным войском противника и прибегли к своей излюбленной тактике выжженной земли. Они стали отступать, угоняя с собой скот, уничтожая траву и засыпая источники. При этом скифская конница постоянно нападала на отдельные отряды персидской пехоты и уничтожала их. Долгое преследование скифов в глубь их территории истощило армию Дария, и, пока он обдумывал выход из своего затруднительного положения, скифские вожди в ответ на его требование либо вступить в открытую битву, либо заявить о своей покорности, послали в персидский стан вестника. Последний, если верить Геродоту, передал Дарию птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Дарий считал, что таким образом скифы выражают свою покорность, но Гобрий, один из семи убийц мага Смердиса, дал совершенно противоположное истолкование загадке: если персы не улетят в небо, как птицы, не зароятся в землю, как мыши, их ждет гибель от стрел.

Не имея достаточных запасов продовольствия или возможности вступить в открытый бой со скифами, Дарий решил отступить. Бросив больных воинов и часть обоза и оставив свой стан с зажженными огнями, чтобы скрыть от скифов внезапное отступление, персы ночью, скрытно двинулись в обратный путь” [Дандамаев 1985: 109–110].

Война кочевников изначально формировалась на принципах поведения волчьей стаи – неожиданно атаковать организованную и превосходящую армию противника, нанести удар и разбежаться подальше от войска врага, который пытается преследовать. Затем опять собраться, атаковать и разбежаться. Фактически эту тактику продолжали и хуннские воины. Это продолжалось до тех пор, пока регулярная армия врага не была измотана и не начинала отступать. Далее оставалось только преследовать и добивать деморализованного врага. Эта стратегия и тактика войн хунну и гуннов достаточно проанализирована в ряде трудов Л.Н. Гумилева. Но войны кочевников между собой протекали более драматично и кончались жестокими победами, часто приводящими к исчезновению одной из противоборствующих сторон или бегством их в далекие чужие страны. Главное, война кочевников происходила в процессе их экономического цикла круглогодичного кочевания. Приведем описание монгольского похода, оставленного Чжао Хуном в переводе Е.И. Кычанова: “В поход, отправляются, взяв с собой жен и детей. Они сами говорят, что женщины нужны, чтобы заботиться о таких делах, как поклажка, платье, деньги и вещи. У них исключительно женщины натягивают и устанавливают войлочные палатки, принимают и разгружают верховых лошадей, повозки, вьюки и другие вещи. Они очень способны к верховой езде” [Кычанов 1993: 27].

Здесь на первое место выступает экономика войны. Во время многолетних походов Амира Тимура на Ближний Восток его воины тоже пасли свой скот и даже сеяли зерно. То есть, чагатаи Амира Тимура продолжали образ жизни и войны, начатые скифами. Х. Хукхэм, опираясь на Ибн Арабшаха, Шильцбергера и других свидетелей, так характеризует походы Амира Тимура в Иран и Ирак: “Орды Мавераннахра, монголо-тюркские по своему происхождению, называемые иногда татарами, иногда чагатаями – хотя отнюдь не Чингизидского клана – составляли главную силу Тимура, а сердцевину и руководящее ядро составляли представители его собственного рода Барласов.

В походах Тимур располагался непосредственно за авангардом, который составлялся иногда из нескольких туманов. Хромой Завоеватель был полностью предан жизни в седле, кроме случаев болезни, участвовавших к концу жизни, когда его перевозили в телеге, запряженной волами или же

на носилках. За ним шли отряды конных воинов и вслед за ними пехота. За пехотой более медленно шел обоз, куда входили члены королевского хозяйства, на конях или в телегах перевозилось их личное имущество. Здесь было так же казначейство – деньги, бриллианты, запас одежды, оружия и другой экипировки. Тяжелый багаж был огражден сильными туманами чагатаев как на марше, так и во время боя и, хотя временами он бывал объектом атаки, ни в одном из походов он не доставался врагу.

После обоза шли семьи кочевников с их стадами, телегами и кибитками. В перерывах между службой или сражениями кочевники-воины присоединялись к своим хозяйствам и продолжали свою семейную жизнь, как обычно.

Через пустынные местности или в жаркую погоду, орды зачастую путешествовали по ночам, разбивая лагерь и выгоняя скот на пастбища, которых достигали днем. Они брали воду из глубоких степных колодцев или водяных скважин в пустыне. Котлы нагревались на очагах, которые топились кизяком.

Когда Тимур призывал свой народ к войне, писал Клавихо, собирались все, включая жен и детей и выступали с ними, окруженные стадами. Овцы верблюды и лошади составляли основу пищи из молока и мяса, куда бы они ни направлялись. “Никто никогда не отделяется от своих жен и детей, или своих стад. Эти идут вместе с ними на войну, перемещаясь с одного места на другое. При этом женщины, которые имеют маленьких детей, везут их в маленьких колыбелях, а когда женщина едет на лошади, она кладет ребенка на переднюю луку седла. Арабшах помимо прочего дает оценку и военных качеств кочевых женщин. Имелись так же в его (Тимура) армии много женщин, которые вмешивались в рукопашные схватки в самых жестоких боях и боролись с мужчинами и сражались с храбрыми воинами и одолевали мощные орды в сражениях ударами пик, сабель и стрельбой стрелами: когда одна из них была тяжела и родовые схватки начались на марше, она свернула с дороги, сойдя со своего животного, родила ребенка и, завернув в пояс, скоро села на животное и, захватив ребенка с собой, последовала за своим отрядом, и были в армии люди, которые родились на марше и выросшие до зрелого возраста, которые женились и производили детей и все же никогда не имевшие жилища” [Хукхэм 1995: 61–62].

Но Амир Темуру и самому пришлось воевать с реликтовым пережитком скифского образа жизни. Это была восточная половина улуса Чагатая – Моголистан, где городская культура давно была уничтожена. Вот как характеризует эти бесплодные войны Лин фон Паль: “Это были выматывающие, бессмысленные, трудные походы, потому что противником были люди, которые не воевали по правилам. Они были номады и предпочитали честным битвам налеты и удары в спину. Это была своего рода средневековая партизанская тактика, так хорошо известная еще царю Дарию по древним скифам. Те тоже дразнили противника и быстро исчезали, не принимая боя. Темур, привыкший сражаться с врагом, который рвется в бой и потому совершает ошибки, оказался перед лицом противника, стремящегося увести войска в глухие и неудобные для сражений места, заставить их голодать и страдать от погодных условий. Преследуя номадов в первый раз, Темур дошел до горного озера Иссык-Куль. Войско было измучено, и пришлось заключить мир. Когда он вернулся на следующий год, земля снова бунтовала, и снова его пощипывали мелкие отряды мятежников. В Моголистан ему пришлось ходить пять раз, но сложно сказать, насколько он усмирил своих противников. Стоило войску уйти в Трансоксиану, они снова поднимали голову. Так что больше пяти лет Темуру пришлось заниматься бесплодным занятием, это было все равно, что усмирять ветер. Войны с Моголистаном, точнее карательные акции, проводились на протяжении всего правления Темура, их даже перестали нумеровать. В одном из таких походов он был едва не убит, в другом едва не было полностью уничтожено его войско, а еще один Моголистанский поход знаменит тем, что привиделся Темуру страшный сон, будто его сын Джохангир, первенец,

умер. И тогда Амир развернул войска, вернулся в Самарканд и узнал, что его сын мертв. Но в 1371–1372 гг. это еще было впереди. Моголистанские походы большой пользы не приносили, но уважение к Темуру росло” [Лин фон Паль 2008: 200–202].

Но при всем этом, в отличие от скифов, тюрков и монгол, Амир Темур вел войны за власть в своей стране, не выходя за пределы степей и гор Средней Азии и Ближнего Востока, имевших мусульманское население. Преследование Тохтамыша по Руси и Кавказу было вызвано необходимостью карательного похода на Золотую Орду. В Индийском походе тоже пришлось иметь дело с мусульманскими султанами.

Как отмечалось, в тактике Амира Темура особое значение имели дезинформация и ложные маневры, нацеленные на дезориентацию превосходящих сил противника, который не мог позволить себе держать армию все время в боевом строю. Затем, когда враг деморализован и утомлен, намечается и с безошибочной точностью наносится наиболее уязвимый удар по деморализованному врагу. Часто это сопровождалось различными приемами наведения паники, включая театральные эффекты, но кончалось все беспощадной рубкой рядов растерянного и потерявшего управление врага. Враг в панике бежит или сдается на милость победителя. Так он дошел до Балха. Эта стратегия представляла собой сплав военных традиций как кочевнической, так и оседлой культур Центральной Азии.

В заключение еще раз отметим, что особое значение в экономике войны имела роль талантливого умного и смелого лидера. Он обеспечивал тактику и стратегию победоносного и удачного грабежа, обогащающего участников налета. Так, Чингиз-хан и Амир Темур в начале своей карьеры могли содержать и награждать своих воинов только войной и полученной при этом добычей. Но вплоть до XX в. лидеры-сердары туркменских грабительских походов – аламанов предводительствовали только в организации и осуществлении походов. После дележа добычи они автоматически теряли свою роль и влияние. Но если поход был неудачен сердар не только терял авторитет, но при больших потерях его могли и убить.

ЛИТЕРАТУРА

- Брунет Ф., Хужаназаров М., Хашимов Х.* Новые данные к хронологии кельтеминарской культуры в Узбекистане (7-4 тыс. до н.э.) // ИМКУ. 2012. Вып. 38. С. 118-125.
- Гасанов З.* Чтение иссыкской надписи // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. М-лы междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева (г. Астана, 22–24 апреля, 2014 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2014. С. 215-230.
- Горшенина С.М.* Изобретение концепта Средней/Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Перевод с фр. М.Р. Майзульса. Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии; Университ Джорджа Вашингтона, 2019. VIII. 119 с.
- Гумилев Л.Н.* Хунны в Китае. М.: Наука, 1974. 236 с.
- Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеминидской державы. М.: Наука, 1985. 319 с.
- Кычанов Е.И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингиз хан: личность и эпоха. Бишкек: Кыргызстан, 1993. 287 с.
- Лин фон Паль.* Месть Тамерлана. М.; СПб.: АКТ; Астрель, 2008. 318 с.
- Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк Пресс, 2002, 603 с.
- Хансен Валери.* Великий шелковый путь. Портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай–Согдиана–Персия–Левант / Пер. с англ. С.А. Белоусого. М.: ЗАО Изд-во “Центрпалиграф”, 2014. 477 с.
- Ходжаев А.* Из истории древних тюрков (сведения древнекитайских источников). Алматы, 2011. 276 с.
- Хукхэм Х.* Властитель семи созвездий: Документально-историческая повесть. Пер. с англ. Г. Хидоятова. Ташкент: Адолат, 1995. 320 с.
- Adile Ayda.* Etruskler (Tursakalar). Turk idiler (ilmi deliller). Ankara, 1992. 391 s.

И. В. Мерц

Илья Викторович Мерц,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан; barnaulkz@mail.ru

Проблемы периодизации и хронологии раннего бронзового века Восточного Казахстана*

Аннотация. Работа посвящена проблеме разработки универсальной периодизационной схемы раннего бронзового века Казахстана. Общая протяженность периода в настоящее время определяется в пределах от рубежа IV–III – до рубежа III–II тыс. до н.э. На основании разработанной периодизации и хронологии памятников северо-восточных регионов страны предлагается подход, позволяющий на данном этапе состояния источниковой базы определить место археологических комплексов доандроновского времени на всей территории Казахстана и встроить их в систему древностей Евразийских степей. Это позволит устранить существующую диахронию между «восточноевропейской» и «сибирской» периодизационными схемами и рассматривать евразийские степи, от Карпатских гор до плато Ордос, как единое культурно-историческое пространство на котором все культурно-исторические процессы проходили относительно синхронно. Дальнейшие исследования позволят уточнить предложенную схему и со временем полностью устранить существующие вопросы хронологии и периодизации раннего бронзового века Казахстана.

Ключевые слова: ранний бронзовый век, Казахстан, хронология, периодизация, радиоуглеродное датирование

Илья Викторович Мерц,
Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы, Қазақстан

Шығыс Қазақстан ерте қола дәуірінің кезеңделуі мен хронология мәселелері

Аннотация. Жұмыс Қазақстанның ерте қола дәуірін кезеңдеудің әмбебап схемасын әзірлеу мәселесіне арналған. Қазіргі уақытта кезеңнің жалпы ұзақтығы б.д.д. IV–III мыңж. – III–II мыңж. шегінмен анықталады. Еліміздің солтүстік-шығыс өңірлері ескерткіштерінің әзірленген кезеңделуі мен хронологиясы негізінде, қазіргі таңдағы деректанулық база жағдайындағы кезеңде бүкіл Қазақстан аумағындағы андроновқа дейінгі археологиялық кешендердің орналасқан жерін анықтауға және оларды Еуразиялық даланың ежелгі жүйесіне ендіруге мүмкіндік беретін тәсіл ұсынылған. Бұл «шығыс Еуропалық» мен «сібірлік» кезеңдеу схемалары арасындағы диахронияны жоюға және Карпат тауларынан Ордос үстіртіне дейінгі Еуразиялық даланы барлық мәдени-тарихи процестер салыстырмалы түрде синхронды жүретін бірыңғай мәдени-тарихи кеңістік ретінде қарастыруға мүмкіндік береді. Бұдан кейінгі зерттеулер ұсынылған схеманы нақтылауға және Қазақстанның ерте қола дәуірінің хронологиясы мен кезеңделуінің қазіргі мәселелерін толық жоюға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: ерте қола дәуірі, Қазақстан, хронология, кезеңдеу, радиокөміртекті мерзімдеу

© 2022 Мерц И.В.

*Работа выполнена при финансовой поддержке бюджетной программы МОН РК «Грантовое финансирование научных исследований на 2020–2022 гг.», ИРН проекта AP08855976.

Ilya Merts,
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

Problems of periodization and chronology of the Early Bronze Age East Kazakhstan

Abstract. The work is devoted to the problem of the development of a universal remodeling scheme of the early Bronze Age of Kazakhstan. The total length of the period is currently determined in the range from the turn of the 4th–3rd– to the turn of the 3rd–2nd millennium BC. Based on the developed periodization and chronology of monuments of the north-eastern regions of the country, an approach is proposed that allows at this stage of the state of the source base to determine the location of archaeological complexes of pre-Andronovo time throughout Kazakhstan and embed them in the system of antiquities of the Eurasian steppes. This will eliminate the existing diachrony between the “Eastern European” and “Siberian” periodization schemes and consider the Eurasian steppes, from the Carpathian Mountains to the Ordos plateau, as a single cultural and historical space in which all cultural and historical processes took place relatively synchronously. Further research will clarify the proposed scheme and eventually completely eliminate the existing issues of chronology and periodization of the early Bronze Age of Kazakhstan.

Keywords: early Bronze Age, Kazakhstan, chronology, periodization, radiocarbon dating

Введение

Ранний бронзовый век - один из наименее изученных периодов в археологии Казахстана. Лучше всего в настоящее время археологические памятники этого времени исследованы в северо-восточных регионах, где выделены археологические культуры и отдельные типы памятников, керамики и металлических предметов. На основании системного анализа определено их соотношение между собой и с синхронными культурными образованиями на сопредельных территориях. Результаты радиоуглеродного датирования позволили установить и общую протяженность эпохи, которая достигает тысячи лет – от рубежа IV-III – до рубежа III-II тыс. до н.э. [Мерц, Святко 2016: 137]. Значительное удревление периода, по сравнению с традиционными представлениями о хронологии бронзового века, согласно распространённой к востоку от Урала «сибирской» периодизационной схемы поднимает проблему синхронизации археологических комплексов региона, а также их эпохальной принадлежности [Кирюшин и др. 2007: 84]. Особенно остро это проявляется в вопросах выделения комплексов энеолита и переходного времени от раннего к среднему бронзовому веку, особенно когда они рассматриваются на широком культурно-историческом фоне.

В связи с этим цель данной работы определяется как выработка универсального подхода, в рамках которого будет возможно рассматривать любые комплексы раннего бронзового века Казахстана. Основными задачами является определение критериев для отнесения археологических материалов к рассматриваемому периоду и выделение основных этапов. Поскольку лучше всего этот период изучен в Восточном Казахстане, то на материалах именно этого региона будет рассматриваться данная проблема. В дальнейшем, при накоплении нового археологического материала в других районах страны, будут вноситься соответствующие коррективы.

Историография

Долгое время бронзовый век Западной Сибири и Казахстана отождествлялся исключительно с андроновской проблематикой. Результатом такого подхода стало создание в 1950-е – 1-й пол. 1960-х гг. ряда локальных периодизаций бронзового века, в основу которых была положена приуральская схема развития андроновской культуры К.В. Сальникова. В ее рамках подразумевалась генетическая преемственность между культурами эпохи бронзы: федоровской, алакульской и за-

мараевской, а их происхождение напрямую выводилось из предшествующего неолита [Корочкова 2004: 202]. Несколько по-другому к вопросу периодизации и хронологии эпохи бронзы подошел С.С. Черников. В опубликованной в 1960 г. монографии «Восточный Казахстан в эпоху бронзы» исследователь также соотнес бронзовый век региона с андроновской культурой, существовавшей без значительных изменений свыше 1000 лет и прошедшей в своем развитии четыре этапа [Черников 1960: 94, 98, 104, 110]. Необходимо отметить, что С.С. Черников не разделял неолитические и энеолитические комплексы и, как следствие, выводил происхождение андроновской культуры напрямую из неолита.

Постепенно, во 2-й пол. 1960-х, в 1970-е гг., на основе нового материала ставится под сомнение возможность приложения приуральской схемы к другим районам. Обосновывается синхронность федоровских и алакульских памятников, андроновская культура рассматривается как культурно-историческая общность [Зданович 1988: 14, 15]. В Среднем Прииртышье В.Ф. Генингом и его коллегами выделяется эпоха ранней бронзы, представленная текстильными, логиновскими и кротовскими комплексами [Генинг и др. 1970: 18-32]. В.И. Молодин разрабатывает региональную периодизацию для Барабинской лесостепи, вводит термин «эпоха раннего металла», объединяющий памятники энеолита и раннего бронзового века: кипринские, ирбинские, самусьские и кротовские [Молодин 1977: 78-79].

В археологии Казахстана эти открытия получают отражение в вышедшей в 1977 г. «Истории Казахской ССР». В главе, посвященной эпохе бронзы Северного Казахстана, Г.Б. Зданович на основе материалов поселения Вишневка 1, первым среди казахстанских археологов, выделил отдельный доандроновский период [Акишев и др. 1977: 150]. Однако для остальной территории Казахстана, в силу отсутствия однозначных материалов, сохранился подход, согласно которому андроновская культура полностью соотносилась с эпохой бронзы. Ее генезис виделся в неолитических и энеолитических комплексах [Акишев и др. 1977: 102, 104, 106]. Согласно этой концепции, бронзовый век Восточного Казахстана был разделен А.Г. Максимовой на три периода: ранний, средний, поздний [Акишев и др. 1977: 162, 163].

В это же время проблематика раннего бронзового века активно разрабатывается в Западной Сибири. В.И. Матющенко бронзовый век разделял на ранний и поздний, при этом считал, что нет оснований выделять энеолит для Приобья [Матющенко 1973: 97, 108]. Систематизируя материалы региона, М.Ф. Косарев первоначально не выделял энеолит, а использовал термин «ранний металл», предложенный ранее Е.Н. Черных, под которым понимал первый период бронзового века. На этом этапе появлялись первые металлические предметы. Затем следовали развитый бронзовый век, эпоха поздней бронзы, переходное время от бронзового века к железному [Косарев 1974: 19, 20]¹. Позднее, в рамках докторской диссертации «Бронзовый век Западной Сибири» и вышедшей позднее одноименной монографии, он выделяет два периода при переходе от неолита к бронзе – энеолит и эпоха ранней бронзы. Началом энеолита предлагается считать появление первых изделий из меди, а началом эпохи ранней бронзы – первых предметов из бронзы и плоскодонной посуды [Косарев 1976: 14; 1981: рис. 1а]. В данных работах исследователь рассматривал западносибирские материалы на широком культурно-историческом фоне, привлекая материалы сопредельных регионов. Так, при сопоставлении самусьской керамики с казахстанской усть-буконьской и вишневской, он отметил их близость и датировал доандроновским временем. Было выдвинуто предположение, что в Восточном Казахстане еще будут открыты памятники подобного типа [Косарев 1981: 105].

¹ Данного подхода тогда придерживались Ю.Ф. Кирюшин, исследовавший памятники бронзового века Васюганья [Кирюшин, Малолетко 1979: 79, 172] и В.И. Молодин для памятников Барабы [Молодин 1977: 78]. Эта схема (ранний металл – развитая бронза – поздняя бронза) была принята исследователями Приобья. Как синоним понятия «ранний металл» стал использоваться термин «эпоха ранней бронзы» [Грушин 2007: 144].

Данный подход был принят Ю.Ф. Кирюшиным, который в рамках докторской диссертации и вышедшей значительно позже монографии выделяет для Верхнего и Среднего Приобья периоды энеолита, ранней и развитой бронзы. Критерием для отнесения археологических комплексов к энеолиту в Южной Сибири является появление первых металлических орудий и скотоводства, а в Северной Сибири – появление орудий из металла и увеличение удельного веса рыболовства. Исследователь считает, что поскольку был накоплен представительный археологический материал, показывающий использование населением переходного периода от неолита к бронзе металлических изделий, а в некоторых случаях и их получение, то нужно отказаться от термина «ранний металл», поскольку он объединяет, согласно периодизации Е.Н. Черных, две эпохи – энеолит (первый этап) и раннюю бронзу (второй этап и фазы – ранняя, средняя, поздняя)² [Кирюшин 1986; 2002: 13; Черных 1978: 56, 59, 82]. На основании материалов Лесостепного Алтая в 1986 г. Ю.Ф. Кирюшин выделяет елунинскую культуру эпохи ранней бронзы. Третий компонент, участвовавший в ее сложении, представленный гребенчато-ямочной керамикой, был связан с населением Восточного и, возможно, Северного Казахстана. Было выдвинуто предположение о том, что известные в елунинской среде сейминско-турбинские орудия имеют восточно-казахстанско-верхнеобское происхождение [Кирюшин 1986: 17, 18]. Позднее, в своей монографии, на основании сходства в погребальном обряде, каменном, бронзовом и керамическом инвентаре исследователь поставил вопрос о единокультурности населения раннего бронзового века Восточного Казахстана и предгорий Алтая [Кирюшин 2002: 84].

По ряду причин начатые в Северном Казахстане исследования комплексов доандроновской бронзы не получили дальнейшего развития и к 1990-м гг. полностью были свернуты, а на остальной территории Республики проблематика так и не получила развития. Тем не менее, успехи сибирских археологов оказали влияние на работы казахстанских исследователей. Так, во 2-й пол. 1990-х гг. Н.А. Ткачевой в диссертационной работе «Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья» предпринимается новая попытка создания периодизации бронзового века региона [Ткачева 1997]. На основании известных усть-буконьских материалов выделяется самостоятельная культура. В целом, было продублировано положение М.Ф. Косарева о сходстве усть-буконьской посуды с вишневецкой. По мнению Н.А. Ткачевой, усть-буконьская керамика также близка к посуде культур степной и лесостепной зон Казахстана и Западной Сибири: одинавской, крохалевской, елунинской. Именно на ее основе затем складывается канайская и трушниковская культуры [Ткачева 1997: 12, 16]. В 2008 г. эти положения вошли в совместную с А.А. Ткачевым монографию «Бронзовый век Верхнего Прииртышья», где в усть-буконьскую культуру были включены материалы эпохи ранней бронзы с разветвленных стоянок Нурбай 2, 3 и Чемар 1. Было выдвинуто положение, что памятники типа Чемар лежат в основе формирования древностей усть-буконьского облика, и что они очерчивают северную границу распространения раннеандроновских памятников, совпадающую с границей мелкосопочника. А севернее, в степной зоне Павлодарского Прииртышья, находятся комплексы, сходные с кротово-елунинскими древностями, носители которых были позднее вытеснены раннеандроновским (канайским) населением [Ткачева, Ткачев 2008: 246]. По мнению исследователей, усть-буконьские материалы проявляют наибольшее сходство с вишневецкими, а не с елунинскими. На основании этого было подвергнуто критике положение Ю.Ф. Кирюшина о единокультурности доандроновских комплексов Восточного Казахстана и Алтая [Ткачева, Ткачев 2008: 286].

² «Этапы характеризуют скачкообразные качественные изменения в ведущих типах медного и бронзового инвентаря, технологии металлообработки, употребление видов медных сплавов, распространение металла и металлургии по новым территориям, а также распад и образование металлургических провинций» [Черных 1978: 56].

В отличие от предшественников, Н.А. и А.А. Ткачевы выделили в эпохе бронзы региона отдельный ранний период, представленный самостоятельной усть-буконьской культурой, на основании которой формируется затем андроновская культура. Особое внимание было уделено вопросам соотношения раннеандроновских комплексов региона с елунинскими и кротовскими, большая роль отводилась миграциям. Однако без изменения остались основные тезисы, выдвинутые С.С. Черниковым: существование усть-буконьской группы памятников и генетическая преемственность всех андроновских памятников. Необходимо отметить отсутствие источниковедческого анализа содержания усть-буконьской культуры. Для Центрального Казахстана А.А. Ткачевым была создана схема, согласно которой происхождение андроновских комплексов связано с местным энеолитом, на который наложились ямно-афанасьевские инновации [Ткачев А.А. 2002: 188].

Таким образом, к 2000-м гг. в историографии сохранялся подход, сформированный ещё в 1930-1960-е гг., в основе которого лежит схема линейно-стадиального развития всемирной истории. Основные положения этого подхода сводятся к следующим тезисам: 1) генетическая преемственность и взаимосвязь всех материалов бронзового века региона в рамках андроновской проблематики; 2) формирование андроновских памятников на основе местного неолита или энеолита; 3) существование культуры без особых изменений на протяжении тысячи лет; 4) минимальная роль миграций на стадии генезиса.

Новая хронология и периодизация

Активные полевые работы в Восточном Казахстане различных исследователей в 1990–2010-е гг., среди которых необходимо отметить В.К. Мерца и А.А. Ковалева, позволили накопить большой новый археологический материал. Анализ его позволил автору данной работы разработать периодизацию раннего бронзового века Восточного Казахстана и выделить комплексы афанасьевского, ямного, елунинского, алкабекского, чемарского, одиново-крохалевского, сейминско-турбинского, «западного» типа [Мерц, Святко 2016; Мерц И.В. 2017; 2021]. Благодаря полученной серии радиоуглеродных данных, продолжительность раннего бронзового века на востоке Казахстана определяется в пределах XXIX–XIX/XVIII вв. до н.э. По археологическим материалам пока выделяются два этапа: I фаза (представленная наименьшим количеством материалов – комплексы ямного, афанасьевского, катакомбного типа, ранние памятники одиново-крохалевского типа), – охватывающая XXIX–XXVI вв. до н.э.; II фаза (представлена елунинской культурой, погребальными памятниками алкабекского типа, чемарским типом керамики, сейминско-турбинскими предметами, поздними комплексами одиново-крохалевского типа и серией предметов, находящихся аналогии среди восточноевропейских культур) – XXV–XIX/XVIII вв. до н.э. [Мерц, Святко 2016: 137].

Данная схема вступает в противоречие с периодизацией Западной Сибири, в своё время разработанной М.Ф. Косаревым [Косарев 1976], В.И. Молодиным [Молодин 1977; 1985], Ю.Ф. Кирюшиным [Кирюшин 1986; 2002]. Так как в первую очередь возникает проблема эпохальной принадлежности памятников афанасьевского типа, которые традиционно в сибирской и казахстанской археологии относятся к энеолиту [Грязнов, Вадецкая 1968: 161; Цыб 1984; Оразбаев 1989: 226; Кирюшин 2002: 14; Толеубаев и др. 2017: 622]. Сложившаяся ситуация во многом является следствием подхода, основанного, с одной стороны, на стадиальной концепции исторического развития и европоцентризме. С другой стороны, это результат учета только одной технологической составляющей и отсутствия на протяжении долгого времени в археологии Западной Сибири и, особенно, Казахстана целенаправленных радиоуглеродных исследований, которые начали внедряться в археологическую практику лишь сравнительно недавно.

Проведённые в южной части Среднего Прииртышья первые радиоуглеродные исследования установили существование между энеолитическими³ и известными раннебронзовыми памятниками 2-й пол. III тыс. до н.э. наличия лакуны примерно в 450 лет [Svyatko et al. 2015: 640]. Необходимо отметить, что подобная ситуация наблюдается и в радиоуглеродной хронологии Зауралья [Епимахов, Мосин 2015: 35]. Наличие этого разрыва подтверждают стратиграфические наблюдения на стоянке Шидерты-3, где энеолитический слой 1а располагается под погребенной почвой «А», формирование которой приходит во 2-й четв. III тыс. до н.э. [Мерц В.К. 2008: 18]. Эти общие тенденции говорят о не случайности полученного результата и об общей тенденции удревнения финала эпохи энеолита Зауралья, Западной Сибири и Казахстана. По-видимому, в будущем основная часть культурных образований, рассматриваемых как энеолитические, будет отнесена к более раннему времени и значительно сокращена продолжительность их существования до нескольких столетий. В настоящее время имеющиеся в Восточном Казахстане лакуны частично закрывают немногочисленные памятники ямного, афанасьевского и одинокрохалевского типа⁴, существовавшие на рубеже IV-III – в 1-й пол. III тыс. до н.э. – именно эти комплексы, в силу своего своеобразия и времени существования, составляют I фазу раннего бронзового века региона.

Здесь необходимо отметить, что отнесение памятников афанасьевского типа Восточного Казахстана к энеолиту не правомерно, потому что афанасьевский металлокомплекс, несмотря на региональную специфику, сходен с ямным и отражает стереотипы циркумпонтийской металлообработки [Грушин 2009б: 121], а, значит, это культурное образование необходимо рассматривать в рамках иного стадияльного этапа – раннего бронзового века, как это давно предлагает ряд исследователей [Черных 1978: 71; 2009: 223; Кузьминых 1993: 118; Молодин 2002: 98, 117; Кузьминых, Дегтярева 2006: 214; Марсадолов 2015: 61]. С появлением именно ямного и афанасьевского населения в Восточном Казахстане, как и, по-видимому, на прилегающих к нему территориях, происходят глобальные изменения, которые приводят к появлению развитой металлургии и освоению рудных источников, меняются антропологический тип населения, религиозные представления, характер каменной индустрии [Кузьминых, Дегтярева 2006: 214; Кунгуров 2006: 107, 119]. Основной животноводческий хозяйством, в отличие от предшествующего времени, становятся лошадь, крупный рогатый скот, овца [Гайдученко 2014: 212]. Мигрировавшие с запада популяции включают в орбиту своего влияния местное автохтонное население, которое под их влиянием перенимает некоторые инновации, в первую очередь в металлообработке, что позволяет рассматривать их как «квазиэнеолитические» (т. е. развивающиеся вне основных металлургических провинций и находящихся в переходном состоянии) [Кузьминых 1993: 117–118; Кузьминых, Дегтярева 2006: 214; Кузьминых]. Это событие подводит определенную черту под развитием позднеэнеолитических автохтонных комплексов. Определить начало этого процесса на данный момент сложно, но, по-видимому, оно происходит в конце IV тыс. до н.э. В последующее время, с приходом новых волн мигрантов с запада, складываются постафанасьевские и комплексы II хронологического периода [Кирюшин 2002: 88; Мерц И.В. 2015: 35].

Вторая фаза раннего бронзового века Восточного Казахстана – представлена елуническими и частично синхронными с ними комплексами (алкабекскими, чемарскими, одинокрохалевскими, сеймино-турбинскими). Уже есть все основания говорить о существовании на территории Северного, Центрального и Восточного Казахстана обширной елунической общности [Мерц И.В. 2019: 78]. При этом важнейшим критерием в материальной культуре для данного периода является, по-видимому, начало использования оловянистых бронз, отливка тонкостенных

³ Серия дат была получена из жилища № 3 поселения Борлы-4, на их основании время существования памятника определяется в рамках 2-й пол. IV тыс. до н.э. [Svyatko et al. 2015: 638, tab. 1.]

⁴ Необходимо отметить очень длительное существование именно носителей одинокрохалевской культурной традиции на протяжении всего рассматриваемого периода [Мерц И.В. 2021: 147].

орудий с т. н. «слепой» втулкой (кельты, наконечники копий). В целом, «елунинская» металлургия являлась, по сути, экспериментальной и в ней формировались новые стереотипы, которые имеют алтайские и восточносибирские истоки [Черных, Кузьминых 1989: 270; Грушин 2013: 36]. Елунинский металлокомплекс не имеет типы изделий, характерные для Евразийской металлургической провинции. Наличие однолезвийных ножей с «тавровидным» обушком указывает на связи с центрально-азиатскими бронзолитейными стереотипами, кроме того, территория степного и лесостепного Обь-Иртышья являлась контактной зоной между Евразийской и Центрально-азиатской металлургическими провинциями [Грушин 2009а: 126]. В этот период продолжается деградация каменной индустрии, что проявляется в преобладании орудий на отщепах, при этом наиболее выразительной категорией инвентаря становятся черешковые наконечники стрел и орудия ударного действия, а также жезлы с хорошо обработанными зоо- и антропоморфными навершиями [Мерц И.В. 2017: 12, 18, 20].

По перечисленным критериям восточно-казахстанские памятники соответствуют комплексам I фазы («сейминской») Евразийской металлургической провинции позднего бронзового века по периодизации, разработанной Е.Н. Черных [Черных 1978: 71]. Однако здесь также наблюдается противоречие с вышеописанной периодизацией Западной Сибири. Поскольку специфика региона проявляется не только в керамике, но и в металлокомплексе «сейминского» облика, отличающегося от восточно-европейских импульсов, легших в основу Евразийской металлургической провинции, ближайшими очагами которой являются абашевский, синташтинский и петровский на Южном Урале [Рындина, Дегтярева 2002: 154]. Но если их развитие является результатом распада Циркумпонтийской провинции и продолжает ее традиции металлообработки, то формирование алтайского очага – результат местного развития, которое уходит в начало 3-й четв. III тыс. до н.э. На этом основании в Восточном Казахстане памятники II фазы необходимо относить именно к раннему бронзовому веку. При этом на позднем этапе они синхронны с синташтинско-петровскими древностями.

Здесь наблюдается диахрония и противоречие с вышеописанной периодизацией Западной Сибири. Так, первая фаза раннего бронзового века Восточного Казахстана является синхронной второй половине раннего бронзового века (ямное время), а вторая фаза – среднему (катакомбное и посткатакомбное время) и началу позднего бронзового века (покровское и синташтинское время). Наблюдается определенный хронологический сдвиг между памятниками восточно-европейской и азиатской степных зон. При этом глобальные этнокультурные изменения относятся к началу раннего, среднего и позднего бронзового века⁵, когда в азиатских степях появляются ямные, катакомбные⁶, а потом андроновские комплексы, а на западе – срубные. Эти наблюдения свидетельствуют о единых культурно-исторических процессах, происходивших в степной и лесостепной зонах Евразии в бронзовом веке. Наблюдаемая хронологическая неравномерность в развитии населения евразийских степей, вероятно, связана с разной степенью изученности регионов, а не с неравномерностью культурно-исторических процессов, происходивших в единых географических зонах. Необходимо при этом отметить совпадение основных хронологических рубежей, приходящихся на XXX, XXV, XXIII, XX, XVIII вв. до н.э. [Трифонов 2001: 79–80, табл. 2]. Схожая ситуация наблюдается и в Средней Азии (см. работу Н.А. Аванесовой в этом сборнике [Аванесова 2022]).

В дальнейшем, по мере накопления нового материала по раннему бронзовому веку как Восточного Казахстана, так всей Республики, предложенная схема будет дополняться и коррек-

⁵ По восточно-европейской периодизации.

⁶ Однако необходимо отметить, что для азиатских степей и лесостепей пока существует мало данных, позволяющих четко выделить материалы катакомбного типа, хотя они и имеются, но фиксируются не в прямом, а, скорее, в опосредованном виде [Ткачев В.В. 2007: 257; Мерц И.В. 2015: 34].

тироваться, что в конечном результате, возможно, приведет к полной синхронизации восточно-европейской и сибирской периодизаций. В связи с этим первостепенной задачей изучения раннего бронзового века региона является расширение источниковой базы [Мерц, Святоко 2016: 139; Мерц И.В. 2017: 17].

Заключение

Таким образом, на данном этапе состояния источников для всей территории Казахстана можно предложить двухступенчатую периодизационную схему раннего бронзового века. I фаза – охватывающая комплексы рубежа IV-III – 1-й пол. III тыс. до н.э., представленных ямными, афанасьевскими, катакомбными, одино-крохалевскими (ранними) и другими синхронными с ними комплексами. На остальной территории Казахстана это единичные погребения и серия случайных находок – на юге и юго-востоке могильники Самсы, Бугунь; на западе отдельные погребения могильников Кумсай, Кресты, Факел, Имангазы-карасу, Шоқтыбай III, поселения Токсанбай, Айтман и др., содержащие материалы ямного, катакомбного и иных культурных типов. Данные памятники указывают на то, что со временем существующие лакуны будут заполнены и возможно будет полностью синхронизировать памятники этого региона с восточноевропейскими. II фаза – охватывающая комплексы рубежа 2-й пол. III – начала II тыс. до н.э. – елунинские, алкабекские, вольско-лбищенские, одино-крохалевские (поздние), чемарские, сеймино-турбинские и др. При этом на поздних этапах некоторые из них существовали параллельно с синташтинско-петровскими памятниками и постепенно были вытеснены их носителями. Видимо, период взаимодействия между елунинским и синташтинско-петровским населением нужно считать переходным временем от ранней к поздней бронзе к Востоку от Торгая. Окончательно смена эпох произошла в XVIII в. до н.э., когда начались миграции андроновского и срубного населения. В заключении можно согласиться с В.А. Трифоновым, который отмечает «что внесение поправок в абсолютную хронологию демонстрирует историческую условность традиционно принятого деления культурно-исторического процесса на эпохи энеолита, ранней, средней и поздней бронзы. С утратой прежде очевидной технологической основы этой классификации в значительной степени теряется и смысл дискуссии относительно эпохальной принадлежности культур» [Трифонов 2001: 81-82]. Однако систематизация имеющегося материала в условиях становления проблематики просто необходима.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н.А. Эпоха палеометалла Зеравшанской долины в системе евразийских древностей // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. М-лы V междунар. конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. / Гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Б.А. Байтанаев, А.Г. Ситдииков, Д.А. Воякин. Алматы – Туркестан: ИА КН МОН РК, 2022. Т. 1. С. 85-104.
- Акишев К.А., Зданович Г.Б., Максимова А.Г. Племена Казахстана в эпоху бронзы // История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В 5-ти т. Алма-Ата: Наука КазССР, 1977. Т. 1. С. 100-183.
- Гайдученко Л.Л. Время появления и особенности древнейшего степного животноводства в Казахстане // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сб. науч. ст., посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева / Гл. ред. Т.С. Садыков. Астана: Сарыарка, 2014. С. 211-214.
- Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири: м-лы совещ. (г. Томск, 25–31 мая 1970 г.) / Отв. ред. В.И. Матющенко. Томск: Томский гос. ун-т, 1970. С. 12-52.
- Грушин С.П. Проблемы разработки культурно-хронологической схемы изучения истории населения Лесостепного Алтая эпохи раннего металла // Теория и практика археологических исследований. 2007. № 3. С. 143-146.

- Грушин С.П.* Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века // *Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В.* Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: Алт. ун-т, 2009а. С. 122-131.
- Грушин С.П.* Древнейший металл Южной Сибири в системе ямно-афанасьевских параллелей // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: ОГПУ, 2009б. С. 119-126.
- Грушин С.П.* Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III – первой четверти II тыс. до н.э.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Барнаул: Алт. ун-т, 2013. 54 с.
- Грязнов М.П., Вадецкая Э.Б.* Афанасьевская культура // История Сибири. Древняя Сибирь. Т. 1. Л.: Наука, 1968. С. 159-165.
- Епимахов А.В., Мосин В.С.* Хронология зауральского энеолита // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 27-37.
- Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Урал. ун-т, 1988. 184 с.
- Кирюшин Ю.Ф.* Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск: Институт археологии СО АН СССР, 1986. 36 с.
- Кирюшин Ю.Ф.* Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Алт. ун-т, 2002. 294 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В.* Проблемы радиоуглеродного датирования археологических памятников бронзового века Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2007. № 3. С. 84-89.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М.* Бронзовый век Васюганья. Томск: ТГУ, 1979. 184 с.
- Корочкова О.Н.* К обсуждению термина «андроновская общность» // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова): сб. статей / Ред. и сост. В.И. Гуляев, С.В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2004. С. 202–211.
- Косарев М.Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 220 с.
- Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1976. 59 с.
- Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 280 с.
- Кузьминых С.В.* Квазиэнеолитические культуры Северной Евразии: проблемы периодизации // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Труды XII Уральского археологического совещания (г. Екатеринбург, 19–22 апреля 1993 г.) / Отв. ред. В.А. Борзунов, И.Б. Васильев. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, УрГУ, 1993. С. 116-119.
- Кузьминых С.В.* Энеолит периферийный. Официальный сайт Большой российской энциклопедии. URL: <https://bigenc.ru/archeology/text/4935728> (дата обращения: 05.08.2022).
- Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д.* Эпоха раннего металла вне пределов Циркумпонтийской металлургической провинции // Археология: учебник. М.: Моск. ун-т, 2006. С. 205-219.
- Кунгуров А.Л.* Каменная индустрия афанасьевского поселения Узнезя-1 // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая: сб. науч. ст. / Отв. ред. Н.Ф. Степанова. Барнаул: Алт. ун-т, 2006. С. 95–119.
- Марсадалов Л.С.* 1200-, 600- и 300-летние периодизации археологических эпох и этапов древней, античной и средневековой культур в Горном Алтае // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сб. ст., посвящ. 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / Под. ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Алт. ун-т, 2015. С. 59-66.
- Матющенко В.И.* Древняя история лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (верхнеобская неолитическая культура) / Из истории Сибири. Томск: ТГУ, 1973. Вып. 9. 182 с.
- Мерц В.К.* Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты-3: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово: Кемеровский ун-т, 2008. 26 с.
- Мерц И.В.* Керамика раннего бронзового века поселения Шидертинское-2 и могильника Шидерты-10 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 28-37.

- Мерц И.В. Культура населения Восточного Казахстана в эпоху ранней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул: Алт. ун-т, 2017. 26 с.
- Мерц И.В. Казахстанские комплексы елуинского типа // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): М-лы Междунар. конф. (г. Санкт-Петербург, 18–22 ноября 2019 г.). Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарева / Отв. ред. А.В. Поляков, Е.С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 77–79.
- Мерц И.В. Одино-крохалевский тип керамики Восточного Казахстана (к постановке проблемы) // Самарский научный вестник. 2021. № 4. Т. 10. С. 143–148.
- Мерц И.В., Святко С.В. Радиоуглеродная хронология памятников раннего бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана. Первый опыт // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 1 (13). С. 126–150.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 174 с.
- Молодин В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай: Древность и средневековье. Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. Т. 1. С. 97–142.
- Оразбаев А.М. Некоторые итоги археологических исследований Восточного Казахстана // Маргулановские чтения: сб. м-лов конф. / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алма-Ата: [б./и.], 1989. С. 225–227.
- Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век: Учеб. Пособие. М.: МГУ, 2002. 226 с.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 2. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. 243 с.
- Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
- Ткачева Н.А. Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул: Алт. ун-т, 1997. 19 с.
- Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.
- Толубаев А.Т., Жуматаев Р.С., Шакенов С.Т. Новые оригинальные памятники энеолитической эпохи в Зайсанском районе Восточно-Казахстанской области // Мир Большого Алтая. 2017. № 3 (4). С. 612–625.
- Трифонов В.А. Поправки абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: м-лы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» / Под ред. Ю.И. Колева. Самара: ООО НТЦ, 2001. С. 71–84.
- Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово: Кемеровский ун-т, 1984. 19 с.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы / МИА СССР. М.; Л.: АН СССР, 1960. № 88. 272 с.
- Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. С. 53–82.
- Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 624 с.: ил.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
- Svyatko S.V., Mertz I.V., Reimer P.J. Reservoir Effect on Re-Dating of Eurasian Steppe Cultures: First Results for Eneolithic and Early Bronze Age North-East Kazakhstan // Radiocarbon. 2015. Vol. 4 (57). P. 625–644.

А. В. Поляков

Андрей Владимирович Поляков,
Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург, Россия; poliakov@yandex.ru

Культурно-исторические процессы на северо-восточной окраине Евразийских степей в эпоху палеометалла*

Аннотация. В статье представлены результаты исследований последнего времени, характеризующие культурно-исторические процессы, происходившие на территории Минусинских котловин на протяжении эпохи палеометалла (XXX–IX вв. до н.э.). На сегодняшний день не остаётся сомнений в ключевой роли миграционных процессов при формировании древнего населения, оставившего памятники этого времени. Каждая новая археологическая культура несёт на себе следы появления нового населения, отличающегося как генофондом, так и культурными признаками. Это в корне меняет наши традиционные представления об исторических процессах, происходивших в этот период на северо-восточной окраине Евразийских степей.

Ключевые слова: археология, эпоха палеометалла, Минусинские котловины, культурно-исторические процессы, культурогенез, хронология

Андрей Владимирович Поляков,
PFA Материалдық мәдениет тарихы институты,
Санкт-Петербург, Ресей

Палеометалл кезеңіндегі Еуразия далаларының солтүстік-шығыс шетіндегі мәдени-тарихи процестер

Аннотация. Бұл мақалада палеометалл кезеңі бойы (б.д.д. XXX–IX ғғ.) Минусинск бассейні аумағында орын алған мәдени-тарихи процестерді сипаттайтын зерттеулердің соңғы нәтижелері келтірілген. Қазіргі уақытта осы кезең ескерткіштерін қалдырған ежелгі тұрғындардың қалыптасуында көші-қон процестерінің шешуші рөл атқарғандығына күмән жоқ. Әрбір жаңа археологиялық мәдениет өзінде мәдени белгілерімен де, генофондымен де ерекшеленетін жаңа тұрғындардың пайда болуының іздерін қалдырады. Бұл осы кезеңде Еуразия даласының солтүстік – шығыс шетінде болған тарихи үдерістер туралы дәстүрлі түсінігімізді толығымен өзгерттеді.

Түйін сөздер: археология, палеометалл кезеңі, Минусинск қазаншұңқыры, мәдени-тарихи процестер, мәденигенез, хронология

Andrei Poliakov,
Institute for the History of Material Culture RAS,
Saint-Petersburg, Russia

Cultural-historical processes on the north-eastern fringe of the Eurasian steppes in paleometal period

Abstract. This paper presents the latest results of the research describing the cultural-historical processes, that were taking place in the territory of the Minusinsk Hollows during the paleometal period (30th–9th centuries BC). At present there is no doubt, that the migration processes played a key role in the formation of the ancient

© 2022 Поляков А.В.

*Работа выполнена в рамках выполнения темы государственного задания № 0160-2020-0002 «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие»

population contributed to creation of the sites of this period. Every new archaeological culture bears evidence of the appearance of a new population which is characterized by its own cultural attributes and a gene pool. This knowledge completely changes our understanding of the historical processes occurred during this period on the north-eastern fringe of the Eurasian steppes.

Keywords: archaeology, paleometal period, Minusinsk Hollows, cultural-historical processes, cultural genesis, chronology

Евразийский степной пояс - уникальное природно-географическое явление, оказавшее огромное влияние на культурно-исторические процессы, происходившие практически на всей территории Евразии. Это совершенно особый мир, сформировавший целые народы, обладающие особыми навыками жизни в данном пространстве. При наличии отчётливо ощутимых единых традиций, охватывающих весь степной пояс (например, кочевой образ жизни), существуют и свои особенности в каждом из регионов.

Так совершенно особый «осколок» евразийских степей представляют собой Минусинские котловины в среднем течении р. Енисей (рис. 1). Их отличает относительная изолированность горными отрогами Восточного и Западного Саяна, а также Кузнецкого Алатау. Единственный лесостепной коридор связывает их с Западной Сибирью. Вторая важная особенность природно-климатических условий этого региона — близость различных природных зон: степей, лесостепей и тайги, а также богатство водными ресурсами. Это позволяло древнему населению Минусинских котловин в эпоху палеометалла диверсифицировать свою хозяйственную модель. Основным методом ведения хозяйства являлось скотоводство, но его значительно обогащала возможность добывать пищу и другие необходимые ресурсы охотой, рыболовством, собирательством, а на поздних этапах и земледелием.

К сожалению, не смотря на очень высокую степень археологической изученности этой территории, наши знания о неолитическом населении остаются минимальными. До сегодняшнего дня не известно ни одного достоверного погребения, которое можно было бы с уверенностью отнести к периоду до эпохи палеометалла. Вся имеющаяся информация базируется на случайных находках и не стратифицированных артефактах в слоях памятников, содержащих более поздние материалы афанасьевской и окуневской культур. Таким образом, культура населения Минусинских котловин до момента начала сложения эпохи палеометалла практически не исследована.

На сегодняшний день нет сомнений в том, что формирование афанасьевской культуры на Среднем Енисее носит миграционный характер. Минусинские котловины являются только самым северным краем огромной ойкумены, заселённой представителями народа, оставившего эти памятники. Курганы афанасьевской культуры сейчас известны не только в Горном Алтае и на Верхнем и Среднем Енисее. Они представлены также в Центральной и Западной Монголии, Северо-Западном Китае и Восточном Казахстане [Вадецкая и др. 2014; Ковалёв 2017; 2019; Мерц 2021]. Это очень обширный регион, в разных частях которого памятники афанасьевской культуры имеют свои отличия. Более того, уже установлено, что наблюдаются различия и в их хронологии. Так, афанасьевские памятники Горного Алтая по данным радиоуглеродного датирования (AMS) оказались в целом более древними, чем исследованные объекты Среднего Енисея [Поляков и др. 2019; Poliakov et al. 2019]. Таким образом, Минусинские котловины не могут быть местом формирования афанасьевской культуры.

Территория Среднего Енисея примерно в XXX в. до н.э. была заселена новым населением, что и положило начало эпохе палеометалла. По данным антропологии представители этой новой культуры относились к европеоидной расе и отличались высоким ростом и очень крепким телосложением [Солодовников, Эрдэнэ 2022]. Они являлись носителями навыков и традиций ранее здесь не известных. В первую очередь, это производящая хозяйственная модель, основанная на

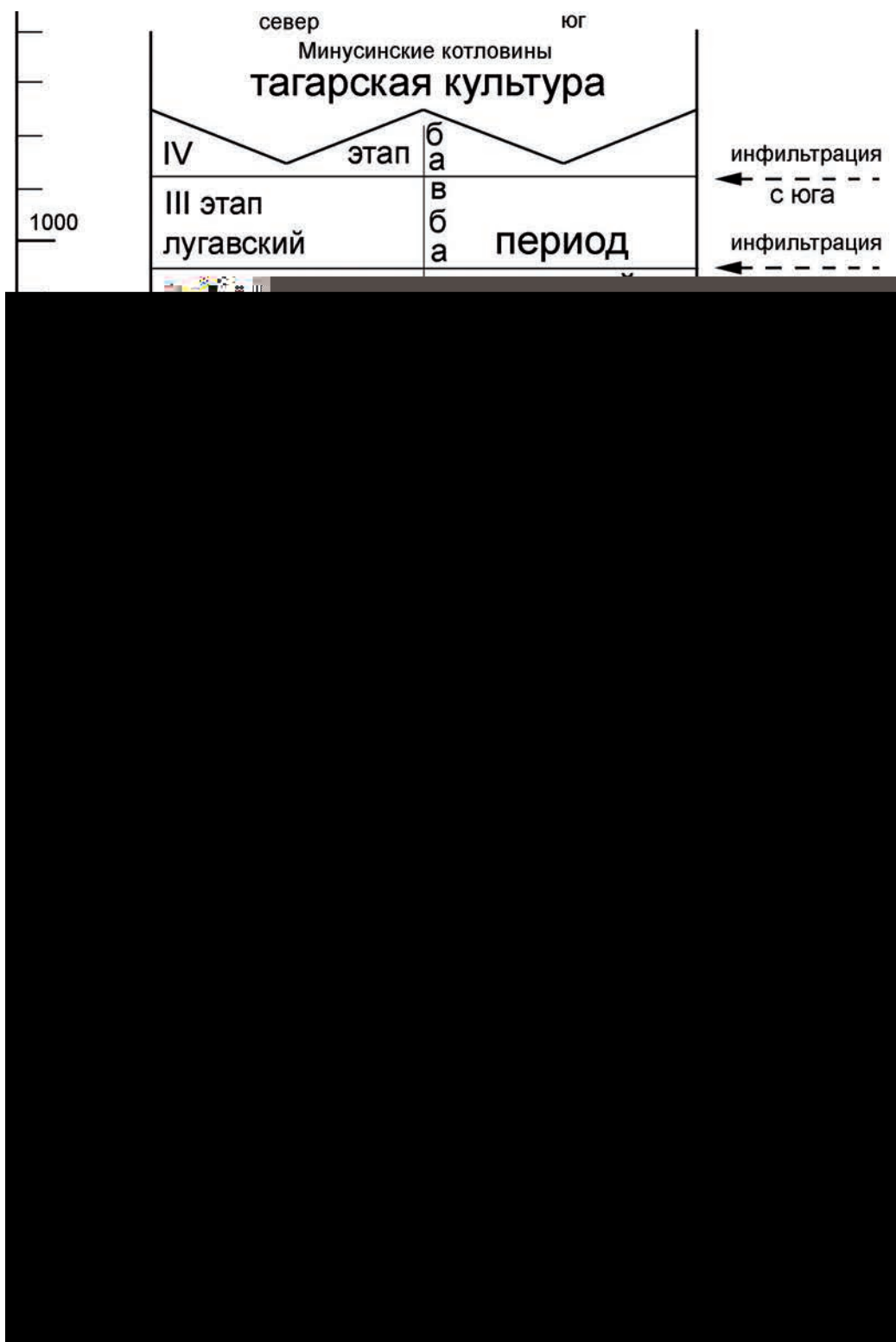

Рис. 1. Хронологическая схема культуuroгенеза и развития археологических памятников Минусинских котловин в эпоху палеометалла

скотоводстве. Основу стада составлял мелкий рогатый скот — овцы [Поляков 2022: 44–45]. Второе место по значимости занимала корова, возможно, игравшая важную роль как транспортное средство. На поселениях представлен заметный процент костей лошади, однако, вопрос об её одомашнивании пока остаётся открытым. Вторым важнейшим навыком, ранее не известным в Южной Сибири, была металлургия. На Алтае зафиксированы следы добычи медной сульфидной руды, что предполагает довольно продвинутый уровень металлургии [Баженов и др. 2002]. Однако, судя по найденным в могилах изделиям, представители афанасьевской культуры работали с различными самородными металлами: серебро, золото, и даже использовали метеоритное железо. Наконец третьей составляющей этого новаторского культурного комплекса была развитая погребальная традиция, курганного типа. От традиционного сибирского неолита её отличает активное использование камня, обособление оградой особого пространства, возведение значительного надмогильного сооружения и многие другие детали.

Одним из сложнейших вопросов остаётся проблема истоков этого нового населения, заселившего значительную часть Центральной Азии. По данным антропологии и палеогенетики его происхождение имеет восточноевропейские корни. Установлена его тесная связь с древними людьми, оставившими памятники ямной КИО [Хохлов и др. 2016; Rasmussen et al. 2015]. Рассматриваются различные варианты их взаимодействия: от прямой миграции части ямного населения на восток до их формирования на основе общего, ещё не выявленного источника.

Наиболее сложный для изучения вопрос это взаимодействие пришлого афанасьевского населения с местными аборигенами, носителями неолитических традиций. Как уже отмечалось, для Минусинских котловин памятники эпохи неолита практически не изучены, поэтому в своих выводах приходится опираться исключительно на данные по афанасьевской культуре. Но даже на основе этих материалов нет сомнений в том, что контакты были минимальными. По данным антропологии и палеогенетики, никаких следов инкорпорирования представителей неолита в новое общество не выявлено. Также не наблюдается какого-то обмена артефактами или технологиями. Единственное свидетельство «контакта» — это кремнёвые наконечники стрел и дротиков, изредка встречающиеся в костях погребённых афанасьевской культуры и свидетельствующие о том, что взаимодействие двух групп населения носило конфликтный характер.

Таким образом, афанасьевская культура демонстрирует классическую модель миграционного формирования. В Минусинских котловинах появляется новое население со своими артефактами, навыками, традициями и религиозно-мифологическими представлениями. Они никаким образом не ассимилируют местные неолитические племена, а, вероятнее всего, истребляют их и оттесняют на таёжную периферию, которую афанасьевцы не в состоянии занять в виду скотоводческой модели хозяйствования.

В XXVI в. до н.э. в Минусинских степях появляются курганные захоронения совершенно нового типа, не имеющие ничего общего с предшествующими афанасьевскими сооружениями. Они объединяются в понятие окуневская археологическая культура. Г.А. Максименков, выделивший и описавший эти памятники, считал, что они оставлены местным постнеолитическим населением [Максименков 1975]. Согласно его концепции, афанасьевские мигранты вытеснили неолитические племена из Минусинских котловин на северо-восток в район Канско-Рыбинской котловины. После чего произошёл продолжительный период их взаимодействия, в процессе которого неолитические охотники освоили скотоводство и металлургию меди, и затем вернулись в Минусинские котловины, вытеснив оттуда афанасьевские племена. Г.А. Максименков называл этот процесс «первобытной реконкистой» [Максименков 1975: 37]. Эта гипотеза полностью находилась в русле

автохтонистского подхода, господствовавшего в тот период в археологии, исключавшего перемещение больших масс людей.

Однако такой взгляд на формирование окуневской культуры очень плохо сочетался с объективной картиной, которую наблюдали археологи, исследовавшие эти памятники [Поляков 2020a]. В частности, уровень металлургии меди окуневской культуры на порядок выше, чем у афанасьевской. Не удаётся найти точек соприкосновения в конструкциях погребальных сооружений. Для курганов афанасьевской культуры характерны индивидуальные круглые ограды, преимущественно из горизонтально уложенных плит песчаника. Окуневскую культуру отличают исключительно квадратные сооружения из каменных блоков или вертикально вкопанных плит. Для их самых ранних захоронений характерны особенные типы конструкций могил: ямы с заплечиками и катакомбы. Ничего подобного в Южной Сибири до этого не было известно. Таким образом, закономерно возникает вопрос, как афанасьевские племена могли научить местных аборигенов тому, чего сами не знали. В результате, уже с 90-х годов прошлого века сформировалась и начала развиваться концепция миграционного сложения окуневской культуры.

На сегодняшний день в результате активного изучения материалов этой культуры удалось выделить три последовательных хронологических этапа в её развитии [Лазаретов 1997; Савинов 2005; Poliakov, Lazaretov 2020; Поляков 2022: 151–178]. Рассмотрение материалов наиболее раннего из них, уйбатского, позволяет обоснованно изучать вопросы происхождения культуры, что позволяет вывести дискуссию на совершенно новый уровень. В частности установлено, что с точки зрения антропологии наиболее ранние представители этой группы населения имеют европеоидные черты, которые, однако, нельзя связывать с афанасьевским населением [Громов 2002; Громов и др. 2021]. Отсутствие связи с предшествующим населением Минусинских котловин подтверждается и данными палеогенетики. Согласно полученным результатам, связь между афанасьевскими и окуневскими популяциями по женской линии (mtДНК) отсутствует полностью, а по мужской (Y-ДНК) составляет 10–20% [Поляков, 2019: 99–100]. Это позволяет утверждать, что при смене культур произошла практически полная смена населения.

Подтверждают эту точку зрения данные по технологиям и материальной культуре. Ранний этап окуневской культуры отличает новый уровень металлургии меди, а также принципиально иной погребальный обряд, кардинально отличающийся от афанасьевского. На смену персональным курганам с круглой оградой приходят квадратные ограды-кладбища, на площади которых может производиться до 10–15 захоронений. Появляются совершенно новые типы погребальных сооружений: ямы с заплечиками и катакомбы. Фиксируется традиция проникновения в могилы с целью подзахоронений и перемещения костей погребённых [Лазаретов и др. 2018]. Кардинально меняется керамическая традиция [Иванова 1968; Степанова, Поляков 2017]. В погребениях фиксируется совершенно иной набор артефактов, зачастую ранее в Южной Сибири не известных. В самых ранних погребениях появляется мощнейший пласт окуневского искусства, не находящий своих корней в афанасьевской среде. То есть практически все элементы погребального обряда изменяются и не находят точек соприкосновения.

Таким образом, нет сомнений, что формирование окуневской культуры связано с новой миграционной волной с запада. Эти мигранты были представлены европеоидным населением, использующим схожую с афанасьевской моделью скотоводства. Однако главное их отличие заключалось в открытости общества как инкорпорированию представителей других племён, так и новым технологиям. В отличие от «закрытого» афанасьевского общества они охотно контактировали со своим окружением, и именно эта черта обуславливала большую динамику изменений в обществе. Выделенные этапы имеют яркие характерные признаки, которые позволяют видеть всю схе-

му развития и, в перспективе, рассчитывать на построение ещё более дробной хронологической схемы культуры [Лазаретов 2019].

Наиболее яркой иллюстрацией этой особенности культуры являются процессы, произошедшие примерно в середине уйбатского этапа (тасхазинский хронологический горизонт по новой схеме И.П. Лазаретова). В этот момент в могилах окуневской культуры появляются погребения женщин резко выраженного монголоидного облика. С этой новой группой связаны артефакты и явления, которые традиционно относят к неолитической традиции. В первую очередь, это огромное количество украшений одежды в виде нашивных зубов различных животных. Иногда в одной могиле их может насчитываться до нескольких сотен. Во-вторых, появление керамики с круглым дном, чего ранее в окуневских материалах не наблюдалось. В-третьих, изображения традиционных таёжных животных: медведя и лося. Можно предположить, что это были представители постнеолитического населения, сохранявшегося по таёжной периферии Минусинских котловин, куда они были оттеснены ещё афанасьевскими племенами.

В дальнейшем антропологи фиксируют активные процессы метисации, которые приводят к тому, что уже на черновском этапе антропологический тип населения окуневской культуры рассматривается как гомогенный, но представляющий собой смесь европеоидных и монголоидных признаков. Возможно, именно это вливание населения с традициями охотников и собирателей привело к тому, что на черновском этапе заметно возрастает роль охоты и рыбной ловли в хозяйственной модели окуневского населения [Поляков 2022: 121]. Это проявляется в появлении в могилах наконечников стрел и большого числа гарпунов, а также других рыболовных инструментов (грузы для сетей, иглы для вязания сетей, крючок и т. п.).

Стоит отметить, что на протяжении всей окуневской культуры наблюдается не только высокая динамика изменений культурных признаков, но и появление уникальных элементов, которые никак не могли вырваться в окуневском обществе самостоятельно. Например, технология изготовления бронзовых изделий, которая появляется только на черновском этапе. Точно также на разливском этапе внезапно появляется традиция затылочной трепанации [Поляков 2021a]. Вероятно, это связано с появлением новых контактов и, возможно, даже вливанием в состав окуневской культуры новых групп населения, носителей этих традиций.

В XVII в. до н.э. на Среднем Енисее появляется совершенно новая группа населения, оставившая памятники андроновской КИО [Максименков 1978]. Никто из исследователей не сомневается, что эти коллективы пришли с запада, из казахстанских степей, пройдя через Западную Сибирь. Более того, удалось проследить, что они проникли в Минусинские котловины с северо-запада по единственному лесостепному коридору и, продвигаясь с севера на юг, достигли места впадения р. Абакан в Енисей. Южнее памятники этой культуры пока представлены только единичными курганами, что ставит перед учёными очень сложную проблему. Не ясно, кто же занимал в период XVII–XV вв. до н.э. эти обширные территории [Поляков 2020б].

Европеоидные племена, оставившие памятники андроновской культуры, также были скотоводами, но их хозяйственная модель заметно отличалась от предшествующих афанасьевских и окуневских племён. Её основа была с опорой на разведение крупного рогатого скота и лошадей, которые преобладали в стаде. Есть основания полагать, что они использовали стойловое зимнее содержание, что заметно изменяет требования к размещению поселений. Крайне интересной, но пока ещё мало изученной, обрядовой чертой является совершение кремаций части погребённых. Можно констатировать, что по своим культурным признакам пришельцы не имеют никаких переключек с местным окуневским населением.

Памятники андроновской культуры очень хорошо изучены в Восточном Казахстане и Западной Сибири, где они представляют собой очень мощный культурный пласт, гораздо более продолжительный, чем на Среднем Енисее. Это связано с тем, что процесс продвижения андроновских племён на восток происходил довольно медленно и в Минусинских котловинах, крайней северо-восточной точке своей экспансии, они появились, когда западнее их история уже насчитывала не одну сотню лет. Андроновский «мир» в период своего максимального расширения охватывал огромные пространства евразийских степей к востоку от Каспийского моря. Новейшие исследования китайских коллег демонстрируют интереснейшие и обширные памятники этой культуры в Синьцзяне, что открывает совершенно новые горизонты исследований.

Наиболее интересный и сложный вопрос — это контакты андроновских мигрантов с окуневским населением. На сегодняшний день на материалах погребальных памятников не удаётся проследить какого-либо взаимодействия. Андроновские памятники обладают своим совершенно уникальным погребальным обрядом, конструкциями и сопроводительным инвентарём. Ни в одном случае пока не было прослежено в составе андроновских памятников элементов окуневского погребального обряда или инвентаря. Также по данным антропологии и палеогенетики не прослежено каких-то связей этих двух популяций, что указывает на 100% смену населения. Точно также и в позднеокуневских захоронениях разлиевского этапа не наблюдается каких-либо признаков их знакомства с представителями андроновских племён. Единственное, что можно отметить, это несколько случаев, когда в телах погребённых в андроновских курганах были обнаружены кремнёвые наконечники стрел, характерной для окуневской культуры формы. Это позволяет предполагать существование вооружённого противостояния. На это же могут указывать наличие целой сети окуневских горных крепостей «све», которые возможно были построены в качестве реакции на андроновское вторжение [Готлиб, Подольский 2008].

Интересно отметить, что в Западной Сибири андроновское население совершенно иначе взаимодействовало с коренным населением. Там наблюдается их теснейшее взаимодействие и взаимное перетекание культурных признаков, выражающееся, в том числе, и в перекрёстных браках [Молодин и др. 2013: 27–35; Журавлёв и др. 2017]. Таким образом, необходимо констатировать, что на разных территориях андроновские племена использовали различную тактику их захвата. Где-то происходила взаимная ассимиляция с местным населением, а где-то территория очищалась военными методами.

Период пребывания андроновского населения на Среднем Енисее, по данным радиоуглеродного анализа, составляет не более 200–300 лет (XVII–XV вв. до н.э.). Так же, как и афанасьевские племена, на всём протяжении этого времени они сохраняли замкнутость коллективов, не включая в свой состав представителей местного населения. Учитывая данный фактор, а также короткий срок пребывания, неудивительно, что пока не предложено каких-либо хронологических схем, показывающих процессы, протекающие в андроновском обществе. Динамика изменений была не очень высока и ожидать на современном уровне знаний построения какой-либо хронологической шкалы пока не приходится.

Очередная, уже четвёртая волна мигрантов–скотоводов с запада появляется в Минусинских котловинах ближе к концу XV в. до н.э. [Поляков 2006; 2020в; 2021б; 2022]. Её носителей следует причислять к постандроновскому пласту культур в широком смысле этого термина. Однако, в отличие от андроновской (фёдоровской) культуры Среднего Енисея, они имеют отдельные признаки связей с алакульской ветвью этой КИО. То есть эти племена были хоть и дальними, но родственниками, что, возможно, облегчало вопросы коммуникации. Складывается впечатление, что андроновские племена добровольно уступили новым мигрантам пограничные территории в

Чулымо-Енисейской и Сыда-Ербинской котловинах, а сами отступили на северо-запад в Назаровскую котловину, где продолжали проживать ещё некоторое время [Поляков 2008]. К сожалению, пока так и не ясно, кто занимал в этот период самую южную собственно Минусинскую котловину, хотя наиболее вероятно, что это были окуневские племена.

Долгое время древнее население, проживавшее на Среднем Енисее в период между андроновской и тагарской культурами, рассматривали как единую популяцию, оставившую памятники «карасукской культуры». Однако уже в 60-х годах прошлого века начали появляться гипотезы, предполагающие совершенно различное происхождение самостоятельных групп в составе этого обширного конгломерата. Действительно, современные данные не позволяют рассматривать весь этот период в рамках эволюционного процесса одной культуры. Финал эпохи бронзы на Среднем Енисее знаменуется значительным повышением мобильности населения, что, вероятно, следует связывать с новыми этапами в освоении лошади как транспортного средства. В это время на Енисей постоянно проникают различные коллективы со своим культурным багажом и значительно меняют общий культурный ландшафт. В результате термин «карасукская культура» полностью размывается, характеризуя совершенно разные по своему происхождению и культурным признакам группы населения. На сегодняшний день выделяются четыре последовательных хронологических этапа, охватывающие период с конца XV по IX в. до н.э. (свыше 600 лет). В связи с этим термин «карасукский» предлагается сохранить только за наиболее ранней группой мигрантов, открывших историю этого периода на Енисее (I этап).

Это новое население появилось в Минусинских котловинах с запада в самом конце XV в. до н.э. и, вероятно, было пропущено андроновскими племенами сквозь свои территории до самой границы их ойкумены. Культура переселенцев имела очень чёткие, хорошо выработанные и устоявшиеся признаки, заметно отличающие их от андроновских предшественников [Поляков 2009]. При сходном уровне развития скотоводства наблюдается более высокая степень знаний металлургии в сочетании с изготовлением предметов из оловянистых бронз. В большинстве случаев они продолжали андроновские кладбища, строя свои курганы на их периферии. Сходство хозяйственного уклада подтверждается идентичным ареалом памятников, далеко не отходящих от крупных водных источников и не зафиксированных в подтаёжной зоне. Освоившись на границе, они начинают теснить своих противников, основывая поселения всё южнее, уже на территории самой южной собственно Минусинской котловины. Вероятно, к концу I этапа ППБ вся территория Минусинских котловин была под их полным контролем.

Именно захват южных территорий и выход к путям сообщения с долинами Верхнего Енисея стал переломным моментом. С южного направления начинается активная экспансия новых технологий, предметов и традиций, оказавших колоссальное влияние на всю культуру населявших Минусинские котловины людей. Начинается II этап ППБ на Среднем Енисее, который следует называть карасук-лугавским. Его начало можно предположительно относить к XIII в. до н.э. С одной стороны, сохраняется основное «карасукское» население, а на севере и многие традиции предшествующего периода, с другой стороны, в южной части ареала происходит решительная смена многих культурообразующих признаков (изменяется традиция орнаментации керамики, полностью преобразуется традиционный женский костюм, на юге нарастает число погребений с диаметрально противоположной ориентировкой и т. д.). Вместе с этими новыми вещами и традициями на Средний Енисей начинают проникать и отдельные коллективы, которые иногда удаётся проследить в виде обособленных групп захоронений на кладбищах [Грязнов и др. 2010: 83–94]. Наиболее интересен синтез предметов и признаков, который характеризует эту культурную «волну». Она представлена сочетанием вещей явно андроновского происхождения и предметов, име-

ющих аналогии в памятниках эпохи Шан–Инь Северного Китая. Именно в этот период на территории Среднего Енисея появляются первые псалии, знаменующие приближение начала новой эпохи ранних кочевников. Вероятно, появление андроновских по своему происхождению предметов со стороны Верхнего Енисея является отражением юго-восточного направления андроновской миграции и тесно связано с территорией Синьцзяна.

В XI–X вв. до н.э. в истории Минусинских котловин происходит ещё одно изменение, которое характеризует начало III (лугавского) этапа ППБ, памятники которого М.П. Грязнов объединял в понятие каменнолошского этапа, а Н.Л. Членова — лугавской культуры [Лазаретов 2006]. С того же южного направления на Средний Енисей проникают группы нового населения, оказавшие огромное влияние на местных жителей. Наблюдаются значительные изменения в погребальном обряде и сопроводительном инвентаре. Постепенно утрачивается традиция использования плит песчаника. Погребальные сооружения возводятся из обломочного камня и дерева. Изменяется ориентировка погребённого на противоположную (головой на ЮЗ), а уникальное положение тела вполоборота меняется на вытянуто на спине. В корне изменяется керамическая традиция. В могилах устанавливают крупные сосуды яйцевидных форм с расчёсами по поверхности, не имеющие ничего общего с керамикой I и II этапов. Появляется значительное число новых категорий металлических изделий, изготовленных из мышьяковистой меди. Присадка олова встречается крайне редко и является, вероятно, следствием переплавки предметов более ранних этапов, а не намеренной лигатурой. Коренные изменения происходят в хозяйственном укладе. Наблюдается решительный переход от крупных поселений, которые реконструируются на основании огромных могильников, к очень небольшим мобильным группам, которые осваивают не только центральные речные долины, но и все самые отдалённые уголки Минусинских котловин. Вероятно, причина этого кроется в резко возросшей мобильности.

Наконец, IV этап ППБ Среднего Енисея датируется IX в. до н.э. и характеризуется весьма небольшой группой памятников («типа Баинов Улус»), с одной стороны наследующих многочисленные признаки периода поздней бронзы, а с другой — показывающих знакомство с зарождающейся скифской эпохой. В этот момент по отдельным признакам можно реконструировать инфильтрацию на Енисей новых мигрантов со своими особыми признаками. М.П. Грязнов относил данные памятники к раннескифскому периоду, считая их доказательством связи тагарской культуры с эпохой бронзы. Однако новые исследования продемонстрировали, что между ними и непосредственно раннескифскими памятниками существует весьма заметная граница, которая не позволяет объединять их в одну культуру [Лазаретов 2007]. Население, оставившее тагарскую культуру, является пришлым в Минусинских котловинах. Оно появилось здесь с уже полностью сформировавшимися культурными признаками, большинство из которых не имеют следов местного происхождения. Можно предположить, что памятники IV этапа ПБ Среднего Енисея оставлены населением, наследниками эпохи бронзы, которые проживали здесь уже в раннескифскую эпоху, отчасти параллельно с захватившими эти земли тагарскими племенами. Финал эпохи палеометалла Среднего Енисея можно уверенно относить к концу IX в. до н.э.

Описанная выше картина входит в острое противоречие с традиционным взглядом на развитие археологических культур Среднего Енисея, сформировавшимся на протяжении исследований середины прошлого века. Многие крупнейшие археологи, такие как М.П. Грязнов и Г.А. Максименков, находились на позициях автохтонизма, предполагающего отсутствие движения больших масс населения. Смена археологических культур рассматривалась ими как эволюционный процесс, не затрагивающий основу сформировавшейся на этой территории популяции. Однако современные

данные при поддержке результатов применения естественнонаучных методов, в первую очередь палеогенетики, полностью исключают подобный подход.

Можно констатировать, что практически все культурно-исторические процессы на территории Минусинских котловин в эпоху палеометалла имели в своей основе мощнейшие миграционные движения. По крайней мере трижды наблюдалось практически полное замещение населения этого удивительного региона. Теперь эти результаты подтверждены данными не только антропологии, но и палеогенетики. Только при смене афанасьевской и окуневской культур наблюдается небольшой процент автохтонов (исключительно мужчин), инкорпорированных в новые коллективы.

Процессы, которые, происходили на Среднем Енисее в конце эпохи палеометалла, пока ещё недостаточно изучены. Однако можно утверждать, что модель формирования новых коллективов серьёзно изменилась. По-прежнему фиксируются интенсивные инфильтрации новых групп населения (по крайней мере, три волны), однако они не приводят к полному замещению населения. Все эти вливания идут с южного направления. В результате именно в южных районах наблюдается наибольшее число новых культурных признаков. В то же время в северные районы эти новации доходят в значительно меньшей степени и оставляют не такой яркий след.

Предварительно, можно реконструировать следующую картину. В XIV–XIII вв. до н.э. с южного направления через Западный Саян в Минусинские котловины начинают проникать новые группы населения, носители особых культурных традиций. Однако они не истребляют местных аборигенов, а начинают активно с ними взаимодействовать, что запускает процессы ассимиляции. Вероятно, в виду ограниченности их численности, они не проникают далеко на север котловин и там остаётся большая доля коренного населения, сохраняющего свои традиции. Это приводит к тому, что в южных районах процессы культурной трансформации идут гораздо быстрее, чем на севере.

ЛИТЕРАТУРА

- Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М. Владимировка на Алтае – древнейший медный рудник Сибири. Томск: ТомГУ, 2002. 119 с.
- Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.
- Готлиб А.И., Подольский М.Л. Све – горные сооружения Минусинской котловины. СПб.: Элексис Принт, 2008. 222 с.
- Громов А.В. Антропология населения окуневской культуры Южной Сибири (эпоха бронзы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 34 с.
- Громов А.В., Казарницкий А.А., Лазаретова Н.И., Хохлов А.А. Население Минусинской котловины в эпоху бронзы по данным краниоскопии (к вопросу о происхождении окуневской культуры) // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 151-153.
- Грязнов М.П., Комарова М.Н., Лазаретов И.П., Поляков А.В., Пшеницына М.Н. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 200 с.
- Журавлёв А.А., Пилипенко А.С., Молодин В.И., Папин Д.В., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Генофонд мтДНК и Y-хромосомы андроновского (фёдоровского) и постандроновского населения Южной Сибири // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. Т. III. С. 37-40.
- Иванова Л.А. О различиях керамических традиций афанасьевской и окуневской культур // СА. 1968. № 2. С. 251-254.
- Ковалёв А.А. Афанасьевская культура в Синьцзяне // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 245-267.

- Ковалёв А.А. Распространение афанасьевской культуры на территории Синьцзяна: хронологические рамки и типологические особенности // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2019. С. 188-209.
- Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19-64.
- Лазаретов И.П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 34 с.
- Лазаретов И.П. Памятники баиновского типа и тагарская культура // Археологические вести. 2007. Вып. 14. С. 93-105.
- Лазаретов И.П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // ТипАИ. 2019. № 4 (28). С. 15-50.
- Лазаретов И.П., Морозов С.В., Поляков А.В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. СПб.: ИИМК РАН, ГосЭрмитаж, 2018. С. 51-56.
- Максименков Г.А. Окуневская культура: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1975. 39 с.
- Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 191 с.
- Мерц И.В. Афанасьевские памятники Восточного Казахстана // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. М-лы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 19–21 апреля 2021 г.) / Отв. ред. А.В. Поляков, Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 39-42.
- Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Журавлёв А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 220 с.
- Поляков А.В. Периодизация “классического” этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 26 с.
- Поляков А.В. Об особенностях северной границы распространения карасукских памятников “классического” этапа // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. Т. I. С. 440-442.
- Поляков А.В. К проблеме взаимосвязи карасукской культуры и памятников андроновской общности на Среднем Енисее // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 90-109.
- Поляков А.В. Обзор результатов начального этапа палеогенетических исследований населения эпохи бронзы Минусинских котловин // ТипАИ. 2019. № 2 (26). С. 91-108.
- Поляков А.В. Проблема сложения окуневской культуры в свете современных научных данных // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020а. № 1 (25). С. 3-6.
- Поляков А.В. Проблема финала окуневской культуры // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2020б. Т. 1. С. 323-324.
- Поляков А.В. Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2020в. 54 с.
- Поляков А.В. К вопросу о выделении разлиевского этапа окуневской культуры // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2021а. С. 170-175.
- Поляков А.В. Миграционная концепция сложения карасукских памятников на Енисее // Маргулановские чтения–2021: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.). В 3-х т. / Гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Т.Б. Мамиров, Б.А. Байтанаев. Алматы: ИА КН МОН РК, 2021б. Т. 3. С. 176-185.

- Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2022. 364 с.
- Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Проблема радиоуглеродной хронологии афанасьевской культуры и новые данные // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V-III тыс. до н.э. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2019. С. 181-187.
- Савинов Д.Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // ТиПАИ. 2005. Вып. 1. С. 28-34.
- Солодовников К.Н., Эрдэнэ М. Феномен высокорослости афанасьевцев Алтая и Хангая: влияние среды или восточно-европейское наследие // Stratum Plus. 2022. № 2. С. 373-394.
- Степанова Н.Ф., Поляков А.В. Афанасьевский и окуневский керамические комплексы с памятников оз. Итколь (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. 2017. Т. XXIII. С. 405-408.
- Хохлов А.А., Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Китов Е.П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // ВААЭ. 2016. № 3 (34). С. 86-106.
- Poliakov A.V., Lazaretov I.P. Current state of the chronology for the palaeometal period of the Minusinsk basins in southern Siberia // JAS: Reports. 2020. Vol. 29. № 102125.
- Poliakov A.V., Svyatko S., Stepanova N.F. A review of the radiocarbon dates for the Afanasyevo Culture (Central Asia): Shifting towards the “shorter” chronology // Radiocarbon. 2019. Vol. 61, Issue 1. P. 243-263.
- Rasmussen S., Allentoft M.E., Nielsen K., ..., Willerslev E. Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years Ago // Cell. 2015. Vol. 163, Issue 3. P. 571-582.

О. Н. Корочкова

Ольга Николаевна Корочкова,
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург, Россия; Olga.Korochkova@urfu.ru

Среднее Зауралье на переломе эпох: от камня к металлу*

Аннотация. В центре внимания возможные модели внедрения металла и технологии металлопроизводства в среду населения так называемого присваивающего образа жизни в горно-лесном Зауралье. Представленные выводы базируются на комплексном анализе изделий из металла, керамики, каменной индустрии святилища Шайтанское Озеро II и комплексов коптяковской культуры. Особое внимание уделено модели интеграции различных технологий металлопроизводства – сейминско-турбинской и евразийской (степной). Многочисленные степные знаки в коллекции металла и керамики святилища Шайтанское Озеро II и коптяковской культуры свидетельствуют о вкладе культур степного пояса в формирование коптяковско-сейминского центра металлообработки. Формирование данного центра воспринимается в ракурсе распространения инноваций бронзового века и новых деятельностных схем рубежа III–II тыс. до н.э., вызванных широкими встречными миграциями этого времени.

Ключевые слова: Урал, энеолит, бронзовый век, металл, сейминско-турбинский, коптяковская культура

Ольга Николаевна Корочкова,
Орал федералдық университеті, Екатеринбург қ., Ресей

Орталық Орал ғасырлар бетбұрысында: тастан металға

Аннотация. Таулы-орманды Орал аңғарында меншіктеу өмір сүру салты қалыптасқан тұрғындар ортасындағы металөндіру технологиясы мен металды ендірудің мүмкін болатын моделдеріне назар аударылған. Ұсынылған тұжырымдар коптяки мәдениеті кешені мен Шайтанкөл II ғибадатханасының тас индустриясы, металдан, керамикадан жасалған бұйымдарды кешенді талдауға негізделген. Метал өндірісінің әртүрлі технологияларының сеймин-турбиндік және евразиялық (далалық) интеграция үлгілеріне ерекше назар аударылған. Шайтанкөл II ғибадатханасы мен коптяки мәдениетінің керамикасы мен металл коллекциясындағы көптеген далалық белгілер металөндеудің коптяки-сеймин орталығының қалыптасуындағы далалық белдеу мәдениетінің қосқан үлесін көрсетеді. Бұл орталықтың қалыптасуы қола дәуірінің инновацияларын және осы уақыттың ендік қарама-қарсы көші-қонынан туындаған б.д.д. III–II мыңж. жаңа қызмет схемаларын тарату тұрғысынан қабылданады.

Түйін сөздер: Орал, энеолит, қола дәуірі, метал, сеймин-турбин, коптяки мәдениеті

Olga Korochkova,
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

The Middle Trans-Urals at the turn of the epochs: from stone to metal

Abstract. The focus is on possible models of the introduction of metal and metal production technology into the environment of the population of the so-called appropriating lifestyle in the mountain-forest Trans-Urals. The presented conclusions are based on a comprehensive analysis of metal products, ceramics, stone industry of the

© 2022 Корочкова О.Н.

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 22-28-00066 «Горно-лесное Зауралье на переломе эпох: от камня к металлу»

Shaitanskoe Ozero II sanctuary and complexes of the Koptyakovo culture. Special attention is paid to the model of integration of various technologies of metal production – Seima-Turbino and Eurasian (steppe). Numerous steppe signs in the collection of metal and ceramics of the Shaitanskoe Ozero II sanctuary and the Koptyakovo culture testify to the contribution of the steppe belt cultures to the formation of the Koptyakov-Seimin metalworking center. The formation of this center is perceived from the perspective of the spread of innovations of the Bronze Age and new activity schemes of the turn of the 3rd–2nd millennium BC. These migrations were caused by the counter-migrations of this time.

Keywords: Ural, Eneolithic, Bronze Age, metal, Seima-Turbino, Koptyakovo culture

Среднее Зауралье представляет собой интересный исследовательский полигон для реконструкции и понимания многообразия социально-экономических альтернатив в рамках дописьменной истории. Регион относится к зоне культур т. н. присваивающего образа жизни. В эпохи палеолита–неолита население здесь было немногочисленным, заметный демографический рост приходится на IV–III тыс. до н. э. Этот период в рамках локальной периодизации относят к энеолиту, хотя, с точки зрения археологической систематики, характера основных индустрий и образа жизни развитие проходило в парадигме каменного века. Позиционирование в рамках энеолита позволяет синхронизировать местные феномены с первыми металлоносными культурами степного пояса, акцентировать внимание на принципиально новых символических практиках, свидетельствующих об активных социальных процессах, протяженных информационных связях с населением сопредельных территорий. В появлении специальных культовых площадок, наскальных изображений, погребений с обилием символических знаков улавливаются ответы на усложнившуюся социальную обстановку, что потребовало выработки новых мировоззренческих адаптаций, которые способствовали устойчивости и поддержанию внутригрупповых альянсов и межгрупповой интеграции. Фактор связей подтверждает феномен Зауральско-Североказахстанской культурно-исторической области [Чаиркина 2005: 290].

Стабильное развитие региона в конце III тыс. до н.э. было прервано экстремальными процессами рубежа атлантического и суббореального периодов, которые вызвали повсеместное заболачивание местных водоемов, что сказалось на устойчивости местных жизнеобеспечивающих стратегий. Как реакции на столь существенные ландшафтно-климатические флуктуации, во многом изменившие образ жизни, исследователи рассматривают появление культовых мест, расположенных в труднодоступных участках заболоченных озер. Они представляли трудоемкие деревянные сооружения с обилием антропоморфных, орнитоморфных и зооморфных скульптур из дерева [Чаиркина и др. 2019: 38].

В это же время в Зауралье появляются металлические предметы, свидетельствующие о втягивании региона в систему связей культур формирующейся Западноазиатской металлургической провинции. Ее специфику на фоне синхронных Европейской, Кавказской, Ирано-Анатолийской, Восточноазиатской, Древнекитайской провинций [Черных 2013: 218–303] отличают: огромная территория, стремительное распространение авангардных технологий, базировавшихся на достижениях мастеров ЦМП и уникальной технологии тонкостенного втульчатого литья, формирование пастушеской модели металлопроизводства, основанной на сезонных циклах поисков, добычи и подготовки сырья для металлургического передела, многоступенчатых стадиях выплавки и рафинирования меди [Богданов 2020; Ткачев 2021].

Одним из ярких феноменов Западноазиатской провинции является трансфер сложных технологий переработки меднорудного сырья и металлообработки в среду таежного населения. Среднее Зауралье в этом смысле занимает особое место, т. к. на его территории сложился самостоятельный коптяковско-сейминский производящий центр [Савинов 2014; Корочкова и др.

2019], который, как предполагают исследователи, базировался на местных рудных источниках. Неопровержимых и убедительных доказательств на этот счет нет, т. к., собственно, на памятниках местной коптяковской культуры бесспорные остатки металлургического производства не выявлены. Но, как это ни покажется странным, данное обстоятельство не является препятствием для проверки гипотезы о местной металлургии. Существовавшая в то время модель пастушеского металлопроизводства объясняет отсутствие подобных знаков логикой многоступенчатых процессов подготовки и переработки меднорудного сырья на основе металлургического передела. Подтвержденные серией убедительных экспериментов технологические алгоритмы основных этапов горно-металлургического производства представлены в серии работ оренбургских археологов [Богданов 2020; Ткачев 2021].

Многочисленные степные знаки в коллекции металла и керамики святилища Шайтанское Озеро II и коптяковской культуры в целом [Корочкова, Спиридонов 2016; Корочкова и др. 2020: 164–165] прямо указывают на вклад культур степного пояса в формирование коптяковско-сейминского центра металлообработки. Формирование данного центра воспринимается в ракурсе распространения инноваций бронзового века и новых деятельностных схем рубежа III–II тыс. до н.э., вызванных широкими встречными миграциями этого времени. Мотивы мобильности западных и восточных мигрантов, судя по характеру и повторяемости археологических знаков и ситуаций на Урале и в Западной Сибири, отличались кардинально [Черных 2009: 244–259; Корочкова 2009]. Западный импульс, отмеченный масштабным освоением Урала скотоводами культур катакомбного круга, стимулировал волго-уральский очаг культурогенеза [Бочкарев 1991]. Восточный обозначен протяженными маршрутами сейминско-турбинских экспедиций. Не обращаясь к деталям различных конфигураций взаимодействий, которые возникали в точках randevu этих встречных миграционных потоков, обратимся к результатам технологических интеграций. Особенно яркое воплощение они нашли в материалах среднеуральского святилища Шайтанское Озеро II. Здесь есть предметы типичного сейминско-турбинского (кельты, ножи-скобели, наконечник копья с цельнолитой втулкой, прорезные рукояти) и евразийского (двулезвийные ножи-кинжалы с ребром/нервюрой и прилитой рукоятью, кельт с несомкнутой втулкой, серп, украшения) облика [Корочкова и др. 2020: 86]. Большая часть предметов отлита из средне- и низколегированных оловянных сплавов. Неустойчивый характер примесей, по мнению специалистов, указывает на использование в качестве легирующих добавок металлического лома [Кузьминых и др. 2015: 90]. Особенный интерес представляют оригинальные изделия, которые неизвестны на других территориях (втульчатые чеканы, ножи-кинжалы с орнаментированной рукоятью). Некоторые из них отлиты без оловянной лигатуры. Морфология и оригинальная рецептура этих предметов позволяют расценивать их как достижения местных мастеров. В этом же ряду можно рассматривать кельты с т. н. ложными ушками и пышным ковровым орнаментом [Корочкова и др. 2015].

Для понимания процессов становления эпохи металла в Среднем Зауралье важное значение имеет несколько обстоятельств. Коптяковская культура на фоне синхронных металлоносных образований занимает ограниченную территорию с малым количеством известных поселений и погребений. Большинство известных памятников приурочены к потенциальным горнорудным узлам – Калатинскому, Тагильскому и Гумешевскому [Корочкова, Устинов 2020: 179–180]. Древние рудники, если они и существовали в эпоху бронзы, оказались в зоне промышленного освоения скарновых месторождений в XVIII–XX вв., поэтому для моделирования древнего производства приходится пользоваться косвенными данными. В настоящее время ведется большая аналитическая работа по изучению изотопной подписи местных бронз, что позволит соотнести их с местными месторождениями. Но в любом случае, встает вопрос – здесь была реализована

модель пастушеского металлопроизводства, убедительно реконструированная по материалам Приуральского горно-металлургического центра или какая-то иная? К сожалению, мы не знаем, какие формы горнорудного и металлургического производства практиковались на Рудном Алтае и в Северном Китае – территории, претендующей на родину сейминско-турбинской металлургии и металлообработки. Это очень интересный исследовательский вопрос, который сейчас упирается в недостаточность изотопной базы данных и верифицированных моделей сейминско-турбинской металлургии.

В качестве вполне допустимой гипотезы можно предполагать трансфер пастушеской модели металлопроизводства в горно-лесное Зауралье. На это указывает обилие степных знаков, связанных с ранней фазой алакульской культуры, в металле и керамике святилища Шайтанское Озеро II [Корочкова, Спиридонов 2016; Корочкова и др. 2020: 86, 108–111]. Эту версию поддерживают многочисленные свидетельства очевидных тесных связей горно-лесного Зауралья с миром культур степного и лесостепного пояса, которые сложились в более раннее время.

Не менее интересным является вопрос о механизме интеграции различных традиций литейного дела (сейминско-турбинских и евразийских) в Среднем Зауралье. Они были привнесены сюда в сложившемся виде или являются результатом интенсивного освоения местных меднорудных залежей различными группами населения в кооперации с аборигенными жителями? Заметный архаичный пласт в керамике и каменной индустрии коптяковской культуры самые непосредственные параллели имеет в местных энеолитических комплексах. Есть основания полагать, что внедрение авангардных технологий происходило под влиянием инокультурных импульсов в среду местного энеолитического населения.

В этой части предполагаемых реконструкций мы оказываемся перед своего рода парадоксом. Каким образом могли быть организованы трудоемкие и многоступенчатые процессы металлопроизводства в среде населения, не имевшего стабильных источников пищи, основу жизнеобеспечения которых составляли охота и рыболовство?

Не исключено, что в теплое время года Среднее Зауралье осваивали экспедиционные группы соседних территорий (Прикамье, Нижнее Притоболье, лесостепное Зауралье). На это прямо указывают особенности керамического комплекса и каменной индустрии святилища Шайтанское Озеро II, сочетающих ярко выраженные разнокультурные, а также архаичные и авангардные черты. Симптоматично, что среди известных памятников коптяковской культуры в Среднем Зауралье нет ни одного, керамика и каменные орудия которых бы в полной мере соответствовали артефактному собранию святилища. Они представляют лишь некоторые блоки из целого ряда составляющих его культурных компонентов.

Выдвинутые варианты в настоящее время не более чем версии, которые нуждаются в убедительной проверке и именно это составляет основу работы исследовательской группы Уральского федерального университета, ориентированной на реконструкцию чрезвычайно редкой в рамках Северной Евразии модели становления металлообработки в среде охотников и рыболовов.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданов С.В. Технологические алгоритмы пастушеской модели металлопроизводства бронзового века степных регионов Северной Евразии // Уральский исторический вестник. 2020. № 4 (69). С. 6-14.
- Бочкарев В.С. Волго-Уральский очаг культуругенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культуругенез в историческом аспекте. Материалы методологического семинара ИИМК АН СССР. СПб.: Наука, 1991. С. 24-27.
- Корочкова О.Н. Культурные интеграции позднего бронзового века: факторы, темпы, модели // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 40-49.

- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А., Стефанов В.И.* О металлообработке эпохи поздней бронзы горно-лесного Зауралья: кельты кижировского типа // Вестник КемГУ. 2015. № 2–6 (62). С. 61-67.
- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А.* Степные знаки в металле святилища Шайтанское Озеро II // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 68-76.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А.* Среднее Зауралье в контексте Западноазиатской металлургической провинции: феномен коптяковской культуры // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2019. № 2. С. 61-107.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А.* Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2020. 214 с.
- Корочкова О.Н., Устинов А.А.* О потенциальной медно-рудной базе коптяковско-сейминского центра металлообработки // Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А. Святилище первых металлургов Среднего Урала. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2020. С. 172-180.
- Кузьминых С.В., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б.* О металле культового памятника эпохи бронзы на Шайтанском озере (Средний Урал) // КСИА. 2015. № 241. С. 89-94.
- Савинов Д.Г.* О двух путях распространения бронзовых изделий сейминского типа на восток // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой / Отв. ред. В.И. Молодин, А.В. Епимахов. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 91-99.
- Ткачев В.В.* Концепция культурного ландшафта в ретроспективе эпохи поздней первобытности (по материалам позднего бронзового века Южного Урала) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2021. № 2. С. 53-67.
- Чаиркина Н.М.* Энеолит Среднего Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 312 с.
- Чаиркина Н.М., Райнхольд С., Хойсснер К.У., Мариашк Д., Вилисов Е.В.* Датировка, контекст, интерпретация нового деревянного сооружения VI Разреза Горбуновского торфяника // Уральский исторический вестник. 2019. № 4 (65). С. 30-39.
- Черных Е.Н.* Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 624 с.
- Черных Е.Н.* Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.

Н. А. Аванесова

Нопа Армаисовна Аванесова,
Самаркандский государственный
университет им. Ш. Рашидова
г. Самарканд, Узбекистан; non.avanesova@mail.ru

Эпоха палеометалла Зеравшанской долины в системе евразийских древностей

Аннотация. Заявленную тему статьи автор рассматривает в пределах Зеравшанской долины в рамках середины IV – конец II тыс. до н.э. Древности региона расположены в зоне двух социокультурных миров – оседло-земледельческого и степного – скотоводческого жизнеобеспечения. Последнее усиливает историческую значимость памятников края и открывает перспективу их осмысления в плане культурогенеза Согдийской цивилизации. Археологические памятники обозначенного макрорегиона отражают сложную картину взаимодействий традиций разной культурной направленности. Важным фактором, способствовавшим сложению особой Зеравшанской культурно-географической области, определившим ее историческую роль в древности, явилась минерально-сырьевая база и ее расположение в центре Евразийского континента. Новые исследования свидетельствуют, что здесь зарождались и протекали важнейшие исторические процессы, отражающие развитие и взаимодействие двух культурных миров – древних земледельцев и пастушеских племен. Прослеживаются выразительные параллели с ямно-афанасьевскими, полтавкинскими, срубными и андроновскими памятниками Поволжья и Южного Урала

Ключевые слова: Среднеазиатское междуречье, центр Евразии, минерально-сырьевая база, Поволжье, Южный Урал

Нопа Армайықызы Аванесова,
Ш. Рашидов атындағы Самарканд
мемлекеттік университеті
Самарканд қ., Өзбекстан

Еуразиялық ежелгі кезең жүйесіндегі Зеравшан алқабының палеометалл дәуірі

Аннотация. Автор мақалада біздің дәуірімізге дейінгі IV мыңж. ортасы – II мыңж. аяғы шегінде Зеравшан алқабындағы палеометалл дәуірін қарастырады. Аймақтың ежелгі орындары отырықшы-егіншілік және далалық–мал шаруашылығы тіршілігін қамтамасыз ету аймағында екі әлеуметтік-мәдени әлемде орналасқан. Соңғысы өлке ескерткіштерінің тарихи маңызын арттырып, соғды өркениетінің мәденигенезі тұрғысынан оларды түсіну мүмкіндігін ашады. Аталған макроөңірдің археологиялық ескерткіштері әртүрлі мәдени бағыттағы дәстүрлердің өзара әрекеттесуінің күрделі бейнесін байқатады. Ерекше Зеравшан мәдени-географиялық аумағының қалыптасуына ықпал еткен, оның көне дәуірдегі тарихи рөлін айқындаған маңызды фактор – минералдық-шикізаттық базасы және Еуразия құрлығының орталығында орналасуы болды. Жаңа зерттеулер екі мәдени әлемнің – ежелгі егіншілер мен бақташы тайпалардың дамуы мен өзара әрекетін көрсететін аса маңызды тарихи процестердің осы жерде пайда болып, таралғанын куәландырады. Еділ бойы мен оңтүстік Оралдың шұңқылы-афанасьевтік, полтавалық, қима және андрон ескерткіштерімен айқын ұқсастықтар байқалады.

Түйін сөздер: Ортаазиялық өзенд аралығы, Еуразия орталығы, минералды-шикізаттық базасы, Еділ бойы, Оңтүстік Орал

Nona Avanesova,
Samarkand State
University named after Sh. Rashidov,
Samarkand, Uzbekistan

The Paleometal Epoch of the Zeravshan Valley in the System of Eurasian Antiquities

Abstract. The author considers the stated topic of the article within the Zeravshan Valley within the middle of 4th – the end of 2nd millennium BC. The antiquities of the region are located in the zone of two socio-cultural worlds – settled agricultural and steppe – cattle-breeding life support. The latter enhances the historical significance of the monuments of the region and opens up the prospect of their understanding in terms of the cultural genesis of the Sogdian civilization. Archaeological sites of the designated macro-region reflect a complex picture of the interaction of traditions of different cultural orientations. An important factor that contributed to the formation of a special Zeravshan cultural and geographical region, which determined its historical role in antiquity, was the mineral resource base and its location in the center of the Eurasian continent. New studies show that the most important historical processes were born and took place here, reflecting the development and interaction of two cultural worlds – ancient farmers and pastoral tribes. There are expressive parallels with the Pit-Afanasevo, Poltavka, Srubnaya and Andronovo monuments of the Volga region and the Southern Urals.

Keywords: Central Asian interfluve, center of Eurasia, mineral resource base, Volga region, Southern Urals

Введение. Долина реки Зеравшан – обширный в естественно-историческом отношении целостный регион, где сосредоточено значительное количество памятников эпохи палеометалла. Район занимает огромную территорию среднеазиатского междуречья, располагаясь между Туркестано-Акутауским и Зеравшинским хребтами на востоке, Каршинской степью и Кызылкумами на западе [Баратов 1977: 6–7]. Своеобразие обозначенной территории заключается, прежде всего, в ее расположении – в центре обширного материка Евразии, что в значительной мере определило облик палеометаллических культур и пути исторического развития ее населения. Среди природных условий, способствовавших развитию экономической жизнедеятельности в долине, главное значение принадлежит самой реке. Она сформировала долину с аллювиальными почвами, переходящую в среднем течении в обширную равнину, что не могло не повлиять на освоение региона ранними земледельцами и становлению древнеземледельческой культуры (Саразм) здесь почти столь же рано, что и в странах Передней Азии. Обширные пастбищные ресурсы равнины и предгорья реки с ее протоками, богатые травой, остававшейся стабильной кормовой базой для скота и зимой, являлись естественными сезонными пастбищами для успешного развития скотоводства (святилище Жуков). Одной из главных причин активного освоения региона является наличие многочисленных рудных месторождений: меди, олова, свинца, серебра, золота и др., куда водная артерия Зеравшана открывала доступ к ним. Близость воды, минеральных ресурсов, тугайных лесов способствовала развитию металлургии производства. Рудные запасы изучаемой территории стали важным ресурсом для развития металлопроизводства и источником поставок металла в прилегающие районы. Сложилась Зеравшанская сеть торговых путей, по которым осуществлялись коммуникативные связи не только между Севером и Югом, но и между Западом и Востоком.

Реестр археологических комплексов к настоящему времени составляет около 60 объектов. Они представлены несколькими информационными блоками: – в их числе места проживания (поселения, остатки жилища, развешанные стоянки, производственные участки); погребальные памятники (могильники, отдельные захоронения, ритуальный комплекс); производственные районы, связанные с горным делом (металлопроизводящие центры и месторождения, ювелирно-

поделочных камней); отдельные местонахождения (материальные остатки без привязки к культурному слою); случайные находки (сборы во время строительных и сельскохозяйственных работ). В эпоху палеометалла регион был одним из наиболее культурно-интегрированных макрорайонов Средней Азии, где пересекались различные культурные традиции и происходили передачи технических новаций в экономике, производстве и духовной сфере. История населения анализируемой территории в хронологическом интервале IV–II тыс. до н.э. предстает перед нами как непрерывная смена последовательных, родственных, но генетически не связанных культур. Они затрагивают инокультурные аспекты развития и масштабы культурных образований, а так же возможности внешних связей.

Роль минерально-сырьевой базы в развитии края. Новые исследования убедительно свидетельствуют, что на этой территории зарождались и происходили важнейшие исторические процессы, отражающие развитие местных археологических культур и их взаимодействий с пришлыми социумами. Своеобразие сформировавшейся историко-культурной ситуации во многом было обусловлено сложными процессами интеграционного характера, в которых принимали участие как южные – земледельческие, так и северные, а также западные пастушеские племена, что привело к формированию поликомпонентных культур. Активное взаимодействие двух культурных миров имело место на протяжении всего периода эпохи палеометалла. Местной подосновой этого процесса явился неолитический сазагано-кельтеминарский пласт.

В середине IV тыс. до н.э. в регионе произошли значительные изменения, они были вызваны расселением среди местного неолитического населения оседло-земледельческих племен Геоксюрского типа [Исаков 1991а]. Наряду с инфильтрацией населения из зоны оседлого земледелия дополнительные сложности создавались проникновением представителей ямно-афанасьевского мира с типичной степной моделью хозяйства [Аванесова 2012а: 8–27] в подвижных его формах (сакральный комплекс Жуков, Саразмский могильник (?), развешенные сезонные стоянки Сияб-2, Лявлякан, Аякагытма). На рубеже III–II тыс. до н.э. возникают новые коммуникационные направления, связанные с рынком ремесленной продукции, что наиболее рельефно демонстрируют археологические исследования поселения Саразма и погребений Сазаганского староречья [Исаков 1991б; Аванесова 2010: 334–364].

Саразм играл роль узлового пункта в сети обмена контактных зон, т. е. был неразрывно связан со сферой экономических и культурных отношений. Возникший на пересечении доисторических путей, шедших с Востока и Севера, поддерживал торговые и культурные связи как внутри Центральной Азии, так и с древневосточными цивилизациями (Иран, Белуджистан, Хараппа и Месопотамия), а также пастушескими племенами Севера степной Евразии, что подтверждают находки материальной культуры. В основе таких широких контактов и связей лежат, безусловно, богатые минеральные ресурсы Зеравшана. Трасса через трансзеравшанский коридор в доисторическую Бактрию и обратно реконструируется на основе погребений из Джаркутана, Зарча-халифа, Староречья Сазагансая, Джам, Аксай, через которые зеравшанские памятники вписываются в зону формирования Бактрийско-Маргианско-Согдийской цивилизаций [Аванесова 2010: 25–54]. Особенно показательны экстраординарные погребения Сазагансая – отражающие странствующих профессиональных ремесленников (металлург, ювелир).

Материальные контакты двух полярных традиций на обсуждаемой территории отражают пастушеские сообщества срубно-андроновского типа с основой животноводческого хозяйства. Специализировались они также горно-металлургическим производством, направленным на освоение и переработку местных сырьевых ресурсов (горные выработки: Карнаб, Тым, Лапас, Чангалли, Кочкарли и др.; поселения: Тугай, Мадами, Чакка и др.). На многих месторождениях отмече-

ны следы эксплуатации в древности – катакомбно-срубно-андроновскими рудознатцами и металлургами [Аванесова 2012б]. Рудные богатства Зеравшана позволили не только удовлетворить потребности местного населения, но и экспортировать металл в соседние регионы. Пастушеские племена, владевшие навыками горнорудного производства, положили начало бронзолитейному ремеслу.

Экстраординарные памятники, отражающие контакты полярных традиций. Картина жизнедеятельности, отражающая процесс специфического синтеза, отличается от культурогенеза как в степном, так и земледельческом мире. Самым важным хозяйственно-культурным направлением зеравшанцев было освоение местных рудных залежей, представляющих стратегический ресурс. Здесь известны месторождения золотоносных, сереброносных, медных, оловянных, свинцовых, цинковых, мышьяковых, висмутовых и др. руд. Сырьевая база включает и нерудные формы, в виде поделочных (бирюза, халцедон, ониксы и др.) камней [Минерально-сырьевые ресурсы Узбекистана 1976].

В целом, перечисленные культурные образования представляют общества с комплексной экономикой, которые позволяют наметить вектор связей древних земледельцев и пастушеских сообществ. Полученная информация важна для решения ряда проблем археологии региона, в том числе, вопросов культурогенеза Согдийской цивилизации.

Для понимания сложных историко-культурных явлений приведем анализ наиболее ярких комплексов в рамках межрегионального диалога. Данный экскурс поясняет, каким образом каждый археологический комплекс в той или иной степени был связан с переориентацией этнических и культурно-экономических связей, вызванных доступностью ресурсного потенциала региона. В эпоху палеометалла обсуждаемый край представлял самостоятельный культурный феномен, обладающий внутренней динамикой.

Саразмская культура является самым северным в Центральной Азии древнеземледельческим центром, демонстрирующая начальный этап в становлении производящей экономики (IV тыс. до н.э.) Зеравшанской долины. Формирование материального мира саразмийцев носит поликультурный характер. Начиная с конца IV тыс. до н.э., поселение Саразм становится одним из центров древнего металлопроизводства Средней Азии [Исаков 1991а: 21–24]. Деятельность местных кузнецов в это время сводилась к изготовлению большого количества изделий, выполненных в простых технологиях, характерных для ранних производственных традиций земледельческих и скотоводческих сообществ. Судя по археологическим остаткам, объем получаемого металла и изделий выходил за рамки нужд местного населения. Саразм выступает как металлоносная культура, где производство уже имело товарный характер. Речь может идти не только о внутреннем, но и о внешнем международном обмене. Однако организационных форм этого обмена мы пока не знаем. С металлургическим производством Саразма связан целый ряд выразительных археологических свидетельств: находки каменных инструментов, плавильных тиглей, глиняных литейных форм, различные металлосодержащие руды, отходы производства. Яркую картину дополняют печи для плавки руды и производственная мастерская¹. Кроме них обнаружены следы литейного производства в виде свинцовых и бронзовых товарных слитков различного весового достоинства (от 200 г до 10 кг), свидетельствующие о вероятном экспорте металла [Исаков 1994: 162; Раззоков, 1994; Исаков и др. 2003: 161–162]. Материалы последних лет представляют Саразм как производственный и обменно-торговый центр с развитой системой общинно-ремесленных производств, продукция которых предназначалась для ближайших соседей, а вероятно и для отдаленных регионов. Экономика опиралась в значительной степени на местные ресурсы. Недостатка в сырье

¹ В публикациях отсутствуют рисунки металлургических печей и их описание.

не было – недра Зеравшанского края и сегодня богаты медью, оловом, золотом, свинцом [Раззоков 2013]. Изменения в хозяйстве вызвали усиление межплеменных связей, а также явились, по-видимому, причиной изменений в социальной структуре саразмского общества. В этот процесс оказались вовлечены и обитатели степного мира, что было результатом культурных связей и заимствования или инфильтрации отдельных групп разнородного населения. Примеры присутствия степных артефактов древнеямного типа в Саразме имеются [Аванесова 2012б; 2014]. Они представлены медными ножами листовидной и подтреугольной формы с прямым, выделенным черенком, линзовидным сечением клина; каменным проушным молотом-клевцем или клювовидным жезлом, известным в ямных памятниках Поволжья и Приуралья [Исаков 1991а: рис. 10, 5, 7–9; 81, 1, 2а, б; Аванесова 2012б; 2014]. Приведем еще один аргумент, маркирующий возможную связь зеравшанцев с ямным населением Приуралья. Среди медных предметов Саразма есть изделия, по характеру сплавов соответствующие выделенной Е.Н. Черных химической группе ВУ (Волго-Уральская) [Черных 1970]. В.Д. Рузанов связывает появление ВУ группы с северо-западным импортом [Исаков, Рузанов 2008: 231]. Систематизируя все указанные факты, следует заметить, что они красноречиво аргументируют возможные векторы интенсивного взаимодействия обитателей Зеравшана с носителями культур Волго-Уралья. При этом могло иметь место переселение кузнецов-металлургов (перемещались не только товары, но и люди), связанных с западными очагами металлообработки [Аванесова 2010]. Вероятно, активность ямного населения была вызвана экономическими причинами — поиском новых минерально-сырьевых источников. Известно, что в эпоху средней бронзы наблюдается резкий упадок Каргалинского (Приуралье) горно-металлургического центра, который эксплуатировался ямно-полтавкинскими племенами [Черных 2007: 69–70]. Может быть, именно это обстоятельство объясняет появление приуральских ямников в Зеравшанском крае и присутствие Волго-Уральского фактора в регионе. Данное явление приходится преимущественно на вторую половину III тыс. до н.э. Взаимовлияние и выявленные контакты имели длительную историю в предшествующее и в последующее время.

Особый интерес в плане ямных территориально-хронологических сопоставлений представляет ямно-афанасьевский комплекс – *святилище Жуков* [Аванесова 2012б]. Расположен на окраине одноимённого селения в 16 км к востоку от Самарканда. Исследования выявили образованное из нескольких рядов горизонтально уложенных по кругу валунов и галечника сооружение в виде кольца диаметром 3,6 м², высотой 0,4 м. В центре ограды установлен валун-стела, высотой 0,47 м, ориентированный по оси СЗ–ЮВ. Характер культурных наслоений представлен: долговременными кострищами, углублениями с охрой, преднамеренно разбитой посудой, скоплениями костей животных и др., что указывает на обрядово-ритуальные действия (рис. 1).

Заслуживает быть отмеченным характер немногих сохранившихся артефактов, расположенных хорошо организованными скоплениями. В одном из кострищ было обнаружено два тесловидных топора и наконечник стрелы, в другом – фаломорфный пест. Вокруг кострищ отмечена максимальная концентрация находок: пестообразные предметы, наконечники стрел, терочник, кремневые орудия, костяная и глиняная поделки, крупный обломок чаши-курильницы, фрагменты сосудов, разбитых во время тризны. В западной части, у самой стенки ограды открыта небольшая ямка-лунка с охрой (“тайник” диаметром 0,22 м) со значительным числом каменных, перламутровых бус, бисерин и двумя астрагалами (на них сохранились следы охры), прикрытых фрагментом керамики. В разных местах заполнения ограды были вскрыты охристые (встречаются комки охры) и углистые пятна (оставшиеся от временных костров), значительное количество костей животных (овца, корова, олень, кулан), орудия на отщепках, микропластинки, развалы верхних и нижних частей сосудов, костяные и бронзовые изделия. Ни могильной ямы, ни каких-либо следов погребения

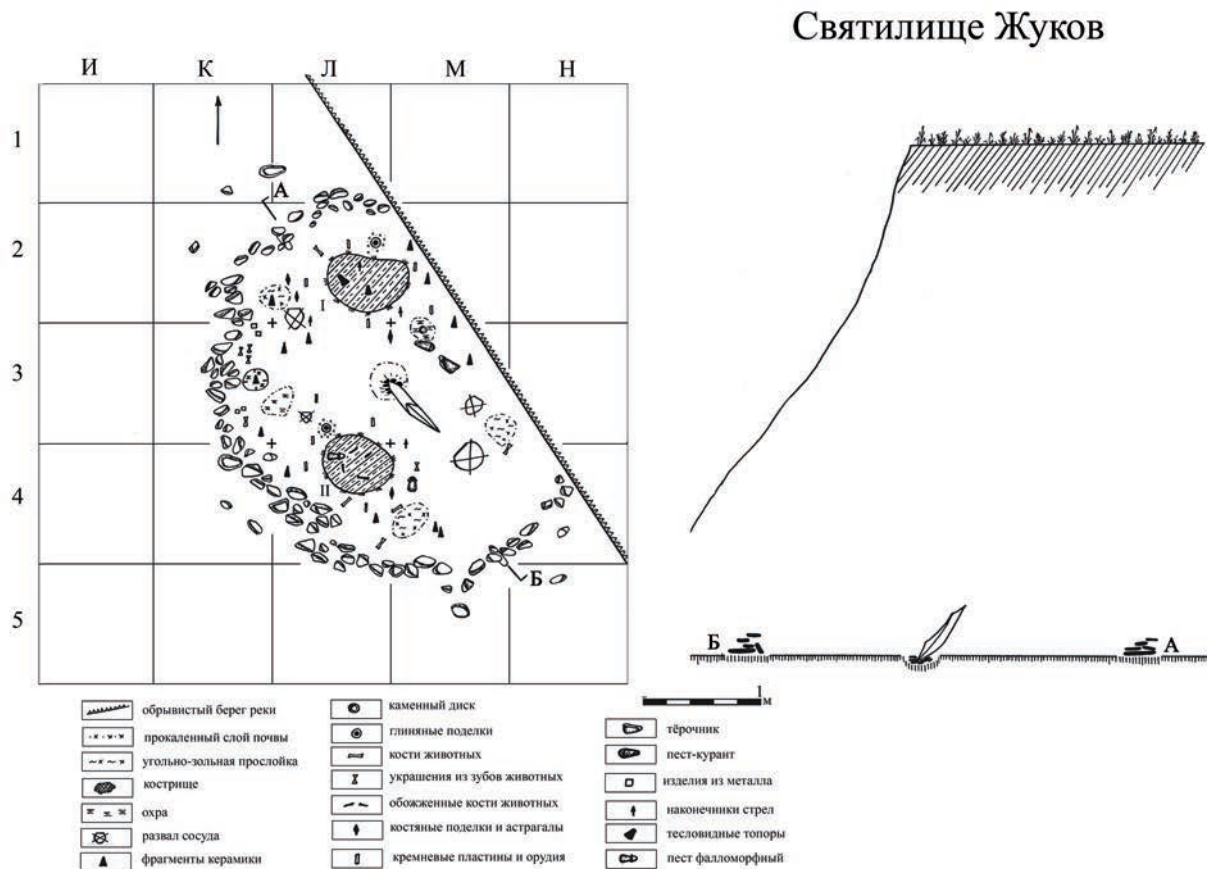

Рис. 1. Святелище Жуков. План и разрез сохранившейся части

ния (человеческих останков) в ограде не оказалось, что позволяет определить назначение этого сооружения как места для отправления каких-то важных обрядовых церемоний и жертвоприношений.

Своеобразными маркерами совершавшихся культовых действий служат: долговременные кострища, ямка с охрой, валун-стела («ось мироздания» или «мировая гора»), разбитая посуда, глиняные поделки с астральной символикой, скопление костей животных и круговая планировка самой ограды. Очевидно, сооружение предусматривало многократное посещение (своего рода древнейшее святилище), в котором, вероятно, совершались умилоостивительные жертвоприношения, ритуальным пиршеством домашних (овца, корова) и диких (кулан, олень) животных. Во время обрядовой церемонии возводили жертвенные костры – алтари, в них оказались пожертвованные орудия. Не исключено, что проведение церемониальных актов было обусловлено чрезвычайными обстоятельствами: в условиях чужой территории необходимо было выработать новые формы процедуры приношения даров божественным силам с целью обретения благодати. Судя по стратиграфической картине памятника, весь этот комплекс после определенного периода использования как святилище общественного назначения был преднамеренно засыпан.

Культурная принадлежность сакрального комплекса определяется по керамике, изготовленной в афанасьевской и ямной традиции, включая и конструкцию ограды. Степень типологической выразительности керамики ямного типа и др. инвентаря не исключает вероятность связи происхождения стелы с каменными изваяниями племен ямной культурной общности.

Определяя место исследуемого комплекса среди других памятников эпохи палеометалла Евразии, следует отметить, что его обрядовые показатели наибольшее соответствие находят с афанасьевскими комплексами Горного Алтая и Тувы. Типологически близкое строение, связанное с сакральной сферой жизнедеятельности афанасьевцев, известно на могильнике Кара-Коба 1 [Владимиров, Цыб 1982: 55–62]. Практика сооружения ритуальных объектов зафиксирована на могильнике Сальдьяр-1 [Ларин 2005: 11, 13, 36] и в курганной группе Бай-Даг бары I [Кызласов 1979: 20]. Исследуемый комплекс представляет собой своеобразное культурное явление эпохи палеометалла, неизвестное ранее не только в Зеравшанской долине, но и Средней Азии. Это своеобразие заключается в поликультурном характере памятника, где артефакты, с одной стороны, идентичны аналогичным изделиям ранних земледельцев Средней Азии, с другой, – характерны для культурных стандартов степной бронзы Евразии. При этом здесь одинаково выступает и местная имманентная подоснова. Автор полагает, что формированием памятника в значительной мере обязан афанасьевскому компоненту.

Культурная принадлежность святилища Жуков не поддается однозначному четкому определению, в силу сложности образующих его компонентов. Состав орудий и фауна памятника позволяют полагать, что население вело преимущественно пастушеский образ жизни с придомным содержанием скота, т. е. они относятся к числу ранних скотоводов Зеравшана. Керамика состоит в основном из сосудов, которые представляют классические каноны ямно-афанасьевской древности (рис. 2). Вместе с тем, сакральный комплекс характеризуется целым рядом неординарных признаков, не позволяющих однозначно рассматривать его только в рамках одной культуры. На процесс формирования Жуковского комплекса в значительной мере повлиял ямный импульс и близкое соседство с носителями саразмской культуры. Материалы означенного памятника могут иллюстрировать как прибытие нового населения в Зеравшанский макрорайон, так и процесс перехода пастушеского населения к оседлому образу жизни. Они конкретизируют один из путей продвижения и определяют южную периферию раннескотоводческого мира Евразии. Жуковский феномен, на наш взгляд, самым тесным образом может быть связан с проблемой расселения ямных племен и с генезисом афанасьевской культуры.

Полученные материалы, вместе с другими находками, происходящими из Средней Азии (ямно-афанасьевские проявления в Саразме и Мургабском оазисе), на наш взгляд, отражают пути продвижения и опосредованные звенья населения, отпочковавшегося от ямного общества (степное Приуралье) в восточном направлении, а от афанасьевского (Енисейский вариант) в западном, не исключая их непродолжительного сосуществования. Взаимодействие осуществлялось в широтном направлении. Эти встречные движения как бы сфокусировались на соединяющей их территории Зеравшанской долины. Однако заметим, что наши материалы несопоставимы со свидетельствами сколько-нибудь активной миграции. Наиболее вероятное предположение – это скорее проявления культурных взаимоотношений синхронных образований, что можно также наблюдать по материалам урало-казахстанского региона [Потемкина 1982: 66; 1985: 150–154; Евдокимов, Ломан 1989: 45; Оразбаев 1989: 225–226], где в одних памятниках преобладают ямные, в других – афанасьевские признаки.

Изучение святилища Жуков открыло перспективы для исследования наиболее острой проблемы – генезиса обсуждаемой культуры, которая пока не решается однозначно.

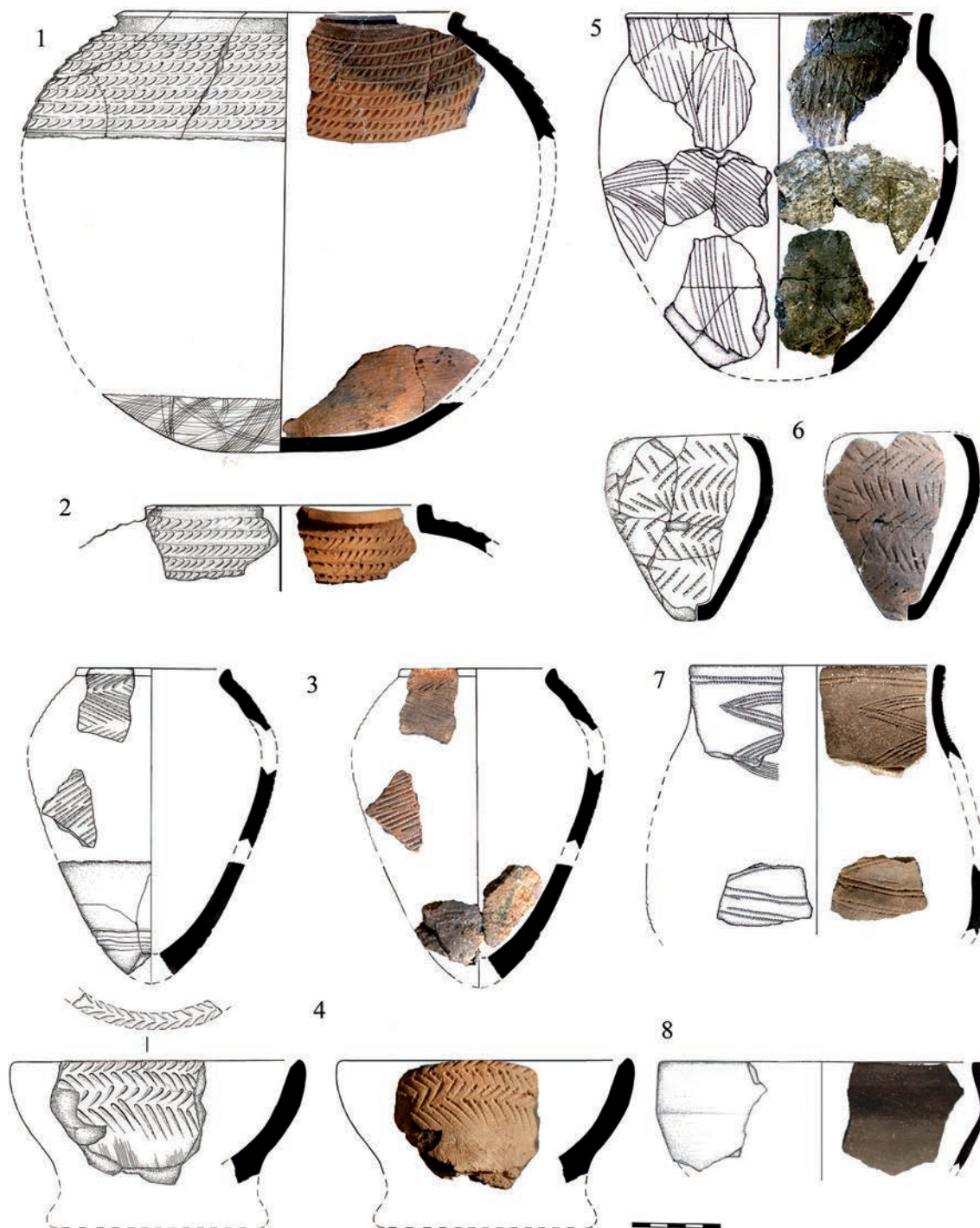

Рис. 2. Святылище Жуков. Керамика

Облик регионального металлопроизводства рассматриваемой эпохи определяет не только Саразм, но и протоандроновское *поселение Тугай*, расположенное на северо-восточной окраине одноименного села в 18 км к востоку от Самарканда. Памятник является стоянкой горняков-металлургов. Занимает участок первой надпойменной террасы высотой более 6 м над современным уровнем реки (рис. 3). На площади 248 м² исследованы сооружения хозяйственно-бытового (полуназемное жилище) и производственного назначения с остатками металлургической деятельности [Аванесова 2015: 47–62]. Незначительная мощность слоя (0,2–0,9 м) указывает, что памятник является сезонным поселением. Интерес представляют остатки полуназемного теплотехнического сооружения – плавильная печь с топочным устройством. Печная полость прослежена на глубине 0,45 м. Она пристроена к колодцу (диаметр 1,1 м, глубиной 1,6 м) и соединена воздуходушным каналом, обеспечивавшим естественную тягу. Помимо очевидного комплекса для получения металла, здесь же обнаружены медные капли, фрагменты тигля с ошлакованными стенками. Вокруг медеплавильного сооружения на площади 64 м² расчищены отдельные скопления окисленных руд различных типов медной минерализации, рассеянные куски шлаков лепешкообразной формы, зольные отвалы с вкраплениями угля, пережженные кости животных, каменные орудия предназначенные для дробления и размельчения руды. Правомерно полагать, что медеплавильное устройство было связано с выплавкой обожженной и черновой руды с помощью искусственной подачи воздуха, о чем свидетельствуют находки фрагментов сопла. Последующее рафинирование материала осуществлялось, вероятно, в тиглях.

В коллекцию вещественных остатков входят: керамика – 29, металлические изделия – 5, артефакты из камня – 46, кости – 4, глины – 2, украшения из камня и бронзы – 21 (рис. 4). Культурно-хронологическая интерпретация поселения Тугай основывается, прежде всего, на сравнительной характеристике технико-технологических и морфологических показателей керамики синташтинско-петровского облика и круговой нерасписной посуды времени Саразма IV, а также некоторых типов украшений, близких южно-туркменистанским древностям. Трасологический анализ каменных предметов, проведенный Г.Ф. Коробковой, позволил выделить не только орудия металлообработки, но и горнодобывающего и горно-обогачительного дела. Получен выразительный информативный набор предметов синкретического характера, имеющий широкие аналогии на Южном Урале и юге Средней Азии. Речь идет о целой системе взаимосвязей, объединяющих степной и древнеземледельческий мир на рубеже III–II тыс. до н.э. Следует сказать, что поселение появилось в регионе, когда рядом продолжал существовать саразмский культурный комплекс. Крайне важно указать, что появление степного сообщества (вдали от основного ядра доандроновской культуры) в обсуждаемом регионе определялось такими обстоятельствами, как близость месторождений полезных ископаемых и расположение в контактной буферной зоне. Нельзя исключить, что продвижение этого населения стимулировалось прогрессирующим ухудшением климатических условий, усилением процессов аридизации, начавшихся на рубеже III–II тыс. до н.э. Обживание нового региона пастушескими племенами во многом зависело от толерантности и открытости местного населения, что подтверждается участием саразмийцев в судьбе тугайцев. В формировании древностей обсуждаемого памятника заметно воздействие местного населения и определенное влияние со стороны алтындепинцев, а также восточноевропейских сообществ. Своеобразие сложившейся историко-культурной ситуации во многом было обусловлено сложными культурными процессами интеграционного характера, что привело к формированию поликомпонентных культур. В III тыс. до н.э. богатые сырьевые ресурсы края контролировались саразмийцами, а во II тыс. до н.э. – андроновцами.

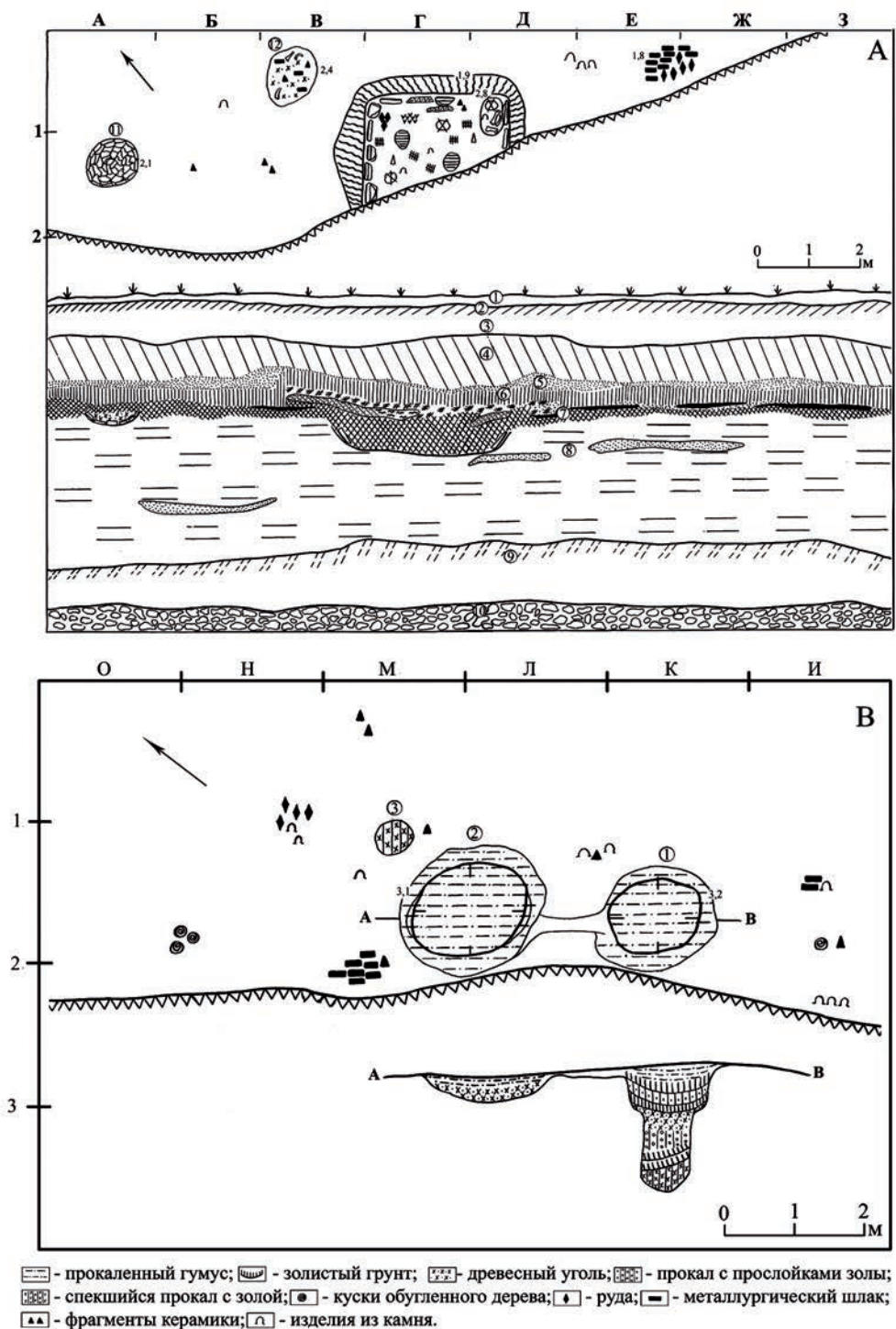

Рис. 3. Поселение Тугай: А – план раскопа остатков жилища и геоморфологический разрез обнажения террасы; Б – общий план раскопа производственной части и разрез медеплавильного сооружения

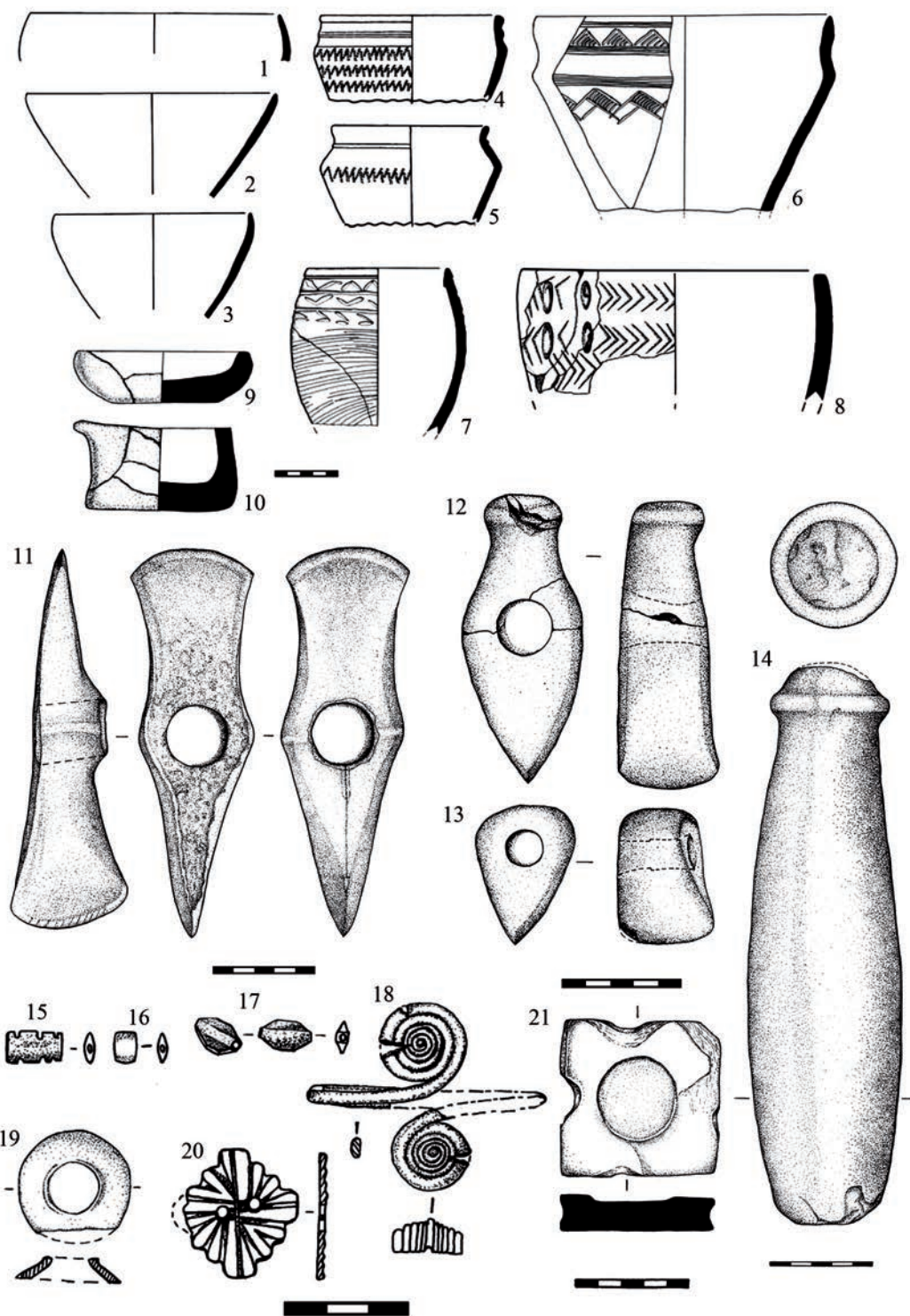

Рис. 4. Поселение Тугай. Артефакты земледельцев и скотоводов: 1–10 – керамика; 11, 18 – медные изделия; 12–14, 21 – каменные предметы; 15–17 – пастовые бусы; 19, 20 – изделия из кости

В свете рассматриваемой проблематики межкультурные контакты двух полярных традиций на обсуждаемой территории зафиксированы и в материальной культуре *погребений Сазаганско-го староречья*. Памятник обнаружен при разработке песчаного карьера в 26 км к юго-западу от Самарканда. Было изучено одно частично сохранившееся, второе – почти уничтоженное бульдозером захоронения. Комплекс рассматривается как продукт жизнедеятельности профессиональных ремесленников – металлурга и ювелира. Находки демонстрируют выразительный синтез двух культурно-хозяйственных систем с преобладанием сапаллинского субстрата, связанный с установлением межкультурных контактов со степным доандроновским миром в начале II тыс. до н.э. [Аванесова 2010: 337–345]. В погребениях обнаружен выразительный набор керамики, предметов вооружения, псалиев, украшений. Особую значимость имеют найденные в могиле 1 бронзовый слиток, руда, сопло, а также необработанные куски бирюзы и лазурита из второго погребения. Находки, безусловно, указывают на сферу профессиональной деятельности усопших и имеют близкие аналогии в памятниках Южного Урала и Поволжья (рис. 5).

Керамический комплекс обсуждаемых погребений ярко определяет своеобразный характер зеравшанских древностей. В исследуемой коллекции представлены сосуды, отличающиеся значительным функциональным и технологическим разнообразием. Большая часть изготовлена на гончарном круге, а два – ручной лепкой с орнаментом. В общем ассортименте представлены: вазы и кубки на ножках, чайник с трубчатым сливом, чаши со сливом, конические чаши, узкогорлый графин, хумчи, кувшин. Это преимущественно столовая бытовая посуда раннего этапа сапаллинской культуры [Аскарлов 1973; Аскарлов, Абдуллаев 1983; Рахманов 1987].

Несколько необычны в коллекции, найденные в одном комплексе с гончарной посудой, сосуды ручного изготовления, своеобразие которых наиболее ярко представляется в формах и приемах орнаментации [Аванесова 2010: 342–343; 2015: 52–57; рис. 4–7]. Посуда горшечных форм с подчеркнутым внешним ребром по многим показателям сопоставима с полтавкинской керамикой поздних этапов Нижневолжских и Прикаспийских групп памятников [Качалова 1962: 37–39; 1983: 4–17; 2001: 36–38, 51–52, рис. 1, 4, 7; Салугина 1994: 177]. Несмотря на близость с полтавкинской керамической традицией, речь идет о сходстве признаков, а не о полном тождестве. Особенно это касается характера оформления шейки, плоско срезанного венчика, пропорций и толщины сосуда. Показательно, что по указанным признакам выявляется большая близость с посудой потаповско-синташтинского и петровского круга памятников [Васильев и др. 1994: рис. 3–8; Виноградов 2003: рис. 8, б; Малютина, Зданович 2004: рис. 6, 3; Потемкина 1985: рис. 75, 1, 4, 9, 11]. В литературе неоднократно рассматривался вопрос об участии полтавкинцев в культурно-генетических процессах синташтинско-петровского и потаповско-покровского типа древностей, носители которых стадильно и культурно близки.

Особой категорией инвентаря являются роговые псалии, которые выступают ярким социкультурным и хронологическим маркером. Псалий дисковидный, щитковый с четырьмя монолитными шипами имеет центральное и одно дополнительное отверстия в щитке. Центральное отверстие оформлено выступающим усечено-коническим утолщением, образующим втулку. По наружной окружности диска проходит желобок, образуя рельефные пояса. Согласно результатам трасологического анализа, рассматриваемое изделие изготовлено с помощью комплекса технических приемов – это сверление, раскалывание, состругивание, стесывание, распиловка, шлифование на абразивах. В целом, характер изготовления сазагансайских псалиев не отличается от техники исполнения джаркутанского псалия [Аванесова 2005: 9, рис. 1]. Они изготовлены, скорее всего, по стандартам волго-уральских традиций, о чем свидетельствует высокая степень сходства с псалиями потаповско-синташтинского культурных типов [Васильев и др. 1994: рис. 28, 15; 33,

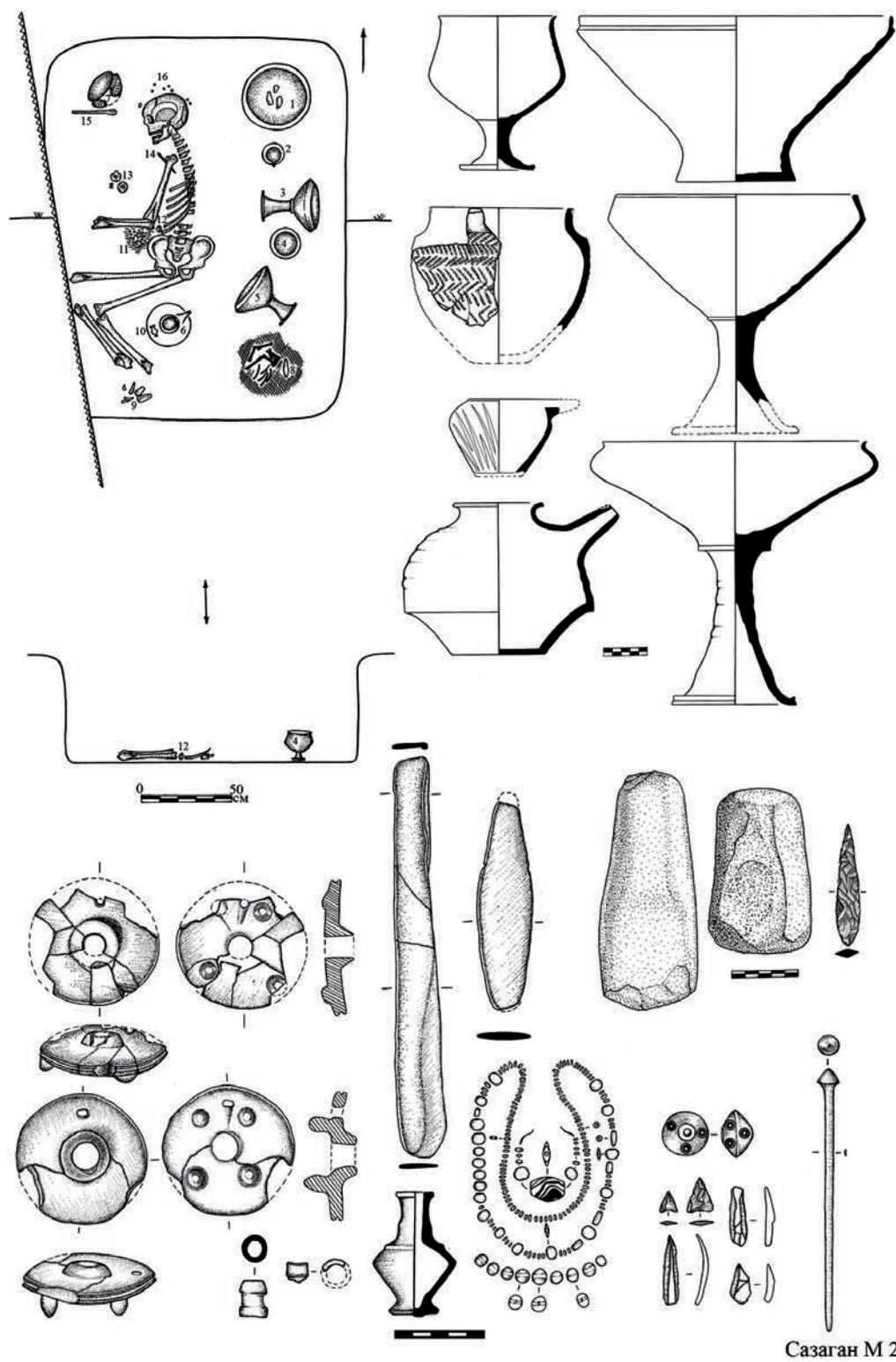

Рис. 5. Сазгансай. Могила 2, погребальный инвентарь

1; Генинг и др. 1992: рис. 57, 8]. Заслуживает отдельного внимания сходство по моделировке выступающей втулки центрального отверстия и выемки на торцах щитков с псалиями из могильника Каменный Амбар-5, на что обратил внимание и А.Н. Усачук [Епимахов 2005: рис. 21, 1, 2; Усачук 2005: 185–186]. К выше приведенным аналогиям добавим чрезвычайно интересные параллели при сравнении фигурных утолщений вокруг втулки у псалиев из могильника Большекараганский [Баталов и др. 1996: рис. 17, 10; 18, 4], Синташтинского большого грунтового [Генинг и др. 1992: рис. 75, 1, 2; 79, 9, 10], могильников Солнце II [Епимахов 1996: рис. 12, 1], Кривое Озеро [Виноградов 2003: рис. 98]. Все они приурочены к синташтинскому горизонту. Подобная картина сходства (происходящего из отдаленных друг от друга регионов) может наблюдаться лишь в родственных культурах и свидетельствовать о существовании трансевразийских путей. Находки псалиев в среднеазиатском междуречье являются маркером передвижения отдельных групп синташтинско-петровского населения с территории Волго-Уралья. Векторы их культурных взаимодействий с южным земледельческим миром доходят до Сапаллинской культуры (северная Бактрия).

Среди каменного инвентаря интерес представляют наконечники стрел двух типов: удлиненно-листовидной формы без черешка и наконечники с выемкой у основания. Последние наиболее сопоставимы с наконечниками развитого этапа полтавкинской культуры (II Бережковский могильник) Нижнего Поволжья [Синицын 1959: 119, рис. 38, 5; Качалова 2001: 43, рис. 4, 42] и с некоторыми образцами памятников катакомбной общности [Братченко 1976: 55, рис. 25, 22, 23; 99, рис. 55, 7; Пряхин 1982: рис. 11–12; Субботин 2000: 374, рис. 11, 24, 25].

Предметом, заслуживающим значительный интерес в коллекции, является глиняное сопло – трубка с продольным полым каналом конической формы. Конусовидное отверстие для подачи воздуха покрыто сероватым налетом. До недавнего времени погребения металлургов или литейщиков были известны лишь в ряде скотоводческих культур Восточной Европы [Бочкарев 1974: 48–53] с середины III тыс. до н.э. С точки зрения хронологии и по степени близости наиболее значимая параллель нашей находке представлена в Калиновском могильнике (Нижнее Поволжье) полтавкинской культуры [Шилов 1959: 15, рис. 2, 4, 5, 17; 5, 6–9; Качалова 1983: 9, табл. 3, 41, 42, 47, 48, 53, 54]. Есть соответствия и в синташтинских погребениях могильников Солнце II [Епимахов 1996: 38, рис. 11, 11, 12], Синташта III [Генинг и др. 1992: 336, рис. 195, 6, 7], а в могильнике у горы Березовой обнаружено каменное сопло [Халяпин 2001: 424, рис. 3, 11]. Обратим также внимание, что подобные предметы обнаружены на поселении Аркаим [Зданович 1995: 32, рис. 6, 26, 27]. Безусловно, захоронение указывает на прижизненную специализацию усопшей, связанной с металлопроизводством.

Выразительное свидетельство производственной деятельности камнеобрабатывающего ремесла демонстрирует и инвентарь захоронения № 2. Профессиональная принадлежность мастера устанавливается по сопровождающим рабочим инструментам и сырью – необработанным кускам лазурита и бирюзы. Об обработке цветных камней свидетельствуют бракованные бусы из лазурита, сердолика, заготовка овальной бусины из сердолика без шлифовки и высверленных отверстий. Высокий статус мастера-ювелира по изготовлению бус из самоцветов подчеркивается наличием в могиле псалиев. Наиболее точную аналогию такому типу захоронения находим в некрополе Гонура [Сарианиди 2001: 71, 72]. Традиция отражения профессионального статуса усопшего в погребальном обряде известна в Сапаллитепа – это гончары, плотники, ткачи [Аскарлов 1977: 153]

Появление обсуждаемых комплексов в Зеравшанской долине, видимо, следует объяснить разработкой бирюзовых и медно-оловянистых месторождений региона [Аванесова и др. 2005: 17, 18, 24]. Высокий уровень материального производства (где работали мастера-профессионалы) должен был иметь прочную экономическую основу.

Изучаемые комплексы рассматриваются как продукт жизнедеятельности конкретных групп населения, взаимосвязанных между собой. Допустимо предположить, что данный процесс мог быть вызван не только демографическим взрывом в земледельческой среде и природно-климатическими катаклизмами, но и более глубокими изменениями социально-экономического характера, как среди земледельческого, так и степного населения. Если говорить о мотивации появления нового населения, то оно, на мой взгляд, связано с рудными богатствами края и торговыми связями. Не исключено, что возникновение металлообработки в регионе является отражением консолидации пастушеских и земледельческих сообществ. Зеравшанское население, располагаясь между двумя культурными мирами (на севере – пастушеские племена, на юге – земледельцы), аккумулировал в себе их культурные черты. На стыке культурных ареалов наблюдался оживленный контакт. Представить себе механизм его развития можно через призму сырьевых ресурсов Зеравшанского и Амударьинского бассейнов: в сфере активного торгового обмена находились бирюза, лазурит, металл. Известно, что потребительская стоимость бирюзы и лазурита была эквивалентна стоимости металла [Lyonnet 2005]. Следы местной добычи и обработки бирюзы обнаруживаются, начиная с поздненеолитического времени [Виноградов и др. 1965: 127–130]. Но обмен не ограничивался одними перечисленными товарами, наряду с ними были, конечно, и другие предметы торговли (соль, ткани), не отразившиеся в археологических находках. Очень вероятно, например, что из доисторической Бактрии в другие области шел шелк, находки которого известны из Сапаллитепа [Аскарлов 1977: 158].

Состояние изученности эпохи палеометалла Зеравшана, к сожалению, не дает пока возможности более детально понять характер, размах, объем взаимосвязей рассмотренных сообществ. Межкультурные взаимодействия, несомненно, непосредственно зависели от интенсивности прямых контактов. Зеравшан являлся центром в межрегиональной системе торговли и обменов, культурно связанный как со степными племенами, так и с центрами Ближнего Востока. Направление этих связей можно проследить на материалах сапаллинских и синташтинских древностей. Конструктивные особенности последних легко узнаваемы в системе Евразийской провинции. Новое направление культурных связей было связано с рынком ремесленной продукции, что наиболее рельефно демонстрирует рассмотренный выше материал Сазаганса. Мы можем только догадываться, какие реальные события стоят за появлением столь необычных захоронений, свидетельствующие о существовании дальних дистанционных связей зеравшанцев на рубеже III/II тыс. до н.э. с Волго-Уралем.

С проблемой своеобразия памятников эпохи бронзы связан вопрос и более широкого плана – этнокультурных контактов населения Зеравшана с соседними областями и более отдаленными регионами степной Евразии. Особенно показательны в этом плане памятники *андроновской историко-культурной общности* (АИКО), благодаря которым стало возможным более аргументировано вновь вернуться к проблеме выделения ее локального варианта в Зеравшане [Аванесова 1985: 38–40]. Этот вопрос важен для реконструкции этнокультурных процессов исторической действительности, восстанавливаемой по археологическим источникам. Именно степень участия разноэтничных, разнокультурных групп определили специфику Зеравшанского варианта андроновской общности. За прошедшие десятилетия реестр археологических древностей степной цивилизации существенно расширился и составляет более 30 объектов, причем многие материалы не введены в научный оборот. В последние годы обнаружено несколько новых погребальных памятников (Бешмолла, Тоз, Муминабад-2, Бахмал, Чакка), демонстрирующих территориальную и обрядовую обособленность андроновских памятников Зеравшана (рис. 6). Однако необходимо отметить, что, в целом, различия связаны, преимущественно, с количественными, а не качественными показателями.

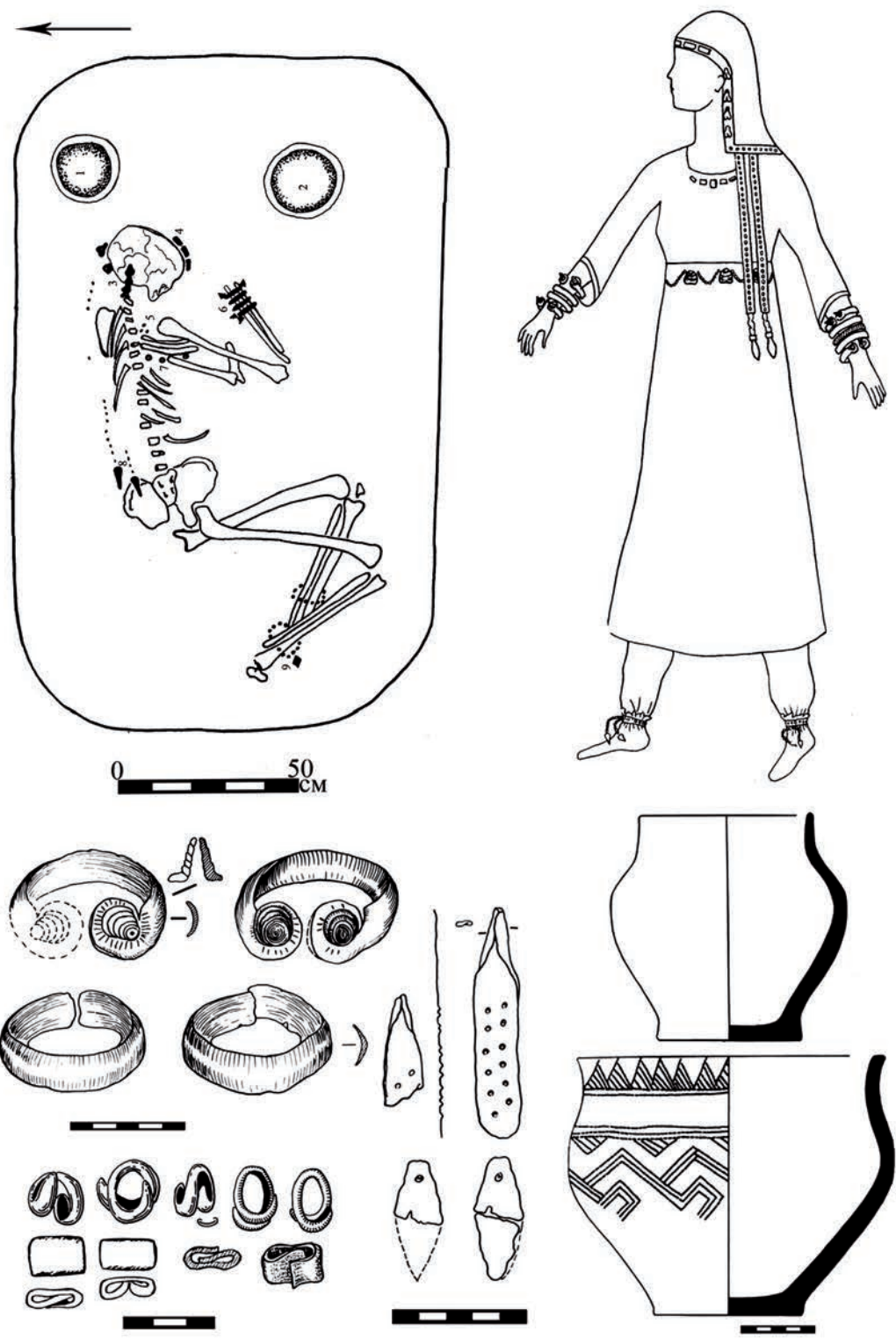

Рис. 6. Могильник Чакка. Андроновское погребение 3

При некоторых различиях в обряде и инвентаре, исследованные памятники обладают существенными чертами сходства, позволяющими отнести их к единой АИКО. Они маркируют петровскую, алакульскую и федоровскую линию развития с переходными ступенями² и датируются эпохой поздней бронзы. Калиброванный возраст функционирования установлен в пределах XVIII–XIII вв. до н.э. Растущее количество новых объектов расшило возможности системного подхода к источникам, выявило сложную мозаику всей картины культурных образований исследуемой зоны.

Отличительной особенностью рассматриваемых комплексов в структуре андроновской ойкумены является влияние инокультурных традиций. В андроновских памятниках Зеравшана мы находим мир, чуждый как степным, так и земледельческим обществам вследствие вовлечения в интеграционный процесс сразу нескольких культур, что отражается на особенностях бытового уклада и материальной культуры. Ни в одной из палеометаллических культур Средней Азии нельзя найти полного сходства с памятниками Зеравшана. Одним из факторов, определивших своеобразие андроновских комплексов обсуждаемого края, были межрегиональные взаимосвязи Севера и Юга, а также активные контакты с населением Урало-Казахстанских степей. Результатом этих связей явилось формирование синкретических образований при сохранении доминирующей роли степного компонента. Носители новых культуурообразующих комплексов были сообщества, несущие основные черты пастушеских и земледельческих традиций. Этот процесс наиболее ярко отражен в самых разных категориях артефактов. Показательно, что часто в погребениях представлены украшения, характерные для оазисных общин юга вместе с предметами, которые считаются не только типичными, но и являются андроновским маркером (серьги с раструбом), а также хронологическим и этническим индикатором (браслеты и подвески).

К числу неординарных явлений, отражающие различные виды андроновской культурной трансформации в Зеравшанских древностях, мы относим:

- подкурганый обряд захоронений (Муминабад, Чакка) сосуществующий с грунтовым могильником (Дашти-Козы);
- варибельность могильных сооружений (подпрямоугольная камера, подбой, катакомба, каменный ящик);
- применение таких элементов ритуала, как подстилка (камыш), покрывало, охра;
- северная и северо-восточная ориентировка погребенных;
- отсутствие заупокойной мясной пищи, устройство тризны и жертвенников;
- по морфологическим и технологическим признакам выделяются серебряные, золотые, бронзовые серьги с коническим широким раструбом и массивные литые пластинчатые браслеты со спиральным коническим завершением (часто они имеют гравированный орнамент, носят их по две–три пары на каждой руке);
- украшения из самоцветов (лазурит, бирюза, сердолик и др.);
- сосуды в погребениях встречаются редко, единообразны с сохранением андроновских срубных и местных традиций.

Перечисленные аргументы своеобразия Зеравшанских памятников являются очевидными в пользу выделения локального варианта андроновских древностей. Исследуемое образование складывалось и развивалось согласно общим закономерностям в системе единой Урало-Казахстанской общности.

Наблюдаемая картина жизнедеятельности андроновского населения, отражающая процесс специфического синтеза, противостоит как степному, так и земледельческому миру. Активные

² Автор придерживается точки зрения о целостности андроновского мира.

проявления взаимодействия между разнохозяйственными блоками были вызваны необходимостью получения сырья для металлургии бронзы, поиском новых пастбищ в связи с аридизацией климата и увеличением поголовья скота. В эпоху бронзы край был одним из наиболее культурно интегрированных макрорайонов Средней Азии, где пересекались различные традиции и формировалось несколько культурных образований, в том числе и Зеравшанский вариант андроновской историко-культурной общности.

Подводя итоги, отметим, что состояние изученности эпохи палеометалла обсуждаемого региона, к сожалению, не дает пока возможности более детально понять характер, размах и объем взаимосвязей рассмотренных сообществ. Материалы Зеравшанской долины отражают всю сложность и многоплановость этногенетических процессов и демонстрируют межкультурные взаимодействия. Формирование Зеравшанских комплексов происходило на основе миграционных и интеграционных процессов, имевшие место в интервале с середины IV до начала II тыс. до н.э. под влиянием саразмских древностей, выходцев из Алтындепе и доандроновских сообществ Волго-Уралья. Культурную ситуацию демонстрируют материализованные факты, характеризующие разнукультурные древности. К сказанному следует добавить, что металлопроизводство становится одним из важнейших секторов экономики, который стимулировал торгово-обменную деятельность и развитие социальных институтов. Зеравшанские памятники представляют собой самостоятельное явление исторической действительности, возникшие на стыке двух культурно-хозяйственных традиций. Последнее является генератором генетических импульсов культурогенеза Согда, определившим исторический облик урбанистической цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н.А. Новые исследования андроновской культурно-исторической общности Узбекистана // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тез. докл. Всесоюзн. археол. конф. Баку: Наука, 1985. С. 38-40.
- Аванесова Н.А. О колесном транспорте доисторической Бактрии // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. М-лы региональной конф., посвящ. 70-летию академика А.А. Аскарлова. Ташкент: Фан, 2005. С. 7-25.
- Аванесова Н.А. Зеравшанская культурная провинция Бактрийско-Маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В.И. Сарияниди. СПб.: АЛТЕЙЯ, 2010. С. 334-364.
- Аванесова Н.А. Древние горняки Зеравшана // Археология Узбекистана. 2012а. № 1 (4). С. 3-35.
- Аванесова Н.А. Святылище ранних номадов Зеравшана // Афанасьевский сборник / Отв. ред. Н.Ф. Степанова. Барнаул: Азбука, 2012б. Вып. 2. С. 8-27.
- Аванесова Н.А. Металлические комбинированные проушные орудия Зарафшана // Вестник МИЦАИ. 2014. Вып. 19. С. 3-33.
- Аванесова Н.А. Керамика поселения горняков-металлургов Зеравшана // ИМКУ. 2015. Вып. 39. С. 47-62.
- Аванесова Н.А., Шайдуллаев Ш.Б., Еркулов А. К вопросу о культурной принадлежности джамских древностей эпохи палеометалла // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд; Бишкек: МИЦАИ, 2005. С. 12-33.
- Аскарлов А.А. Сапалитепа. Ташкент: Фан, 1973. 172 с.
- Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. 232 с.
- Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. Ташкент: Фан, 1983. 120 с.
- Баратов П.Б. Природные ресурсы Зеравшанской долины и их использование. Ташкент: Фан, 1977. 116 с.
- Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 64-88.
- Бочкарев В.С. Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Проблемы археологии. Л.: ЛГУ, 1974. Вып. 2. С. 48-53.

- Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова Думка, 1976. 121 с.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Самарский университет, 1994. 298 с.
- Виноградов А.В., Лопатин С.В., Мамедов Э.Д. Кызылкумская бирюза (Из истории добычи и обработки) // СЭ. 1965. № 2. С. 127-130.
- Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 2003. 260 с.
- Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевское культовое место у с. Кара-Коба // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 55-62.
- Генинг В.Ф., Зданович В.Ф., Генинг В.В. Синташта. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1992. 408 с.
- Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Карагандинский гос. ун-т, 1989. С. 34-46.
- Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск: «Каменный пояс», 1996. С. 22-42.
- Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. Кн. 1. 192 с.
- Зданович Г.Б. Аркаим: Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: исследования. Поиски. Открытия. Челябинск: Каменный пояс, 1995. С. 21-42.
- Исаков А.И. Саразм: к вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины. Раскопки 1977–1983. Душанбе: Дониш, 1991а. 158 с.
- Исаков А.И. Верховья Зарафшана в эпоху энеолита и бронзы (К проблеме многоочагового развития Средней Азии в раннеземледельческую эпоху): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1991б. 37 с.
- Исаков А.И. Пенджикент – древнеметаллургический центр Маверанахра // История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии. Тез. докл. междунар. конф., посвящ. 60-летию Таджикско-Памирской экспедиции. Худжанд: Контакт, 1994. С. 162-163.
- Исаков А.И., Безенваль Р.М., Раззоков А.Р., Бобомуллоев С.Г. Работы Советско-Французской экспедиции в 1990 г. // АРТ. 2003. Вып. 28. С. 131-149.
- Исаков А.И., Рузанов В.Д. Результаты спектральных исследований металла поселения Саразм // Труды Маргианской археологической экспедиции. М.: Старый сад, 2008. Т. 2. С. 225-233.
- Качалова Н.К. К вопросу о памятниках полтавкинского типа // АСГЭ. 1962. Вып. 5. С. 31-49.
- Качалова Н.К. О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. 1983. Вып. 24. С. 4-19.
- Качалова Н.К. Относительная хронология полтавкинских памятников // АСГЭ. 2001. Вып. 35. С. 32-58.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува. М.: Московский университет, 1979. 207 с.
- Ларин О.В. Афанасьевская культура горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. Барнаул: Алтайский университет, 2005. 206 с.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. 2004. № 4. С. 67-82.
- Минерально-сырьевые ресурсы Узбекистана. Ташкент: Фан, 1976. Ч. I. 250 с.
- Оразбаев А.М. Некоторые итоги археологических исследований Восточного Казахстана // Маргулановские чтения – 1989. Сб. м-лов конф. Алма-Ата: ИИАЭ АН КазССР, 1989. С. 225-227.
- Потемкина Т.М. Черты энеолита лесостепного Притоболья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: Куйбышевский пед. ун-т, 1982. С. 159-172.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 569 с.
- Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1982. 159 с.
- Раззоков А.Р. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Саразма (по экспериментально-трасологическим данным): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994. 19 с.
- Раззоков Ф.А. Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразм в IV–III тыс. до н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. 28 с.

- Рахманов У.* Керамическое производство эпохи бронзы Южного Узбекистана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1987. 18 с.
- Салугина Н.П.* Технологическое исследование керамики Потаповского могильника. Приложение 2 // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Самарский ун-т, 1994. С. 173-185.
- Сарианиди В.И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-Медия 2001. 244 с.
- Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // МИА СССР. Вып. 60. Памятники Нижнего Поволжья. Т. 1. М.: Наука, 1959. С. 115-123.
- Субботин Л.В.* Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней бронзы // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 350-387.
- Усачук А.Н.* Каменноамбарские псалии (трасологический анализ) // Приложение-2. Ранние комплексные общества Севера Центральной Азии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. Кн. 1. С. 179-189.
- Халяпин М.В.* Первый бескурганный могильник синташтинской культуры в Степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. М-лы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: Самарский ун-т, 2001. С. 417-424.
- Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. Серия: Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Наука, 1970. 180 с.
- Черных Е.Н.* Каргалы. Т. V. Каргалы: феномен и парадоксы. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.
- Шилов В.П.* О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // МИА СССР. Вып. 60. Памятники Нижнего Поволжья. Т. 1. М.: Наука, 1959. С. 9-29.
- Lyonnet B.* Another Possible Interpretation of the Bactro-Margiana culture (BMAC) of Central Asia: The Tin Trade // *South Asian Archaeology*. 2001. Vol. I, prehistory (ed. C. Jarrige, V. Lefevre). Paris: Editions Recherche sur les Civilisations, 2005. P. 190-200.

П. А. Косинцев

Павел Андреевич Косинцев,
Институт экологии растений и животных УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия; kpa@ipae.uran.ru

Колесничные лошади степей Евразии*

Аннотация. В статье определено понятие «колесничные» лошади. Представлены результаты анализа костных остатков «колесничных» лошадей из могильников конца среднего бронзового века и начала позднего бронзового века степной зоны Восточной Европы, Урала и Казахстана. Приведены данные о поле, возрасте, росте и массивности скелета «колесничных» лошадей. Среди «колесничных» лошадей преобладали взрослые самцы среднего роста, тонконогие или полутонконогие. Самцы и самки с другими характеристиками представлены в заметно меньших количествах. Такое «смещение» характеристик «колесничных» лошадей указывает на их специальный подбор.

Ключевые слова: лошадь, колесницы, бронзовый век, Восточная Европа, Урал, Казахстан, зооархеология

Павел Андреевич Косинцев,
РФА Орал бөлімшесі Өсімдіктер мен
жануарлар экологиясы институты,
Екатеринбург қ., Ресей

Еуразия даласының күймеге жегілген жылқылары

Аннотация. Мақалада «күймеге жегілген» жылқылары түсінігі анықталған. Шығыс Еуропа, Орал мен Қазақстанның далалық аймағындағы орта қола дәуірінің соңы мен кейінгі қола дәуірінің басындағы қорымдардан табылған «күймеге жегілген» жылқылардың сүйек қалдықтарына жасалған талдау нәтижелері ұсынылды. «Күймеге жегілген» жылқыларының жынысы, жасы, бойы және қаңқасының тығыздығы туралы мәліметтер келтірілген. «Күймеге жегілген» жылқыларының арасында аласа, аяқтары жіңішке немесе жартылай жіңішке, үлкен еркегі басым болған. Басқа сипаттамаларға ие еркегі және ұрғашысы айтарлықтай аз мөлшерде ұсынылған. «Күймеге жегілген» жылқыларының сипаттамасындағы мұндай «ауысым» олардың ерекше таңдалып алынғанын көрсетеді.

Түйін сөздер: жылқы, күйме, қола дәуірі, Шығыс Еуропа, Орал, Қазақстан, зооархеология

Pavel Kosintsev,
Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia

Chariot horses of the steppes of Eurasia

Abstract. The article defines the concept of “chariot” horses. The results of the analysis of the bone remains of “chariot” horses from the burial grounds of the late Middle Bronze Age and the beginning of the Late Bronze Age

© 2022 Косинцев П.А.

*Работа выполнена при финансовой поддержки проекта РФФИ № 21-59-23003 «Верховые и упряжные лошади в археологических культурах степей Евразии в XX–III вв. до н. э. по материалам конского снаряжения и археозоологии».

of the steppe zone of Eastern Europe, the Urals and Kazakhstan are presented. The data on the sex, age, height and massiveness of the skeleton of “chariot” horses are given. Among the “chariot” horses, adult males of medium height, thin-legged or semi-thin-legged prevailed. Males and females with other characteristics are represented in noticeably smaller numbers. Such a “shift” in the characteristics of “chariot” horses indicates their special selection.

Keywords: horse, chariot, Bronze Age, East Europe, Ural, Kazakhstan, zooarchaeology

Понятие «колесничные» лошади вытекает из самого термина, т. е. лошади, запрягавшиеся в колесницы. Выделение этой группы лошадей было основано на факте нахождения в одном погребальном комплексе скелетов лошадей, остатков колесниц и элементов упряжи [Бочкарев и др. 2010: 21]. «Колесничные» лошади представляют собой часть «колесничного» комплекса. Последний включает колесницы, остатки лошадей, остатки упряжи (обычно псалии) и остатки человека. Все это входит в один погребальный комплекс. Полный состав «колесничного» комплекса встречается крайне редко. Чаще всего обнаруживаются его отдельные элементы в разных сочетаниях; совместные находки остатков лошадей и псалий.

«Колесничный» комплекс имеет ограниченное распространение во времени и в пространстве. Полный его состав найден только в единичных погребальных комплексах могильников синташтинской культуры в Южном Зауралье [Генинг и др. 1990: 123, 126, 162, 207; Виноградов 2003: 264] и петровской культуры в Северном Казахстане [Зданович 1988: 72]. В подавляющем большинстве погребальных комплексов представлены разные сочетания отдельных элементов «колесничного» комплекса: кости лошади и псалии; только кости лошади; только псалии. Практически во всех комплексах есть остатки человека или могильная яма без остатков человека.

Остатки колесниц, точнее, их следы (отпечатки колес), найдены в двух регионах: погребальных комплексах синташтинской культуры Южного Зауралья и погребальных комплексах петровской культуры Северного Казахстана. Очевидно, что редкость находок остатков колесниц обусловлена недолговечностью материала, из которого они изготовлялись – дерева. Однако имеются факты, указывающие на широкое распространение двухколесных повозок в степной зоне Азии. Это их многочисленные изображения на петроглифах Казахстана и прилегающих регионов [Новожинов 2012: 82–122]. На территории распространения этих изображений не найдено остатков повозок бронзового века. Таким образом, отсутствие находок остатков повозок не свидетельствует об их отсутствии у древнего населения. На петроглифах часть этих повозок изображена запряженными двумя лошадьми. В погребальных комплексах эпохи бронзы Казахстана есть парные погребения лошадей. Мы относим этих лошадей к «колесничным» лошадям.

Рассмотрим только те погребальные комплексы с элементами «колесничного» комплекса, где найдены остатки лошадей. Их остатки имеют разный состав по количеству особей и частям скелета. В одном погребальном комплексе может быть: от 1 до 6 полных скелетов; части 1, 2 или 3 скелетов; череп и дистальные части ног (метаподии с фалангами) 1, 2, 3 или 4 особей; отдельные черепа. Иногда встречаются сочетания: скелет и череп с дистальными частями ног или скелет и череп; части скелета и череп.

Возможно, не все остатки лошадей из погребальных комплексов принадлежат «колесничным» лошадям. Известно несколько вариантов нахождения остатков «колесничных» лошадей. Наиболее вероятной была парная запряжка лошадей в колесницу, что подтверждают изображения на петроглифах. Поэтому остатки двух особей (или кратного двум – 4, 6) в погребальном комплексе более вероятно принадлежат «колесничным» лошадям, чем остатки одной или трех особей. По мере убывания вероятности их отнесения к типичным «колесничным» лошадям они располагаются следующим образом. Наиболее вероятно к «колесничным» лошадям относятся ло-

шади парных захоронений из «колесничного» комплекса полного состава. Далее идут захоронения 4 и 6 особей лошадей в полном «колесничном» комплексе; головы и дистальные части конечностей двух особей лошадей в составе полного «колесничного» комплекса; парные захоронения лошадей с псалиями; головы и дистальные части конечностей двух особей лошадей с псалиями; парные захоронения лошадей; головы и дистальные части конечностей двух особей лошадей; черепа двух особей лошадей; 1 или 3 скелета лошадей; 1 или 3 черепа лошадей; части скелетов двух особей лошадей.

Для хозяйственного и военного использования нужны лошади с разными характеристиками. Для хозяйственного использования (включая «мясное» использование) пригодны лошади всех возрастных групп (молодые, полувзрослые, взрослые, старые), любого экстерьера (разного роста и разной массивности скелета) и любого пола. Для военного использования оптимальны определенные группы лошадей: взрослые, высокие, с легким скелетом, жеребцы (мерины). «Колесничные» лошади предположительно использовались для военных целей. Поэтому, теоретически, «колесничные» лошади должны отличаться по этим характеристикам от «хозяйственных» лошадей.

«Колесничные» лошади описаны по следующим характеристикам: пол, возраст, высота в холке, тонконогость. Пол и возраст определялись по черепу или нижней челюсти. К жеребцам отнесены особи, имеющие клыки. Особи без клыков отнесены к кобылам. Возраст определялся по состоянию смены зубов и степени их стертости. По этим признакам выделено четыре возрастных группы:

- молодые (до 2 лет);
- полувзрослые (2–5 лет);
- взрослые (от 5 до примерно 15 лет);
- старые (старше 15 лет).

Высота в холке определялась по методике В.О. Витта [Витт 1952: 91–92], тонконогость (массивность скелета) определялась по методике А.А. Браунера [Браунер 1916: 161–162]. Определить все характеристики для каждой особи не всегда удавалось из-за плохой сохранности костей, поэтому различается количество особей для разных характеристик. Не удалось достоверно выделить кастрированных жеребцов – мерин. В работе использованы опубликованные [Гайдученко 2002: 173–175; 2011: 352; 2015: 200–201] и оригинальные данные.

Половой состав определен для небольшого количества «колесничных» лошадей, но он показывает для всех культур преобладание самцов над самками в 2–3 (табл. 1). Очевидно, что самцов использовали в погребальном обряде значительно чаще, чем самок. Оценить различие в соотношении полов между «колесничными» лошадьми между разными культурами не представляется возможным из-за малого объема выборок.

Таблица 1 – Возрастной состав лошадей из могильников синташтинской, петровской, потаповской и алакульской культуры

Культуры	Пол			
	Самцы		Самки	
	Экз.	%%	Экз.	%%
Синташтинская	11	73	4	27
Петровская	10	83	2	17
Потаповская	6	67	3	33
Алакульская	11	69	5	31

Возрастной состав определен для значительного количества особей. Анализ соотношения возрастных групп показывает, что в могильниках синташтинской, петровской и потаповской культур доминируют взрослые особи (табл. 2). В заметном количестве представлены полувзрослые особи и минимальное количество или полное отсутствие молодых и старых особей. Исключение составляют «колесничные» лошади алакульской культуры, среди которых относительно высокая доля старых особей.

Таблица 2 – Возрастной состав лошадей из могильников синташтинской, петровской, потаповской и алакульской культур

Культуры	Возрастная группа							
	Молодые		Полувзрослые		Взрослые		Старые	
	Экз.	%%	Экз.	%%	Экз.	%%	Экз.	%%
Синташтинская	5	10	16	31	28	52	3	6
Петровская	0	0	8	32	15	60	2	8
Потаповская	0	0	2	15	11	85	0	0
Алакульская	1	7	2	14	6	43	5	35

Рост определен у достаточно большого количества «колесничных» лошадей из могильников синташтинской и петровской культур, из могильников других культур выборки не большие (табл. 3). Во всех выборках доминируют лошади среднего роста (высота в холке 136–144 см). Относительно многочисленны особи ниже среднего роста (высота в холке 128–136 см), немного особей выше среднего роста (высота в холке 144–152 см) и только в самой многочисленной выборке из могильников синташтинской культуры есть одна мелкая особь (высота в холке 120–128 см).

Таблица 3 – Рост лошадей из могильников синташтинской, петровской, алакульской, потаповской и срубной культур

Культура	Рост (высота в холке)							
	Мелкие		Ниже среднего		Средняя		Выше среднего	
	Экз.	%%	Экз.	%%	Экз.	%%	Экз.	%%
Синташтинская	1	2	17	27	39	64	4	7
Петровская	0	0	7	28	15	60	3	12
Алакульская	0	0	4	27	10	67	1	6
Потаповская	0	0	1	10	8	80	1	10
Срубная	0	0	2	29	5	71	0	0

Тонконогость лошадей существенно различается в разных культурах (табл. 4). Тонконогие лошади наиболее многочисленны в могильниках петровской культуры, полутонконогие – в могильниках срубной культуры, средненогие – в могильниках алакульской культуры, а в могильниках синташтинской культуры соотношение тонконогих и полутонконогих близкое. Но это предварительные оценки, т. к. за исключением синташтинской и петровской культур, объемы выборок не большие.

Таблица 4 – Тонконогость лошадей из могильников синташтинской, петровской, потаповской, алакульской и срубной культур

Культура	Тонконогость							
	Крайне тонконогие		Тонконогие		Полутонконогие		Средненогие	
	Экз.	%%	Экз.	%%	Экз.	%%	Экз.	%%
Синташтинская	2	4	20	37	26	49	6	10
Петровская	0	0	13	65	7	35	0	0
Потаповская	0	0	2	29	3	42	2	29
Алакульская	1	6	3	20	4	27	7	47
Срубная	0	0	2	29	5	71	0	0

Рассматривая все характеристики «колесничных» лошадей, можно определенно говорить о преобладании среди них взрослых самцов среднего роста, тонконогих или полутонконогих. Как самцы, так и самки с другими характеристиками представлены в заметно меньших количествах. Такое «смещение» характеристик «колесничных» лошадей указывает на их специальный подбор.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочкарев В.С., Бужилова А.П., Епимахов А.В., Клейн Л.С., Косинцев П.А., Куланда С.В., Кузнецов П.Ф., Кузьмина Е.Е., Медникова М.Б., Усачук А.Н., Хохлов А.А., Черленок Е.А., Чечушков И.В. Кони, колесницы и колесничные степей Евразии Екатеринбург; Самара; Донецк: Рифей, 2010. 370 с.
- Браунер А.А. Материалы к познанию домашних животных России. 1. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда, Херсонской губернии // Записки Императорского Общества сельского хозяйства Южной России. 1916. Т. 86. Кн. 1. С. 49-184.
- Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2003. 362 с.
- Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. XVI. С. 163-205.
- Гайдученко Л.Л. Некоторые биологические характеристики животных из жертвенных комплексов кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2002. Кн. 1. С. 173-195.
- Гайдученко Л.Л. Особенности сложения жертвенного комплекса ямы № 170 могильника Бестамак // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. М-лы науч. конф. посвящ. 20-летию Независимости РК и 20-летию ИА КН МОН РК (г. Алматы, 12–15 декабря 2011 г.). В 3-х т. / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК, 2011. Т. I. С. 349-359.
- Гайдученко Л.Л. Остатки кровавых жертвоприношений из кургана Халвай III // Шевнина И., Логвин А. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. VII. Астана: изд. гр. ФИА, 2015. С. 198-207.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. 408 с.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 184 с.
- Новоженков В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. Алматы: KIT Publishing, 2012. 500 с.

The problem of the cultural continuities from the Paleometal Era to the Iron Ages of Cis-Baikal

Abstract. The study examines the question of whether there is a connection between the Early Bronze Age Glazkovo Culture in Cis-Baikal and the Late Bronze and Early Iron Age burial traditions. For this purpose, first of all, the relationship between the Glazkovo Culture and the Neolithic Period cultures was tried to be revealed in the light of both archaeological data and genetic connections. The Late Bronze Age and Early Iron Age were studied only on burial traditions and some grave goods. In this context, it has been questioned whether Glazkovo and the Butukhe burial tradition, which is considered to be related to it, contributed to the formation of the Elga burial tradition. Since there is not enough data about the Late Bronze Age and Early Iron Age, a short evaluation has been made on the known data of them in the study.

Keywords: Early Iron Age, Early Bronze Age, Late Bronze Age, burial traditions, Cis-Baikal

Айша Авджи,
Докуз Ейлюль университеті, Измир, Туркия

Байкал маңындағы палеометалл дәуірінен темір дәуіріне дейінгі мәдени сабақтастықтар мәселесі

Аннотация. Зерттеу Байкал маңындағы ерте қола дәуірінің глазков мәдениеті мен кейінгі қола және ерте темір дәуірлерінің жерлеу дәстүрлері арасындағы байланыстың болуын қарастырады. Ол үшін, ең алдымен, археологиялық деректер мен генетикалық байланыстар тұрғысынан глазков мәдениетінің неолит дәуіріндегі мәдениеттермен байланысын анықтауға тырысты. Кейінгі қола және ерте темір дәуірі тек жерлеу дәстүрлері мен кейбір жәдігерлер бойынша зерттелген. Осыған байланысты Глазково және оған туыстас болып саналатын бутухин жерлеу дәстүрі эльгиндік жерлеу дәстүрін қалыптастыруға ықпал етті ме деген сұрақ туындайды. Кейінгі қола және ерте темір дәуірі туралы мәліметтер жеткіліксіз болғандықтан, зерттеуде олар туралы белгілі мәліметтерге қысқаша баға берілді.

Түйін сөздер: Ерте темір дәуірі, ерте қола, кейінгі қола, жерлеу дәстүрлері, Байкал маңы

Айша Авджи,
Докуз Ейлюль университет, Измир, Турция

Проблема культурной преемственности от эпохи палеометалла до железного века Прибайкалья

Аннотация. В исследовании рассматривается вопрос о наличии связи между глазковской культурой раннего бронзового века Прибайкалья и погребальными традициями позднего бронзового и раннего железного веков. Для этого, прежде всего, предпринята попытка выявить родство глазковской культуры с культурами эпохи неолита в свете как археологических данных, так и генетических связей. Эпоха поздней бронзы и раннего железного века изучена только по погребальным традициям и некоторому инвентарю. В связи с этим ставится вопрос о том, способствовали ли Глазково и считающаяся родственной ему бутухинская

погребальная традиция формированию эльгинской погребальной традиции. Поскольку данных о позднем бронзовом и раннем железном веках недостаточно, в исследовании была сделана краткая оценка по известным данным о них.

Ключевые слова: раннее железо, ранняя бронза, поздняя бронза, погребальные традиции, Прибайкалье

The history of the archaeological studies of Cis-Baikal has more than hundred years. The best-studied periods of the region during this long period are the Early and Late Neolithic and Early Bronze Ages. The Early Bronze Age culture Glazkovohas important relations with Neolithic cultures of the region. But its relation with Late Bronze and Early Iron Age cultures are still not clear.

Outline of the Cis-Baikal Neolithic Period

In the region, the Early Neolithic Period is represented by the Kitoy Culture, and the Late Neolithic Period is represented by the Isakovo and Serovo Cultures. The Early Neolithic Period (8.500–6.900 BP) begins in the region at the beginning of the Atlantic Period with the introduction of pottery making technology into the region, probably from the North of Lake Baikal. This period is represented by the burial customs of the Kitoy Culture and the early net-impressed potteries and the Hayta potteries [Berdnikov et al. 2020; Berdnikov 2018]. The results of the radiocarbon analyzes are quite a few between the 6.900–6.300 BC and this period is accepted by many researchers as a hiatus period. But the settlement complexes of the region has uninterrupted cultural layers and the period continues to be represented by Posol'skaya and Byelaya potteries. And also the detailed pollen analyzes made in the region indicate that there was no major drought at that period [Kuzmin 2007; Kobe et al. 2020]. With these archaeological and paleo-climatic data there are some researches that reveal the genetic affinities between Early and Late Neolithic populations [Naumova, Rychkov 1998; Moussa et al. 2021]. Isakovo and Serovo cultures that lived in Late Neolithic Period (6.300–4.500 BP) differentiate each other by particular features in burial traditions. The describing pottery of the Late Neolithic Period is late net-impressed and dotted-comb ceramics.

Burial Traditions of Kitoy Culture

Topographical features and grave structures of Kitoy burial grounds: Burial grounds are always located on hills in the floodplains or high terraces of rivers, high capes in a river or a lake or mountain slopes in areas associated with a body of water. Graves are relatively regular order. In the South Angara Basin and the South Baikal Region, there are no stone structures above the graves or in the pits, but Lokomotiv and Shamanka II cemeteries have more than hundred graves in total, this means there had to be signs on them in the antiquity. In the Ol'khon Region and the Upper Lena Basin there are stone structures above the graves and some of them have stone ceilings covering the pits [Bazaliyskiy 2012; Weber et al. 2021: 4; Goryunova et al. 2018]. It should be noted that it is still debated whether the Early Neolithic burial sites outside the Southern Angara and Southern Baikal Regions are included in the Kitoy Culture.

Skeleton positions and rituals: The skeleton positions are predominantly extended supin for all regions, although there are also skeletons to a lesser extent on side, on side and bent knees, supin and bent knees, and prone positions. The head orientation of individuals is towards the down-stream of the rivers, and on the banks of Lake Baikal they are approximately the North. In multiple burials, individuals are positioned on top of each other in opposite directions. It is seen that the tradition of sprinkling ochre in the rituals is characteristic for the culture. Ochre usually covers the skeletons, grave goods and

the floor of the pits. In addition, the presence of individuals without skulls is considered a characteristic feature of the Kitoy culture. It is thought that the skulls were taken before the body decayed [Bazaliyskiy 2012; Weber et al. 2021: 4].

Grave goods: Among the descriptive findings, there are plenty of fishing tools (composite hooks, horn and bone harpoons, and stone bait fish) that reflecting the predominant subsistence economy of the community. Concave-bottomed arrowheads and green nephrite axes, adzes and knives are other characteristic findings of the culture. In addition, bone-bodied composite spearheads with microblade inserts are also frequently found. Pendants made of red deer and wild boar teeth are often found among ornamental artifacts. Disc with holes in the middle and ring-shaped artifacts, made of materials such as calcite, marble and bone, found on the head and chest areas of individuals are defined as characteristic cult objects. In addition to these, staffs with elk, seal and bear head figurines are other descriptive cult objects of the culture. Ceramics are rarely found in the graves [Berdnikov 2018: 5; Aseev 2002; Weber et al. 2021: 4].

Burial Traditions of Isakovo Culture

Topographical features and grave structures of Isakovo burial grounds: Isakovo burial sites known today are only in the Angara Basin. They were located in areas similar to the Kitoy Culture in terms of topographical features. Above of the all graves are covered with oval-shaped stone structures made of stone pavement in a number of layers [Bazaliyskiy 2012; Okladnikov 1950].

Skeleton positions and rituals: The positions of the skeletons are extended supin, with their heads facing the up-stream of the Angara River. In multiple burials, individuals are positioned side by side. In addition, the use of ocher has decreased and ash pits belonging to the fires as a ritual on some graves have emerged, but it is not a stable practice [Bazaliyskiy 2012; Weber et al. 2021: 4; Weber et al. 2006: 143–144].

Grave goods: The most distinctive difference from the Kitoy Culture in terms of finds is that there are almost no fishing tools in Isakovo burials. Also, unlike Kitoy, approximately 70% of the burials contain ceramic fragments [Weber et al. 2021: 4].

Burial Traditions of Serovo Culture

Topographical features and grave structures of Serovo burial grounds: Serovo Culture exists in a wider area than its contemporary Isakovo Culture. It is widespread in the Angara Basin, the Upper Lena, and the Ol'hon Region. Its burial grounds have similar in topography with Kitoy and Isakovo cultures. A burial ground consisting only Serovo burials has not yet been found. Serovo burials are found together with burials from other cultures in the region. The stone structures are similar with Isakovo burials [Bazaliyskiy 2012; Goryunova et al. 2020; Weber et al. 2021: 5].

Skeleton positions and rituals: The position of the skeletons is extended supin and they are positioned perpendicular to the nearby body of water with their feet pointing towards the water. The ash pits on the burials are quite common. The tradition of wrapping the skeletons in birch bark is a distinctive feature of Serovo burials [Bazaliyskiy 2012; Goryunova et al. 2020; Weber et al. 2021: 5].

Grave goods: Among the characteristic findings of Serovo Culture there are the spearheads made of large massive stones. Arrowheads that found in the Serovo burials have rectangular-shaped insert handles. In particular, fishing-related tools such as stone bait-fish and harpoons are encountered relatively more frequently [Bazaliyskiy 2012; Weber et al. 2021: 5].

Outline of the Cis-Baikal Bronze Age

The Eneolithic and Early Bronze Age are represented in the region by the Glazkovo Culture. Along with this well-studied culture, the Shumilikha burial group, which is not considered a separate culture, also exists in the region. Other burial traditions that existed in the Late Bronze Age and the initial Early Iron Age are the Slab Grave Culture and the Butukhe type burials.

Burial Traditions of Glazkovo Culture

Topographical features and grave structures of Glazkovo burial grounds: The areas are similar to the previous burial grounds in terms of topography. The sizes of burial grounds are wide like ones in Kitoy Culture. The graves have strong stone structures in round or oval plans with diameters 5-6 m. Under the structures, there are ceilings made of large flat rocks covering the burial pits and inside the pits sometimes there are flat stones covering the walls and floor of the pits are encountered. These stone box-shaped interior structures are thought to belong to the late period of Glazkovo and are claimed to reflect the interaction with the Late Bronze Age Karasuk Culture in the Minusinsk Basin, the western neighbor of the region. Some burials have large flat stones placed vertically at the foot and head ends of graves are thought to be evidence of Glazkovo's connection with the Slab Grave Culture [Okladnikov 1974; Goryunova 2002: 27–28, 15; Weber et al. 2021: 5].

Skeleton positions and rituals: The predominant position of skeletons is extended supine. Although there are also skeletons to a lesser extent on one side, one side and bent knees and supine bent knees positions. They are mostly single burials, and in multiple graves it is seen that individuals are placed side by side. It is seen that the head directions of the skeletons show regional differences. In the Upper Lena and Angara Basins, it is seen that the direction of the head is determined by the down-stream direction of the rivers. In Southern Baikal and Ol'hon Regions, it is not clear whether the heads are related to any river. The Glazkovo burials in the Southern Baikal region, oriented to the North and Northwest. In the Ol'hon Region, it is seen that the heads are predominantly Southwest oriented [Weber et al. 2021: 5]. The use of ochre in practiced rituals is rare and has very variable proportions. Ash pits on the graves are also seen, although not stable. The tradition of wrapping corpses in birch bark, as in the Serovo burial tradition, continues in some burials [Goryunova 2002: 27–28; Weber et al. 2012: 214].

Grave goods: Copper and bronze knives, which are its descriptive findings, are made of thin metal sheets. They are usually 15–20 cm long and 5–5.5 cm wide. Other metal artifacts include tubes made of coiled elongated metal sheets, and open rings, made of crimping long metal rods, pins and fishing hooks [Okladnikov 1974]. The stone artifacts are adzes, axes, composite tools with insert micro-blades, arrowheads (concave and flat-bottomed), bi-faces, green nephrite axes, and knives (probably used in birch bark working). Fishing tools are relatively scarce. Along with bronze fishing hooks, there are composite fishing hooks represented by barrel-shaped stone parts, and harpoons made of bone and horn. Among the ornaments, there are pendants made of wild boar tusks and red deer teeth, necklaces made of small cylindrical beads. Among the cult artifacts, there are ring and disc-shaped light colored nephrite artifacts that also constitute the descriptive finding group of the culture [Weber et al. 2021: 5; Weber et al. 2012: 215; Goryunova, Novikov 2018].

Glazkovo pottery is not found frequently in the burials. In general, they are small-sized vessels. Pots with a height of 10–20 cm have a rim diameter of 7–15 cm. The “pearl” motif is a characteristic decoration of them and located in a line just below the rim and consists of spherical protrusions made by a pressure from the inside of the vessel with a blunt-ended object [Zubkov, 2006: 52].

The Shumilikha burial group also existed in the Bronze Age in Cis-Baikal. The only significant difference between the Shumilikha and Glazkovo is the positions of the skeletons. They do not differ from each

other in terms of burial inventory and genetic data. All of the skeletons in Shumilikha graves are in the position with the knees pulled to the chest and the arms wrapped around the knees (named as “sitting” position). Although the date ranges of these burials are still unclear, but a bronze axe that found in a Shumilikha grave has been dated to Late Bronze Age since the similarity with the axes of Karasuk Culture. But there are many radiocarbon dates that belong to Early Bronze Age also [Goryunova 1981].

Burial Traditions of the Region between Late Bronze Age-Early Iron Age

In the Late Bronze and Early Iron Ages of Cis-Baikal appeared two different burial traditions: slab graves and Butukhe type burials.

Between the beginning of 7th century BC and beginning of 1st century AD the **Slab Grave Culture** entered to Cis-Baikal. The distribution areas of the slab graves in Cis-Baikal are the Ol’hon Region and the Kuda River valley (right tributary of Angara). The main spread region of the culture is Trans-Baikal, Central and Eastern Mongolia [Goryunova et al. 2019: 29; Kharinskiy 2001: 107, 109].

Topographical features and grave structures of Slab Grave Culture burial grounds: The most of the burial grounds are located on the Southern or Southeastern slopes of small ravines and at the foot of the Southern slope or in saddles of small mountains. The Slab Grave Culture has burials that large flat rocks are forming the fences of the graves and the pits have ceilings made of stones [Goryunova et al. 2019: 26].

Skeleton positions: In the burial chambers, individuals are in the extended supin position. The predominant directions of the heads are Southeast and East [Goryunova et al. 2019: 26].

Grave goods: Among the bronze artifacts a three-bladed petiolated arrowhead, a socketed three-bladed arrowhead, a petiolated knife, stirrup bits, a mirror, a hook pendant with zoomorphic images, eight-shaped, cruciform and curly with zoomorphic images plaques and spherical button plaques. The artifacts made of other metals are petiolated knife made of iron and a golden tube [Goryunova et al. 2019: 26].

The end of the 2nd millennium BC the **Butukhe type** burials began to be seen in the region until 1st century AD [Korostelev 2022: 41]. It has similarities with the Glazkovo burial tradition, the important difference between them is the direction of the heads [Kharinskiy 2001: 108].

Topographical features and grave structures of Butukhe type burials and burial grounds: These burials spread along the Lake Baikal coasts and the Southern Angara Basin, but not seen in the Kuda Valley. The best studied burial grounds are in the Ol’hon Region and Northwest shores of Baikal. Most of them are located on the capes in Lake Baikal. Non-disturbed graves have oval-shaped structures made of stone pavements above the burials [Korostelev 2022].

Skeleton positions: The individuals are placed in the extended supin position in the pits and their heads oriented to East or Southeast [Kharinskiy 2001: 107].

Grave goods: The metal artifacts mostly made of bronze. Bronze knives with holes on the handles, bronze and iron plaques, buttons and bronze items belong to belts and iron rings. Arrowheads made of bone with a bifurcated head, which have analogies among the Xiongnu arrowheads. Horn plates of composite bows. Some faunal remains are a beaver tooth and a fragment of a sable jaw [Korostelev 2022: 41; Kharinskiy 2001: 63].

In Early Iron Age the **Elga type** burial tradition appeared in the region. It was distributed to the Angara Basin, North Baikal Region and the Ol’hon Region. Accepted that Elga burial tradition is formed in Trans-Baikal, since the burials that have skeletons on their one side and bent legs are appeared in 5th century BC in the Selenga Valley, named Sotnikov type burials, and came to Cis-Baikal in 3th century BC.

However last studies reveal that the burials of individuals having this position appeared in west shores of Lake Baikal are dated middle of 5th century BC [Korostelev 2022: 42–43; Kharinskiy 2014: 20–21].

Topographical features and grave structures of Elga type burials and burial grounds: The Elga burials explored on the shores of Lake Baikal, as a rule, were localized in inter-ridge depressions located between the ridges of rocky outcrops and on the Southeastern slope of a mountain or a hill [Kharinskiy 2014: 27]. The characteristics of the burials belonging to these sub-areas do not show homogeneity. In Angara Basin there are no stone structures above the graves but in North Baikal Region there are oval stone structures on them and also stone interior structures. In the Ol'hon Region, there are burials with both oval and rectangular stone structures above the graves and there are ceilings on the pits made of wooden pillars [Kharinskiy 2001: 107, 109].

Skeleton positions: The main feature of Elga burials is the position of the individuals. They are predominantly on their right side with legs bent at knees. However, the heads oriented to East and Southeast [Kharinskiy 2001: 107, 109].

Grave goods: The most of the artifacts found in the Elga burials can be attributed to the items of the Xiongnu. Among them, the most widely represented are the metal parts of the costumes, which have both practical and decorative artifacts (belt buckles, open-work bronze plaques, rings, spoon-shaped pendants and spherical buttons with a loop). The weapons are predominantly represented by bone arrowheads with a split nozzle and the remains of composite bows also found. Iron needle cases and iron awls, devices for kindling a fire, small sized iron knives are the some metal household artifacts [Kharinskiy 2014: 36].

Discussion and Conclusion

The topographical features of all burial grounds of Early and Late Neolithic and Early Bronze Age cultures are very similar with each other. Skeletons are predominantly in extended supin position, but there are exceptional positions like supin and bent knees or on side and bent knees. The head directions of skeletons show some differences. In Kitoy, Isakovo and Glazkovo burial traditions directions of the heads are up or down-stream of the rivers in Angara and Upper Lena Basins with some exceptions in Glazkovo burials. In the Ol'hon Region the head directions are North and Northwest for Kitoy burials and Southwest for Glazkovo burials. The Isakovo and Serovo grave structures are more similar with the Glazkovo ones. They are predominantly oval-shaped stone structures. Kitoy burials have grave structures only in the Ol'hon and Upper Lena Regions but they are absent in South Angara Basin and South Baikal Region. The ocher, ash pits and birch bark funeral practices seen in the other three cultures are all found in the Glazkovo burials. The most striking similarity in the burial inventory is the ring and disc-shaped artifacts in the Kitoy and Glazkovo burials.

In addition to these archaeological data there are genetic relations between the populations. These affinities can be established over both aDNA and cranial data [Movsesyan, Pejemskiy 2013; Trepazov et al. 2015].

When viewed through mtDNA, it is seen that haplogroups A, C and D are among the first three in the percentile distribution in all of the populations belonging to the Neolithic and Early Bronze Ages (Table 1). In addition non-metric cranial analyzes reveal that there are genetic affinities between the populations of these four cultures, although there are some micro-regional differences between them [Movsesyan and Pejemskiy 2013: 60-61; Movsesyan and Pejemskiy 2015: 101-102]. Based on all these data, it can be said that the Glazkova Culture may have come from the Neolithic Period cultures.

Table 1 – Cis-Baikal Neolithic and Bronze Age mtDNAhaplogroups
[Moussa et al. 2021: 7; Trepazov et al. 2015: 28]

Haplogroups	Kitoy (n=61)	Isakovo-Serovo (n=37)	Glazkovo (n=28)
A	14.7 %	18.9 %	14.2 %
C	9.8 %	16.2 %	28.5 %
D	32.7 %	21.6 %	32.1 %
F	32.7 %	13.5 %	10.7 %
G2a	4.9 %	16.2 %	7.1 %
U5a	4.9 %	2.7 %	
Z		10.8 %	7.1 %

As mentioned above it is thought that Butukhe type burials came from the autochthon Glazkovo burial tradition. It has some analogies with Glazkovo burials like oval-shaped grave structures and body positions [Kharinskiy 2001: 108]. In this context, a beaver tooth and a sable jaw fragment that found in a Butukhe burial are also noteworthy. The difference of head direction can be explained by the effect of Slab Grave Culture.

Elgatype burials, which have the same head direction with the Butukhe type burials and slab graves, are mainly distinguished from them by the body position. This position is not unknown at Cis-Baikal in the Early Bronze Age, but the extended supin position is predominant. However in an Early Iron Age burial in Yakutia, named Dyupsya burial, contains a skeleton in similar position and data showing that this position was seen in late Glazkovo burials in Cis-Baikal and Neolithic burials in Trans-Baikal were presented by the researcher of burial [Stepanov 2010: 35]. The grave structures of Elga burials are also similar with Butukhe burials except the rectangular-shaped ones. In addition the absence of the grave structures in the Angara Basin is remembers the Kitoy burial tradition.

The discovery of a disc with an hole in the middle made of white nephrite in a burial located in the Idan location on the left bank of the Angara River which included in Elga type in terms of direction and position of the skeleton may reveals the connection of the individuals in the Elga burials with the Glazkovo Culture [Kharinskiy 2001: 66]. The only known source of the raw material of white nephrite rings and discs, which are descriptive artifacts of the Glazkovo Culture in Cis-Baikal, in the Early Bronze Age is the Middle Vitim Plateau [Goryunova, Novikov 2018]. This situation causes even the samples found in Northeast China and Ural Region to be associated with Vitim Plateau or Baikal Siberia by researchers [Derenyanko et al. 2019: 26; Shalakhov 2015: 150].

These light colored nephrite artifacts which are thought to be related with the cult of sun and/or moon [Goryunova, Novikov 2018] are also a common finding in the Xiongnu burials in Trans-Baikal Region [Molodin, Chikisheva 1990: 161]. Therefore, it is clear that there was a relation between the autochthonous people of the region and the Xiongnu population. In addition, some genetic studies of the Xiongnu population of Trans-Baikal reveal that they have affinities with the Glazkovo and Serovo populations of Cis-Baikal [Mooder et al. 2004].

Inventories of Xiongnu burials are frequently encountered in Butukhe and Elga burials, but the funeral rites of Xiongnu are different from them. That is indicating the contact between Cis-Baikal and Trans-Baikal regions in that period [Kharinskiy 2014].

Adequate studies have not been conducted on the Late Bronze and Early Iron Age burials in Cis-Baikal. Therefore, few data are available on Slab Grave Culture, Butukhe and Elga burial traditions. In the light of the available data, when we evaluate the issue in Cis-Baikal, we can talk about the existence of a tradition and population that continued from the Early Neolithic Period to the Early Bronze Age with some changes. It seems acceptable that Butukhe represented this tradition in the Late Bronze Age and Early Iron Age. It seems quite possible that such a deep-rooted tradition played an important role in taking form of the Elga-type burials. However, comments on this subject need to be supported by future studies.

REFERENCES

- Aseev, I.V. Kitoyskaya kul'turnaya v Neolite baykal'skogo rayona i Prilegayushchikh territoriy: Voprosy Khronologii Rayona Migratsii yeye Nositeley // *Arkheologiya, Etnografiya i Antropologiya Yevrazii*. 2002. 2 (10). P. 59-70.
- Bazaliyskiy, V.I. Pogrebal'nyye Kompleksy Epokhi Pozdnego Mezolita–Neolita Baykal'skoy Sibiri: Traditsii Pogrebeniy, Absolyutnyy Vozrast // *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*. 2012. 9. P. 43-101.
- Berdnikov, I.M. Neolit Pribaykal'ya: Istoriya Odnoy Diskussii // *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*. 2018. 26. P. 3-45.
- Berdnikov, I.M., Goryunova, O.I., Novikov, A.G., Berdnikova, N.E., Ulanov, I.V., Sokolova, N.B., Abrashina, M.E., Krutikova, K.A., Rogovskoy, E.O., Lohov, D.N., Kogay, C.A. Khronologiya Neoliticheskoy Keramiki Baykalo-Yeniseyskoy Sibiri: Osnovnyye idei i Novyye Dannyye // *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*. 2020. 33. P. 23-53.
- Derevyanko, A.P., Chung T., Komissarov, S.A., Ping, J.I. The Various Colors of Jade // *Origin and Evolution of Man Archaeology*. 2019. 2 (52). P. 23-39.
- Goryunova, O.I. Bronzovyy Vek Priangar'ya Mogil'nik Shumilikha. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 1981. 107 p.
- Goryunova, O.I. Drevniye Mogil'niki Pribaykal'ya (Neolit–Bronzovyy Vek). Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2002. 83 p.
- Goryunova, O.I., Magdeeva Ya.L., Novikov, A.G. Itogi i perspektivy issledovaniy plitochnykh mogil Priol'khon'ya (poberezh'ye ozera Baykal) // *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*. 2019. 30. P. 11-33.
- Goryunova, O.I., Novikov, A.G. Jade Artifacts from Bronze Age Cemeteries in the Cis-Olkhon Area, the Western Coast of Lake Baikal // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2018. 46 (4). P. 33-41.
- Goryunova, O.I., Novikov, A.G., Turkin, G.V., Weber, A.W. Rezul'taty Izucheniya i Datirovaniya Pogrebal'nykh Kompleksov Rannego Neolita Priol'khon'ya (Oz. Baykal) // *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*. 2018. 23. P. 44-70.
- Goryunova, O.I., Novikov, A.G., Weber, A.W. Middle Holocene Hunter–Gatherer Mortuary Practices in the Little Sea Microregion on Lake Baikal, Part II: Late Neolithic // *Archaeological Research in Asia*. 2020. 24. P. 1-22.
- Kharinskiy A.V. Predbaykal'ye v kon. I tys. do n.e. – ser. II tys. n.e.: Genezis Kul'tur i ikh Periodizatsiya. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta, 2001. 171 p.
- Kharinskiy A.V. Yelginskiye Zakhroneniya Pribaykal'ya // *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy*. 2014. 3 (12). P. 20-44.
- Kobe, F., Bezrukova, E.V., Leipe, C., Shchetnikov, A.A., Goslar, T., Wagner, M., Kostrova, S.S., Tarasov, P.E. Holocene Vegetation and Climate History in Baikal Siberia Reconstructed from Pollen Records and Its Implications for Archaeology // *Archaeological Research in Asia*. 2020. 23. P. 1-12.
- Korostelev, A.M. Novyye dannyye po rezul'tatam issledovaniya pogrebal'no-pominal'nogo kompleksa Tsagan-Khushun-II «a» na poberezh'ye oz. Baykal // *Rezul'taty Izucheniya Materialov Arkheologicheskikh Issledovaniy*. 2022. (34)1. P. 30-46.
- Kuzmin, Ya.V. Hiatus In Prehistoric Chronology Of The Cis-Baikal Region, Siberia: Pattern Or Artifact? // *Radiocarbon*. 2007. 49 (1). P. 123-129.

- Molodin, V.I., Chikisheva, T.A.* Pogrebeniye voina IV–V vv. n.e. // *Voyennoye Delo Drevnego i Srednevekovogo Naseleniya Severnoy i Tsentral'noy Azii*. Novosibirsk: Institut istorii, filologii i filosofii Sibirskogo otdeleniya AN SSSR, 1990. P. 161-179.
- Mooder, K.P., Schurr, T.G., Bamforth F.J., Bazaliiski, V.I. veSaval'yev, N.A.* Population Affinities of Neolithic Siberians: A Snapshot from Prehistoric Lake Baikal // *American Journal of Physical Anthropology*. 2006. 129 (3). P. 349-361.
- Moussa, N.M., Bazaliiskii, V.I., Goriunova, O.I., Bamforth, F., Weber, A.W.* Y-chromosomal DNA Analyzed for Four Prehistoric Cemeteries from Cis-Baikal Siberia // *JAS: Reports*. 2018. 17. P. 932-942.
- Moussa, N.M., McKenzie, H.G., Bazaliiskii, V.I., Goriunova, O.I., Bamforth, F., Weber, A.W.* Insights into Lake Baikal's Ancient Populations Based on Genetic Evidence from the Early Neolithic Shamanka II and Bronze Age Kurma XI Cemeteries // *Archaeological Research in Asia*. 2021. 25. P. 1-10.
- Movsesyan, A.A., Pejemskiy, D.V.* Ranneneoliticheskoye Naseleniye Yuzhnogo Baykala Po Dannym O Diskretno-Var'iruyushchikh Priznakakh na Cherepe (Mogil'nik Shamanka II) // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya*. 2013.3. P. 54-63.
- Movsesyan, A.A., Pejemskiy, D.B.* Sushchestvovala li Geneticheskaya Preyemstvennost' Mezhdru Naseleniyem Razlichnykh Etapov Pribaykal'skogo Neolita? // *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. 2015. XXIII. P. 94-104.
- Naumova, O.Yu., RychkovS.Yu.* Siberian Population of the New Stone Age: mt DNA Haplo type Diversity in the Ancient Population from the Ust'-Ida I Burial Ground. Dated 4020–3210 BC by14C // *Antropologischer Anzeiger*. 1998. 56 (1). P. 1-6.
- Okladnikov, A.P.* Neolit i Bronzovyy Vek Pribaykal'ya. Istoriko-Arkheologicheskoye Issledovaniye. Ch. I–II /Materialy I Issledovaniya Po Arkheologii SSSR: 18. Moskva, 1950. 411 p.
- Okladnikov, A.P.* Neoliticheskiye Pamyatniki Angary (Ot Shchukino Do Bureti). Novosibirsk, 1974. 327 p.
- Shalahov, E.G.* Nositeli seyminsko – Turbinskoy traditsii i «Kamen' pobedy» (Nefrit V Epokhu geroyev I Olovyannykh bronz) // *Voprosy Istoricheskoy nauki: Materialy III Mejdunar. nauch. konf.* 2015. P. 149-152.
- Stepanov, A.D.* Early Iron Age Dyupsya Burial Central Yakutia // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2010. 38 (1). P. 32-36.
- Trapezov, R.O., Pilipenko, A.S., Molodin, V.I.* Mitochondrial DNA Diversity in the Gene Pool of the Neolithic and Early Bronze Age Cisbaikalian Human Population // *Russian Journal of Genetics*. 2015. 5 (1). P. 26-32.
- Weber, A.W., Ramsey, C.B., Schulting R.J., Bazaliiskii, V.I., Goriunova, O.I.* Middle Holocene Hunter-Gatherers of Cis-Baikal, Eastern Siberia: Chronology and Dietary Trends // *Archaeological Research in Asia*. 2021. 25. P. 1-21.
- Weber, A.W., Beukens R.P., Bazaliiskii V.I., Goryunova O.I. and Saval'ev, N.A.* Radiocarbon Dates From Neolithic and Bronze Age Hunter gatherer Cemeteries in the Cis-Baikal Region of Siberia // *Radiocarbon*. 2006. 48 (1). P. 127-166.
- Weber, A.W., Goryunova, O.I, McKenzie, H.G., Lieveise, A.R.* Kurma Xla Middle Holocene Hunter-Gatherer Cemetery on Lake Baikal, Siberia, Canadian Circumpolar Institute Press. 2012. 276 p.
- Zubkov, V.S.K* Probleme Vydeleniya I Interpretatsii Arkheologicheskikh Kul'tur V Neolite I Rannem Bronzovom Veke Pribaykal'ya // *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2006. 5. P. 48-54.

**Д. А. Байтлеу,
Ж. С. Калиева,
А. Ш. Искаков**

**Дархан Айтжанұлы Байтлеу, baitileu@gmail.com
Жанаргүл Сериковна Калиева, zhkalieva@mail.ru
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан
Айдар Шарханович Искаков,
Национальный историко-культурный
и природный заповедник-музей «Улытау»,
п. Улытау, Казахстан; iskakov.aydar@list.ru**

К вопросу о месте археологического комплекса Тарангул в системе Уральско-Мугалжарского горно-металлургического центра эпохи палеометалла

Аннотация. В статье представлен краткий обзор и анализ материалов, полученных в ходе комплексных исследований археологического комплекса Тарангул, расположенного в Актюбинском Приуралье. В систему археологического комплекса Тарангул входят одноименные могильник и поселение, где были обнаружены уникальные находки, в т. ч. многочисленная группа погребальных сооружений на могильнике и остатки теплотехнических сооружений (трехсекционные металлургические печи шахтного типа), литейные формы, свидетельства металлургического передела, орудия горного дела и земледелия, многочисленный керамический и остеологический материал на поселении, которые, помимо определения характера хозяйства и культуры исследуемого объекта, позволяют уверенно датировать время функционирования могильника и поселения Тарангул периодом позднего бронзового века. Кроме того, географическая локализация исследуемого археологического комплекса, а также сопутствующие материалы, имеющие археометаллургический контекст, позволяют предварительно отнести исследуемый археологический комплекс к памятникам конкретных рудных районов Уральско-Мугалжарского горно-металлургического центра, а именно Каргалинскому и Косистекскому.

Ключевые слова: археология, Уральско-Мугалжарский регион, Орь-Илекская возвышенность, поздний бронзовый век, археологический комплекс, археометаллургия

**Дархан Айтжанұлы Байтілеу,
Жанаргүл Серікқызы Қалиева,
Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан
Айдар Шарханұлы Искаков,
«Ұлытау» ұлттық тарихи-мәдени және табиғи қорық-музейі,
Ұлытау қ., Қазақстан**

Палеометал дәуіріндегі Орал-Мұғалжар тау-кен металлургия орталығы жүйесіндегі Таранғұл археологиялық кешенінің орны жайлы

Аннотация. Мақалада Ақтөбелік Орал өңірінде орналасқан Таранғұл археологиялық кешенін зерттеу барысында алынған материалдарға қысқаша шолу мен талдау берілген. Таранғұл археологиялық кешенінің жүйесіне бірегей олжалар табылған аттас қорым мен қоныс кіреді, соның ішінде қорымдағы жерлеу

құрылыстарының көптеген тобы мен жылутехникалық құрылыстардың қалдықтары (шахта түріндегі үш секциялы металлургиялық пештер), құю қалыптары, металлургиялық қайта жасаудың дәлелі, тау-кен және егіншілік құралдары, қоныстағы көптеген керамикалық және остеологиялық материалдар, олар зерттелетін объектінің шаруашылығы мен мәдениетінің сипатын анықтаумен қатар, сенімді түрде қорым мен Таранғұл қонысының қызмет ету мерзімін соңғы қола дәуіріне жатқызуға мүмкіндік береді. Сонымен қатар, зерттеліп жатқан археологиялық кешеннің географиялық орналасуы, сондай-ақ археолометаллургиялық контексті бар материалдар, зерттелетін археологиялық кешенді Орал-Мұғалжар тау-кен металлургия орталығының, атап айтқанда Қарғалы мен Қосестектің нақты кенді аудандары ескерткіштеріне алдын ала жатқызуға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: археология, Орал-Мұғалажар аймағы, Ор-Ілек төбесі, кейінгі қола дәуірі, археологиялық кешен, археометаллургия

**Darkhan Baitileu,
Zhanargul Kalieva,**

Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

Aydar Iskakov

National Historical, Cultural and Natural Reserve-Museum «Ulytau»,
Ulytau, Kazakhstan

On the place of the Tarangul archaeological complex in the system of the Ural-Mugalzhar mountain-metallurgical center of the paleometal era

Abstract. The article presents a brief review and analysis of materials obtained during the complex research of the archaeological complex Tarangul, located in the Aktobe Ural Mountains. The system of the archaeological complex Tarangul includes the eponymous burial ground and settlement where unique finds were found, including a large group of funerary structures on the burial ground and the remains of heating structures (three-sectional metallurgical furnaces of shaft type), casting molds, evidence of metallurgical conversion, tools for mining and agriculture, numerous ceramic and osteological material on the settlement, which besides determining the character of the economy and culture of the studied site, allow us to assure the existence of the complex. In addition, the geographical localization of the studied archaeological complex, as well as the accompanying materials with archaeometallurgical context allows us to tentatively attribute the studied archaeological complex to the monuments of specific ore areas of the Ural-Mugalzhar mining and metallurgical center, namely Kargalinsky and Kosisteksky.

Keywords: archaeology, Ural-Mugalzhar region, Or-Ilek Upland, Late Bronze Age, archaeological complex, archaeometallurgy

Одним из новых и интересных объектов с научной точки зрения является археологический комплекс Тарангул, который географически расположен в Актюбинском Приуралье, а именно в северо-восточной части Ор-Илекской возвышенности, на р. Тарангул, в 6,3 км к северу от поселка Кос-Естек (Каргалинский р-н, Актюбинская обл., РК) (рис. 1). Археологический комплекс Тарангул был обнаружен в 2019 г. [Байтлеу, Хаванский 2020], а комплексное исследование поселения и могильника, входящего в систему названного памятника, начато в 2020 г. и в настоящий момент находится на стадии активного изучения [Байтлеу, Калиева 2020; Байтлеу и др. 2021; Байтлеу, Шарбаев 2021].

За три полевых сезона (2020–2022 гг.) исследований на археологическом комплексе Тарангул был получен ряд сведений, позволяющих определить культурную принадлежность и типы хозяйства древнего населения на данном объекте. В ходе исследований в первую очередь была поставлена задача определения культурной и хронологической взаимосвязи поселения и могильника. С этой целью были начаты параллельные исследования поселения и могильника.

Могильник Тарангул локализован на первой надпойменной террасе и замыкает с северной стороны вход в долину р. Тарангул. Могильник расположен в 300 м к востоку от террасы с поселением Тарангул и разделен с «поселенческой» террасой небольшим логом. Каменные конструкции могильника Тарангул вытянуты по линии 3–В вдоль береговой линии на некотором расстоянии

Рис. 1. Локализация археологического комплекса Тарангул
и выработок на медь позднего бронзового века

друг от друга. Всего зафиксировано около 30 надмогильных конструкций. Каменные сооружения меньшего размера сильно задернованы, в связи с чем общее их количество определить представляется сложным и требует проведения исследования методом сплошного раскопа.

На могильнике Тарангул преимущественно наблюдаются каменные кольцевые ограды. В восточной части могильника располагаются каменные конструкции (насыпи из камней овальной в плане формы, вытянутые по линии З–В, размеры которых варьируют в пределах 2×1,5 м) – могилы этнографического времени. К настоящему моменту полностью исследованы две кольцевых ограды (подробное описание надмогильных сооружений см.: [Байтлеу, Калиева 2020: 11–13]). Морфологические особенности погребальных конструкций и обрядовых признаков, полученных из могильника Тарангул, идентичны с памятниками эпохи поздней бронзы исследуемого региона, в частности с материалами близкорасположенных могильников Шаншар и Каргалинский I [Сорокин 1955; Сегедин 1977; Ткачев 1993], что свидетельствует о культурной однородности и синхронности материалов из названных могильников. В наибольшей степени материалы из данных памятников сопоставимы с характеристиками кожумбердынской культурной группы. Таким образом, в настоящий момент установлено, что в соответствии с современными представлениями о хронологии кожумбердынской культурной группы могильник Тарангул предварительно можно датировать так же как и могильники Шаншар и Каргалинский I, а именно XVII–XV вв. до н.э. [Байтлеу, Калиева 2020: 13].

В ходе раскопочных работ на поселении Тарангул была выявлена производственная площадка со сложной системой производственных секторов и участков, где были обнаружены остатки теплотехнических сооружений – металлургических печей трехсекционного типа (рис. 2), схожих с металлургическими печами из поселения Талдысай в Центральном Казахстане [Ермолаева и др.

Рис. 2. Поселение Тарангул. Фото остатков металлургических печей шахтного типа: А – остатки теплотехнических сооружений и производственных площадок, примыкающих к ним. Вид сверху; В – вид с запада; С – вид с юга

2019]. В настоящий момент изучение остатков теплотехнических сооружений поселения Тарангул находится на начальной стадии комплексных исследований и является темой для отдельной статьи, но, вместе с тем, в контексте изучения металлургической проблематики интересны сопутствующие найденным печам артефакты, в том числе литейная форма (рис. 3).

Литейная форма была обнаружена в 2 м к западу от остатков теплотехнических сооружений (западной ямы-печи), на древней дневной поверхности, в районе предполагаемой дымовыводящей конструкции производственной площадки поселения Тарангул. В настоящий момент проведены сравнительно-типологический, спектральный и трасологический анализы плоскостей литейной формы с негативами серповидных орудий и тесла. Результаты анализа литейной формы достаточно информативны и являются темой отдельного исследования, в связи с чем в данный момент передана в печать научная статья. Отметим лишь, что анализ негативов серповидных орудий, а именно расположение литника, размеры матрицы, особенности клинка, в т. ч. его изгиб,

Рис. 3. Поселение Тарангул. Литейная форма и оборот с негативами орудий

позволяют предположить, что литейная форма использовалась для изготовления серпов так называемого типа Кундравинская. Основной ареал подобных серпов сосредоточен на Южном Урале, а также включает Западную Сибирь и Среднее Поволжье [Дергачев, Бочкарев 2013: 42–47]. Серпы типа Кундравинская напрямую связаны с алакульской культурой, локальным вариантом которой в исследуемом нами регионе является кожумбердынская культурная группа.

На поселении Тарангул обнаружена достаточно многочисленная и представительная коллекция фрагментов керамики. В процессе технико-технологического анализа просмотрены выразительные фрагменты керамики, венчики, донца, придонные части, боковины. Определение выполнялось в рамках историко-культурного подхода в изучении древнего гончарства и основанной на бинокулярной микроскопии трасологии и физическом моделировании.

Несмотря на то, что отобранные на технико-технологический анализ образцы керамики обладают различными информативными возможностями в силу своей сохранности и поэтому не по всем ступеням гончарной технологии получена полная информация, в настоящий момент установлено, что керамика поселения Тарангул в полной мере соответствует стандартам кожумбердынского гончарства. Наряду с плавнопрофилированными формами высоких пропорций в серии присутствуют сосуды с уступчатым плечом, а в орнаментации сочетаются геометрические мотивы, выполненные по прямой и наклонной сетке, нанесенные гребенчатым штампом и прочерченной техникой [Байтлеу, Калиева 2020: 11].

На поселении Тарангул также обнаружена достаточно многочисленная и представительная коллекция археозоологического материала, который был подвергнут остеологическому анализу. Для остеологического анализа были привлечены 2739 костей млекопитающих, 8 костей птиц и 8 костей грызунов, обнаруженных на поселении Тарангул. Из всей массы остеологического материала лишь 1042 (38,4%) костей определено до вида (подробно о результатах остеологического анализа см.: [Байтлеу, Шагирбаев 2021: 141–151]). Вкратце отметим, что в рационе питания древнего населения поселения Тарангул присутствуют домашние копытные, преимущественно крупный и мелкий рогатый скот. Среди костей мелкого рогатого скота явно преобладают кости овцы, также можно наблюдать, что лошадь в рационе питания, в сравнении с крупными и мелкими рогатыми млекопитающими, использовалась редко. Исследование возрастного состава домашних млекопитающих показало, что большинство костных остатков, обнаруженных на поселении Тарангул,

принадлежит взрослым особям животных (старше 3 лет), особенно это заметно по фрагментам трубчатых костей. Редкое обнаружение или полное отсутствие в культурном слое поселения костей молодых особей домашних млекопитающих косвенно указывает на применение жителями поселения Тарангул отгонной формы скотоводства, характерной для населения периода позднего бронзового века Урало-Мугалжарского региона. При проведении анализов костных остатков из поселения Тарангул зафиксирован единичный случай остеофагии. Подобные случаи могут указывать на то, что часть домашних копытных определенное время могла содержаться на территории поселения. В данном случае можно предположить, что домашние копытные располагались на поселении Тарангул лишь на передержке, с целью дальнейшего убоя для жизнедеятельности человека, а основные пастбища для выпаса скота располагались на более благоприятных участках в некотором отдалении от поселения.

В целом, необходимо отметить, несмотря на то, что по материалам археологического комплекса Тарангул в данный момент не получены абсолютные даты, опосредованные данные (в частности керамический материал, литейные формы из поселения и конструктивные особенности погребальных сооружений могильника) косвенно свидетельствуют, что данный объект функционировал в период позднего бронзового века и непосредственно связан с кожумбердынской культурной группой. Учитывая ранние результаты исследований, полученных в ходе многолетних совместных исследований российских и казахстанских ученых археологических памятников на южном фланге Уральской горно-металлургической области, а именно на территории Уральско-Мугалжарского горно-металлургического центра, нужно подчеркнуть, что в настоящий момент особенно важным результатом исследований является выделение конкретных меднорудных районов на территории распространения памятников западноалакульской и кожумбердынской культурных групп [Ткачев и др. 2014: 555]. В данном контексте представляется возможным привязка исследуемого нами археологического комплекса Тарангул к конкретному району в системе Уральско-Мугалжарского горно-металлургического центра. Как было указано ранее, исследуемый нами объект располагается между древними выработками на медь Шаншар и Чудская и в этой связи географически может быть отнесен к Каргалинскому и Косистекскому рудным районам, а характер производственной деятельности древнего населения Тарангул, связанный непосредственно с металлургическим переделом и металлопроизводством, является возможным свидетельством взаимосвязи археометаллургических объектов названных районов. Но, тем не менее, в настоящий момент на начальной стадии исследований археологического комплекса Тарангул мы не будем столь категоричны и допускаем мысль, что Тарангул, находясь практически на периферии трех отдельных рудных районов, мог объединять несколько из них, т. е. Каргалинский и Косистекский, Киялыбуртинский, и Акжарско-Каргалинский.

В заключение отметим, что в настоящий момент мы располагаем достаточным заделом в области изучения древнего горного дела региона. В настоящее время получен ряд существенных сведений о древних рудниках региона и произведена попытка подсчета количества добытых руд, кроме того определена морфология и параметры рудных тел, дана характеристика типов добываемых руд, их минерального и геохимического состава, а также проведен предварительный расчет количества извлеченной руды и выплавленного металла [Ткачев и др. 2014; 2016; Байтлеу и др. 2016; Носкевич и др. 2017]. Но, несмотря на достигнутые успехи в области изучения памятников древнего горного дела, объекты металлургического передела и металлопроизводства требуют более углубленного изучения и в данном контексте дальнейшее изучение металлургических печей и производственных (бронзолитейных) площадок, обнаруженных на поселении Тарангул, является наиболее актуальным и первостепенным.

ЛИТЕРАТУРА

- Байтлеу Д.А., Ткачев В.В., Юминов А.М., Ишангали С.К., Фомичев А.В., Анкушев М.Н., Каирмагамбетов А.М., Носкевич В.В., Бебнев А.С.* Начало междисциплинарных исследований в Сарлыбайском археологическом микрорайоне (Южные Мугалжары) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск: ГKKП «Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии», 2016. Вып. 3. С. 108-147.
- Байтлеу Д.А., Калиева Ж.С.* Результаты исследований археологического комплекса эпохи бронзы Тарангул на севере Орь-Илекской возвышенности в 2020 году // Кадырбаевские чтения—2020: м-лы VI Междунар. науч. конф. (г. Актобе, 27–28 ноября 2020 г.) / Отв. ред. А.Б. Уразова. Актобе: Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 2020. С. 7-22.
- Байтлеу Д.А., Калиева Ж.С., Искаков А.Ш.* Результаты исследований поселения эпохи бронзы Тарангул в 2021 году (предварительное сообщение) // Маргулановские чтения—2021: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.). В 3-х т. / Гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Т.Б. Мамиров, Б.А. Байтанаев. Алматы: ИА КН МОН РК, 2021. Т. 1. С. 198-206.
- Байтлеу Д.А., Хаванский А.Н.* Результаты археологических рекогносцировочных работ в Актюбинской области в 2019 году // Маргулановские чтения—2020: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). В 2-х т. Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. Т. 2. С. 115-127.
- Байтлеу Д.А., Шагирбаев М.С.* Анализ археозоологического материала поселения Тарангул (предварительные данные) // Археология Казахстана. 2021. № 2 (12). С. 141-151.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. 348 с.
- Ермолаева А.С., Кузьминых С.В., Анкушев М.Н., Дубягина Е.В.* Металлопроизводство на поселении Талдысай в Жезказган-Улытауском горно-металлургическом центре // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): м-лы Междунар. конф. (СПб., 18–22 ноября 2019 г.). Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарёва. СПб.: ИИМК РАН, «Невская типография», 2019. С. 92-95.
- Сегедин Р.А.* Древние могильники, обнаруженные в северной части Актюбинской области в 1976–1977 гг. Рукопись. 1977 // Архив ИА КН МОН РК. Д. 1534.
- Сорокин В.С.* Археологические памятники Актюбинской области Казахской ССР по материалам Западно-Казахстанского отряда археологической экспедиции ИИМК АН СССР на целинные земли 1955 г. Отчет // Фонды АОИМК. КП 9354–9355.
- Ткачев В.В.* Отчет об археологических раскопках в Актюбинской области летом-осенью 1993 г. // Фонды АОИМК. Б/н.
- Ткачев В.В., Байтлеу Д.А., Юминов А.М.* Освоение меднорудных ресурсов Западного Казахстана в бронзовом веке // Труды ФИА. Астана: изд. гр. ФИА, 2014. Т 3. С. 97-115.
- Ткачев В.В., Байтлеу Д.А., Юминов А.М.* Некоторые итоги исследования Мугалжарского горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы // Актуальные проблемы археологии Евразии: м-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 18–19 октября 2016 г.). Алматы: ИА КН МОН РК, 2016. С. 703-716.
- Носкевич В.В., Федорова Н.В., Ткачев В.В., Байтлеу Д.А., Юминов А.М.* Реконструкция древних медных карьеров бронзового века по георадарным данным // Геофизика. 2017. № 1. С. 56-62.

**С. К. Сакенов,
А. С. Ганиева**

**Сакенов Сергазы Кайырбекович, sergazi_82@mail.ru
Ганиева Айнагуль Сабитовна, ganieva@mail.ru
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Нур-Султан қ., Қазақстан**

Материалы могильника эпохи бронзы Тажыгул в решении проблем нуринской археологической культуры*

Аннотация. В работе впервые в научный оборот вводятся новые материалы, полученные в ходе археологических исследований могильника эпохи бронзы Тажыгул. Дана топографическая характеристика долины Тажыгул, где зафиксировано большое количество разновременных памятников – объектов историко-культурного наследия. Описаны процесс и результаты исследования одной каменной ограды нуринской (федоровской) археологической культуры. Сравнительно-типологический анализ однотипных памятников, изученных на территории других регионов Казахстана, позволил авторам высказать гипотезу об единых процессах культурогенеза, которые происходили на большей части Казахстана в бронзовом веке. В статье акцентируется внимание на памятниках эпохи бронзы Бурабайского горно-лесного массива Северного Казахстана, материалы которых являются важными при решении некоторых проблем нуринской археологической культуры.

Ключевые слова: Северный Казахстан, Бурабайский горно-лесной массив, ландшафт, археологический микрорайон, бронзовый век, нуринская археологическая культура, могильник, каменная ограда, погребальный обряд

**Серғазы Қайырбекұлы Сәкенов,
Айнагуль Сәбитқызы Ғаниева,
А.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Нұр-Сұлтан, Қазақстан**

Нұра археологиялық мәдениетінің мәселелерін шешудегі Тажығұл қола дәуірі қорымының материалдары

Аннотация. Тажығұл қола дәуірі қорымының археологиялық зерттеуі барысында алынған жаңа материалдар алғаш рет ғылыми айналымға енгізілуде. Әртүрлі дәуірдегі көптеген ескерткіштер – тарихи-мәдени мұра нысандары тіркелген Тажығұл алқабының топографиялық сипаттамасы берілген. Нұра (федоров) археологиялық мәдениетінің тас қоршауын зерттеу барысы мен нәтижелері сипатталған. Қазақстанның басқа аумақтарында зерттелген ұқсас ескерткіштерді салыстырмалы және типологиялық талдау авторларға қола дәуірінде Қазақстанның басым бөлігінде болған мәдени генезистің жалпы процестері туралы гипотеза жасауға мүмкіндік берді. Мақалада материалдары нұра археологиялық мәдениетінің кейбір мәселелерін шешуде маңызы зор Солтүстік Қазақстанның Бурабай тау-орман массивіндегі қола дәуірінің ескерткіштеріне назар аударылады.

Түйін сөздер: Солтүстік Қазақстан, Бурабай таулы орманды массиві, ландшафт, археологиялық шағын аудан, қола дәуірі, нұра археологиялық мәдениеті, қорым, тас қоршау, жерлеу ғұрпы

© 2022 Сакенов С.К., Ганиева А.С.

*Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2022, ИРН проекта OR11465466.

Sergazy Sakenov,
Ainagul Ganieva,

Margulan Institute of Archaeology, Nur-Sultan, Kazakhstan

Materials of the burial ground of the Bronze Age Tazhygul in solving the problems of the Nura archaeological culture

Abstract. For the first time, new materials obtained in the course of archaeological research of the Bronze Age burial ground Tazhygul are introduced into scientific circulation. The topographic characteristics of the Tazhygul valley are given, where a large number of monuments of different times – objects of historical and cultural heritage are recorded. The process and results of the study of one stone fence of the Nura (Fedorov) archaeological culture are described. A comparative typological analysis of the same type of monuments studied in other regions of Kazakhstan allowed the authors to hypothesize about common processes of cultural genesis that took place in most of Kazakhstan in the Bronze Age. The article focuses on the monuments of the Bronze Age of the Burabay mountain-forest massif of Northern Kazakhstan, the materials of which are important in solving some problems of the Nura archaeological culture.

Keywords: Northern Kazakhstan, Burabay mountain forest, landscape, archaeological microdistrict, Bronze Age, Nura archaeological culture, burial ground, stone fence, funeral rite

В 2021 г. в Институте археологии им. А.Х. Маргулана был создан Бурабайский археологический отряд. Целью его деятельности является изучение памятников эпохи бронзы на территории Северного Казахстана. В том же году начато стационарное изучение могильника эпохи бронзы Кызылтобе. Погребальный обряд и совокупность предметов, сопровождающих захоронение, позволили отнести древнее кладбище к нуринаской археологической культуре. По образцам человеческих зубов и ребер получены первые радиоуглеродные даты. В полевом сезоне 2022 г. внимание группы специалистов Института, привлекла живописная долина, примыкающая к северо-восточной части горно-лесного массива Бурабая. Эта удлиненная впадина расположена в 15 км к северо-востоку от поселка Бурабай, в 1,5 км к юго-западу от села Абылайхан (Бурабайский р-н Акмолинской обл.).

Долина представляет собой возвышенную площадку с относительно ровной поверхностью, длинная сторона которой простирается с юго-запада на северо-восток, протяженностью 2,5 км, шириной 1,5 км. Этот участок низменности хорошо выделяется благодаря двум родникам: один протекает, опоясывая и одновременно являясь естественной природной границей, с северной части, а второй источник бьет с южной стороны. Истоки северного родника – глубинное ущелье (сай) в северо-западной части сопки Уйтас, в настоящее время именно на этом удобном месте стоит и функционирует современная казахская зимовка – Тажыгул (*на каз. яз.* Тажығұл). Водоток в южной части, который коренные жители населенного пункта Абылайхан именуют Қара Бұлақ, начинается у северного подножия сопки Өрнек, с середины березовой рощи. На данный момент оба родника функционируют, а их воды протекают по всей долине и достигают окрестностей современного аула Абылайхан. Долина с южной стороны заполнена возвышенностями. Ландшафт представлен типичным для этой природно-географической зоны мелкосопочником, а вдоль русла южного родника сохранились березовые колки, простирающиеся с запада на восток и доходящие до крайних лесов Бурабая. В северной части открывается степное ровное пространство.

Данная равнина является излюбленным местом и удобной природно-ландшафтной нишей для жизнедеятельности людей во все времена, об этом свидетельствует концентрация большого количества историко-культурных памятников. Соотношение числа разновременных археологических объектов относительно маленькой по площади территории впечатляет и требует дальнейших практических и теоретических объяснений. Предварительное обследование участка и подъемный

материал показали наличие артефактов со стоянки неолитического времени. Вдоль родников зафиксированы жилищные впадины эпохи бронзы, расположенные по линейной системе. Всю площадь с юго-запада на северо-восток занимают погребальные конструкции эпохи бронзы – ограды с земляной насыпью, встречаются ограды и без насыпи. В центре каменных ограждений без насыпи фиксируются малозаметные каменные прямоугольные вместилища (ящики), сложенные из нескольких гранитных плит. Все эти памятники древности перекрываются культурным слоем казахских зимовок XVIII – начала XX в. (рис. 1).

На этой площади насчитываются (по предварительному осмотру) строения семи зимовок. Самая крупная зимовка усадебного типа расположена в верхней части, ближе к роднику Қара Бұлақ. Необходимо отметить, что при тщательном обследовании культурного слоя казахской зимовки было собрано значительное количество фрагментов керамики раннего железного века. Не исключено, что под постройками казахских зимовок будет выявлено стационарное поселение раннего железного века – такая закономерность была неоднократно зафиксирована известным казахстанским археологом А.З. Бейсеновым [Бейсенев, Ломан 2019: 36–45; Бейсенев 2019]. Жилища других казахских зимовок, расположенных вдоль линии долины, отстоят друг от друга на расстоянии 100 м. Еще одна зимовка, обширная по площади, расположена прямо посередине березовой рощи, она тоже прилегает к небольшому роднику. Особенности архитектурных строений казахских зимовок данной местности заключаются в том, что при их возведении использованы гранитные плиты больших размеров. Руины и остатки фундаментов хорошо фиксируются на поверхности, благодаря этому четко читается их архитектурная планировка.

Далее изложим предварительные результаты исследования одной ограды эпохи бронзы, материалы которой позволяют осветить некоторые проблемы нуринской археологической культуры. Объект расположен в 50 м к северу от родника Қара Бұлақ. Каменная ограда фиксировалась по малозаметным плоским камням, которые плотно примыкали друг к другу и были аккуратно выложены, образуя ограду. До проведения раскопок хорошо была заметна только западная часть, а противоположная сторона оказалась сильно задернованной. Рядом находились развалины еще одного объекта, связанного с казахскими зимовками.

Для полного охвата каменной ограды заложен раскоп площадью 16 × 14 м; раскопки производились по секторам, каждый размерами 4 × 4 м. После снятия первого слоя и проведения горизонтальной зачистки на уровне -0,20 м выявлена вся конструкция, которая возведена из плоских камней, уложенных плашмя и плотно подогнанных друг к другу. Архитектурные особенности и приемы строительной техники при возведении ограды заключались в том, что при строительстве использованы природные камни средних размеров, продолговатых форм, средняя длина которых составляла 0,60 м. Камни клали плашмя длинными сторонами, располагая радиально; когда круг замыкался, получалась ограда в форме правильного круга. Местами фиксируется второй ряд кладки, выполненный плоскими плитами. Диаметр ограды по внешним стенкам составил 10,4 м.

На уровне -0,30 м выявлена вторая линия ограды, она также выложена из камней, но в плане прямоугольной формы, длинными сторонами ориентирована по линии З–В, размерами 4,8 × 2,8 м (рис. 2). В центральной площадке внутренней, второй ограды прямоугольной формы, расчищена надмогильная конструкция, сложенная из рваного камня. Надмогильная конструкция прямоугольной формы, размерами 2,2 × 1,2 м. Длинными сторонами ориентирована по линии З–В, возведена из рваных камней, внутреннее пространство полностью выложено камнями (рис. 3).

После фиксации надмогильной конструкции она была разобрана. Под ней было выявлено могильное пятно размерами 2,8 × 1,55 м. В границах могильного пятна выявлена грунтовая погребальная камера прямоугольной формы с закругленными углами, размерами 2 × 1,1 м, ориентиро-

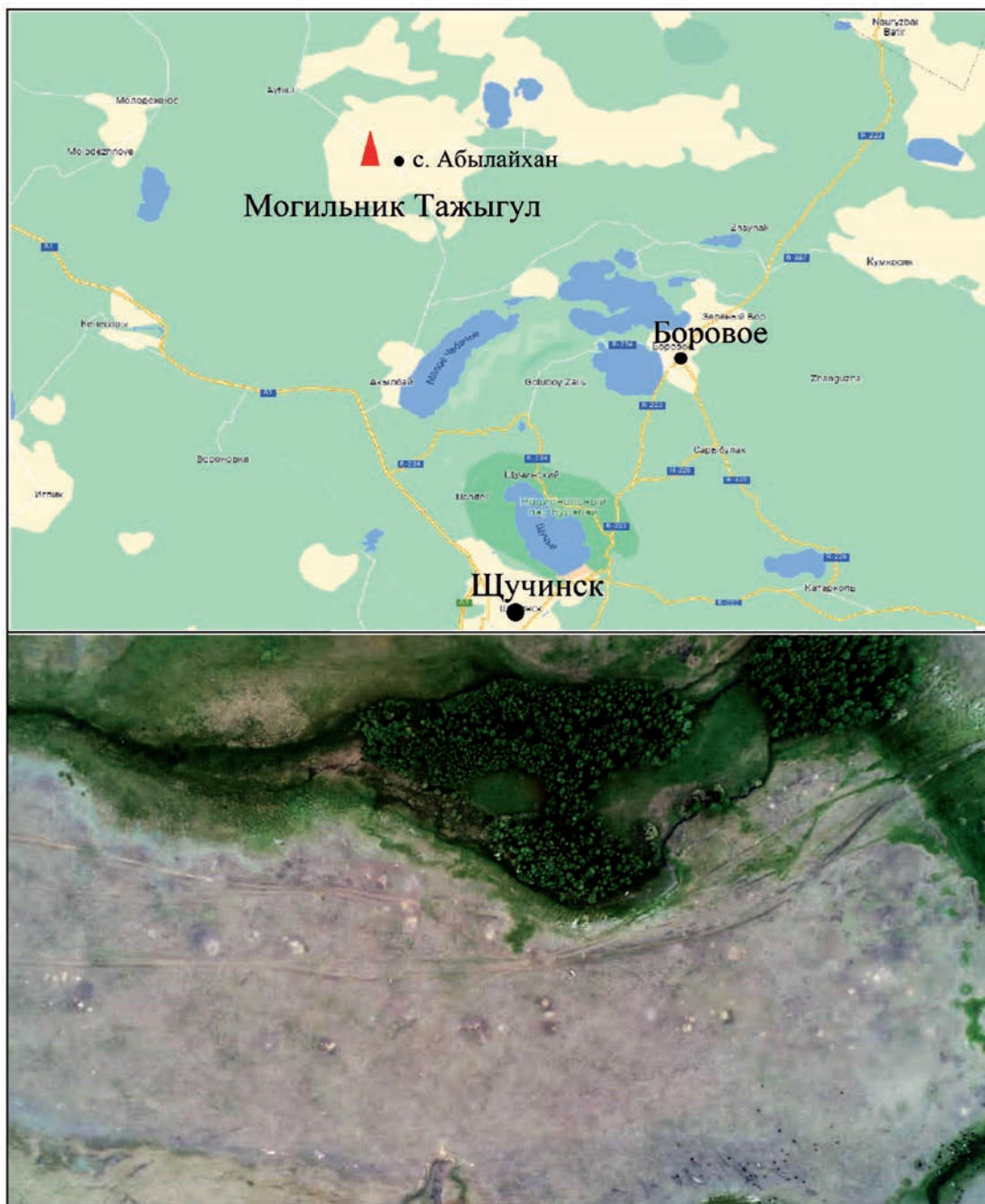

Рис. 1. Карта местонахождения памятника и панорама долины Тажыгул.
Вид с высоты птичьего полета

Рис. 2. Могильник Тажыгул. Внешняя и внутренняя каменные ограды на уровне -0,30 м

вана длинной осью по линии СЗ–ЮВ. При расчистке могильной ямы на уровне -0,40 м в северо-западной части находился камень квадратной формы, а также встречались разрозненные кости человека, кости жертвенного животного и фрагменты венчиков керамических сосудов (рис. 4, 1, 3-4). На уровне -1,2 м, в придонной части могильной ямы зафиксированы отдельные кости человеческого скелета. Судя по непо потревоженным костям конечностей, умершего хоронили в скорченном положении на правом боку, головой на запад (рис. 4, 2). Кроме костей человека, в погребении ничего не найдено, скорее всего, оно было ограблено еще в древности. В юго-восточной части за пределами ограды исследована небольшая пристройка, выложенная из камней прямоугольной формы, ориентированная длинной осью по линии З–В, размерами 2,6 × 1,4 м.

Историко-культурная принадлежность. По предварительным данным и нескольким устойчивым критериям памятник относится к нуринской (федоровской) археологической культуре позднего этапа. Топография и расположение погребальных конструкций соответствуют линей-

Рис. 3. Каменная ограда, в центре – надмогильное сооружение. Вид с высоты птичьего полета

ному принципу. Для данной культуры характерны следующие признаки: для каждого умершего индивида сооружали отдельную погребальную конструкцию в виде каменной ограды; в центре ограды располагалась индивидуальная погребальная камера. При постройке ограды использовалась технология кладки стен, при которой кладку выполняют горизонтальными рядами, укладывая камни плашмя. На более позднем этапе сооружали несколько линий оград; в данном случае исследованный объект имел две каменные ограды: одна внешняя, круглой формы, другая, внутренняя, – квадратной. В погребальной практике захоронения совершены по обряду ингумации (труположение) в простой грунтовой яме.

Обнаружен фрагмент венчика от сосуда баночной формы с высокой шейкой и плавным профилем. Судя по части венчика, стенки керамического сосуда были толстостенными, а тесто в изломе неоднородное, хорошо видны крупнозернистые примеси. На поверхность венчика нанесена одна широкая полоса каннелюр, имеется намечающийся формованный валик, оформление в виде

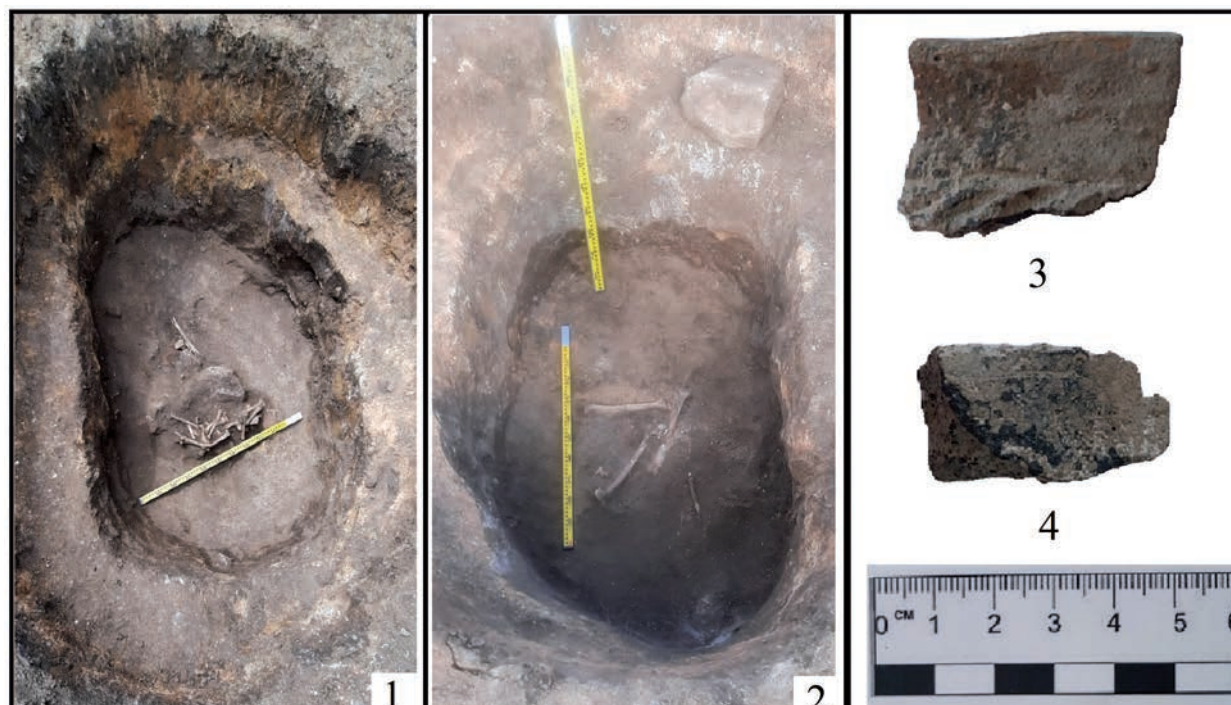

Рис. 4. Могильник Тажыгул. Ограда № 1:
 1 – дно могильной ямы на уровне -0,90м; кости жертвенного животного;
 2 – дно могильной ямы на уровне -1,2 м; разрозненные кости человеческого скелета;
 3–4 – фрагменты керамических сосудов

проступающих ребристых линий с наклоном вправо. Как показывают материалы ограды могильника Тажыгул, поздненуринские племена совершали постпогребальный обряд, заключающийся в приношении в жертву определенных животных, а их кости закапывали за пределами внешней ограды.

Картографирование однотипных погребальных комплексов сначала на микроучастке в Бурабайской лесостепной зоне, а затем на макроучастке, куда включены территории Восточного и Центрального Казахстана, Жетысу, позволяет установить единую хронологию и очертить границы происходивших процессов культурогенеза в бронзовом веке. Новые материалы из могильника Тажыгул находят ряд аналогий в памятниках, исследованных в регионе; наиболее схожим по структуре, погребальным обрядам и обнаруженным артефактам является могильник Кызылтобе, который находится в 5 км к востоку и занимает площадку другой долины. На территории Кызылтобе выявлены разнотипные погребальные конструкции, в ритуальной практике использованы и кремация, и ингумация. Сопроводительный инвентарь состоял из целых и фрагментированных сосудов, по морфологической характеристике соответствующих нуринской (федоровской) археологической культуре [Сакенов и др. 2021: 224]. Конструктивную схожесть погребальных сооружений находят в могильниках Бурабай (Боровое), Обалы и Буйрекколь. В истории изучения эпохи бронзы они стали эталонными памятниками [Оразбаев 1958: 66–73]. Подобные индивидуальные ограды эпохи бронзы исследованы на участке могильников Кошкарбай I, Кеноткель 3, 18 (Зерендинский р-н Акмолинской обл.). Данные памятники размещены компактно на территории археологическо-

го микрорайона Шаггалалы–Кеноткель, который находится в урочище Кошкарбай, где одноименная степная речка впадает в р. Шаггалалы [Каринбаев 2018: 26]. Долина Тажыгул с точки зрения ландшафта, топографии, расположения и сосредоточения большого количества разновременных памятников на относительно маленькой площади сопоставима с археологическим микрорайоном Шаггалалы – Кеноткель.

Аналогичные комплексы исследованы в северо-восточной зоне, на территории Восточного Казахстана: Айнабулак, Жартас, Малый Койтас, Зевакинский могильник [Черников 1960; Арсланова 1973: 66]. В Центральном Казахстане аналогии прослеживаются в материалах таких крупных могильников как Аксу-Аюлы, Бугылы, Сангру [Маргулан и др. 1966]. Памятники Талдинского археологического микрорайона (Шетский р-н Карагандинской обл.) расположены в следующих природно-климатических условиях: в ущельях, долинах, на склонах невысоких гор с многочисленными ручьями [Варфоломеев 2019: 85], и это объединяет их с топографией памятников долины Тажыгул.

В Жетысу на известных памятниках эпохи бронзы, в могильниках Таутары [Карабаспакова 2011], Тамгалы [Рогожинский 1999], Ой-Джайлау [Горячев 2010] и многих других широко используются каменные ограды, состоящие из нескольких концентрических линий в плане разных форм. Ландшафт долины Тажыгул, сочетание мелкосопочника, леса и наличие степного пространства с многочисленными родниками напоминает месторасположение историко-культурного комплекса «Тамгалытас–Бурлышоқы» (Жамбылский р-н Алматинской обл.), который также состоит из разновременных археологических памятников – от памятников каменного века до казахских зимовок [Смаилов, Сакенов 2019: 173].

Таким образом, анализ картографирования только лишь выборочных однотипных памятников на большей части Казахстана показывает, что в указанных районах происходит единый исторический процесс, памятники функционировали и существовали в одном археологическом периоде начиная со второй половины II тыс. до н. э., и более того – некоторые были синхронными. Весь спектр археологических источников демонстрирует, что в хронологическом промежутке, охватывающем XV–XIV вв. до н. э., памятники становятся однотипными, нивелируются, ранее выделяемые территориальные отличительные черты сглаживаются, за исключением некоторых влияний соседствующих археологических культур сопредельных территорий в целом на Казахстан и на каждый регион в частности.

Публикация материалов поздненуринского (федоровского) могильника Тажыгул имела целью определение места комплекса среди других однотипных памятников в Бурабайской лесостепной локальной зоне, а в дальнейшем – с охватом глобальных прилегающих территорий. Результаты исследования позволят определить особенности начала перехода поздненуринского этапа к самым ранним памятниками позднебронзового века.

В археологии эпохи палеометалла актуальными являются научные проблемы нуринской археологической культуры. Одним из истоков данного культурного образования считается территория Восточного Казахстана. Согласно одной из гипотез, она возникла на основе канайских памятников, хронология которых охватывает XVIII–XVII вв. до н. э. [Ткачев 2011: 173]. Здесь необходимо отметить, что еще в 50-х гг. XX в. А.М. Оразбаев в своих исследованиях подчеркивал важность памятников эпохи бронзы Бурабайского района Северного Казахстана при решении данной научной проблемы [Бейсенов 2015: 37–43]. В настоящее время на территории Бурабайского горно-лесного массива начаты исследования совершенно новых памятников нуринского (федоровского) периода. К примеру, образцы из курганов могильника Кызылтобе, анализ радиоуглеродного датирования показали калиброванные даты XVIII–XVII вв. до н. э. [Сакенов и др. 2022]. Эти факты говорят о

необходимости искать истоки культуриогенеза нуриных племен не в границах одного района, а гораздо шире и масштабнее.

Следующей важной проблемой является хронология памятников нуриной археологической культуры. На основе анализа новых материалов получена серия радиоуглеродных дат, нижняя дата памятников охватывает XVIII в. до н. э. Открытым остается вопрос определения верхней даты, и в этой связи актуальными становятся материалы могильника Тажыгул, которые могут пролить свет на видение и решение данной задачи.

Таким образом, ключевое значение при изучении памятников нуриной археологической культуры приобретают материалы памятников Бурабайской округи Северного Казахстана. Приоритетом является продолжение комплексных исследований с применением естественнонаучных методов. На данном уровне исследований проводится типология, классификация погребальных конструкций и артефактов – предметов материальной культуры; важная роль отведена радиоуглеродным анализам. Эти практические научные процедуры дают возможность расширить признаки материальных и духовных достижений данного общества и определить содержание, уровень общественного развития и внутреннюю хронологию нуриной археологической культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланова Ф.Х. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области // СА. 1973. № 4. С. 160–168.
- Бейсенов А.З. Әбдіманап Оразбаев және Орталық Қазақстандағы қола, ерте темір дәуірлері бойынша зерттеулер // Қазақ хандығының 550 жылдығына және Қазақстан халқы Ассамблеясының 20 жылдығына арналған «Қазақстан археологиясы мен этнологиясы: өткені, бүгіні және болашағы» атты «VII Оразбаев оқулары» Халықар. ғыл.-тәж. конф. м-ры (Алматы қ., 28–29 сәуір 2015 ж.). Алматы: Қазақ университеті, 2015. 37–43-бб.
- Бейсенов А.З. К.А. Акишев и вопросы изучения памятников казахского времени // Маргулановские чтения–2019: М-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 10–38.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Вопросы изучения поселений раннего железного века Центрального Казахстана // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2006. № 1 (252). С. 36–45.
- Варфоломеев В.В. Поселения Талдинского археологического микрорайона. Предварительные результаты исследований // Маргулановские чтения-2019: М-лы Междунар. археолог. научно-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 74–87.
- Горячев А.А. Новые материалы по погребальной обрядности эпохи бронзы из могильника Ой-Джайляу-VII в горах Киндыктас // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Сер. истор. 2010. № 2 (57). С. 191–202.
- Каринбаев Д. Отчет археологических работ на территории Акмолинской области за 2018 год. Кокшетау: УК «Инспекция охраны памятников и культурного наследия», 2018. 56 с.
- Карбаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы: ИА КН МОН РК, 2011. 220 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 435 с.
- Оразбаев А.М. Эпоха бронзы в Северном Казахстане // Труды ИИАЭ КазССР. 1958. Т. 5. С. 216–294.
- Рогожинский А.Е. Могильники эпохи бронзы урочища Тамгалы // История и археология Семиречья. Алматы: Фонд «XXI век»; фонд «Родничок», 1999. С. 7–43.

- Сакенов С.К., Ярыгин С.А., Ильдеряков Н.Н.* Новые памятники федоровской культуры из Бурабая // Маргулановские чтения-2021: М-лы Междунар. научно-практ. конф. «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.) / Гл. ред. А. Онгар. В 3-х т. Алматы: ИА КН МОН РК, 2021. Т. 1. С. 215–225.
- Сакенов С.К., Ярыгин С.А., Ильдеряков Н.Н.* Архитектура каменных сооружений эпохи бронзы в окрестностях Бурабая // Вестник Карагандинского ун-та. Серия История. Философия. 2022. № 4 (108). В печати.
- Смаилов Ж.Е., Сакенов С.К.* Погребальные памятники бегазы-даныбаевской культуры в предгорьях Кулжабасы // Маргулановские чтения-2019: М-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 170–180.
- Ткачев А.А.* К вопросу о соотношении нуринских комплексов Центрального Казахстана // Маргулановские чтения-2011: М-лы Междунар. археол. науч.-практ. конф. (г. Астана, 20–22 апреля 2011 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 155–159.
- Черников С.С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы / МИА СССР. № 88. М.; Л.: АН СССР, 1960. 112 с.

А. А. Горячев,
С. Э. Галимжанов,
Т. А. Егорова

Александр Анатольевич Горячев, aga.2805@mail.ru
Саид Эдилевич Галимжанов, said.galimzhanov@gmail.com
Татьяна Александровна Егорова, ega.0108@mail.ru
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

Археологический ландшафт петроглифического комплекса эпохи бронзы гор Архарлы*

Аннотация. В статье рассматриваются петроглифы Архарлы по материалам экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана 2021 г. Исследования западных отрогов гор Архарлы показали, что наиболее многочисленную по количеству сюжетов группу составляют сопки с петроглифами, которые можно отнести к категории святилищ под открытым небом. Хронологический диапазон рисунков – от эпохи бронзы до Нового времени. В эпоху бронзы на территории комплекса встречаются композиции с антропоморфными фигурами, адорантами, сценами охоты и солярными знаками. Авторы приходят к выводу, что археологический ландшафт петроглифического комплекса эпохи бронзы западной части гор Архарлы представляет собой разветвленную сеть скоплений с центральным святилищем вдоль основного русла реки Жоламан (группы 1 и 1а). Восточнее данные функции выполняло скопление петроглифов Архарлы 21, расположенное на наиболее удобных транзитных маршрутах между южными и северными склонами хребта.

Ключевые слова: археология, Архарлы, петроглифический комплекс, святилище, эпоха бронзы, ландшафт

Александр Анатольевич Горячев,
Саид Эдилевич Галимжанов,
Татьяна Александровна Егорова,

Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ, Қазақстан

Арқарлы тауларының қола дәуіріндегі петроглифтік кешенінің археологиялық ландшафты

Аннотация. Мақалада 2021 ж. Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты экспедициясы материалдары бойынша Архарлы петроглифтері қарастырылады. Арқарлы тауының батыс сілемдерін зерттеу ашық аспан астындағы ғибадатхана санатына жатқызуға болатын, сюжеттер саны бойынша ең көп топты петроглифтері бар шоқылар құрайтынын көрсетті. Суреттердің хронологиялық диапазоны қола дәуірінен жаңа дәуірге дейін. Қола дәуірінде кешен аумағында антропоморфтық фигуралар, аңшылық көріністер мен күн белгілері бар композициялар кездеседі. Авторлар Арқарлы тауының батыс бөлігіндегі қола дәуірінің петроглифтік кешенінің археологиялық ландшафты Жоламан өзенінің негізгі арнасы (1 және 1А топтары) бойынан орталық ғибадатханасы бар топтасудың тармақталған желісін көрсетеді деген шешімге келді. Шығысқа қарай бұл функцияларды оңтүстік және солтүстік жоталардың арасындағы ең қолайлы транзиттік маршруттарда орналасқан Арқарлы 21 петроглифтерінің шоғыры атқарды.

Түйін сөздер: археология, Арқарлы, петроглифтік кешен, ғибадатхана, қола дәуірі, ландшафт

© 2022 Горячев А.А., Галимжанов С.Э., Егорова Т.А.

*Работа выполнена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2022–2023 гг., ИРН проекта BR11765630

Alexander Goryachev,
Said Galimzhanov,
Tatyana Egorova,

Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

Archaeological landscape of the petroglyphic complex of the Bronze Age of the Arkharly Mountains

Abstract. The article deals with the petroglyphic complex of the Bronze Age of the Arkharly Mountains based on the materials of the expedition of the Margulan Institute of Archaeology in 2021. Studies of the western spurs of the Arkharly mountains have shown that the most numerous group in terms of the number of plots are hills with petroglyphs, which can be classified as open-air sanctuaries. The chronological range of drawings is from the Bronze Age to the New Age. In the Bronze Age, compositions with anthropomorphic figures, orants, hunting scenes and solar signs can be found on the territory of the complex. The authors conclude that the archaeological landscape of the Bronze Age petroglyphic complex of the western part of the Arkharly mountains is a branched network of sanctuaries with a central one along the main channel of the river Zholaman (groups 1 and 1a). To the east these functions were performed by Arkharly 21 petroglyphs cluster, located on the most convenient transit routes between the southern and northern slopes of the ridge.

Keywords: archaeology, Arkharly, petroglyphic complex, sanctuary, Bronze Age, landscape

Хребет Архарлы, расположенный между крупными горными грядами Шолак и Малайсары и ориентированный в направлении юго-восток–северо-запад, является одним из малых западных отрогов горной системы Джунгарского/Жетысу Алатау, Общая протяженность гряды с востока на запад составляет около 50 км, в широтном направлении она не превышает 5–6 км, лишь в центральной части (в районе аулов Архарлы и Сарыбастау) достигает 8–10 км (Кербулакский р-н, Алматинская обл.). Это невысокие горы (высшая точка – 1126 м над у.м.), которые характеризуются степной и полупустынной растительностью и сравнительно небольшим количеством водных источников. На предгорьях и подгорных равнинах южной части Архарлы, наиболее прогреваемых, засушливых и каменистых, наблюдаются полынно-солянковые и полынно-злаковые пустынные ассоциации, которые занимают большие площади и в низкогорном ярусе рельефа. Почвы серо-бурые, сильнощебнистые. Значительные площади подгорной равнины южного макросклона представлены также такыровидными почвами, солончаками [Чупахин 1987: 117–118].

Исследования южных и северных склонов гор Архарлы были начаты специалистами-археологами в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Древние памятники к востоку и западу от перевала Архарлы, преимущественно вдоль южных его склонов, впервые были зафиксированы в 1990–1991 гг. экспедицией КазНПУ (КазПИ) им. Абая (рук. А.Н. Марьяшев) по проекту на тему: «Свод памятников истории и культуры Талды-Курганской области», финансируемому Государственным комитетом по культуре КазССР, АН КазССР и Центральным Советом общества охраны памятников истории и культуры КазССР. Петроглифы гор Архарлы были открыты археологической экспедицией под руководством А.Н. Марьяшева лишь в 2017 году [Марьяшев, Гумирова 2017: 147–154]. В 2021 году в рамках проекта по паспортизации археологических памятников, оказавшихся под угрозой уничтожения, было документировано 38 скопления петроглифов, древнейшие из которых датируются эпохой бронзы [Горячев и др. 2021: 66–97]. Анализу их структурной организации и содержания посвящена настоящая работа.

По данным наших исследований петроглифический комплекс представлен группами 1–34, причем группы 1–3, 9 имеют близкие по месту расположения скопления, помеченные на карте как группы «а». Необходимо указать на важные характеристики археологического ландшафта петроглифического комплекса гор Архарлы, которые представляют собой патинированные обнажения поверхностей скал с рисунками, расположенными на гребнях и склонах ущелий. Своеобразным

системообразующим «маяком-символом» этого сакрального места является русло небольшой речки Жоламан с разветвленной системой ручьев и родников, которое насквозь прорезает западную оконечность хребта. Именно по ее берегам сосредоточены 22 скопления петроглифов из 24 в этой части горной гряды. Причем это наиболее значительные святилища по количеству и разнообразию сюжетов (рис. 1).

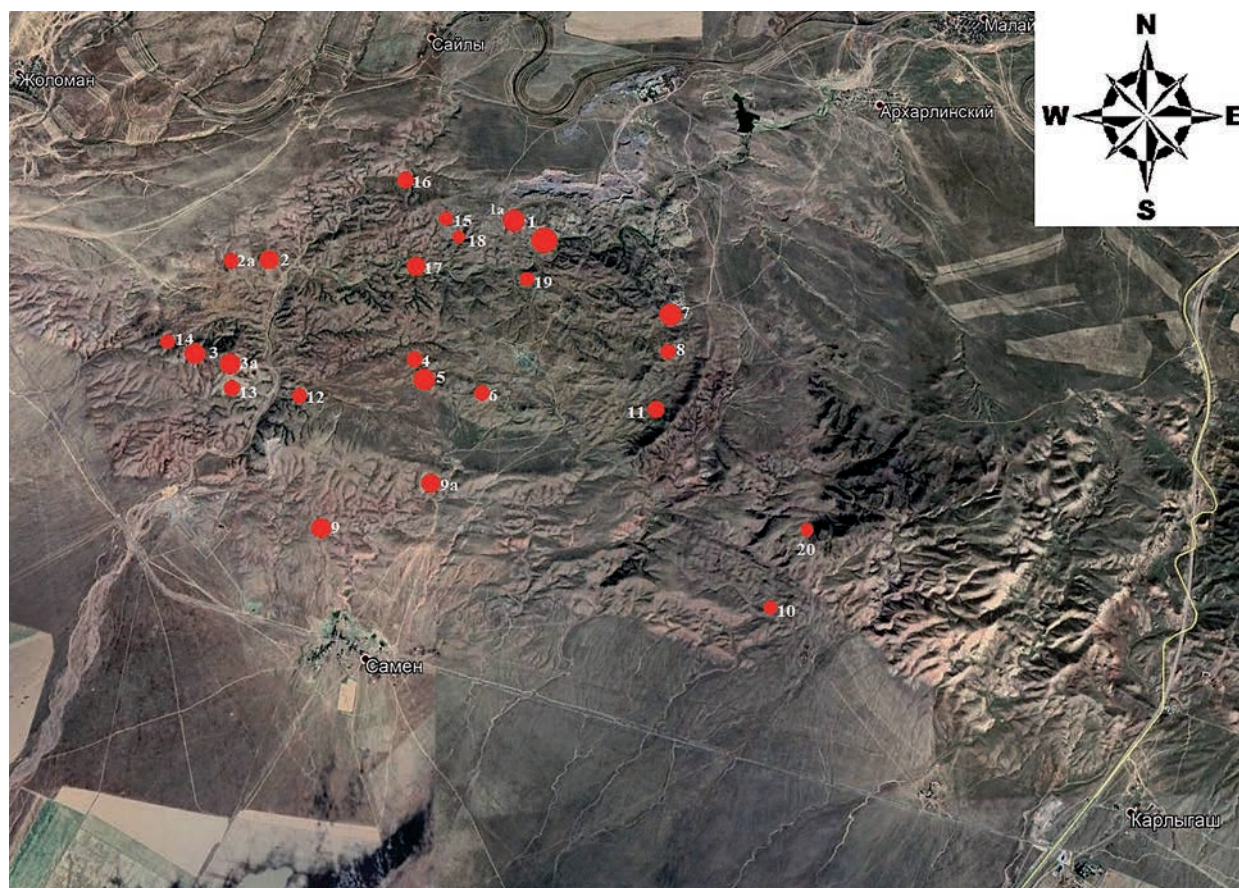

Рис. 1. Карта скоплений петроглифов в западной части гор Архарлы, ©Google

Обратимся к ландшафтным особенностям и содержанию изобразительных сюжетов петроглифического комплекса эпохи бронзы. Основная гряда в этой части гор организована вкруговую и выявляет скрытый затянувшийся почвой кратер вулкана. Река Жоламан прорезает его в северо-восточной части и, проходя вдоль северного и западного края, выходит за его пределы с юго-западной стороны. Именно внутри этого природного образования и по периметру были организованы данные скопления наскальных изображений.

Группы Архарлы 1 и 1а находятся в 2,3–2,5 км к югу от ст. Сайлы и в 3–3,5 км к юго-западу от поселка Архарлинский на территории горного ущелья, базирующихся на двух доминирующих скалистых грядках по правому берегу ручья (рис. 2). Рисунки здесь встречаются на отдельных каменных блоках с плитами экспозиций на южной и юго-западной сторонах. Скалы, в основном, имеют патину черного цвета, реже – коричневого. Петроглифы эпохи бронзы чаще всего представляют

1

2

Рис. 2. Ландшафт групп 1 и 1а в западной части гор Архарлы:
1 – группа 1, вид на восток; 2 – группа 1а на космоснимке

собой зооморфные композиции, но встречаются изображения всадников, лучников (сцены охоты) и фигуры адорантов, размещенные преимущественно в срединной и предвершинной части сопки. Основной изобразительный сюжет эпохи бронзы – это изображения козлов и архаров.

К наиболее ранним относятся выбитые, иногда процарапанные, битреугольные и прямоугольные фигуры животных. Популярным сюжетом этого времени являются сцены охоты лучников, отмечены сюжеты единоборства двух людей, либо антропоморфных фигур в ритуальных позах. Встречаются отдельные рисунки с крупными фигурами животных – оленей, архаров, козлов, быков (рис. 3, 1, 2). Среди разрушенной части скал обращает внимание крупное многофигурное панно в срединной части восточной гряды с несколькими десятками изображений людей и животных, где ключевую позицию занимает фигура роженицы. В западной части комплекса (группа 1а) выделяется серия ритуальных композиций со сценами охоты и жертвоприношения животных, а также солярный очковидный знак (рис. 3, 3-5). Значительная часть скальных блоков с наскальными изображениями разрушена взрывными работами, производимыми на этой территории частными компаниями для их последующего распила. Тем не менее, группа Архарлы 1 – это наиболее крупное скопление, насчитывающее около 160–170 плит с более чем 1000 рисунков (около 30% эпохи бронзы), что дает основание считать его центральным [Горячев и др. 2021: 73–75].

Группы Архарлы 2 и 2а располагаются (3,5-3,7 км к востоку от аула Жоламан) по склонам высокой сопки с плоской вершиной, доминирующей над правым берегом р. Жоламан (рис. 4). Скалы с рисунками находятся у восточного склона сопки и обращены в сторону межгорной долины и ровной возвышенности. Рисунки выбиты в предвершинной части сопки на крупных скальных блоках и отдельных плитах, имеющих южную, юго-восточную и юго-западную экспозиции петроглифов. Они расположены на крутом склоне в труднодоступных местах с едва обозначенной тропой. Поверхность скальных плит с изображениями покрыта черной и коричневой патиной. Группа 2а расположена на выходах скальной гряды южной части сопки, отделенной от Архарлы 2 глубоким сухим оврагом. Скалы с петроглифами находятся близ скотопроегонной трассы на горный перевал.

В группе Архарлы 2 выделяется панно 3,5×2,5 м с рисунками, высеченными в битреугольном стиле и тамгалинской традиции (рис. 5, 1). По центру показаны три крупные фигуры козлов, в левой части – пять миниатюрных лошадок, два козлика с тонкими рожками. Под лошадками в нижней части размещены миниатюрные фигуры быка, лошади и козлика. Перед ними еще четыре фигуры животных, среди которых три козла и лошадка. Навстречу этой группе выбит миниатюрный бык с длинными рогами, на концах которых – миниатюрный архар. За этими персонажами в центральной части представлены еще четыре фигуры козлов, идущих вправо. Внизу под быком расположен лучник на коне, стреляющий в козла. В правой части сцены, отделенной трещиной, на которой вверху размещены два верблюда и архар, по центру – миниатюрные фигуры шести животных, выделяются бычки в битреугольном стиле с рогами, вытянутыми вперед, среди них размещены средневековые изображения. Композиция периодически подновлялась: сверху фигуры животных содержат следы протёртости. Отмечены миниатюрные и стилизованные образы животных, подобные которым известны в художественных традициях хребта Ешкиольмес (рис. 5, 2). К наиболее ярким композициям эпохи бронзы группы Архарлы 2а относятся битреугольные и прямоугольные фигуры животных, миниатюрные рисунки козлов, архаров, оленей, лошадей, реже верблюдов и быков-туров с длинными рогами. Выделяется сюжет с фигурами людей в ритуальных позах и миниатюрными изображениями животных. Наиболее популярные здесь рисунки бронзового века – сцены охоты лучников на козлов и архаров. Встречаются отдельные рисунки с крупными фигурами животных, сцены противостояния двух козлов (рис. 5, 3,4).

Рис. 3. Петроглифы эпохи бронзы групп 1 и 1а в западной части гор Архарлы:
1 – фрагмент центральной композиции с петроглифами эпохи бронзы группы 1;
2 – сцена с миниатюрными фигурами животных; 3 – композиция со сценами «священной» охоты;
4 – очевидный знак; 5 – композиция с фигурами всадника на коне и животных

1

2

Рис. 4. Ландшафт групп 2 и 2а в западной части гор Архарлы:
1 – сопка с петроглифами Архарлы 2, вид на северо-запад;
2 – вид на север скопления петроглифов Архарлы 2а

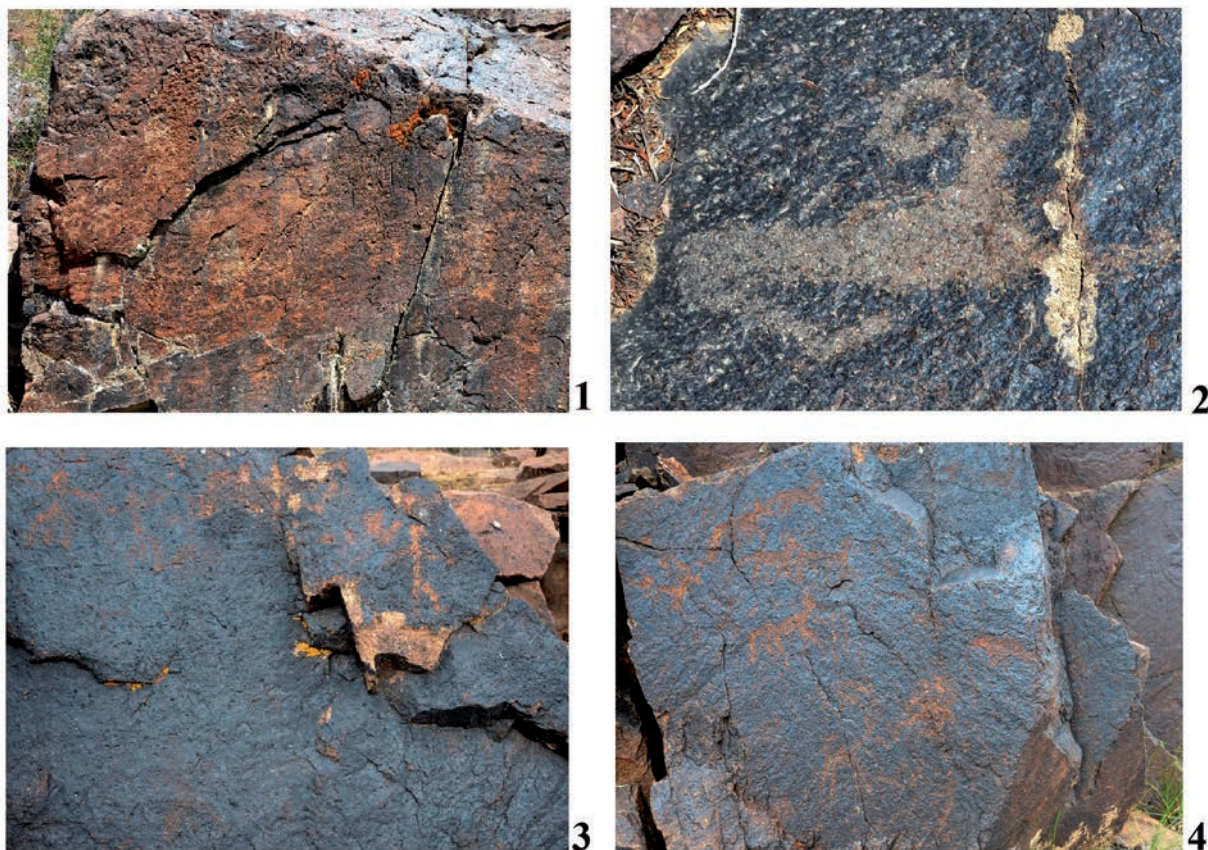

Рис. 5. Петроглифы эпохи бронзы групп 2 и 2а в западной части гор Архарлы:
1 – центральная композиция эпохи бронзы на южном склоне сопки с петроглифами Архарлы 2;
2 – стилизованная фигура архара;
3 – миниатюрные фигура лошади и изображения людей в ритуальных позах;
4 – миниатюрные фигуры животных эпохи бронзы

Группа Архарлы 3 находится (3,1 км к юго-востоку от села Жоламан) на северо-западной оконечности горной гряды (рис. 6, 1, 2). Петроглифы компактно расположены на южном и западном склонах ущелья, которое через перевал соединено с вершиной горы, доминирующей в этой части. На перевале сходятся несколько троп, маркированных на всем своем протяжении одиночными петроглифами с изображением копытных. Рисунки выбиты с западной стороны вершины на монолитных скалах и отдельно лежащих обломках патинированных скал (черного, темно-коричневого и коричневого цвета), в основном на вертикальных плоскостях, ориентированных на запад. С наивысшей точки перевала открывается обзор на долину, примыкающую к горам Архарлы с западной и северной сторон. Среди петроглифов эпохи бронзы отмечены антропоморфные фигуры, которые присутствуют в сценах охоты, ведущие верблюдов в поводу, всадники и две композиции с охотой на быков и в ритуальной сцене с фигурой роженицы (рис. 7, 1, 2, 4). К древнейшим петроглифам относятся изображения колесницы и геометрические знаки, аналоги которых известны в Центральной и Средней Азии в эпоху ранней бронзы [Мартынов и др. 1992: рис. 2–15]. Интересна многофигурная сцена охоты на архаров и козлов. Первые изображения на ней появились в эпоху бронзы. Позднее сюда были аккуратно вписаны фигуры животных и всадников на лошадях. Слож-

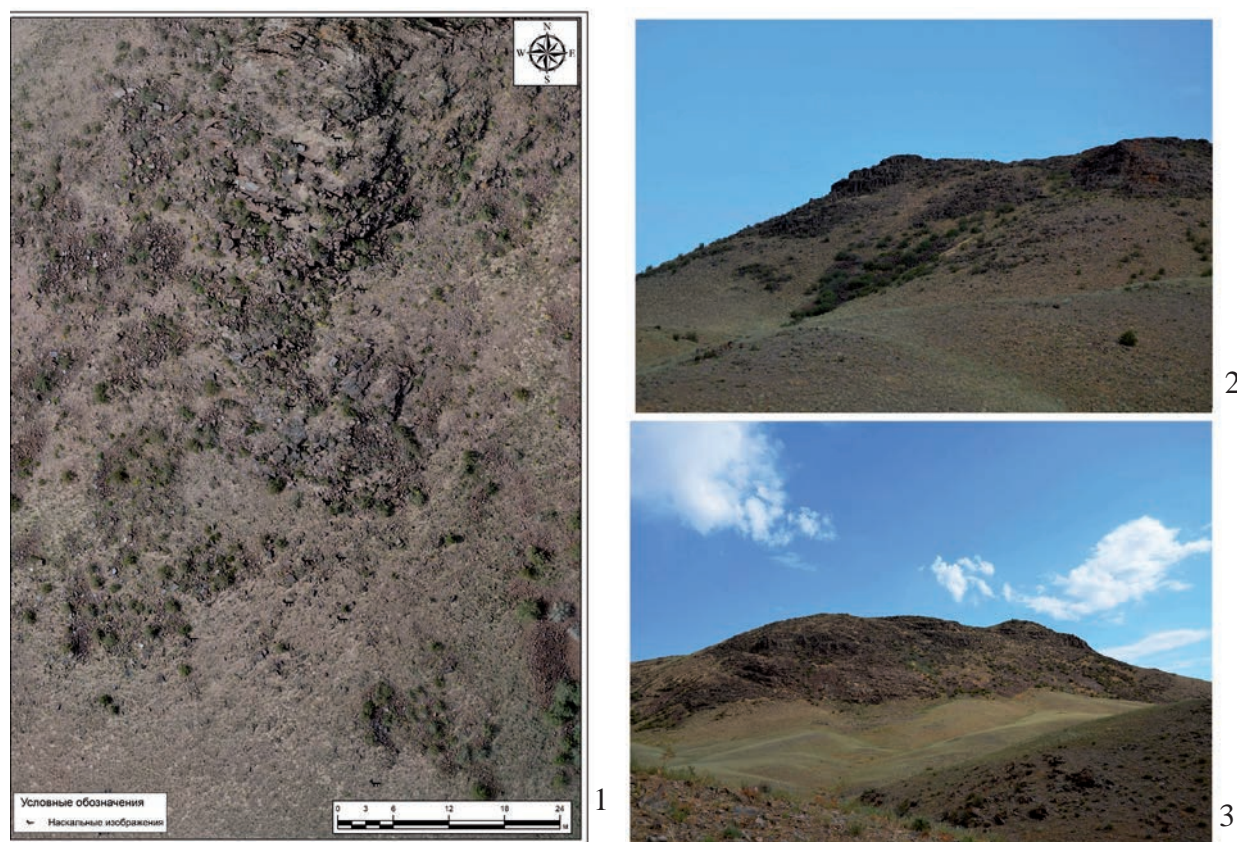

Рис. 6. Ландшафт групп 3 и 3а в западной части гор Архарлы:

- 1 – ортофотоплан сопки с петроглифами Архарлы 3;
- 2 – вид на северо-запад скопления петроглифов Архарлы 3;
- 3 – вид на север скопления петроглифов Архарлы 3а

но структурна древняя композиция с изображением копытных – козлов, архаров, оленей, а также хищников. Помимо аккуратного дополнения древних композиций своими рисунками художники более позднего времени неоднократно их подновляли и дополняли.

Группа Архарлы 3а находится (3,5 км к юго-востоку от станции Жоламан) на доминирующей сопке, находящейся над правым берегом реки Жоламан (рядом с хорошо набитой тропой). С вершины сопки открывается обзор на обширную (северо-западную) часть гор Архарлы и долины, прилегающей к ней (рис. 6, 3). Петроглифы находятся с западной стороны сопки (у подножия над поселением), в срединной и предвершинной ее частях. Они нанесены на монолитные скалы с вертикальными плоскостями и отдельно лежащие обломки скал с патиной черного, темно-коричневого и коричневого цвета. Некоторые рисунки расположены в труднодоступных местах на вертикальных обрывистых скалах, добраться до которых можно только с помощью навыков скалолазания. Среди древних сюжетов в скоплении встречаются сцены охоты, преследования хищниками травоядных животных, антропоморфные фигуры, в том числе всадники на конях и композиции с многочисленными изображениями лошадей, верблюдов, оленей, козлов и архаров (рис. 7, 3, 5, 6).

К петроглифам групп 3 и 3а примыкает серия небольших скоплений, устроенных на скотопрогонных трассах (12, 13 и 14). Они представлены маловыразительными рисунками с фигурами

Рис. 7. Петроглифы эпохи бронзы групп 3 и 3а в западной части гор Архарлы:
1 – сцена «священной» охоты на козла; 2 – геометрический сложносоставной знак в виде «решетки»;
3 – композиция с миниатюрными фигурами людей и лошадей;
4 – стилизованные изображения оленя и козла; 5 – композиция с изображением, лошадей, змеи и буйвола;
6 – композиция с фигурами людей и быков

козлов и архаров. Но периодически здесь встречаются сцены охоты и композиции с антропоморфными фигурами в ритуальных позах.

Следующая группа скоплений была устроена по противоположному левому берегу реки Жоламан вдоль пересохших русел родников, стекавших к реке. По своим параметрам и структурной организации среди них выделяются группы 5 и 7. Группа 5 расположена (2,7 км к северу от аула Самен) по северному борту широкой долины на четырех скальных грядках сопки и ориентирована по оси запад – восток (рис. 8). Большая часть рисунков сконцентрирована в южной части сопки (от подножия до вершины) на плитах юго-западной, южной и юго-восточной ориентации. В репертуаре петроглифов эпохи бронзы группы 5 преобладают одиночные изображения животных: козлов, архаров, оленей, лошадей, домашних и диких хищников. Многофигурные изображения представляют в основном стада животных, сцены охоты и преследования хищниками копытных. Для семантического анализа интересны следующие композиции: крупная фигура козы, между крупом и рогами которой показан детеныш (рис. 9, 2), а также изображение козла с рогами, замыкающимися на хвост. Подобные сюжеты тесно связаны с отображением солярного культа и мотивом плодородия [Марьяшев, Горячев 2002: 49–54; Gorjatschew et al. 2019: 17–31].

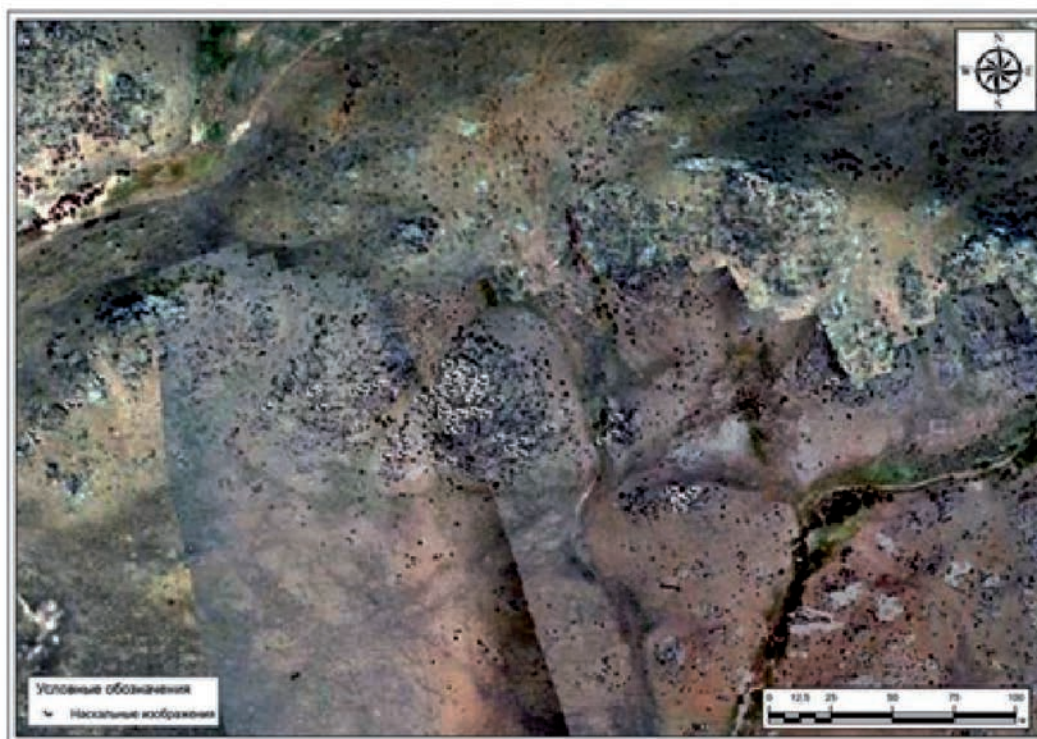
Репертуар древних петроглифов весьма разнообразен. Среди рисунков эпохи бронзы встречаются антропоморфные фигуры в сценах охоты и ритуальных композициях, крупные фигуры животных: козлов, архаров, лошадей, быков, верблюдов, собак. Из них выделяется, прежде всего, сцена с фигурой роженицы и всадников на конях (рис. 9, 1). Сцена размещена на скалах напротив погребальных конструкций эпохи бронзы. Ближайшие аналогии этих образов на территории Жетысу известны в крупных святилищах Тамгалы и Ешкиольмес [Байпаков и др. 2005: 195; Рогожинский 2011: рис. 146]. Другой яркой сценой раннего этапа является сцена жертвоприношения козла (рис. 9, 3). У фигуры козла крупных размеров четко обозначены детали (бородка, дугообразные рога, ступни как у человека). Под ним показаны два миниатюрных козлика и лучник, целящийся в него. Другой лучник стреляет сзади в круп животного. Такие сюжеты с крупными фигурами объектов ритуальной охоты хорошо известны среди памятников наскального искусства Жетысу, Южного и Центрального Казахстана [Новоженков 2002: 84, 86; Байпаков и др. 2005: 159, 160; Кадырбаев, Марьяшев 2007: 26, 27; Байпаков, Марьяшев 2008: 116–118; Горячев и др. 2020: 165, 168].

Группа 7 расположена у истоков двух пересохших ручьев во внутриворонной долине по левому берегу реки Жоламан (в 4,5 км к северо-востоку от аула Самен). Петроглифы сосредоточены в средней и предвершинной частях сопки, доминирующей над близлежащей местностью (рис. 10). Плиты с петроглифами имеют в основном южную и юго-западную ориентацию. Рисунки нанесены на скалах в два яруса, на плитах с южной и юго-западной экспозицией. Репертуар древних петроглифов весьма разнообразен. Среди рисунков эпохи бронзы встречаются антропоморфные фигуры в сценах охоты и ритуальных композициях, крупные фигуры животных: козлов, архаров. Следует отметить сцену с миниатюрными изображениями лошадей, быков и других копытных, расположенными по кругу и сцены противостояния друг другу козлов (рис. 11, 1, 2). Наиболее интересен сюжет охоты лучника на козлов, правлений неоднократно в раннем железном веке (рис. 11, 3). Эти сцены занимают самые лучшие плиты, которые хорошо видны от подножия сопки.

Группы 4, 6, 8 и 11 устроены во внутриворонной долине на сопках, у подножия которых зафиксированы следы древних поселений (рис. 12, 1, 2). Они сильно повреждены хозяйственными работами, в результате чего значительная часть плит с петроглифами была разобрана. Сохранившиеся рисунки эпохи бронзы представляют собой зооморфные изображения, в основном, архаров и козлов, а также отдельные антропоморфные фигуры и сцены охоты лучников (рис. 13, 1–3). К древним поселениям и скотопрогонным трассам от них на пастбища привязаны петроглифы групп 9 и

1

2

Рис. 8. Ландшафт группы 5 в западной части гор Архарлы:
1 – скалистая гряда с петроглифами Архарлы 5, вид на северо-восток;
2 – ортофотоплан сопки с петроглифами Архарлы 5

1

2

3

9а, расположенным в 1,5-1,7 км к северу от аула Самен (рис. 12, 3, 4). В результате наиболее длительного использования этого участка численность плит с рисунками приближается в них к стандартам крупных скоплений микрорайона (до 70). Однако большинство сюжетов однотипны своими зооморфными образами. Тем не менее, здесь следует отметить серию интересных сюжетов – козел с рогами в виде солярного знака из группы 9, сцены загонной охоты на диких животных и крупное антропоморфное изображение в окружении большого количества малых фигур животных (козлов, архаров, лошадей, быков, оленей) из группы 9а (рис. 13, 4). Интересной особенностью сюжета является верхняя часть крупной фигуры, напоминающая голову буйвола. По стилистическим особенностям она близка так называемым «рогатым» маскам, характерным для петроглифов раннего железного века как Жетысу, так и сопредельных регионов Восточного Казахстана, Алтая, Южной Сибири, Минусинской котловины и Монголии, где они интерпретируются как «скотий бог» [Ванштейн 1974: 15-16; Ку-

Рис. 9. Петроглифы эпохи бронзы группы 5 в западной части гор Архарлы:

1 – многослойная композиция с изображением роженицы и воинов эпохи бронзы;
 2 – фигура козы с козленком;
 3 – сцена жертвоприношения козла

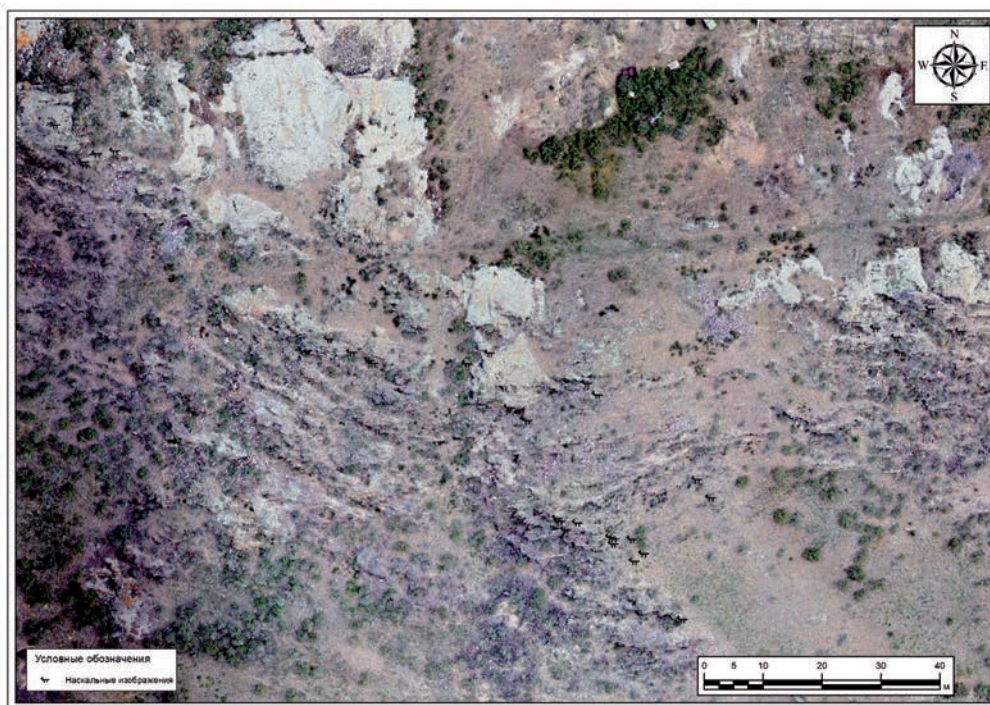

Рис. 10. Ландшафт группы 7 в западной части гор Архарлы:
1 – ортофотоплан сопки с петроглифами Архарлы 7;
2 – скалистая гряда с петроглифами Архарлы 7, вид на северо-восток

1

2

3

барев 1988: 96; Дэвлет 1998: 251; Кубарев и др. 2005: 377, 381-382, 411, 479; Марьяшев, Горячев 2008: 106-107; Горячев и др. 2019: рис. 1]. Возможно, в петроглифах Архарлы нами обнаружен прототип данного образа.

По правому берегу реки Жоламан западнее наиболее крупного святилища Архарлы 1 (группы 1 и 1а) обнаружена целая серия небольших скоплений (15-19). Как и основное, эти группы сильно пострадали от взрывных работ при добыче плитняка (рис. 14, 1). Их отличительной чертой является отсутствие древних поселений (за исключением группы 17) и наличие близ петроглифов могильников (группа 16). Остальные устроены на скотопрогонных трассах между рекой и северными склонами хребта Архарлы. Основными рисунками эпохи бронзы на таких группах традиционно являлись фигуры животных – козлов, архаров, быков, лошадей, верблюдов, реже собак или хищников.

Группа 16 (в 2 км к югу от станции Сайлы) занимает две внешне пирамидальной формы сопки между основным руслом и боковым притоком реки Жоламан (рис. 14, 2). Скалы с петроглифами расположены в предвершинной части южной из них и в срединной части

Рис. 11. Петроглифы эпохи бронзы группы 7 в западной части гор Архарлы:

- 1 – миниатюрные изображения лошадей;
- 2 – фигура козла в битреугольном стиле;
- 3 – многослойная композиция со сценой охоты эпохи бронзы

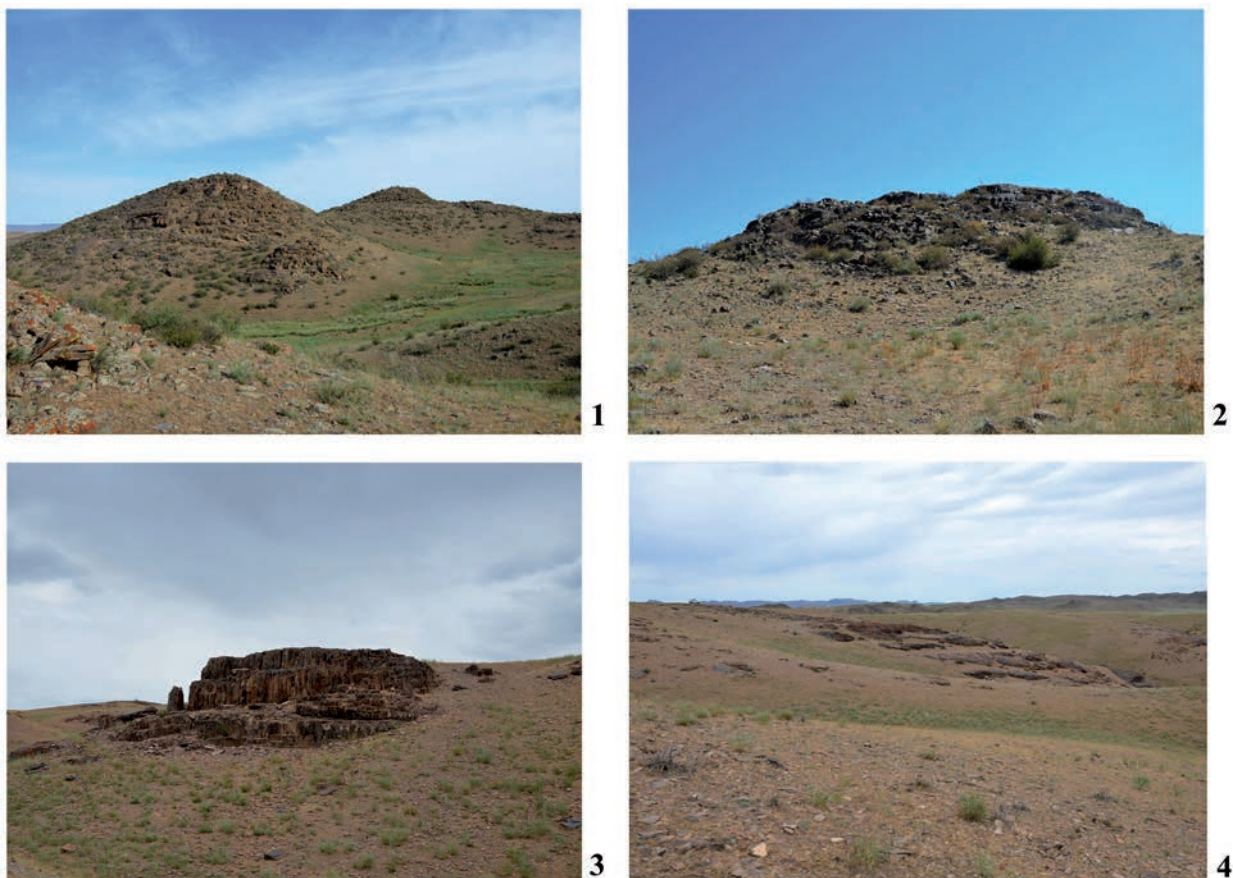

Рис. 12. Ландшафт групп по руслам ручьев – левых притоков реки Жоламан в западной части гор Архарлы:
1 – сопка с петроглифами Архарлы 4, вид на северо-запад;
2 – вид на северо-восток сопки со скоплением петроглифов Архарлы 11;
3 – центральная часть группы 9, вид на север;
4 – вид на восток сопки с петроглифами скопления Архарлы 9а

северной на скальных выходах южной экспозиции. В эпоху бронзы в группе высекали многофигурные композиции с изображениями людей, знаков и животных – козлов, архаров, лошадей быков, верблюдов, собак и оленей. Выделяется крупное панно на скальной плите размерами 2×1,5 м, где центральную часть занимает солярный знак в виде сплошного диска (9 см). Сцена перекрыта современными надписями. В другой композиции в сцене преследования хищниками козлов присутствует антропоморфная фигура «луноголового» персонажа. Часть рисунков этого времени выполнена в битреугольном или прямоугольном стиле (рис. 15, 1).

Группа 17 располагается (2,5 км к югу от ст. Сайлы) в 1,5 км к западу от центрального святилища (группа 1) по правому берегу ручья Жоламан, на южном склоне отдельной горной гряды (рис. 14, 3). Рисунки размещены на отдельных скальных блоках с южной ориентационной экспозицией. На вершине самой высокой сопки находится обо. В бронзовом веке большинство рисунков высекалось в боковом ущелье. Здесь следует отметить знак колеса и крупную фигуру козы с тремя козлятами (рис. 15, 3). Перед скалой с изображением козы организована площадка. Основным репертуар петроглифов этого времени представлен фигурами животных – козлов, архаров, вер-

Рис. 13. Петроглифы эпохи бронзы групп по руслам ручьев – левых притоков реки Жоламан в западной части гор Архарлы: 1 – изображение быка со спутанными ногами, группа 6; 2 – антропоморфная фигура, группа 11; 3 – плита с композицией загонной охоты из группы 9а; 4 – многофигурная композиция с крупной антропоморфной фигурой из группы 9а

блюдов, лошадей, собак, хищников. В сюжетных композициях встречаются сцена охоты лучника на козла, стада животных, среди которых наиболее изящно показаны верблюды и двурогие архары. Центральная сцена выполнена на самой высокой скале доминирующей сопки и представлена многофигурной композицией с изображением трех кошачьих хищников (пантер или барсов) друг над другом в правой стороне плоскости скалы и копытных животных (рис. 15, 2). Две верхние из них выполнены в тамгалинской традиции, а нижняя - в битреугольном стиле, что дает основание отнести их к эпохе бронзы, несмотря на основательные подновления и дополнения, выполненные в раннем железном веке. Перед сценой прослеживается вырезанная в скале квадратная площадка 4×4 м. Все плоскости имеют юго-западную экспозицию и развернуты в сторону долины реки.

Остальные группы петроглифов в этой части гор (10 и 20) маловыразительны и привязаны к более поздним памятникам. Изображения бронзового века в них практически отсутствуют. Исследованные восточнее группы петроглифов (21–34) имеют несколько иные принципы структурной организации, так как здесь нет ярко выделяющихся сопки, доминирующей над окружающей местностью на 360°, и отсутствуют заселенные внутригорные долины. Население проживало либо на

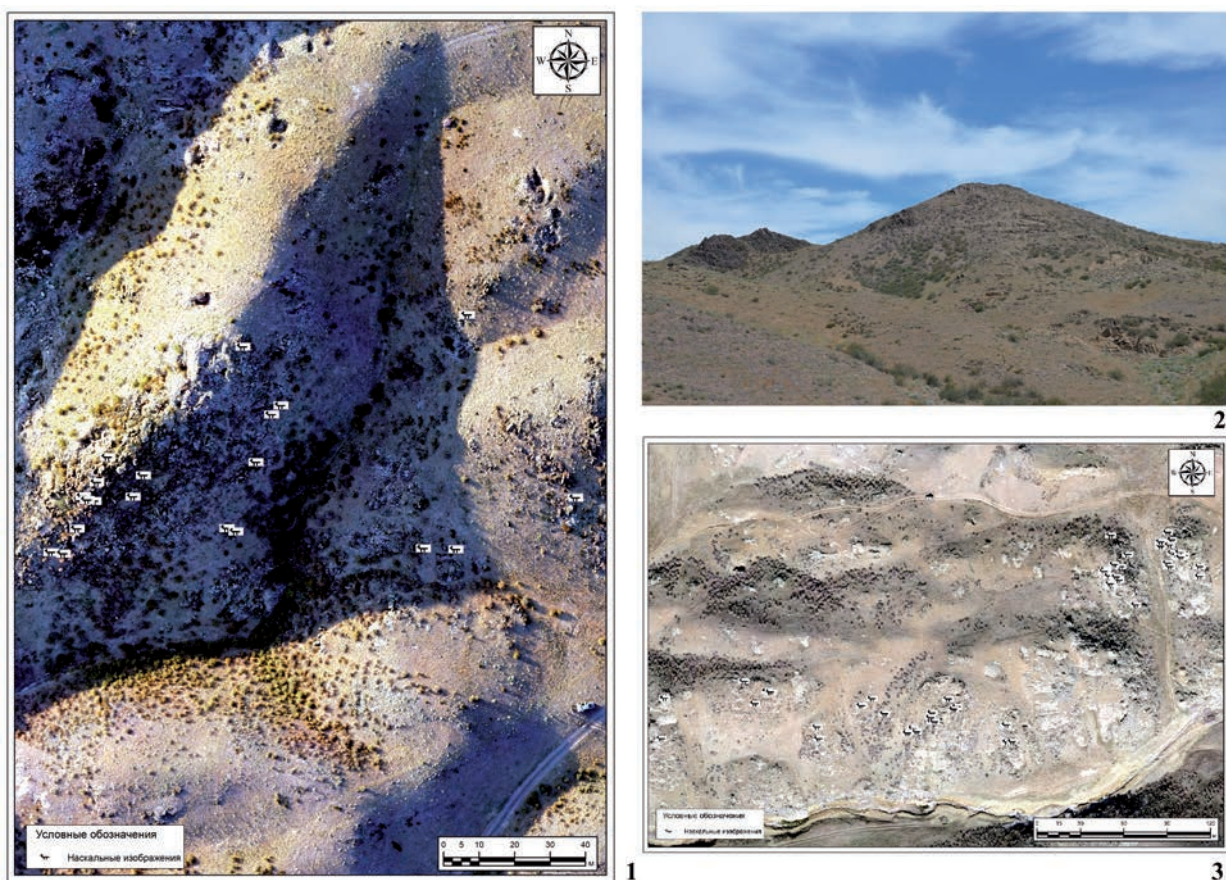

Рис. 14. Ландшафт групп по правому берегу реки Жоламан в западной части гор Архарлы:
1 – ортофотоплан сопки с петроглифами Архарлы 15, вид на запад;
2 – вид на северо-восток сопки с петроглифами Архарлы 16;
3 – ортофотоплан сопки с петроглифами Архарлы 17

выходе из ущелий южных склонов, либо у подножия более ровной северной оконечности хребта. Причем их большинство привязаны к многочисленным поселениям в ущельях южных склонов (22-25, 30-32). И только шесть небольших групп (26-29, 33-34) располагались на горных тропах ближе к перевалу между северной и южной стороной гор (рис. 16).

Скопления петроглифов небольшие и редко превышают по численности 50-100 рисунков в каждой. К таковым можно отнести только группы 22 и 31. Но даже в этом случае рисунки эпохи бронзы в них однотипны и занимают как склоновые участки сопки, так и их вершинную часть. Определенной систематики расположения в них не прослеживается. Значительная часть древних рисунков на группах близ поселений перекрыта современными надписями. Но на каждом объекте фиксируется несколько сюжетов, которые можно определить как культовые, позволяющие провести их культурно-хронологическую атрибуцию.

В частности, к ярким сюжетам бронзового века здесь можно отнести сцену с фигурой козы и козленка в группе 23. В скоплении 24 выделить изображения лучника на козле и антропоморфную фигуру в окружении хищников (рис. 17, 1, 2). В группе 32, расположенной на вершине сопки, под которой известны четыре древних поселения-стоянки, найдены соляные знаки и фигуры людей в ритуальных позах (рис. 17, 3, 4). Среди петроглифов близ крупного поселения Архарлы 31 встре-

1

2

3

чаются несколько изображений колесниц, сцены охоты и многочисленные зооморфные сюжеты (рис. 17, 5, 6). В скоплениях петроглифов под перевалами между южными и северными склонами обнаружены символические сюжеты с изображением людей и животных (рис. 17, 7), а также яркая композиция с фигурой «солнцерегового» оленя (рис. 17, 8).

Наиболее значительным петроглифическим комплексом эпохи бронзы в данном микрорайоне является скопление Архарлы 21, расположенное по верхней части и склонам скалистой гряды, разделяющей северные и южные склоны гор Архарлы, в основании трех горных ущелий. Группа занимает территорию около 200 м по оси северо-запад–юго-восток и 110 м по оси северо-восток–юго-запад (рис. 18). Памятник структурно-сложный и состоит из нескольких скоплений петроглифов, сосредоточенных как по вершинам, так и на склонах гряды, а также погребальных сооружений раннего железного века, устроенных по её вершине. Основу комплекса составля-

Рис. 15. Петроглифы эпохи бронзы групп по правому берегу реки Жоламан в западной части гор Архарлы:

1 – композиция с изображениями людей и животных, группа 16;

2 – фрагмент композиции с изображением кошачьих хищников, группа 17;

3 – солярный знак в виде «колеса», группа 17

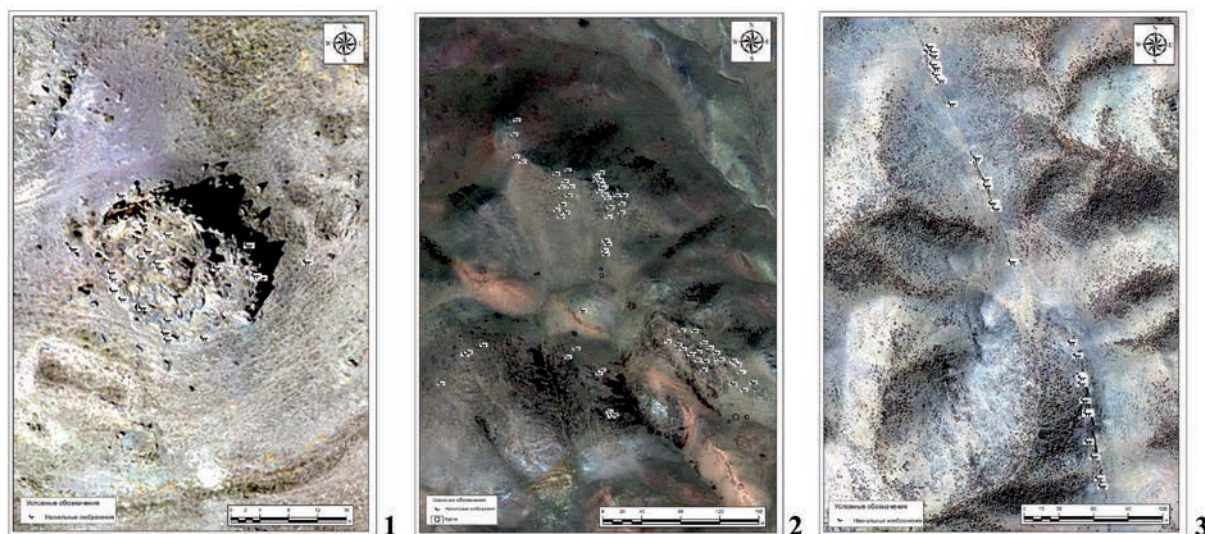

Рис. 16. Ландшафт групп хребта Архарлы восточнее трассы А3:
1 – ортофотоплан комплекса с петроглифами Архарлы 22;
2 – ортофотоплан комплекса с петроглифами Архарлы 31;
3 – ортофотоплан группы петроглифов Архарлы 33

ют петроглифы, которые встречаются на отдельных каменных блоках с плитами южной и юго-западной экспозиции. Плиты с наскальными изображениями обращены в сторону южной долины перед хребтом Архарлы. Скалы, в основном, имеют черный цвет патины, некоторые – коричневый.

Всего на комплексе сохранилось свыше 135 скальных плоскостей, на которых зафиксировано около 700 изображений, что приравнивает его к центральному святилищу Архарлы 1 и 1а на западной оконечности хребта. Центром святилища с петроглифами является группа из трех крупных скальных панно с широкой площадкой (2,5-4 м) перед ними. Высота скальных плит достигает 2,5-3,5 м, в длину участок скального выступа с петроглифами составляет почти 16 м. Все скальные плиты здесь представлены многофигурными палимпсестами, в которых встречаются основные образы и сюжеты всех эпох, отмеченных в данной группе (рис. 19). Нередко более поздние рисунки «вписывались» в более ранние сцены и сюжеты.

Помимо центрального панно в группе присутствует значительная серия многофигурных композиций эпохи бронзы (рис. 20). Наиболее яркие из них прослеживаются в верхней части основной гряды и на склонах увалов ниже панно, составляя около 35% петроглифов группы. К наиболее ранним относятся выбитые, иногда процарапанные битреугольные и прямоугольные фигуры животных. Бронзовым веком также датируются многочисленные миниатюрные рисунки козлов, архаров, оленей, лошадей, реже верблюдов и быков-туров с длинными рогами. Наиболее популярный сюжет этого времени – сцены охоты лучников, сюжеты единоборств двух людей, либо антропоморфных фигур в ритуальных позах. Отмечены две композиции с так называемыми эротическими сценами. Встречаются отдельные рисунки с крупными фигурами животных (оленей, архаров, козлов) и солярными символами.

В ходе исследований выяснено, что общая численность наскальных изображений в 38 группах западной части гор Архарлы составляет более 4-х тысяч. Петроглифы эпохи бронзы составляют

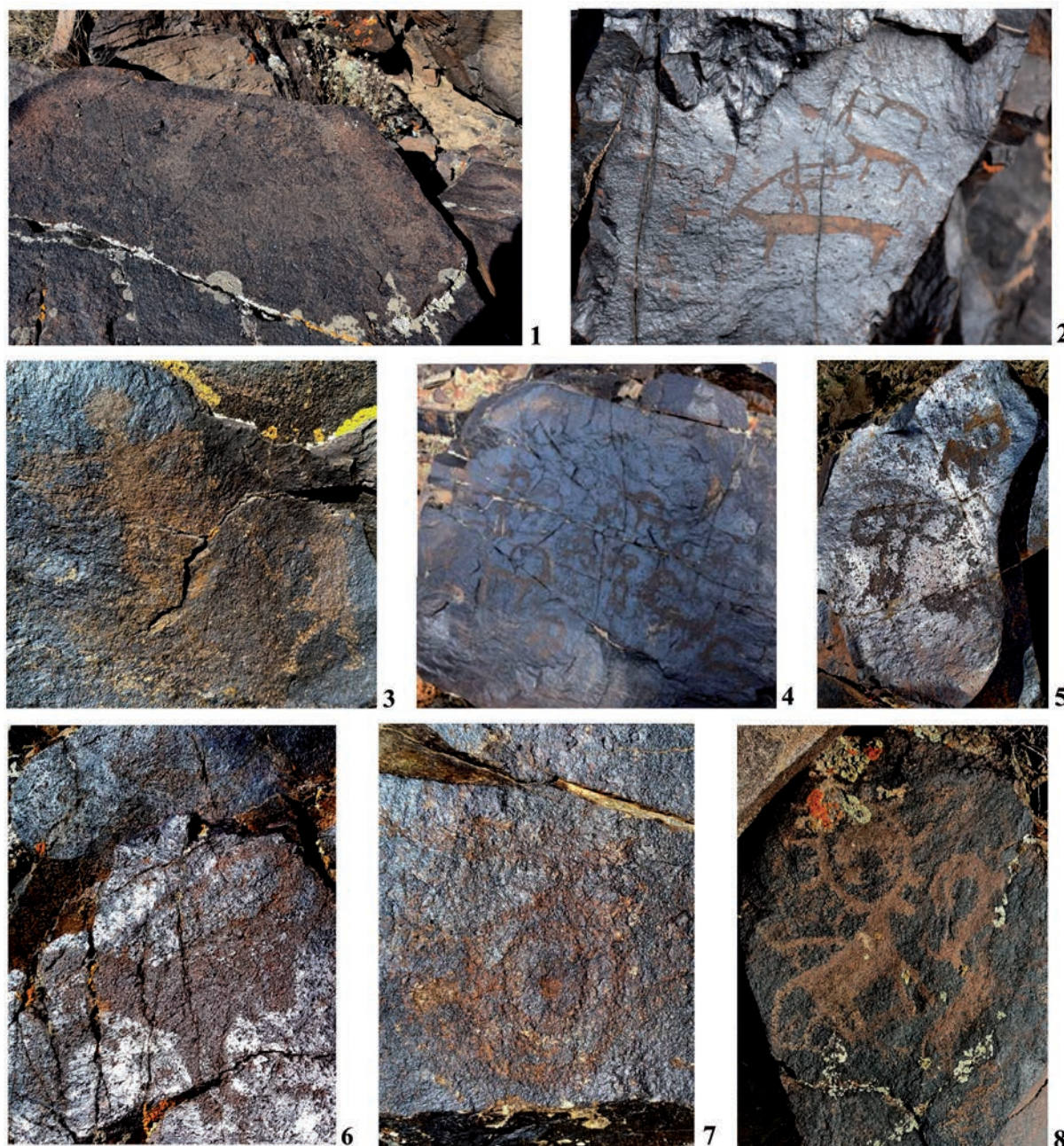

Рис. 17. Петроглифы эпохи бронзы групп хребта Архарлы восточнее трассы А3:
 1– крупная фигура козы с козленком, группа 23; 2 – фигура лучника на козле, группа 24;
 3 – изображения людей в ритуальных позах, группа 32;
 4 – композиция с изображением людей и животных, группа 26;
 5 – изображение колесницы, группа 31; 6 – крупная фигура животного, группа 31;
 7 – солярный знак, группа 32; 8 – изображение «солнцерового» оленя, группа 28

Рис. 18. Ортофотоплан комплекса с петроглифами Архарлы 21 восточнее трассы А3

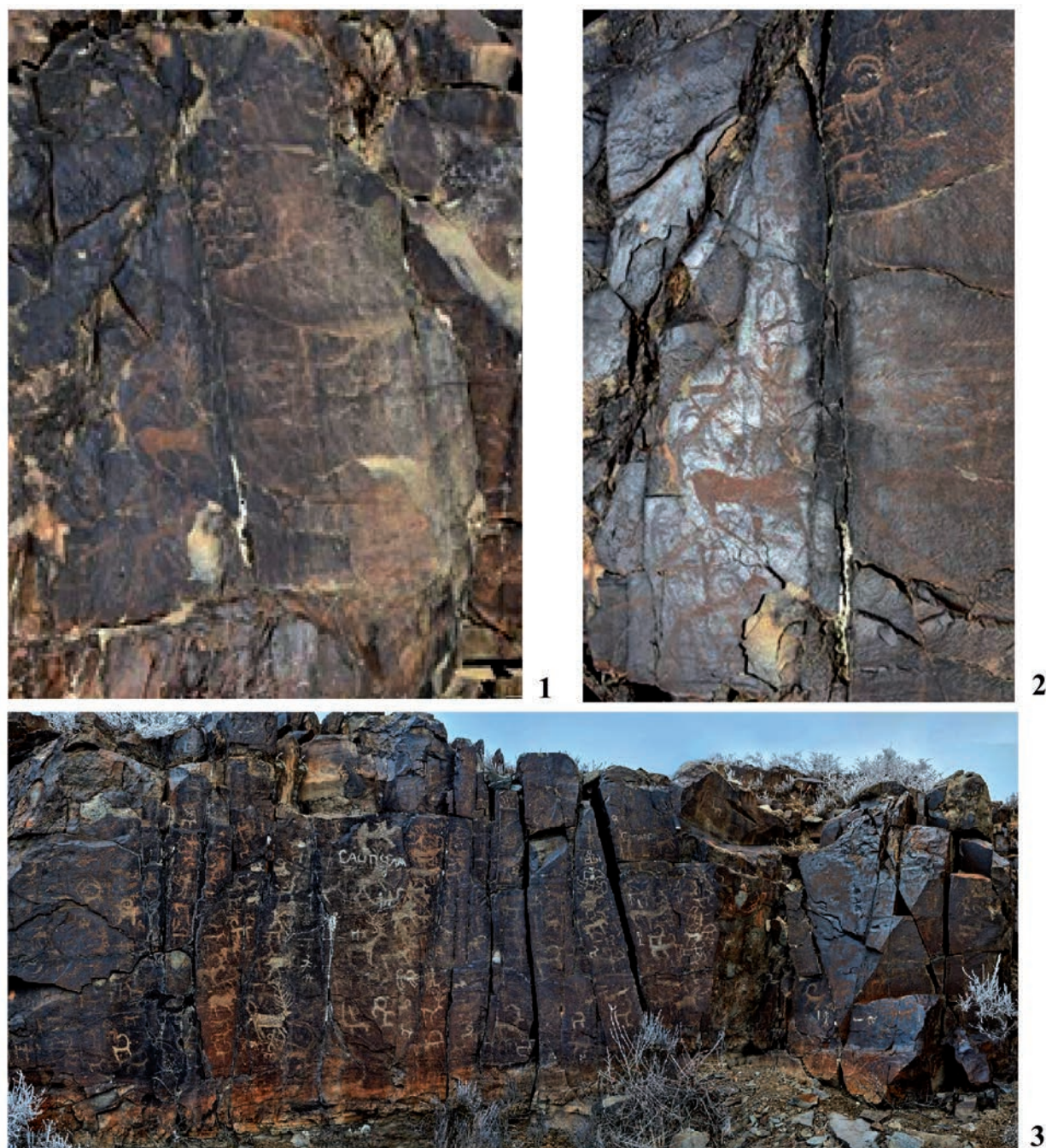

Рис. 19. Центральное скальное панно с петроглифами группы 21 гор Архарлы восточнее трассы А3:
1 – западный блок центрального скального панно в нижней части петроглифического комплекса;
2 – восточный блок центрального скального панно в нижней части петроглифического комплекса;
3 – центральная часть скального панно в нижней части петроглифического комплекса

Рис. 20. Петроглифы эпохи бронзы группы 21 гор Архарлы восточнее трассы АЗ:
1 – фигуры антропоморфов в ритуальных позах; 2 – композиция с изображением козы с козленком;
3 – композиция с изображениями людей, птиц и животных;
4, 6 – композиции с изображениями людей и животных; 5 – соляные знаки;
7 – всадник на верблюде

в каждом из них от 30 до 40%. Техника нанесения рисунков на скалы разнообразная – крупно или мелкоточечная выбивка либо резьба (граффити) или процарапывание. Первая более характерна для наскальных изображений Шу-Илейских гор с наиболее ярким комплексом в урочище Тамгалы. Интересно, что именно эти рисунки стилистически чаще всего выполнены в так называемой «тамгалинской» традиции, датируемой андроновским этапом бронзового века Жетысу [Марьяшев, Горячев 2002: 13; Рогожинский 2011: 187]. Другие традиции в регионе в большей степени присущи петроглифам западных отрогов Жетысу (Джунгарского) Алатау, где они проявились в наскальном искусстве хребта Ешкиольмес. Значительная их часть относится исследователями к позднебронзовому этапу на территории региона [Марьяшев, Горячев 2002: 20; Байпаков и др. 2005: 46–50, 67]. В тоже время в каждой группе петроглифов западных отрогов гор Архарлы имеются изображения, выполненные в битреугольном или прямоугольном стилях. Подобные традиции относятся исследователями к раннебронзовому периоду на территории Средней и Центральной Азии, а в Жетысу выявлены как в Шуилийских горах (комплекс Кулжабасы), так и на хребте Ешкиольмес [Шер 1980: 207; Марьяшев, Горячев 2002: фото 14; Байпаков и др. 2005: 109–111; Марьяшев, Железняков 2013: 98–101]. Таким образом, мы можем отметить, что в петроглифах Архарлы встречаются наскальные изображения разных этапов эпохи бронзы, которые отражают художественные традиции своего времени.

Среди рисунков этого времени здесь отмечены зооморфные, антропоморфные и полиморфные персонажи, а также многочисленные знаки («решетки», круги с перекрестием, очковидные), которые чаще всего интерпретируются как солярные символы. К культовым сюжетам относятся фигуры крупных животных – козлов, архаров, оленей, быков, лошадей. Чаще всего они представлены в композициях со сценами жертвоприношения или охоты. Но наиболее распространенным культовым сюжетом здесь являются многочисленные изображения козы с козленком или архара с ягненком. Наиболее яркими образами среди рисунков с антропоморфами представляются сцены «священного брака», фигуры адорантов, женщин-рожениц, воинов с оружием (луки, копья или пики, топоры, палицы), всадников на лошадях или верблюдах. Интересно, что композиции с фигурами рожениц или эротическими сценами сопровождаются изображениями жертвоприношения или воинов-всадников. Подобная композиционная трактовка известна в наскальных рисунках гор Ешкиольмес [Марьяшев, Горячев 2002: рис. 173–176].

Совокупный набор сюжетов и композиций бронзового века хребта Архарлы показывает, что ведущими религиозными мотивами наскального искусства были культ плодородия, выраженный разнообразными художественными средствами. Не менее значимый набор сюжетов в этих петроглифах связан с солярной символикой, включая знаки и колесницы. Культ солнца, на наш взгляд, также был тесно связан с идеей плодородия. Во многих ритуальных композициях ярко проявляется воинский культ. Однако вопросы семантического анализа данных композиций требуют дальнейших практических и теоретических исследований.

Характерно, что у всех скальных гряд или блоков с наиболее значимыми рисунками эпохи бронзы фиксируются площадки от 1,5 до 4 м в ширину и от 4 до 16 м в длину. Вероятно, петроглифы на скалах являлись здесь частью каких-либо ритуальных действий или обрядов. Композиции с набором сюжетов эпохи бронзы устраивались на крупных скальных панно (группы 1, 2, 3, 21), значимые культовые сюжеты на отдельных каменных плитах, перед которыми имелись подобные площадки (группы 3а, 5, 6, 7, 9, 9а, 16, 17, 25, 31, 34). Однако встречаются и отдельные «тайные» сцены, обнаружить которые не так просто. Они обычно размещались на отдельных малопримечательных камнях либо с краю скальных групп с крупными композициями. Чаще всего они

содержали солярные символы, изображения колесниц, реже - изображения крупных животных, батальные сюжеты или сцены загонной охоты. Подобные рисунки найдены в группах 1а, 2, 3, 3а, 16, 21, 31, 32.

Из 38-х исследованных петроглифических комплексов только в трех не было обнаружено рисунков бронзового века. Это объясняется их расположением близ поселений позднего средневековья и нового времени, где основную массу составляли изображения этих периодов. Основная серия из 16 скоплений петроглифов эпохи бронзы сосредоточена близ поселений или могильников и составляет группу домашних святилищ. Четырнадцать групп располагались на скотопроектных трассах от поселений в южной части гор. Они связаны с хозяйственной деятельностью жителей эпохи бронзы микрорайона. К святилищам под открытым небом можно отнести пять петроглифических комплексов, которые представлены самым большим количеством композиций древних петроглифов (1-1а, 2, 3, 7 и 21).

У западной оконечности гор Архарлы центральным святилищем с наскальными рисунками представляется группа 1-1а. Прежде всего, оно наиболее крупное из них (около 1000 наскальных рисунков всех эпох – более 300 бронзового века). Репертуар петроглифов эпохи бронзы составляла наиболее значительная масса культовых и ритуальных композиций среди всех памятников данного микрорайона. Внутри скопление организовано таким образом, что имело центральное панно (сохранившееся лишь частично) с главной композицией и ритуальной площадкой перед ним. Кроме того, святилище было устроено так, что все три перевала от южных склонов хребта сходились именно к нему (по долине реки Жоламан, через межгорную долину от групп 4-7 и через проходное ущелье с группами 10 и 20 по восточному склону).

Восточнее трассы А 3 (Алматы–Талдыкорган) теми же признаками, а, следовательно, и функцией обладало скопление петроглифов Архарлы 21. Оно содержало в своей структуре подавляющее количество значимых культовых сюжетов бронзового века. Святилище расположено на наиболее удобных транзитных маршрутах между южными и северными склонами хребта. Именно к нему сходились все дороги через ущелья и плато от петроглифических комплексов 22–34. Таким образом, в результате анализа структурной организации данных комплексов выясняется, что археологический ландшафт петроглифического комплекса эпохи бронзы гор Архарлы представляет собой разветвленную сеть малых и крупных скоплений с центральными святилищами (группа 1-1а и 21).

ЛИТЕРАТУРА

- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Баян-Журека. Алматы: «Credo», 2008. 200 с.
- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Потапов С.А., Горячев А.А. Петроглифы в горах Ешкиольмес. Алматы: OST–XXI век, 2005. 226 с.
- Ванштейн С.И. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 224 с.
- Горячев А.А., Галимжанов С.Э., Гумирова О.А. Петроглифы западных отрогов гор Архарлы. // Археология Казахстана. 2021. № 3 (13). С. 66-97.
- Горячев А.А., Егорова Т.А., Егорова К.А. Маски-личины в петроглифах Шу-Илейских гор // М-лы междунар. научно-метод. конф. «XI Оразбаевские чтения» по теме «Семь граней Великой Степи и актуальные вопросы археологии и этнологии Евразии» (Алматы, 26-27 апреля 2019 г.) / Ответ. ред. А.Т. Толеубаев. Алматы: «Қазақ университеті», 2019. С. 192-196.
- Горячев А.А., Егорова Т.А., Егорова К.А. Петроглифы эпохи палеометалла в горах Хантау // Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла / История и археология Семиречья / Ответ. ред. А.А. Горячев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Вып. 7. С. 158-178.

- Дэвлет М.А.* Петроглифы на дне Саянского моря. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 286 с.
- Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н.* Петроглифы хребта Каратау: 2-е изд. Алматы: [б.и.], 2007. 147 с.
- Кубарев В.Д.* Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука: Сиб. отделение, 1988. 173 с.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э.* Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 640 с.
- Мартынов А.И., Марьяшев А.Н., Абетеков А.К.* Наскальные изображения Саймалы-Таша. Алма-Ата: изд-во КазГПУ им. Абая, 1992. 110 с.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Наскальные изображения Семиречья. Издание второе. Алматы: Фонд «XXI век», 2002. 264 с.
- Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Петроглифы поздней бронзы и раннего железного века в урочище Ой-Джайляу // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. 2008. № 1. С. 101-109.
- Марьяшев А.Н., Гумирова О.Н.* Новые петроглифы Восточного, Южного и Центрального Казахстана: открытия 2017 года // Металлические котлы ранних кочевников Жетысу. Коллективная монография. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 147-154.
- Марьяшев А.Н., Железняков Б.А.* Древности Кулжабасы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 150 с.
- Новоженов В.А.* Петроглифы Сары-Арки. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2002. 125 с., ил.
- Рогожинский А.Е.* Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: [б.и.], 2011. 346 с.
- Чупахин В.М.* Высотн-зональные геосистемы Средней Азии и Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1987. 256 с.
- Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Aleksandr A. Gorjatschew, Tatjana A. Egorowa, Ksenja A. Egorowa.* Der semantische Aspekt einer ikonographischen Tradition der Darstellung von Ziegen in den Petroglyphen des südlichen Kasachastans und Kirgisistans. // Acta Praehistorica et Archaeologica. 51. 2019. S. 17-31. ISBN-13: 9783896460769

Б. С. Бобомуллов

Бобомулло Саидмуродович Бобомуллов,
Институт истории, археологии и этнологии НАН Таджикистана,
г. Душанбе, Таджикистан; bobo_bobomullo@yahoo.com

Саразм как контактная зона раннеземледельческих и степных культур

Аннотация. В статье анализируются результаты исследований курганов, открытых в 2020 г. вблизи раннеземледельческого поселения Саразм. Большой интерес представляет сам факт сооружения подобных курганных захоронений, ранее не известных в Зеравшанской долине в рассматриваемый период. Каменные ограды значительных размеров у основания курганов, конструкция погребений с бревенчатыми перекрытиями и плетеными облицовочными циночками, а также активное использование охры при погребальных обрядах, свидетельствуют в пользу их степного происхождения, прежде всего сходства с афанасьевской культурой. В тоже время, практически весь погребальный инвентарь этих погребений находит прямые аналогии с материалами древнеземледельческих комплексов юга Средней Азии, в первую очередь, с рядом располагающимся поселением Саразм. Автором указывается на сходство погребального инвентаря курганов с артефактами из культурных слоев Саразма, в связи с чем предпринята попытка их интерпретации.

Ключевые слова: Саразм, эпоха бронзы, курганы, каменная ограда, земледельцы, степная культура, афанасьевская культура

Бобомулло Саидмуродович Бобомуллов,
Тажикстан ҶФА Тарих, археология және этнология институты,
Душанбе қ., Тажикстан

Саразм ерте жер өңдеушілік және дала мәдениеттерінің байланысу аймағы ретінде

Аннотация. Мақалада Саразм ерте жер өңдеушілік қонысының жанында 2020 ж. ашылған обаларды зерттеудің нәтижелері талданады. Қарастырылып отырған кезеңде Зеравшан алқабында бұрын белгісіз болған осындай обалы жерлеу құрылысын тұрғызу фактісінің өзі үлкен қызығушылық тудырады. Обалар негізіндегі үлкен көлемдегі тас қоршаулар, бөренелі жаппалары және өрілген қаптама төсеніштері бар жерлеу құрылыстары, сондай-ақ жерлеу рәсімдерінде охраны белсенді пайдалану, олардың далалық шығу тегін, бірінші кезекте Афанасьев мәдениетімен ұқсастығын айғақтайды. Сонымен бірге, бұл жерлеу орындарының барлық жерлеу жәдігерлерінің Орталық Азияның оңтүстігіндегі ежелгі жер өңдеушілік кешендерінің, ең алдымен жақын орналасқан Саразм қонысы материалдарымен тікелей ұқсастықтары табылған. Автор обалардың жерлеу жәдігерлері мен Саразмның мәдени қабаттарындағы артефактілердің ұқсастығын көрсетіп, соған байланысты оларды интерпретациялауға әрекет жасайды.

Түйін сөздер: Саразм, қола дәуірі, обалар, тас қоршаулар, жер өңдеушілер, дала мәдениеті, афанасьев мәдениеті

Bobomullo Bobomulloev,
Institute of History, Archaeology and Ethnology
of National Academy of Science of Tajikistan,
Dushanbe, Tajikistan;

Sarazmas a contact zone of early agricultural and steppe cultures

Abstract. The article analyses the results of studies of kurgans discovered in 2020 near the early agricultural settlement of Sarazm. Of great interest is the fact of the construction of such kurgans previously unknown in the

Zeravshan valley during the period under consideration. Significant stone fences at the base of the mounds, the construction of the burials with log ceilings and wicker facing mats, as well as the active use of ocher in funeral rites, testify in favor of their steppe origin, primarily with the Afanasevo culture. At the same time, almost all of the grave inventory of these burials find direct analogies with the materials of ancient agricultural complexes in the south of Central Asia, primarily with the nearby settlement of Sarazm. The author considers the issues of similarity between the grave inventory of the kurgans and artifacts from the cultural layers of Sarazm, in connection with which an attempt was made to interpret them.

Keywords: Sarazm, Bronze Age, kurgans, stone circles, ancient agriculturalist, steppe culture, Afanasevo culture

Степные компоненты на памятниках бронзового века Таджикистана

Западная Фергана. Проблема проникновения носителей культуры степной бронзы и ее элементов на территории современного северного Таджикистана в эпоху бронзы изучена достаточно хорошо. Археологами открыта особая кайраккумская культура в западной части Ферганской долины. Согласно Б.А. Литвинскому, правый берег Сырдарьи был интенсивно заселен андроновскими племенами в конце II – начале I тыс. до н.э., для которых была характерна традиционная для культур степной бронзы орнаментация керамики в виде треугольников [Литвинский и др. 1962].

Рис. 1. Археологические памятники к югу от Саразма

Юго-западный Таджикистан. В археологическом отношении проблема проникновения степной бронзы еще более детально изучена на территориях современного Юго-Западного Таджикистана, или же исторической северо-восточной части Бактрии. В 1950-1960-х гг., благодаря научным изысканиям археологов А.М. Мандельштама и Б.А. Литвинского, была открыта серия могильников т. н. бешкентской и вахшской культур, в которых отмечается влияние степной культуры. Позже эти исследования были продолжены Л.Т. Пьянковой, Н.М. Виноградской и др., когда были открыты и изучены десятки памятников, инвентарь которых свидетельствует об имевших место тесных контактах местных скотоводческих племен и степных культур. В наиболее чистом виде памятники степной культуры представлены могильником Туюн и стоянкой на среднем течении Вахша (бывш. совхоз им. Кирова). На других памятниках в той или иной форме наблюдается влияние степных культур или же они представлены единичными погребениями и случайными находками [Пьянкова 1999: 286–297].

В контексте данной статьи необходимо отметить два кургана с кольцевидной каменной выкладкой внушительных размеров могильника Тигровая Балка, датируемого последней четвертью II тыс. до н. э. [Пьянкова 1989: 17; рис. 4]. Л.Т. Пьянкова отмечает, что «для вахшской культуры чертами, заимствованными у степного населения, может быть такая деталь конструкции могильного сооружения, как курганная насыпь, неизвестная в могилах земледельческих племен, а также орнаментация некоторых кухонных горшков (валиков, насечки и т. п.)» [Пьянкова 1989: 91].

В последние годы исследован могильник Фархор (2800/2700-2300 гг. до н.э.), который предоставил материалы, указывающие на контакты местного земледельческого населения с носителями степных культур уже в эпоху ранней бронзы [Виноградова, Бобомуллоев 2020: 96].

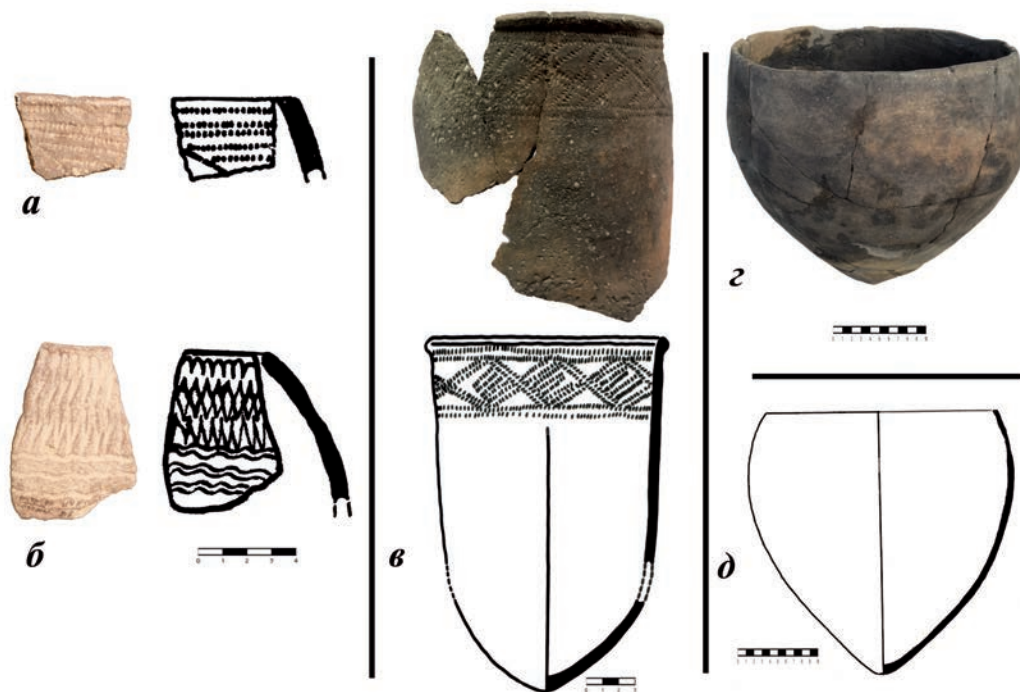

Рис. 2. Керамика степной бронзы из Саразма: а, б – фрагменты сосудов, раскоп I; в – фрагмент лепного сосуда, раскоп II; г – лепной котел, раскоп XI; д – лепной котел, раскоп IV, погребение № 4 (прорисовки по А.И. Исакову)

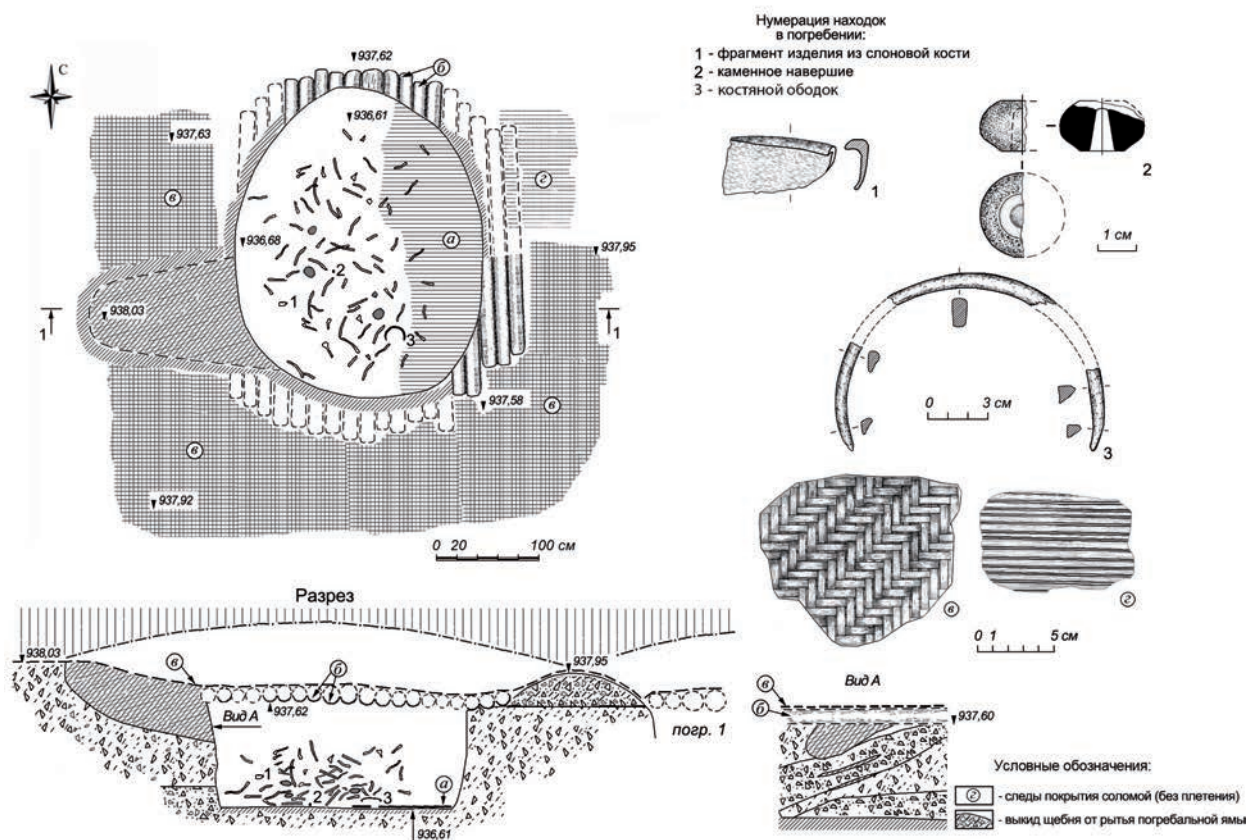

Рис. 3. Могильник Саразм-2. Курган № 1. План погребения № 2

Необходимо отметить, что практически все памятники бронзового века Юго-Западного Таджикистана хронологически относятся к завершающей его стадии – XIII-X вв. до н.э. Согласно мнению большинства исследователей, именно со второй половины II тыс. до н.э. началась массовая миграция андроновских племен вглубь Средней Азии. Справедливо отметить заключения Л.Т. Пьянковой о том, что “возможно, степные племена пришли в Гиссарскую долину непосредственно из долины Зеравшана или одновременно в обаиз какого-то общего центра (или центров). Наиболее вероятные направления генетических связей, – тазабагыябские комплексы Приаралья и андроновские памятники Казахстана, что отмечено и всеми исследователями Зеравшанской долины” [Пьянкова 1989: 49–61]. Таким образом, если реконструировать по карте местонахождения памятников пути распространения степной бронзы, нетрудно проследить проникновение степных традиций с севера на юг. В значительной степени эти контакты носили мирный характер и свидетельствуют о взаимовлиянии местных земледельческих и скотоводческих культур со степными традициями.

Верховья Зеравшана. При раскопках Саразма обнаружены керамика, ножи, кинжалы, каменные гребенчатые штампы, свидетельствующие о проникновении скотоводческих общин северных областей Центральной Азии в земледельческие оазисы Зеравшанской долины в пери-

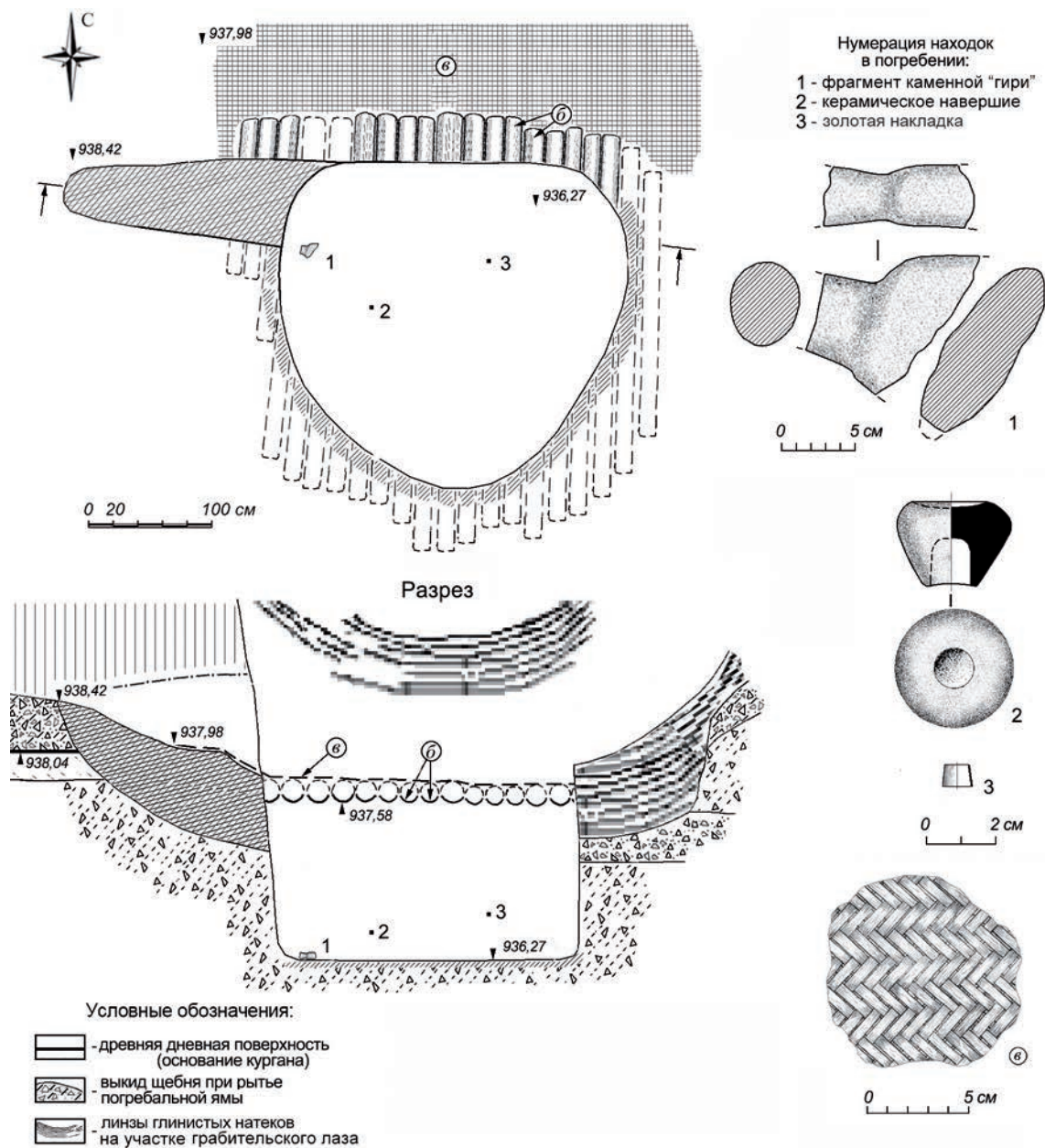

Рис. 4. Могильник Саразм-2. Курган № 1. План погребения № 3

од финальной фазы существования поселения – середина III тыс. до н.э. В Саразме, в частности, обнаружены фрагменты керамики степной бронзы на полу помещения 3 (рис. 2, а, б) [Исаков 1991: 7-8]. Однако самая ранняя керамика этой культуры была обнаружена во втором горизонте раскопа II, относящимся к периоду СЗМ II (3300/3200–3100 - 2900 гг. до н.э.) (рис. 2, в). Ввиду того, что такая керамика не была характерна для земледельческой культуры, А.И. Исаков отнес их «к сосудам нестандартного типа» в Саразме [Исаков 1991: 90].

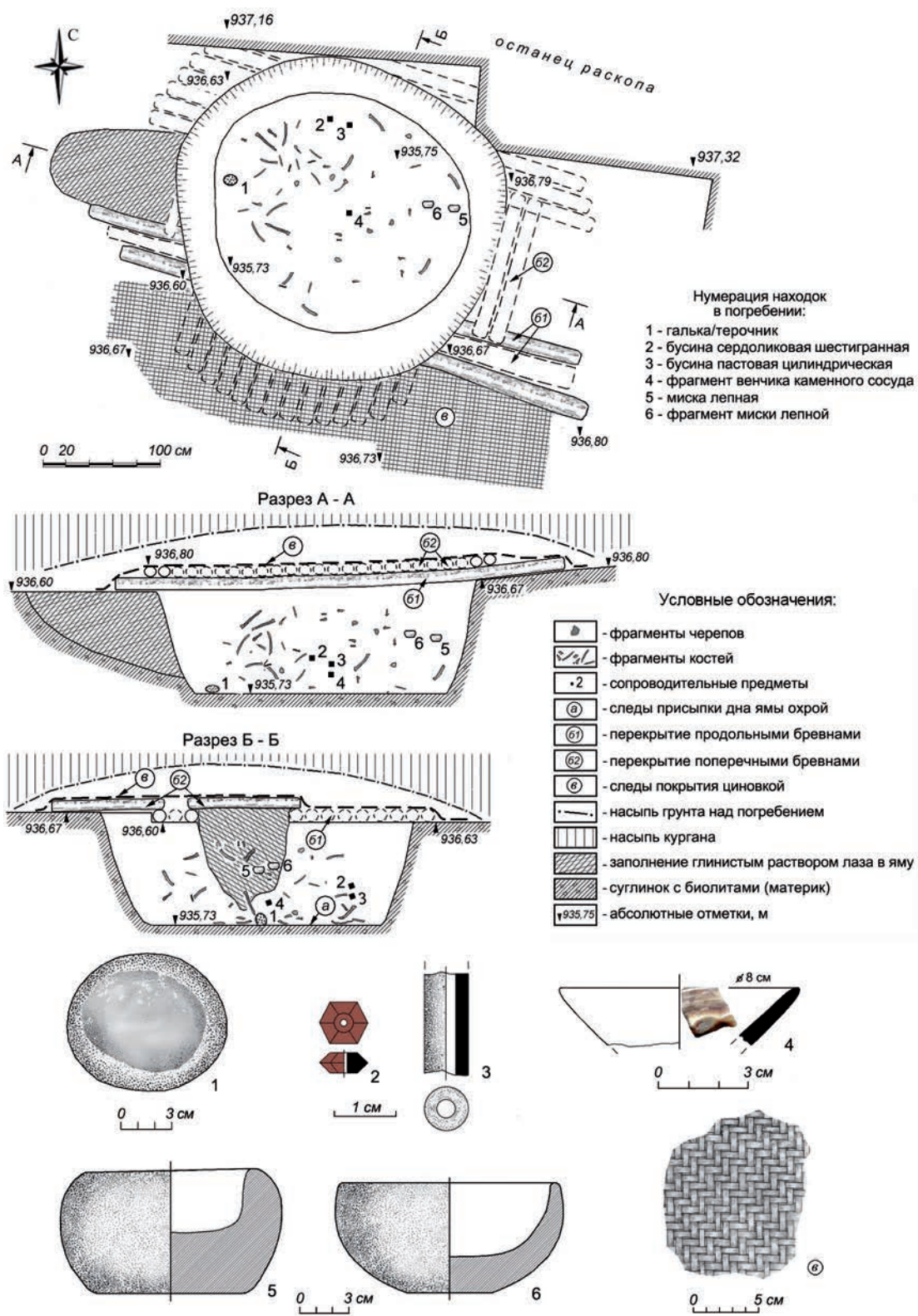

Рис. 5. Могилиник Саразм-2. Курган № 2. План погребения № 1

В 10 км к востоку от поселения Саразм, на левом берегу Зеравшана, открыт могильник Зардча Халифа, в инвентаре которого найдены металлические предметы, имеющие связи со степной культурой доандроновского времени [Бобомуллоев 1998: 56–64; Массон 2006: 93]. Данные о заселении верховьев Зеравшана носителями андроновской культуры в XIII–XI вв. до н.э. подтверждаются исследованиями могильника Дашти-Козы, открытого в горной части Зеравшана [Исаков, Потемкина 1989: 163–164; Бобомуллоев 1998: 66–113]. На присутствие культуры степной бронзы также указывают одиночное погребение андроновской культуры у кишлака Чорбог и случайно обнаруженный медный кельт из кишлака Бедак.

Открытие погребений близ Мустафотепа (предыстория проблемы)

Настоящая статья посвящена недавно открытым могильным сооружениям курганного типа в районе холмов к югу от раннеземледельческого поселения эпохи энеолита и бронзы Саразм. В статье предпринята попытка выделить земледельческие и степные элементы, зафиксированные при раскопках этих курганов. Но для реконструкции полной картины считаем необходимым уделить внимание раннее обнаруженному в этой же местности могильнику Мустафотепа, так как он непосредственным образом входит в орбиту интересов настоящего исследования.

В 2014 г. Ш. Курбановым был заложен раскоп № 1 (8×6 м) на лессовых холмах в 1,2 км к юго-западу от поселения Саразм, в котором было открыто два погребения. В погребении № 1 найден костяк в сильно скорченном положении, а также череп и разрозненные кости другого погребенного. Здесь обнаружены скребок из черного кремния, фрагмент тонкостенного мраморного сосуда, шестигранная сердоликовая бусина (рис. 6, а), три фрагмента кремневых отщепов. В погребении 2 кости были разбросаны по всей площади могильной ямы, в которой отсутствовал погребальный инвентарь [Каримова и др. 2019: 81–87]. В связи с открытием этих погребений в непосредственной близости, всего в 70 м к востоку от поселения античного времени Мустафотепа, памятник получил название могильника Мустафотепа.

Весной 2019 г. работы на могильнике Мустафотепа были продолжены С.Г. Бобомуллоевым. При расчистке погребения № 2 раскопа № 1 были найдены костные останки, возле фрагментов черепа зафиксированы остатки лазуритовой бусы. В этом же году восточнее раскопа № 1 был заложен раскоп № 2 (6×5 м) и открыто еще три погребения. В погребении № 3 зафиксированы кости нижних и верхних конечностей, вероятно, двух погребенных. В погребении № 4 (детское) обнаружено всего несколько мелких костей. В погребении № 5 антропологический материал представлен костями двух взрослых умерших и черепом ребенка. Все погребения оказались безынвентарными [Виноградова и др. 2020: 52–55].

Осенью этого же года к западу от раскопа № 1 был заложен раскоп № 3 (6×6 м), где обнаружено только одно погребение № 6. Здесь найдены фрагменты костных останков двух взрослых и одного подростка. В погребальном инвентаре – фрагменты керамики, шестигранные бусины из сердолика (рис. 6, б), золотые бусины (рис. 6, в.), кремневые наконечники стрел (рис. 6, г), пастовые бусины (рис. 6, д), фрагмент алебастровой бусины, кремневый отщеп, фрагмент костяного изделия, а также три булыжника со следами охры [Виноградова и др. 2020: 52–55].

Кроме того, в сезоне работ 2020 г. был заложен раскоп № 4, где открыто три погребения. На глубине 0,6 м открыто детское погребение № 7, над которым найдены фрагменты большого мраморного сосуда (рис. 6, е), каменное навершие (рис. 6, е), фрагменты лепной керамики, кремневый отщеп и каменная ступка. В погребениях № 8 и 9 мелкие кости разбросаны по всей поверхности ямы на разных уровнях. Сопровождающий инвентарь отсутствует [Бобомуллоев и др. 2022: 117–128].

Таким образом, все погребения были разграблены еще в древности, возможно, в период существования античного поселения Мустафотепа.

Открытие курганов в местности Саразм-2¹

Серия курганов была обнаружена в результате разведывательных работ под руководством С.Г. Бобомуллоева на территориях земель Саразм-2 летом 2020 г. [Бобомуллоев и др. 2001: 40–54]. Местность Саразм-2 находится в 1 км к югу от поселения Саразм на третьей надпойменной террасе левобережья р. Зеравшан, возвышающейся на 40-60 м над равниной Дашти Саразм. Здесь было обнаружено шесть курганов, которые располагаются на расстоянии 250-300 м друг от друга (рис. 1, 1-6). Территориально курганы располагаются на той же террасе, что и поселение античного периода Мустафотепа, но немного выше него. Еще два кургана располагаются рядом друг с другом на противоположной стороне русла Атджуварся, к северо-востоку от античного поселения Гирдтепа (рис. 1, 7-8).

В 2020 г. раскопки были проведены в двух курганах (№ 1, 2), которые были исследованы частично. Во избежание повторов, всех интересующихся просим обратиться к коллективной статье авторов, где приводятся подробные результаты этих раскопок. В настоящей же статье наше внимание будет акцентировано на таких элементах, характерных для афанасьевской культуры, как конструкция курганов и погребений, а также погребальный инвентарь, который практически весь встречается на древнеземледельческих памятниках, прежде всего, на находящемся рядом поселении Саразм.

Конструкция курганов. Курган № 1 – самый южный из серии обнаруженных на массиве Саразм-2. Курган сооружен из земляной насыпи и сохранился на высоту 3,5 м, диаметр более 40 м. Раскопки были проведены в северной половине холма, где частично древний слой и ряды каменной ограды разрушены. При заложении стратиграфического разреза в южной части кургана с внешней стороны обнаружены 12 рядов речных галек (25-45 см), сложенных с наклоном к центру примерно в 30°. Диаметр каменной ограды у основания составляет 37-38 м, высота 1,2-1,3 м. В центральной части кургана было открыто три погребения.

Курган № 2 расположен в 300 м к северо-западу от первого. По размерам оно значительно уступает кургану № 1. Высота кургана 2,5 м, диаметр каменной ограды около 28 м, высота стенки 0,8-0,9 м. Раскопки проводились в северо-западной части, где зафиксировано два погребения.

На других курганах раскопки еще не проводились, но наблюдения на поверхности курганов № 3, 7 и 8 подтвердили присутствие характерных булыжников, что свидетельствует о наличии у их основания каменных оград.

Конструкция погребений. Конструкция погребений в курганах № 1 и 2 имеет общие закономерности. Все погребения ямной конструкции округлой или овальной формы. Размеры могильных ям примерно одинаковые: от 2,7×2,6 до 3,6×3,6 м, глубина от 0,8 до 1,1 м. По краям всех погребений расчищены следы округлых балок длиной от 1 до 1,5 м, диаметром от 12 до 20 см, которые перекрывали погребальную яму (рис. 3–5). На балках читаются следы циновки. На стенках погребений и на древней дневной поверхности между могилами хорошо сохранились отпечатки циновки из камыша, окрашенные красной охрой (рис. 8, а, б). Видимо, стенки в сплошную накрывались плетёной циновкой, что служило также их облицовкой. На полу погребений № 1 и 2 кургана № 1 сохранились следы подстилок (рис. 8, в). Половина погребения № 1 кургана № 2 была посыпана желтой охрой.

За исключением погребения № 3 кургана № 1, который был раскопан частично, во всех погребальных ямах разбросанные костные останки зафиксированы на разных уровнях. Все погребения коллективные.

¹ В настоящее время вся эта местность имеет административное название Саразм-2, в связи с чем обнаруженным здесь новым комплексам курганов и не курганным погребениям было присвоено название Саразм-2.

Рис. 6. Находки из раскопов: *а* – сердоликовая бусина, раскоп 1, погребение 1; *б* – сердоликовые бусины, раскоп № 3, погребение № 6; *в* – золотые бусины, раскоп № 3, погребение № 6; *г* – наконечники стрел, раскоп № 3, погребение № 6; *д* – пастовые бусины, раскоп № 3, погребение № 6; *е* – каменное навершие, раскоп № 4, погребение № 7; *ё* – фрагменты мраморного сосуда, раскоп № 4, погребение № 7

Погребальный инвентарь курганов. Курган № 1: погребение № 1 – кремневые скребко-видные орудия, тёрочник из речной гальки со следами красной охры; погребение № 2 – фрагмент наверхшия, костяной ободок, фрагмент костяного изделия (рис. 3); погребение № 3 – фрагмент каменной гири, керамическое наверхшие, золотая накладка (рис. 4).

Курган № 2: погребение № 1 – тёрочник из речной гальки со следами красной охры, шестигранная бусина из сердолика; цилиндрическая бусина из пасты, фрагмент венчика мраморного сосуда со следами охры, два лепных глиняных сосуда со следами охры; погребение № 2 – кремневые отщепы (рис. 5).

Сравнительный анализ археологического материала Саразм-2 и поселения Саразм

Как выясняется, местность Саразм-2 представлена двумя типами захоронений – курганами, а участки, свободные от холмов, были заняты обычными ямными захоронениями (далее – бескурганные). В связи с этим, в целях унификации названия памятника могильник Мустафотепа, территория которого распространяется на участках между курганами местности Саразм-2, предлагается рассматривать под названием могильник Саразм-2². Это обосновано как расположением обоих типов захоронений на одной территории, причем вперемешку, так и тем, что их погребальный инвентарь во многом взаимодополняет друг друга, о чем будет сказано ниже.

В ранее опубликованных статьях уже были высказаны общие заключения по поводу культурной принадлежности курганов, которым приписывается связь с носителями культуры афанасьевы – южно-сибирской археологической культурой энеолита конца IV – начала III тыс. до н.э. [Бобомуллов и др. 2021а: 40–54; 2021б: 78–84]. В пользу этой гипотезы ключевую роль играют конструкция курганов – земляные насыпи курганного типа значительных размеров с каменными оградками больших размеров у их основания, а также конструкция погребений – бревенчатые перекрытия, подстилки на дне могилы, охра на предметах и костях.

Впервые сведения о курганах с каменной оградой в очень краткой форме встречаются у А.И. Исакова, где они обозначаются как могильник Дашти-Саразм: «Могильник из четырех курганов был обнаружен к югу от магистрали Пенджикент–Самарканд. Он некогда представлял собой каменные холмы округлого плана. Курганы по два расположены на значительном расстоянии друг от друга» [Исаков 1988: 186–198]. В статье содержится план кургана № 1, диаметр каменного кольца которого около 30 м. В связи с обнаружением в центре кургана № 1 колодца глубиной 8,5 м и фрагментов античной керамики, А.И. Исаков датировал его II–I вв. до н.э. Большой интерес представляет курган № 3 с каменной оградой диаметром 20 м, в котором, в частности,

² До момента открытия курганов на местности Саразм-2 мы располагали информацией только про погребения эпохи энеолита бронзы, находящиеся всего лишь в 70 м от известного античного памятника Мустафотепа, откуда, тогда, в самой первой публикации, оно и получило название могильника Мустафотепа [Каримова 2019: 81–87]. После расширения здесь же площади раскопок в 2019 г. их результаты также были опубликованы под названием могильника Мустафотепа [Виноградова и др. 2020: 52–55]. Сейчас, после открытия на массиве Саразм-2 серий курганов, а также раскопа 4 на бескурганном участке севернее кургана № 4, привычная до этого картина кардинально меняется. Дело в том, что расстояние между раскопами № 1-3 и раскопом № 4 составляет по прямой более 600 м, где на их пути располагаются два кургана (см. рис. 1). Этот факт означает, что в древности территория между курганами была занята обычными ямными захоронениями. Таким образом, на местности Саразм-2 мы имеем дело с двумя типами захоронений – курганными и бескурганными. Мы не думаем, что в курганах могли быть захоронены только афанасьевцы, а бескурганные захоронения принадлежать древнеземледельческим общинам, в связи чем разделять их на два памятника Саразм-2 и могильник Мустафотепа. Курганы и бескурганные погребения находятся на одной и той же террасе (третья надпойменная терраса левого берега р. Зеравшан), носящей сейчас административное название Саразм-2, в связи с чем в настоящей статье они рассматриваются под названием Саразм-2.

Рис. 7. Находки из курганов: *а* – костяной ободок, курган № 1, погребение № 2; *б* – золотая накладка, курган № 1, погребение № 3; *в* – тёрочник со следами охры, курган № 2, погребение № 1; *г* – керамическое навершие, курган № 1, погребение № 3; *д* – сердоликовая бусина, курган № 2, погребение № 1; *е* – глиняный сосуд, курган № 2, погребение № 1; *ё* – венчик мраморного сосуда со следами охры

обнаружено погребение в скорченной позе, датированное находками сероглиняных горшков раннежелезным веком [Исаков 1990: 144–158].

Вскоре после завершения раскопок эта местность была полностью с nivelирована под сельскохозяйственные посе­вы. Но согласно описаниям и сохранившимся архивным планам А.И. Исакова, а также нашим полевым наблюдениям, на местности удалось установить местонахождение этих четырех курганов (рис. 1).

Сейчас, после обнаружения курганов на местности Саразм-2, спустя уже 40 лет с момента раскопок курганов могильника Дашти-Саразм А.И. Исаковым, интерес к ним опять возрастает. Согласно отчетам А.И. Исакова, тогда, в силу объективных причин, курганы не смогли изучить должным образом. Возможно, интерес А.И. Исакова, как археолога-бронзовика, увлеченного изучением Саразма, охладел после обнаружения в периметре одного из курганов античной керамики. Нет единого мнения и по поводу датировки: в одном случае говорится об античном времени (II–I вв.), в другом – о раннежелезном периоде. Надо заметить, что в последующие годы находки античного времени были зафиксированы и на территории поселения Саразм: например, могила античного периода перекрывала слои эпохи бронзы на раскопе XIII [Исаков 1994:85–99; Бобомуллов Б.С. 2020: 108-109]. Даже после открытия некрополя с каменной оградой в периметре поселения Саразм А.И. Исаков нигде не ссылается на каменные ограды курганов Дашти-Саразм. Мы полагаем, что четыре кургана на могильнике Дашти-Саразм представляют ту же культуру, что и курганы Саразм-2; в пользу этого, в первую очередь, выступают каменная ограда такого же типа и одно погребение в скорченной позе.

Наиболее детально изучен и описан курган с каменной оградой, обнаруженный в нижних слоях раскопа IV, пока единственного некрополя на территории поселения Саразм. Диаметр каменного кольца 15 м, высота выкладки 70–75 см. Всего в периметре каменного кольца было обнаружено пять погребений: два одиночных, два парных, одно коллективное. В центральной части некрополя обнаружено захоронение богатой женщины, позднее получившее условное название «саразмской принцессы». Захоронение сопровождалось богатым инвентарем, состоявшим из множества лазуритовых, серебряных и золотых бусин, двух массивных браслетов из раковин, медного зеркала с ручкой и двух терракотовых женских статуэток [Исаков 1992: 64–75; 1993: 117–130; 1994: 85–99].

При описании коллективного погребения богатой женщины А.И. Исаков отмечает, что «темные пятна под скелетами позволяют предположить, что двое из погребенных женщина и подросток были уложены на плетеные подстилки типа бурье» [Исаков 1992: 64–75]. Отметим, что следы подстилок (войлок?) зафиксированы и в Саразм-2 в погребениях № 1 (рис. 8, д) и № 2 кургана № 1, а также в погребении № 1 кургана № 2.

Нам представляется несомненным, что древние обитатели долины Зеравшана, соорудившие некрополь т. н. «саразмской принцессы» и курганы на массиве Саразм-2, являлись носителями единой культуры. В отличие от курганов Саразм-2, некрополь «саразмской принцессы» сохранился не разграбленным, так как был перекрыт более поздними слоями Саразма. Из погребального инвентаря внутри каменного кольца только над погребенными в погребении № 4 был обнаружен лепной котел степного происхождения «с сильно заостренной донной частью» (рис. 2, д) [Исаков 1992: 64–75]. Идентичный сосуд был найден в 2020 г. при зачистке юго-восточной части квартала на раскопе XI (рис. 2, г).

Особое внимание следует уделить фактам активного использования охры в погребениях курганов Саразм-2. Красной охрой были окрашены плетеные циновки, которыми как ковер

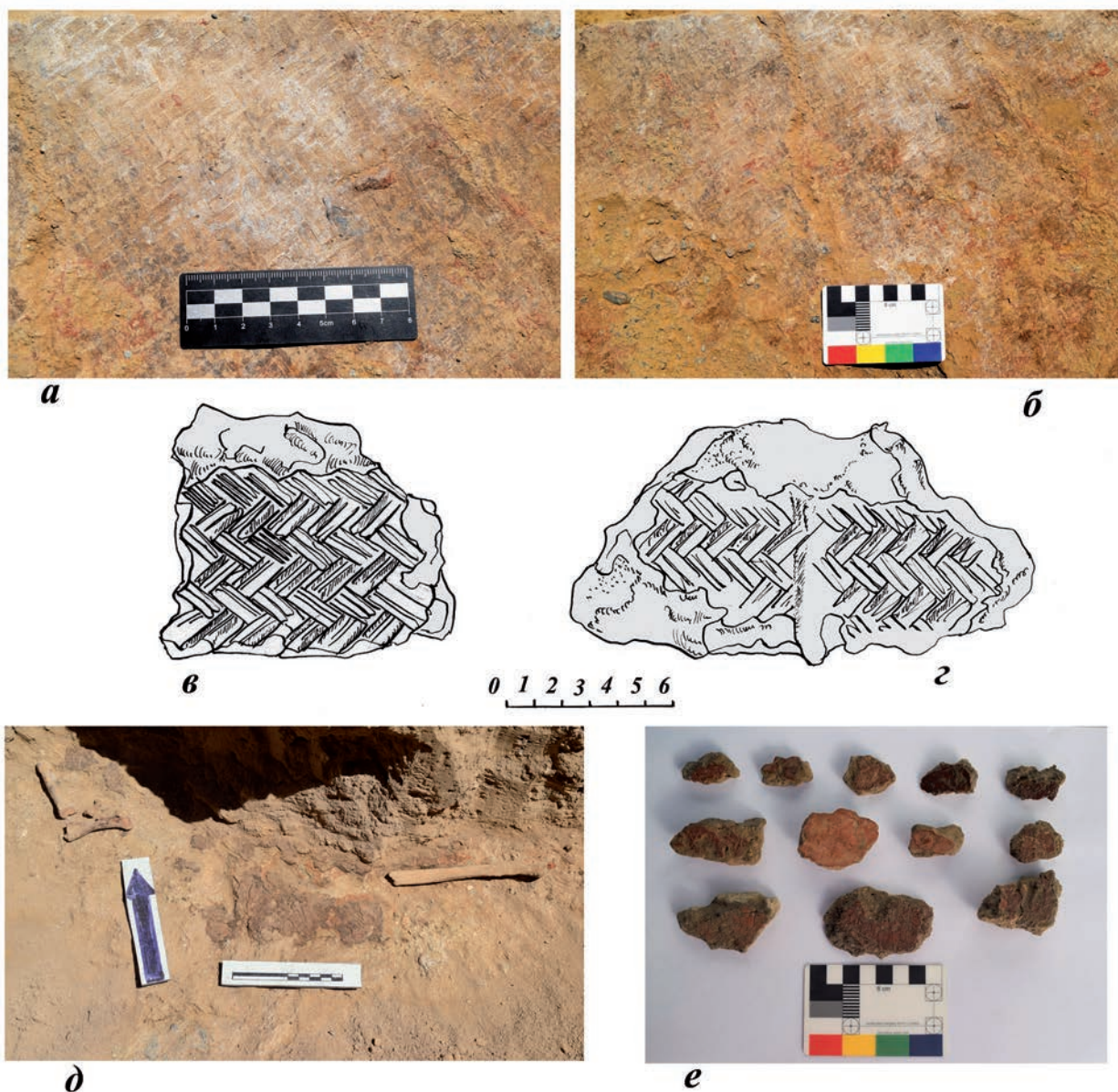

Рис. 8. Использование циновки и охры в курганах и на поселении Саразм:
а – фрагмент отпечатки циновки, кургана № 1, погребение № 1;
б – фрагмент отпечатки циновки, курган № 2, погребение № 1;
в, з – отпечатка циновки из раскопа II Саразма (прорисовка по А.И. Исакову);
д – следы подстилки на полу, кургана № 1, погребение № 1;
е – фрагменты красной штукатурки, помещение № 2, раскоп XIII Саразма

вплотную была покрыта древняя дневная поверхность между погребениями (рис. 8, *а, б*). Следы желтой охры читаются на полу погребения № 1 кургана № 2. Следы охры сохранились на фрагментах мраморных и глиняных сосудов (рис. 7, *е, ё*). Из курганов № 1 и 2 собраны тёрочки одинакового размера, на которых зафиксированы следы охры (рис. 7, *в*). Три тёрочника со следами охры обнаружены в погребении № 6 раскопа № 3, что свидетельствует о том, что и на бескур-

ганных погребениях практиковался обычай использования охры. Определенно, что терочники и сосуды как мраморные, так и глиняные, служили для растирания охры. Видимо, существовал устойчивый предпохоронный обряд, связанный с использованием охры.

На поселении Саразм следы красной охры обнаружены в самом крупном помещении раскопа II, в котором был расположен круглый алтарь диаметром 115 см [Исаков 1991: 18–19]. Стена помещения 2б на раскопе V была покрыта красной краской, следы охры также обнаружены на полу [Исаков 1991: 95]. В одной из стен помещения 8 раскопа IV – главного культового здания горизонта II – было открыто 3 м² красной штукатурки [Исаков 1991: 47]. Остатки красной штукатурки зафиксированы у стен центрального помещения 2 раскопа XIII (рис. 8, е) [Бобомуллов Б.С. 2020: 108–119]. Таким образом, в Саразме в основном окрашенные стены красной краской зафиксированы на помещениях культового назначения.

В заполнении помещений и мусорных свалках на раскопе II были собраны десятки кусков высушенной глины, где четко прослеживаются отпечатки циновки из камыша (рис. 8, в, г). Циновки использовались как для покрытия полов, так и для перекрытия жилищ [Исаков 1991: 25; рис. 28, 1, 2].

Судя по тому, что как в курганах, так и практически во всех бескурганных погребениях местности Саразм-2, кости были разбросаны на разных уровнях, можно полагать, что они были разграблены, скорее всего, еще в древности. Поэтому археологам пришлось довольствоваться мелкими и сломанными предметами, оставшимися вне поля зрения грабителей. Тем не менее, обнаруженный здесь погребальный инвентарь дал богатый информативный материал. В составленной таблице приведены все типы находок из Саразм-2, аналогии которым есть и в культурных слоях поселения Саразм (табл. 1).

Очень интересно проанализировать искусно изготовленные золотые бусы из погребения № 6 раскопа № 3 (рис. 6, в), две из которых биконические, сильно напоминают те, которые были найдены в погребении «саразмской принцессы» [Исаков 1992: 64–75; рис. 3, 14]. Во всяком случае, нельзя исключить, что одно может быть результатом стилизации второго.

На местности Саразм-2 найдено три навершия: два из кургана № 1 и одно из погребения № 7 раскопа № 4. По форме навершия из погребения № 3 кургана № 1 (рис. 6, е) близко к тому, что найдено в погребении № 7 раскопа № 4 (рис. 7, г).

Совершенно одинаковые шестигранные бусины из сердолика обнаружены в погребении № 1 кургана № 2 (рис. 6, а) и в погребении № 6 раскопа № 3 (рис. 6, б). На поселении такие бусины в очень большом количестве найдены как из погребения «саразмской принцессы», так и из культурных слоев Саразма.

Надо отметить, что пастовые бусины, обнаруженные в погребении № 6 раскопа № 3 (рис. 6, д), в огромном количестве найдены в погребении «саразмской принцессы». Такие же бусины из пасты были найдены в северо-восточном углу пола центрального помещения № 2 на раскопе XIII [Бобомуллов Б.С. 2020: 108–119].

Фрагменты мраморных сосудов обнаружены в бескурганных погребениях № 1 и 7 и в погребении № 1 кургана № 2. Целый мраморный сосуд был найден над погребением № 3 некрополя на поселении Саразм [Исаков 1992: рис. 4, 5].

Кроме всего, на местности Саразм-2 был собран подъемный материал – фрагмент гири и каменное рубящее орудие, каких в Саразме найдено большое количество [Бобомуллов 2021: 40–54; рис. 1, б; 1, 2].

Заключение. Открытие и раскопки курганов на местности Саразм-2 предоставили в наше распоряжение археологические материалы, которые позволяют совершенно по-новому подхо-

Таблица 1 – Могильный инвентарь Саразм-2 и их аналоги на поселении Саразм

Находки	Название памятника	Могильник Саразм-2			Поселение Саразм	
		Курган 1 (погребения 1-3)	Курган 2 (погребения 1,2)	Мустафотепа		
				(Раскопы 1-3, погребения 1-6)		(Раскоп 4, погребения 7-9)
Шестигранные бусины (сердолик)		+	+		+	
Золотые украшения (бусинки, обкладка)	+		+		+	
Изделия из кости	+		+		+	
Пастовые бусы и бусинки		+	+		+	
Навершие булавки	+			+	+	
Фрагмент гири	+				+	
Камни тёрчоники	+	+	+		+	
Фрагменты мраморных сосудов		+	+	+	+	
Кремневые орудия (наконечники, отщепы, вкладыши серпа)	+	+	+		+	
Лепные сосуды		+			+	
Фрагменты зернотерок				+	+	
Фрагменты керамики	+			+	+	

дить к интерпретации обнаруженных здесь могильных комплексов. На данном этапе исследований можно констатировать следующее.

1) Курганы могильников Саразм-2 и Дашти-Саразм, а также некрополь «саразмской принцессы» на поселении Саразм, представляют единый культурный пласт. В пользу этого можно привести, как минимум, факт наличия однотипных каменных оград значительных размеров у их основания.

2) Территория местности Саразм-2 (бескурганные участки) была занята обычными ямными захоронениями. Об этом может свидетельствовать факт расположения раскопа № 4 на расстоянии более 600 м от раскопов № 1-3, на участке между курганами № 3 и 4 (рис. 1).

В связи с этим возникает масса вопросов, главные из которых: к какой культуре они относятся? Относятся ли они к двум типам культур – земледельческим и степным? Если это так, то каким образом они взаимодействовали? Исследования в этом направлении только начались, и пока нет ответа на все эти вопросы. Но приведем ниже ряд предположений по этому поводу.

Согласно сложившейся научной традиции, курганные захоронения с каменными оградами идентифицируются с носителями т. н. афанасьевской культуры эпохи энеолита и бронзы Южной Сибири. Безусловно, районы верховий Зеравшана являлись зоной культурных контактов различных групп древнего населения, в том числе степных племен. Этому во многом способствовало богатство минеральных ресурсов верховий Зеравшана, что является одной из причин формирования Саразма как металлургического центра региона на рубеже IV/III – в начале II тыс. до н.э. [Рузанов 2020: 43–56].

На основе анализа каменной индустрии Саразма было высказано мнение об имевших место контактах древнего населения долины Зеравшана со степным миром (возможно, с афанасьевцами) еще в период энеолита и ранней бронзы [Brunet, Razzokov 2015: 49–62].

Материалы афанасьевской культуры в долине Зеравшана впервые отмечены на памятнике Жуков, обнаруженном в 16 км к востоку от Самарканда, на левом берегу р. Зеравшан. Наряду с преобладанием материалов степного круга, отмечается комплекс вещественных находок земледельческого характера, в частности, керамики саразмского типа. Памятник определяется как святилище, появившееся в результате синтеза степных и земледельческих культур [Аванесова 2012: 8–27].

Мнение о том, что некрополь «саразмской принцессы», окруженный каменной оградой, напоминает погребальные сооружения афанасьевской культуры, хорошо известные в Сибири и Казахстане, высказана в работах А.П. Франкфорта, Б. Лионне, Н.А. Аванесовой. По мнению А.-П. Франкфорта, афанасьевская культура – типичная культура эпохи энеолита азиатских степей и Алтая, но она также зафиксирована недалеко от Саразма, чуть ниже по течению р. Зеравшан, на святилище Жуков. Он считает присутствие здесь таких находок и материалов «экзотическими», так как они обнаружены далеко от своих регулярных мест происхождения в евразийских степях. А.-П. Франкфорт заключает, что факт транс-дальних связей Саразма, в т. ч. с афанасьевцами, связан с его «исключительной привлекательностью» в конце IV – сер. III тыс. до н.э., и в этом отношении ключевую роль сыграли минеральные ресурсы верховий Зеравшана, а также локализация Саразма между степным миром и прото-урбанистическими центрами Старого света [Francfort 2020: 5–24].

Перечисляя сходства некрополя на раскопе IV Саразма с погребальной обрядностью афанасьевцев, Н.А. Аванесова делает интереснейшее заключение: «Указанное позволяет исключить случайность сходства между погребальной обрядностью саразмийцев и афанасьевцев, свидетельствует не только о культурном, но и, возможно, этническом родстве, следовательно, закономерна их синхронизация в рамках одного культурно-исторического горизонта. Если же к этому прибавить и керамику афанасьевского типа, обнаруженную в слое Саразма II (рис. 2, в), то их генетическое родство еще более усилится» [Аванесова 2012: 8–27]. В целом, Н.А. Аванесова затрагивает проблемы, решение которых во многом поможет и в понимании происхождения афанасьевских погребальных традиций, зафиксированных на могильнике Саразм-2.

Как было указано выше, при раскопках Саразма засвидетельствована керамика, имеющая явно степное происхождение, но по количеству она исчисляется десятками фрагментов, в то время как местная и привозная керамика из южных оседлоземледельческих памятников исчисляется многими тысячами фрагментов. Исходя из этого, даже если учесть, что контакты с степными культурами имели место, маловероятно, что они могли оказать существенное влияние на духовную культуру, на погребальную обрядность и представления о загробном мире древнего населения города Саразма. Если только не согласиться с тем, что большие группы степного населения проживали рядом с Саразмом, а их контакты носили намного более интенсивный характер, чем нам представляется сейчас. Только в формате таких формулировок можно допустить их хронологическое сосуществование, заимствование погребальных традиций, и возможно, как отмечает Н.А. Аванесова, говорить об «этническом родстве». Во всяком случае, развитие этой гипотезы кажется очень интересным.

На основе находок погребального инвентаря могильника Мустафотепа (раскопы № 1-4) уже была высказана мысль о том, что, возможно, это и есть могильник Саразма, но для подтверждения этой идеи считалось необходимым проведение здесь дальнейших исследований [Каримова

и др. 2019: 81–87; Виноградова и др. 2020: 52–54; Бобомуллоев и др. 2022: 117–128]. Картина еще более усложнилась после открытия курганов на местности Саразм-2.

Площадь поселения Саразм составляла более 100 га, где проживали 10 000 человек. Учитывая, что период существования города длился не менее 1000 лет, поселение должно было иметь такой же обширный по своим размерам могильник, каким и является массив Саразм-2, а также территории по левобережью Аtdжуварся. Наличие одинакового погребального инвентаря в курганах и бескурганых погребениях местности Саразм-2 и на поселении позволяют говорить о том, что данная территория действительно является могильником древнего населения города Саразм. Такие элементы, как использование охры в курганах, также широко применялись именно в культовых помещениях Саразма. А.И. Исаков делает важное замечание о том, что «погребения внутри круглой каменной ограды появились на участке раскопа IV до того, как здесь были построены дома. Не исключено, что погребенные здесь люди были жителями квартала, расположенного на участке раскопа II» [Исаков 1991: 45].

На наш взгляд, признавая, что традиция сооружения курганов с каменными оградками не характерна для раннеземледельческих племен бронзового века, не может быть удовлетворительным ответом на столь мощное культурное проявление рядом с крупным прото-урбанистическим поселением, каким является Саразм. Возможно, здесь имеет смысл говорить о некоей особенности Саразма, как отмечает А.И. Исаков, «своеобразии некрополя в Саразме свидетельствует о самобытности древнеземледельческой культуры Зеравшана» [Исаков 1992: 64–75]. Саразм, как известно, является самым северо-восточным памятником раннеземледельческой культуры Центральной Азии, и, видимо, его «самобытность» обусловлена его локализацией на границах древнеземледельческих и степных миров. Как отмечает А.И. Исаков, каменная ограда вокруг захоронений на территории Саразма «свидетельствует о выделении специального некрополя для членов семьи, очевидно, занимавшей высокое социальное положение» [Исаков 1992: 64–75]. Следовательно, сооружение курганов для представителей своих элит было одной из отличительных черт самобытной культуры саразмийцев и не было каким-то инородным, заимствованным элементом. Может быть, генезис афанасьевских погребальных традиций следует искать в Саразме?

Резюмируя, подчеркнем, что курганные захоронения, обнаруженные на местности Саразм-2, являются сейчас самыми южными известными памятниками такого типа. Дальнейшее их изучение открывает новые перспективы для поисков в Зеравшанской долине, особенно в ее предгорной и горной части, где можно ожидать открытий новых подобных памятников.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н.А. Святилище ранних номадов Зеравшана // Афанасьевский сборник-2: сб. науч. ст. / Отв. ред. Н.Ф. Степанова. Барнаул: АЗБУКА, 2012. С. 8-27.
- Бобомуллоев Б.С. Результаты археологических работ на объекте XIII Саразма в 2019 г. // Саразм – начало земледельческой, ремесленной и градостроительной культуры таджиков. Сб. статей науч.-практ. конф., посвящ. 5500-летию Саразма (г. Душанбе, 20 декабря 2019 г.). Душанбе, 2020. Вып. I. С. 108-119.
- Бобомуллоев С. Верховья Зеравшана во II тыс. до н.э. Душанбе: Дониш, 1998. 210 с.
- Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б., Наврузбеков М. Предварительные результаты исследования могильника Мустафотепа в долине Зарафшана летом и осенью 2020 года // Культурное наследие Таджикистана в археологической и междисциплинарной интерпретации. Сб. статей в честь юбилея Т.Г. Филимоновой / Ред. Г.Р. Каримова. Душанбе, 2022. С. 117-128.
- Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б., Худжагелдиев Т.У. Исследования курганов на массиве Саразм-2 в долине р. Зарафшан (раскопки 2020 года) // Культуры Азиатской части Евразии в

- древности и средневековье. М-лы междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию Н.А. Аванесовой (г. Самарканд, 28–29 мая 2021 г.). Самарканд, 2021. С. 78-84.
- Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б., Худжагельдиев Т.У., Наврузбеков М.* Предварительные результаты исследования курганов в местности Саразм-2 в бассейне реки Зеравшан летом и осенью 2020 г. // Археологические вести. 2001. Вып. 32. С. 40-54.
- Виноградова Н.М., Бобомуллоев С.* Могильник Фархор – памятник эпохи ранней и средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане. М.: Институт востоковедения РАН, 2020. 284 с.: ил.
- Виноградова Н.М., Курбанов Ш.Ф., Бобомуллоев С.* Предварительные результаты исследования могильника Мустафотепа в Верховьях реки Зеравшан // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (Становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ). М-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения д.и.н. А.М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д.и.н. И.Н. Хлопина (г. Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2020 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 52-55.
- Исаков А.И.* Раскопки и разведки саразмского массива в 1981 г. // Археологические работы в Таджикистане. 1988. Вып. 21. С. 186-198.
- Исаков А.И.* Работы саразмского отряда в 1982 г. // Археологические работы в Таджикистане. 1990. Вып. 22. С. 144-158.
- Исаков А.И.* Саразм (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины/раскопки 1977-1983 гг.). Душанбе: Дониш, 1991. 244 с.
- Исаков А.И.* Богатое женское погребение из Саразма // Археологические вести. 1992. Вып. 1. С. 64-75.
- Исаков А.И.* Исследования саразмского отряда в 1984 г. // Археологические работы в Таджикистане. 1993. Вып. 24. С. 117-130.
- Исаков А.И.* О работе международной археологической экспедиции на поселении Саразм в 1985 г. // Археологические работы в Таджикистане. 1994. Вып. 25. С. 85-99.
- Исаков А.И., Потемкина Т.М.* Могильник эпохи бронзы в Таджикистане // СА. 1989. № 1. С. 145-167.
- Каримова Г.З., Курбанов Ш.Ф., Отабоев О.Х.* Отчет о раскопках могильника бронзового века Мустафотепа в 2014 г. // Археологические работы в Таджикистане. 2019. Вып. 40. С. 81-87.
- Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А.* Древности Кайрак-кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана) / Тр. ИИ им. А. Дониша АН ТаджССР. 1962. Т. XXXIII. 408 с.
- Массон В.М.* Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб.: Изд-во фил. фак-та СПбГУ, 2006. 384 с.
- Пьянкова Л.Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника эпохи бронзы «Тигровая Балка»). Душанбе: Дониш, 1989. 256 с.
- Пьянкова Л.Т.* Генезис и периодизация памятников бронзового века в Таджикистане // Проблемы истории и культуры таджикского народа. Сб. Гиссарского заповедника. Душанбе, 1990. С. 49-66.
- Пьянкова Л.Т.* Степные компоненты в комплексах бронзового века юго-западного Таджикистана // Stratum plus. 1999. № 2. С. 286-297.
- Рузанов В.Д.* Саразмский очаг металлургии: истоки, развитие, связи (по результатам исследования химического состава металлических изделий) // Роль Саразма в формировании цивилизации Центральной Азии. Сб. статей научно-практ. конф., посвящ. 5500-летию Саразма (г. Душанбе, 12–13 мая 2020 г.). Душанбе, 2020. Вып. III. С. 43-56.
- Brunet F, Razzokov A.* Towards a New Characterisation of the Chalcolithic in Central Asia. The Lithic Industry of Sarazm (Tajikistan): the First Results of the Technological Analysis // South Asian archaeology and art 2012. Brespol, 2015. P. 49-62.
- Francfort H.P.* Sarazm in contemporary scholarship. An exceptional long distance attractiveness in late IVth mid III mill. B.C. // Роль Саразма в формировании цивилизации Центральной Азии. Сб. статей науч.-практ. конф., посвящ. 5500-летию Саразма (г. Душанбе, 12–13 мая 2020 г.). Душанбе, 2020. Вып. III. С. 5-24.

А. А. Файзуллин

Айрат Асхатович Файзуллин,
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный
педагогический университет»,
Оренбург, Россия; faizullin.airat@yandex.ru

Экономика ямной культуры Волго-Уралья и ее влияние на социальную структуру населения раннего бронзового века

Аннотация. В статье рассмотрено влияние экономики на социальную организацию населения ямной культуры Волго-Уралья. Природа, климат и полезные ископаемые определили особую специфику экономики в Волго-Уралье в бронзовом веке. Степной ландшафт и природно-климатические условия позволили населению сформировать экономическую модель подвижного скотоводческого хозяйства, которая успешно сочеталась с добычей и производством меди. Такая модель оказала заметное воздействие на социально-экономическое развитие скотоводческих племен, отразившееся в погребальном обряде.

Ключевые слова: ямная культура, экономика, кочевое скотоводство, металлургия, социальная дифференциация

Айрат Асхатович Файзуллин
Орынбор Мемлекеттік педагогикалық университеті,
Орынбор, Ресей

Еділ-Оралдың шұңқырлы мәдениетінің экономикасы және оның ерте қола дәуірі тұрғындарының әлеуметтік құрылымына әсері

Аннотация. Мақалада Еділ-Оралдың шұңқыр мәдениеті тұрғындарының әлеуметтік ұйымына экономиканың әсері қарастырылады. Табиғат, климат және пайдалы қазбалар қола дәуіріндегі Еділ-Оралдың экономикасының ерекшелігін айқындап берді. Далалық ландшафт пен климаттық жағдайлар тұрғындарға мыс өндірумен жақсы үйлескен мал шаруашылығының экономикалық моделін құруға мүмкіндік берді. Бұл модель жерлеу рәсімдерінде көрініс тапқан мал шаруашылығы тайпаларының әлеуметтік-экономикалық дамуына айтарлықтай әсер етті.

Түйін сөздер: шұңқыр мәдениеті, экономика, көшпелі мал шаруашылығы, металлургия, әлеуметтік дифференциация

Airat Fayzullin,
Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia

The economy of the Yamnaya culture of the Volga-Ural region and its influence on the social structure of the population of the early Bronze Age

Abstract. The article examines the influence of economics on the social organization of the population of the Yamnaya culture of the Volga-Ural region. Nature, climate and minerals determined the specifics of the economy in the Volga-Urals in the Bronze Age. The steppe landscape and climatic conditions allowed the population to form an economic model of mobile cattle breeding, which was successfully combined with the extraction and production of copper. This model had a noticeable impact on the socio-economic development of pastoral tribes, which was reflected in the funeral rite.

Keywords: Yamnaya culture, economy, nomadic cattle breeding, metallurgy, social differentiation

Хозяйство в первобытном обществе это, в первую очередь, поиск эффективных и рациональных способов получения пищи, что было главным стимулом для развития экономики [Массон 1976: 21]. В условиях первобытного хозяйства преимущественное развитие того или иного региона определялось конкретными экологическими условиями. В местностях, благоприятных для земледелия, не складывалось кочевничество, а скотоводство оставалось отгонным или полукочевым [Павленко 1989: 86]. Природно-климатическая характеристика Волго-Уралья определила особую роль в истории степного населения Евразии. В Евразийских степях преобладание скотоводства над земледелием уже заметно в неолите и энеолите [Массон 1971: 111; Моргунова 1995: 60; 2011: 53]. Таким образом, специфика районирования природно-климатических условий в энеолите—раннем бронзовом веке Волжско-Уральского междуречья (рис. 1) создала условия для возникновения в данном регионе специфического типа подвижного скотоводческого хозяйства [Моргунова 2014а: 256]. Эти выводы сделаны в свете комплексных исследований методами естественных наук и археологии на памятниках Южного Приуралья [Моргунова 2014а: 6; Турганикское поселение... 2017: 9].

Начало производящей экономики, прежде всего скотоводства, на юге Восточной Европы связывалось с населением ямной КИО [Мерперт 1974: 102]. Ранее считалось, что ямные племена вели присваивающее хозяйство, основанное на охоте рыболовстве и собирательстве [Круглов, Подгаецкий 1935: 141]. Но позже, на основании остеологических материалов Михайловского поселения, был показан высокий уровень развития животноводства у ямных племен [Лагодовська и др. 1962: 206]. Важную роль в решении проблемы о начале производящего скотоводческого хозяйства у населения Нижнего Поволжья оказали работы В.П. Шилова и Н.Я. Мерперта. Основываясь на остеологических материалах из погребальных комплексов Волго-Уралья, Н.Я. Мерперт показал наличие у ямных племен производящего хозяйства. Он отмечал, что в скотоводческом хозяйстве ямных племен первое место принадлежало овцеводству, а лошадь была известна ямным племенам, начиная с древнейшего этапа их развития [Мерперт 1974: 106]. В свою очередь, В.П. Шиллов делает вывод о сложении у ямных племен подвижной (кочевой) формы скотоводства с преобладанием в стаде мелкого рогатого скота, главным образом овцы [Шилов 1975: 10].

На основании археологических, палеогеографических и этнографических данных Н.И. Шишлиной был сделан вывод о кочевом характере скотоводческого хозяйства ямной культуры Прикаспийских степей. Такая система экономики, по ее мнению, способствовала росту экономического потенциала представителей ямной культуры и приводила к постепенному социальному расслоению в среде рядовых общинников [Шишлина 2000: 52].

Истоки и факторы возникновения кочевого скотоводства в ямной культуре Волго-Уралья прослежены в работах Н.Л. Моргуновой. Большое количество археологических, этнографических, естественнонаучных материалов позволили сделать вывод о развитом многокомпонентном скотоводческом хозяйстве ямной культуры Волго-Уралья. Она считает, что природно-климатические условия, переход к производящему хозяйству в энеолите, состав стада, необходимые технические средства и знания явились решающими факторами формирования и развития кочевничества как наиболее рентабельной формы экономики в степной зоне Волжско-Уральского региона, начиная с раннего бронзового века [Моргунова 2017: 66].

Появление подвижного скотоводческого хозяйства коренным образом повлияло на социальную жизнь ямного общества. Население ямной культуры начало осваивать широкие степные пространства и быстро накапливать прибавочный продукт, что, в свою очередь, вело к социальной неоднородности и появлению административной системы в виде лидеров-вождей (рис. 2). В процессе освоения степи появилась необходимость в распределении пастбищ и организации перекочевков, что значительно повышало организационную роль лидеров. В связи с тем, что скот

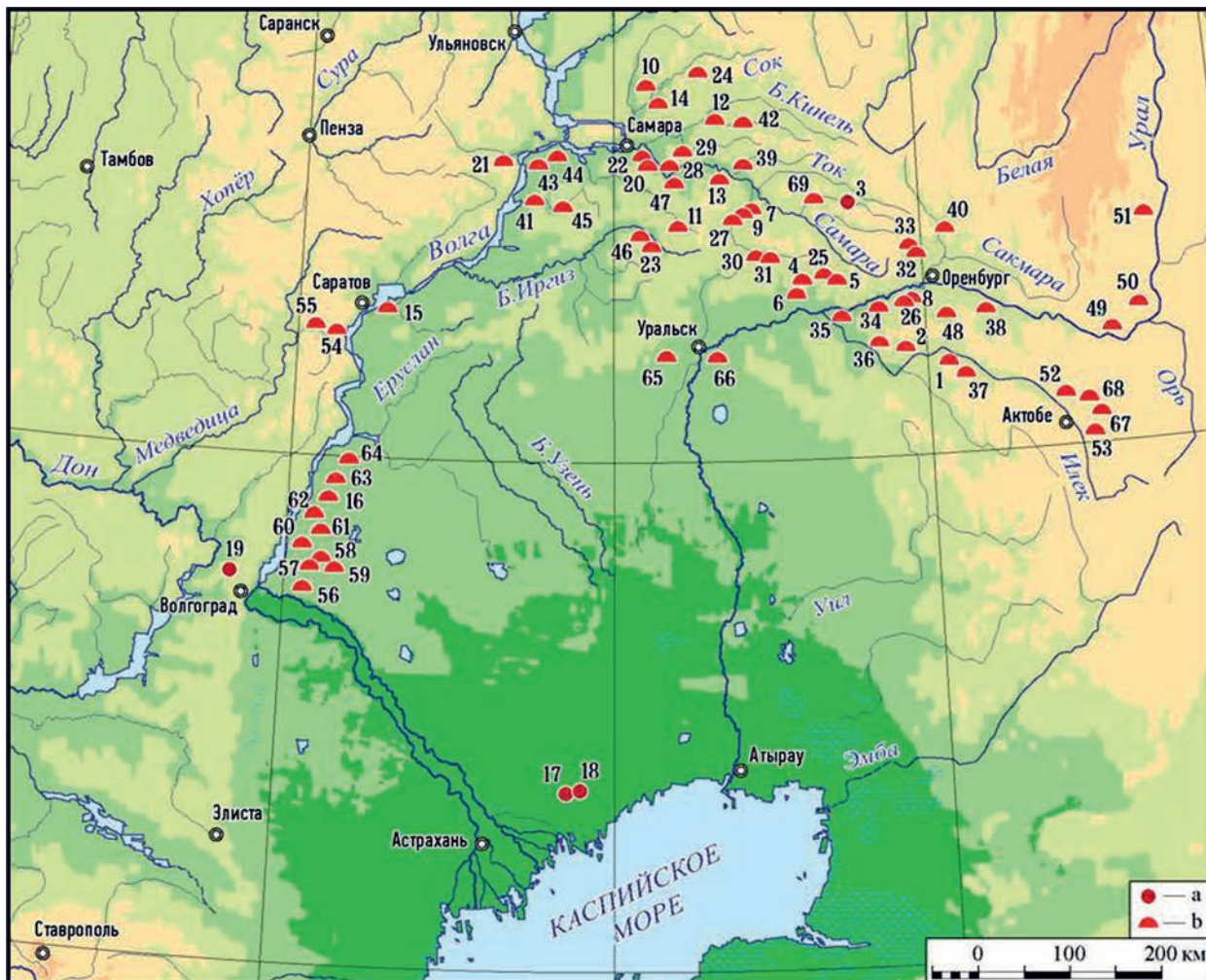

Рис. 1. Памятники ямной культуры Волжско-Уральского междуречья: 1 — Тамар-Уткуль VII, VIII; 2 — Изобильное I, II; 3 — пос. Турганикское; 4 — Шумаево; 5 — Мустаево V; 6 — Болдырево I, IV и Трудовое II; 7 — Скворцовка; 8 — Нижняя Павловка V; 9 — Петровка; 10 — Лопатино I, II; 11 — Орловка I; 12 — Полудни II; 13 — Гвардейцы II; 14 — Грачевка II (Самарская обл.); 15 — Шумейка; 16 — Скатовка; 17 — пос. Кызыл-Хак I; 18 — пос. Кызыл-Хак II; 19 — пос. Репин Хутор; 20 — Нур I; 21 — Уваровка II; 22 — Подлесное I; 23 — Журавлиха I; 24 — Калиновка I (Самарская обл.); 25 — Герасимовка II; 26 — Пятилетка; 27 — Курманаевка III; 28 — Красносамарское I—IV; 29 — Кутулук I; 30 — Ефимовка IV; 31 — Свердлово I; 32 — Уранбаш; 33 — Першин; 34 — Краснохолм II, Кардаилово I—II; 35 — Илекский; 36 — Линевка III; 37 — Увак; 38 — Буранчи I; 39 — Колтубанка; 40 — Новотроицкий I (Октябрьский); 41 — Екатериновка; 42 — Березняки; 43 — Кашпир II—III; 44 — Преполовенка I; 45 — Владимировка; 46 — Тамбовка II; 47 — Утевка I, Покровка II; 48 — Донгуз II; 49 — Новотроицкий I (Гайский); 50 — Ишкиновка I—II; 51 — Мало-Кизильский II; 52 — Танаберген II; 53 — Жаман-Каргала I; 54 — ОК Паницкое 6Б; 55 — Золотой Курган; 56 — Верхне-Погромное; 57 — Калиновский (Волгоградская обл.); 58 — Хутор Степана Разина; 59 — Быково I—II; 60 — Политотдельское; 61 — Бережновка I—II; 62 — Иловатка; 63 — Ровное; 64 — Старая Полтавка; 65 — Светлое Озеро; 66 — Элекшар I; 67 — Шандар; 68 — Курайли I; 69 — Грачёвка (Оренбургская обл.).
Условные обозначения: а — поселения; б — могильники

Рис. 2. Погребальный обряд и инвентарь в монументальных комплексах ямной культуры Волго-Уралья: 1 – КМ Болдырево 1/1; 2 – КМ Утевка 1/1; 3 – КМ Барышников 6/3

является легкоотчуждаемым имуществом, то возникала экономическая необходимость в защите пастбищ и скота, что в свою очередь упрочняло военно-политическое значение лидеров. Археологические данные подтверждают наличие военных столкновений в степях Восточной Европы [Мерперт 1978: 58; Стеганцева 2005: 28; Файзуллин А.А. 2014а: 70; Попович 2015: 162]. Само появление курганного обряда, вероятно, носило важную социально-экономическую функцию и связано с обозначением наиболее благоприятных пастбищных угодий [Гей 2018: 31], с одной стороны, и важного культового сооружения, с другой [Моргунова 2014а]. Строительство курганов требовало значительных усилий большого коллектива и необходимого прибавочного продукта от скотоводческого хозяйства. Именно поэтому на развитом этапе ямной культуры Волго-Уралья появляются монументальные курганные комплексы в бассейнах самых крупных рек Урал и Волга [Моргунова, Файзуллин 2020: 47–54].

Наряду с подвижным скотоводством важной составляющей трансформации социальных процессов явилось появление новой отрасли экономики – металлургии.

Металлургия считается одним из важнейших достижений человечества, вызвавших целый переворот в характере производительных сил и открывших новые возможности для развития хозяйства и социальных отношений [Шнирельман 1988: 56]. Металлургия ямной культуры развивалась в рамках Циркумпонтийской металлургической провинции, заметную роль в которой на территории Волго-Уралья играл Приуральский очаг металлургии [Черных 1970: 106; Рындина, Дегтярева 2002: 109; Моргунова 2014а: 294]. По мнению Н.Л. Моргуновой, разработки на Каргалинском месторождении впервые были начаты представителями ямной культуры на раннем (репинском) этапе [Моргунова 2014а: 294]. Данный вывод подтверждается спектральным анализом медных изделий из погребения КМ Герасимовка II 4/2 [Дегтярева 2003: 363], которое датируется репинским этапом. Об уровне развития приуральского очага можно судить на основании типологии металлических изделий Каргалинского горно-металлургического центра [Моргунова 2014а: 298]. Концепция Н.Л. Моргуновой подтверждается результатами металлографического анализа, который был выполнен А.Д. Дегтяревой [Дегтярева 2003: 363; 2010: 57]. Результаты трасологического анализа на Турганинском поселении также свидетельствуют о начале функционирования приуральского очага металлургии и металлопроизводства на раннем (репинском) этапе ямной культуры. Подавляющее число изделий в слое раннего бронзового века связано с металлургией и металлообработкой. При этом среди изделий этого класса представлены орудия для всех этапов металлургического производства – от получения металла из руды до завершения оформления готового медного изделия [Моргунова и др. 2021: 11–31]. Других поселенческих памятников ямной культуры в данном регионе не обнаружено. Это связано с тем, что представители ямной культуры не имели стационарных поселений и вели кочевой образ жизни. Но для организации металлургического производства необходимы были такие производственные площадки, как Турганинское поселение. Возможно, с развитием металлургии такую стратегию использовали и представители срубной и андроновской культурно-исторической области [Ткачев 2020: 116–127; Файзуллин И.А. 2020: 140–143].

Освоение ямными племенами медного производства явилось мощным катализатором для экономики скотоводческих племен. Наличие колес в погребальных комплексах Приуралья (Герасимовка 7/1, Шумаево II 6/6, ОК Шумаево II/2) или их имитация (Изобильное I 3/1) свидетельствует о том, что население ямной культуры Волго-Уралья знало и использовало колесный транспорт для длительных передвижений в степи [Моргунова 2014а: 289]. Изготовление сложных изделий из дерева, необходимых для скотоводческого хозяйства и быта, было возможным только при наличии развитого плотницкого дела и специальных инструментов из металла (рис. 3). Они были найдены в погребениях ремесленников, а также в захоронениях лидеров [Моргунова, Файзуллин 2018].

Рис. 3. Производственный инвентарь в погребениях и на Турганикском поселении: литейные формы 1–2 – КМ Першин 1/4; 3 – КМ Изобильное 6/1; 4–6 – Турганикское поселение; 7–9 – КМ Пятилетка 5/2; 10–16 – КМ Тамар-Уткуль VII 8/4

Наряду с деревообработкой продукты металлургии могли использоваться для обработки шкур и в качестве – важных для скотоводческого хозяйства направлений производства. Шерсть и кожа могли использоваться для шитья одежды, шапок, подушек, а также изготовления покрывал и подстилок [Моргунова 2014а: 290]. Широкое использование данных органических материалов в погребениях ямной культуры Приуралья подтверждено микробиоморфным анализом [Моргунова и др. 2003: 203; 2010: 55].

В погребальных комплексах обнаружено различное оружие из меди и бронзы: ножи-кинжалы, топоры, наконечники копий. По мнению Ю.В. Павленко, до появления металлургии качество военного снаряжения разных народов существенно не отличалось. В последующие периоды победить большие шансы имели те, кто обладал оружием из металла и высококачественной боевой техникой [Павленко 1989: 97]. Металлическое оружие, таким образом, способствовало эффективной защите пастбищ и скота, а также нападению на сопредельные регионы с целью захвата территории и движимого имущества.

Мирный характер, видимо, был связан с обменом, который был также неразрывно связан с металлургией. Археологические данные свидетельствуют о влиянии технологий и распространении металла Приуральского очага металлургии в другие, соседние регионы. Так Н.Л. Моргунова считает, что технологии и металл Приуралья проникали в Подонье, Среднее и Верхнее Поволжье, также Волго-Камье [Моргунова 2010: 189; 2014а: 312]. Под влиянием ямных групп на Алтае возникает собственный очаг металлургии и металлообработки [Моргунова 2014б: 11]. Артефактами также подтверждено проникновение ямного населения в Притоболье [Потемкина, Дегтярева 2008: 36]. Нельзя также полностью отрицать влияние кавказских традиций в металлургии, не исключая обратного влияния из Волго-Уралья на кавказские металлоносные культуры [Моргунова 2014а: 310].

Сама добыча медной руды и производство медных орудий и оружия оказывало огромное влияние на социальные отношения скотоводческого общества. Эти изменения отражены в погребальных комплексах ямной культуры Приуралья, где количество изделий из металла в разы больше, чем на территории Средней и Нижней Волги. Медные изделия именно в погребениях Приуральской группы часто встречаются наборами из нескольких предметов (Тамар-Уткуль VII 8/4, Увак 12/4, Болдырево 1/1, КМ у хут. Барышников 6/3, Колтубанская находка). Концентрация в погребениях большого количества медных изделий в данном регионе – прямая связь с разработками Каргалинского горно-металлургического центра. Эффективность такого сложного производства, как добыча и обработка металла, требовали организации, в роли которой выступали лидеры общины. Они контролировали ход работ и осуществляли распределение продуктов труда. Металл в погребениях ямной культуры становится маркером для определения социального статуса [Faizullin 2019: 127–133]. Поэтому на развитом этапе ямной культуры в захоронениях лидеров [Файзуллин А.А. 2017; Моргунова, Файзуллин 2018], во-первых, присутствует набор предметов, а, во-вторых, они являются разными по функциональному предназначению (орудия труда, оружие, украшения и предметы культа). Производство же металла в ямной культуре, со временем, стало привилегией отдельной социальной группы, погребения которых маркируются литейными формами (КМ Изобильное 6/3, КМ Першин 1/4). Нахождение литейной формы в погребении подростка КМ Першин 1/4 возможно свидетельство того, что профессия металлурга могла передаваться по наследству [Файзуллин А.А. 2014б: 518].

Таким образом, комплексная экономическая модель населения ямной культуры (скотоводство и металлургия) создала условия для развития социальной стратификации в обществе и появления сложной иерархической системы. Климатические условия позволили осваивать ши-

рокие степные пространства с помощью подвижной формы скотоводства, которая способствовала быстрому накоплению прибавочного продукта. Курганные монументальные погребальные комплексы лидеров маркировали выгодные пастбищные угодья, которые находились в поймах крупных рек Волги и Урала. Добыча медной руды и производство медных орудий и оружия также оказывали огромное влияние на особенности развития социальных отношений ямного общества. Концентрация в погребениях большого количества медных изделий в Приуральском регионе объясняется связью с Каргалинским горно-металлургическим центром.

ЛИТЕРАТУРА

- Гей А.Н. Курганный обряд ранних скотоводческих культур евразийских степей: сложение и смысловое значение // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века: сб. трудов / Отв. ред. М.В. Андреева. М.: ИА РАН, 2018. С. 11-37.
- Дегтярева А.Д. Металлические изделия ямной культуры Южного Приуралья // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ, 2003. С. 359-377.
- Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
- Круглов А.П., Подгаецкий Г.Е. Родовое общество степей Восточной Европы // ИГАИМК. Вып. 119. М.-Л.: ОГИЗ, 1935. 176 с.
- Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. Київ: АН УРСР, 1962. 248 с.
- Массон В.М. Поселение Джейтун (Проблема становления производящего хозяйства) // МИА. Вып. 180. М.: Наука, 1971. 208 с.
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976. 191 с.
- Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 261 с.
- Мерперт Н.Я. О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978. С. 55-63.
- Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: Южный Урал, 1995. 222 с.
- Моргунова Н.Л. К вопросу о синхронизации и культурных связях культур энеолита и раннего бронзового века степного-лесостепного Поволжья и Приуралья с культурами лесной зоны Волго-Камья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: сб. статей / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: Офорт, 2010. С. 184-193.
- Моргунова Н.Л. Энеолит Волго-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 220 с.
- Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014а. 348 с.
- Моргунова Н.Л. О характере культурного взаимодействия населения ямной культуры степного Волго-Уралья и Афанасьевской культуры Алтае-Саянского региона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014б. № 3 (26). С. 4-13.
- Моргунова Н.Л. Истоки и факторы возникновения кочевого скотоводства в степях Волжско-Уральского междуречья в раннем бронзовом веке // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ОГАУ, 2017. Вып. 13. С. 50-69.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: ОГПУ, 2010. 160 с.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Халяпин М.В., Хохлов О.С. Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ, 2003. 392 с.
- Моргунова Н.Л., Горащук И.В., Файзуллин А.А. Результаты трассологического анализа каменных и костяных орудий Турганинского поселения // Археологические памятники Оренбуржья / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2021. Вып. 15. С. 11-31.
- Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А. Социальная структура ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Stratum plus. 2018. № 2. С. 35-60.

- Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А. Монументальные курганы ямной культуры Волго-Уральского междуречья (социологический аспект) // VI Нижневолжская междунар. археол. науч. конф. «Волго-Уральский регион от древности до средневековья» (г. Волгоград, 11–15 мая 2021 г.) / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2020. С. 47-54.
- Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества. Генезис и пути развития. Киев: Наукова думка, 1989. 288 с.
- Попович С.С. Памятники ямной культуры в нижней части среднего течения Рэута в лесостепной Молдове // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 13. Одесса: СМЛ, 2015. С. 159-163.
- Потемкина Т.М., Дегтярева А.Д. Металл ямной культуры Притобольшья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 8. С. 13-89.
- Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век. М.: МГУ, 2002. 226 с.
- Стеганцева В.Я. Оружие дальнего и среднего боя ранней и средней бронзы в степной части Восточной Европы // Снаряжение кочевников Евразии: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Алтайский ун-т, 2005. С. 28-32.
- Ткачев В.В. Трансграничная зона срубной и алакульской культур в степном Приуралье: физико-географический и горно-металлургический аспекты // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С. 116-127.
- Турганикское поселение в Оренбургской области: монография / Н. Л. Моргунова [и др.] ; под общ. ред. Н.Л. Моргуновой. Оренбург: ОГАУ, 2017. 300 с.
- Файзуллин А.А. Воинство в обществе ямной культуры Волго-Уральского междуречья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014а. Вып. 11. С. 70-76.
- Файзуллин А.А. К вопросу о мире детства в ямной культуре Волго-Уралья // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I. 2014б. С. 516-519.
- Файзуллин А.А. Погребения вождей в ямной культуре Волго-Уралья // Известия Самарского научного центра РАН. 2017. Т. 19, № 3 (2). С. 389-397.
- Файзуллин И.А. Хозяйство степного населения в позднем бронзовом веке на территории Оренбургского Предуралья // Экология древних и традиционных обществ: м-лы VI Междунар. науч. конф. (г. Тюмень, 2–6 ноября 2020 г.) / Отв. ред. Н.П. Матвеева, Н.Е. Рябогина. Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН, 2020. Вып. 6. С. 140-143.
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. 1970. Серия: МИА СССР. № 172. 180 с.
- Шилов В.П. Очерки по истории древних племен нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. 170 с.
- Шишлина Н.И. К вопросу о сезонной системе использования пастбищ носителями ямной культуры Прикаспийских степей в III тыс. до н.э. // Сезонный экономический цикл населения северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. Труды ГИМ. Вып. 120. М.: ГИМ, 2000. С. 43-53.
- Шнирельман В.А. Производственные предпосылки разложения первобытного общества // История первобытного общества. Эпоха классовобразования / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1988. С. 5-139.
- Airat Faizullin. Metal items in the Volga-Ural Pit Grave culture burial rituals as indicator of the social significance of the buried person // Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. Proceedings of 6th Geoarchaeological Conference, Miass, Russia, 16–19 September 2019. P. 127-133.

**А. В. Борисов,
Р. А. Мимоход**

Александр Владимирович Борисов,
Институт физико-химических и
биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пущино, Россия; a.v.borisovv@gmail.com
Роман Алексеевич Мимоход,
Институт археологии РАН,
г. Москва, Россия; mimokhod@gmail.com

Климатические изменения на рубеже средней – поздней бронзы и их влияние на общества древних скотоводов пустынно-степной зоны*

Аннотация. В статье рассмотрены результаты исследований химических и биологических свойств погребенных почв эпохи средней – поздней бронзы пустынно-степной зоны Волго-донского междуречья. Результаты изучения подкурганых палеопочв, погребенных около 4500–4200 лет назад, свидетельствуют об увеличении засоления почв с одновременным увеличением микробной биомассы и количества клеточек, разлагающих растительные остатки. Засоление почв пустынных степей зависит от количества осадков, выпадающих в холодное время года. Снеготаяние обеспечивает глубокое промачивание почвы и вымывание токсичных солей. Летние осадки не влияют на ее общие химические свойства. В то же время состояние почвенных микробных сообществ зависит от весенне-летнего увлажнения. Чем больше осадков выпадает за вегетационный период, тем больше фитомасса и больше растительных остатков поступает в почву, вызывая увеличение микробной биомассы. Таким образом, в финале средней бронзы и в посткатакомбное время в пустынных степях юго-востока Русской равнины имело место сокращение зимних осадков и увеличение влагообеспеченности теплого времени года, что создавало благоприятные условия для обществ древних скотоводов, специализировавшихся на разведении МРС. Увеличение количества зимних осадков в период гумидизации климата в эпоху поздней бронзы практически полностью исключило возможность зимнего выпаса скота, что привело к резкому сокращению населения в пустынных степях.

Ключевые слова: пустынно-степная зона, эпоха средней и поздней бронзы, курганы, погребенная почва, палеоклимат

Александр Владимирович Борисов,
РФА Топырақтану физика-химиялық және
биологиялық мәселелері институты,
Пущино қ., Ресей
Мимоход Роман Алексеевич
РФА Археология институты, Мәскеу қ., Ресей

Орта-соңғы қола дәуірінің тоғысындағы климаттық өзгерістер және олардың шөлді дала аймағының ежелгі малшылар қоғамына әсері

Аннотация. Мақалада Еділ-Дон өзенаралығының шөлді-дала аймағындағы орта-соңғы қола дәуірінің жерлеу топырақтарының химиялық және биологиялық қасиеттерін зерттеу нәтижелері қарастырылған. Шамамен 4500–4200 жыл бұрын жерленген оба асты топырағын зерттеудің нәтижелері өсімдік қалдықтарының бұзылуы, бір уақыттағы микробтық биомасса мен клеткалардың санының өсуі топырақтағы

тұздың көбеюін көрсетеді. Шөлді далалардағы топырақтың сортаңдануы суық мезгілде түсетін жауын-шашын мөлшеріне байланысты. Қардың еруі топырақтың терең сулануын және улы тұздардың шайылуын қамтамасыз етеді. Жазғы жауын-шашын оның жалпы химиялық қасиеттеріне әсер етпейді. Сонымен қатар топырақтың микробтық қауымдастығы көктемгі-жазғы ылғалға байланысты. Вегетациялық кезеңде жауын-шашын неғұрлым көп түссе, соғұрлым фитомасса және өсімдік қалдықтары топыраққа көбірек түсіп, микроб биомассасының көбеюіне әкеледі. Осылайша, орта қола дәуірінің соңында және катакомбадан кейінгі кезеңде Ресей жазығының оңтүстік-шығысындағы шөлді далаларда қысқы жауын-шашынның азаюы және жылдың жылы мезгіліндегі ылғалдың жоғарылауы, ұсақ мал өсіруге маманданған ежелгі малшылар қоғамына қолайлы жағдай жасады. Соңғы қола дәуіріндегі климаттың гумидизация кезеңінде қысқы ылғал мөлшерінің артуы қыста мал жаю мүмкіндігін толығымен жойып, шөлді далада тұрғындардың күрт азаюына алып келді.

Түйін сөздер: шөлді-далалық зона, орта және кейінгі қола дәуірі, обалар, жерлеу топырағы, палеоклимат

Alexander Borisov,

Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science RAS,
Pushchino, Russia

Roman Mimokhod,

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

Climatic changes at the turn of the Middle – Late Bronze Age and their impact on the societies of ancient pastoralists of the desert-steppe zone

Abstract. The article discusses the results of studies of the chemical and biological properties of buried soils of the Middle-Late Bronze Age in the desert-steppe zone of the Volga-Don interfluvium. The results of the study of paleosoils under mounds buried about 4500–4200 years ago indicate an increase in soil salinity with a simultaneous increase in microbial biomass and the number of cells that decompose plant remains. Salinization of soils of desert steppes depends on the amount of precipitation falling during the cold season. Snow melting provides deep wetting of the soil and washing out of toxic salts. Summer precipitation does not affect its general chemical properties. At the same time, the state of soil microbial communities depends on spring-summer moisture. The more precipitation falls during the growing season, the more phytomass and more plant residues enter the soil, causing an increase in microbial biomass. Thus, in the end of the Middle Bronze Age and in the post-Catacomb period, in the desert steppes of the southeast of the Russian Plain, there was a decrease in winter precipitation and an increase in the moisture supply of the warm season, which created favorable conditions for the societies of ancient pastoralists who specialized in breeding small cattle. An increase in the amount of winter precipitation during the period of climate humidization in the Late Bronze Age almost completely excluded the possibility of winter grazing, which led to a sharp decrease in the population in the desert steppes.

Keywords: desert-steppe zone, Middle and Late Bronze Age, barrows, buried soil, paleoclimate

С того момента, как погребенные почвы курганов стали объектом изучения генетического почвоведения, в вопросах эволюции почв произошел переход на качественно новый уровень. Оказалось, что подкурганные почвы обладают рядом уникальных свойств, которые делают их незаменимыми в эволюционных исследованиях. Это, в первую очередь, их распространение. По самым предварительным оценкам на территории степной и лесостепной зоны насчитываются сотни тысяч курганов. Второе – сохранность исходных свойств. Мощность насыпи оказывалась, как правило, достаточной для надежной консервации погребенных почв, исключающей проникновение влаги и растительных остатков. В результате в погребенных почвах оставался в исходном состоянии целый спектр свойств, отражающих условия почвообразования на момент создания насыпи. Таким образом, каждую погребенную почву можно рассматривать как некий временной срез, отдельный кадр эволюции данного почвенного тела. Серии разновозрастных погребенных почв, вскрываемых при раскопках одного курганного могильника, известные как хроноряды погребенных почв, открывают четвертое измерение исследований и позволяют раскрыть динамику эволюционных процессов.

Практически одновременно с первыми успехами в области эволюции почв возникло понимание, что, в случае однотипности всех факторов почвообразования, различия между почвами внутри хроноряда обусловлены, прежде всего, климатом, существовавшим на момент создания кургана. Так сформировалось еще одно направление научного поиска – реконструкция динамики климата на основе палеопочвенных данных [Иванов 1978; Иванов и др. 1978; Демкин и др. 1988: 15-16].

За первыми глубокими почвенно-археологическими работами наметился не так заметный тогда, но фундаментально значимый тренд на смену парадигм исследования и переход к вопросам экологии древних обществ и взаимодействие общества со средой обитания, включая почвы и климат. Иными словами, наметился переход от палеоклиматических к палеоэкологическим исследованиям. До появления палеоэкологических реконструкций, основанных на почвенных данных, единственным выходом на климатические реконструкции для археологов долгое время оставался спорово-пыльцевой анализ – сложный, дорогостоящий, мало распространённый и, следовательно, не способный удовлетворить растущие археологические потребности. С приходом палеопочвенных реконструкций открылась возможность получения относительно недорогого, быстрого, надежного источника информации о климате прошлого в данном конкретном месте и времени.

Основные работы и основные достижения в области изучения погребенных подкурганых почв связаны со степной зоной, где основной отраслью древней и современной экономики было и является скотоводство. Критически важным аспектом для выживания древних обществ было обеспечение стада кормовой базой, поэтому именно через эту призму следует рассматривать освоение степей в древности.

В годовом цикле древних скотоводов было два неравнозначных по кормовой емкости пастбищ периода – летний и зимний. Как правило, летний период был менее опасным с точки зрения обеспечения скота кормом. Даже в периоды очень сильных засух в степи оставались участки, где сохранялся растительный покров. В первую очередь, это длины рек. Нами установлено, что этому способствовал более глубокий уровень разгрузки грунтовых вод, большая обводненность балочной сети, проточность рек и, как следствие, наличие крупного разнотравья по берегам, которое не выгорало в летний период, что позволяло обеспечить скот кормом и водопоем даже на пике засухи. Так, при раскопках курганов эпохи средней бронзы на низкой надпойменной террасе р. Джурак-Сал (пустынно-степная зона, Сальско-Маньчская гряда) нами было показано, что погребенные почвы не несли признаков влияния засоленных грунтовых вод, что дает основания предполагать, что уровень грунтовых вод был ниже современного на 3–5 м [Демкина и др. 2019]. Таким образом, более глубокий врез балок и их обводненность обеспечивали определенный кормовой минимум в летний период как в сухостепной зоне, так и в пустынной степи.

Более сложным для выживания обществ древних скотоводов является зимний период. По условиям обеспеченности кормами в зимний период степную зону юго-востока Русской равнины и Предкавказья можно разделить на две крупные природно-географические области: пустынную степь со светло-каштановыми и бурыми почвами и сухую степь с каштановыми почвами. Принципиальным отличием этих двух областей является наличие в растительном покрове древесных и кустарников, пригодных для использования в качестве грубых кормов.

Высота снегового покрова определяет возможность тебеневки в обеих областях: чем толще слой снега, тем ниже эффективность тебеневки; и в определенный момент содержание скота на подножном корму становится невозможным. В сухостепной зоне благодаря менее континентальному климату и наличию разветвленной гидрографической сети открывается возможность зимнего выпаса скота по балкам и долинам рек. В этих местах широко распространены старицы, озера,

ерики, которые, наряду с близким залеганием грунтовых вод, обеспечивают условия для роста древесных и кустарников, а также камыша, тростника, крупного, не засыпаемого снегом разнотравья (последние растут и в пустынно-степной зоне, но там, зачастую, они оказываются в значительной мере стравлены в летний период). Таким образом, долины рек и балки выступают в качестве кормовой базы, обеспечивающей скот грубыми кормами в зимний период при высоком уровне снегового покрова. Но в сухостепной зоне еще одним фактором, ограничивающим возможности зимнего выпаса скота, является ледяная корка на поверхности снега и обледенение травы. Эти явления наблюдаются здесь чаще, чем в пустынно-степной зоне и потенциально могут существенно увеличивать количество невыпасных дней.

В сухостепной зоне лишь в годы с экстремально зимними осадками, когда высота снега исключает возможность перегона скота, выживание обществ древних скотоводов оказывалось под угрозой. Но если здесь такие периоды довольно редки и непродолжительны, так как снег быстро сдувается с наветренных склонов, открывая возможность пастбы, то северо-западнее, в лесостепи, это обычное явление. На севере степной зоны и лесостепи в силу более частого проникновения циклонов чаще возникает и ледяная корка на поверхности снега. Скот в этих условиях ранит ноги и не может двигаться на протяжении нескольких дней. Поэтому на северо-западе сухостепной зоны и в лесостепной зоне обязательным условием выживания в зимний период являлась возможность запасания грубых кормов.

Это полностью подтверждается археологическими данными. В бронзовом веке серпы, которые использовались для заготовки кормов, как системное явление появляются только в начале поздней бронзы, когда в стаде полностью доминирует крупный рогатый скот [Дергачев, Бочкарев 2002]. Сделаны эти орудия из бронзы. До этого времени серповидные орудия единичны. Кремневые вкладыши для настоящих серпов хорошо известны на Северном Кавказе для всего бронзового века, но там этот феномен связан не столько с заготовкой кормов, сколько с земледелием. Показательна локализация находок металлических серпов ПБВ: подавляющее большинство из них находится именно в лесостепной зоне и в южном пограничье с ней, т. е. именно там, где есть возможность заготовки грубых кормов на корм скоту в невыпасные дни в зимний период.

В пустынно-степной зоне гидрографическая сеть развита значительно слабее, нет древесных и кустарниковых, что исключает возможность заготовки грубых кормов. В этой ситуации увеличение количества осадков в зимний период приводит к возрастанию количества невыпасных дней, ослаблению и падежу скота, вплоть до гибели всего стада и, как следствие, - гибели общества.

Таким образом, доступность грубых кормов в зимний период является определяющим фактором выживания обществ древних скотоводов. По этому показателю в степной зоне можно выделить три подзоны (рис. 1): 1 – пустынно-степная зона (грубые корма отсутствуют); 2 – сухостепная зона (грубые корма только в гумидные периоды); 3 – степь и лесостепь (достаточная обеспеченность грубыми кормами). В тех регионах, где нет возможности запасания грубых кормов на невыпасной период, выживание древних обществ было полностью детерминировано природными условиями холодного времени года.

Однако, для более глубокого понимания систем жизнеобеспечения обществ древних скотоводов необходима реконструкция годового хода осадков. Для этого необходимо определиться с сущностью терминов «аридизация» и «гумидизация» в степной зоне. Нами установлено, что традиционные почвенные признаки аридизации, такие как уменьшение мощности гумусового горизонта и сокращение запасов гумуса, эрозионные процессы, засоление, окарбонирование почв, уменьшение величины магнитной восприимчивости и др. зависят от количества зимних осадков. Чем больше осадков зимой, тем сильнее промачивается почва весной, вымываются токсичные соли, создается влагозапас, обеспечивающий рост растений и накопление гумуса.

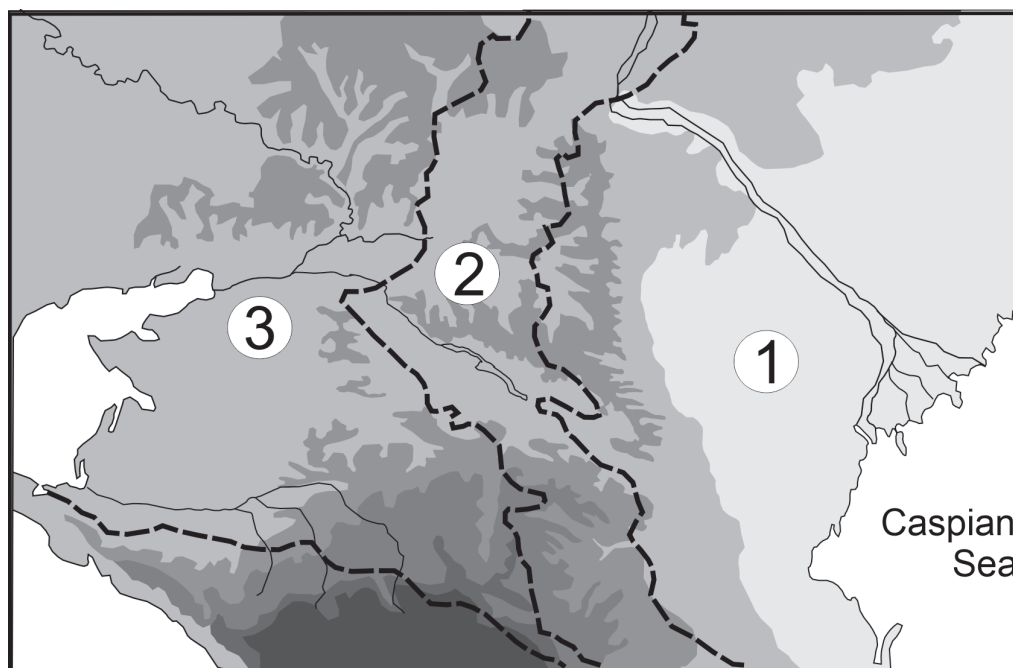

Рис. 1. Ареалы обеспеченности грубыми кормами: 1 – пустынно-степная зона; 2 – сухостепная зона; 3 – степь и лесостепь

Таким образом, при мягком климате с обильными снегопадами и дождями зимой в почве проявляются все признаки гумидизации. Это наблюдается при ослаблении зимнего антициклона и более частом проникновении в степь циклонов. В такие периоды наблюдается частые оттепели, дожди, туманы, за которыми следуют периоды похолодания и связанные с этим метели, гололед, обледенение травы, формирование ледяной корки и увеличение мощности снегового покрова. В этих условиях увеличивается число невыпасных дней и, как следствие, болезни и ослабление скота вплоть до полной потери стада, за которым следует гибель населения. Но в палеопочвенных и палинологических архивах этот период будет соответствовать экологическому оптимуму [Борисов, Мимоход 2017].

Напротив, аридизация климата в степи выражается в сокращении количества осадков в холодное время года. В условиях мощного азиатского антициклона зимой устанавливается холодная сухая погода с малой мощностью снегового покрова или его полным отсутствием. В почве при этом накапливаются соли; в отсутствие зимней влагозарядки наблюдается весенняя засуха, сокращаются запасы гумуса, появляются свидетельства эрозии и дефляции – классический набор признаков, отражающих аридизацию климата. Но именно в такие периоды, которые ранее рассматривались как палеоэкологические кризисы, в условиях бесснежных холодных зим создаются условия для зимнего содержания скота – основы экономики древних обществ.

Таким образом, в периоды аридизации в степи, несмотря на суровые, в целом, условия и низкую кормовую емкость пастбищ, создавались условия для выживания обществ древних скотоводов и, напротив, в периоды известных палеоэкологических оптимумов и гумидизации климата выживание населения ставилось под угрозу. В первую очередь это относится к пустынно-степной зоне. И причиной тому было отсутствие возможностей для зимнего выпаса скота.

Наиболее сложной проблемой оказалась реконструкция влагообеспеченности летнего периода. Как известно, традиционные методы палеоэкологических реконструкций – палеопочвенный и споровый – не имеют возможности реконструировать летние осадки в

сухих и пустынных степях. В этих областях летние осадки непродуктивны: почва промачивается на глубину не более 5–7 см; соли не вымываются из почвенного профиля, а в составе фитоценозов не происходит кардинальных изменений. Но, летние осадки имеют важное значение для обществ древних скотоводов. Нами впервые показано, что в периоды аридизации летние осадки могут поддерживать растительный покров от летнего выгорания, обеспечивая поступление в почву больших объемов растительного опада, что, в свою очередь, вызывает рост микробной биомассы почв. Поэтому, высокая микробная биомасса в погребенных почвах, наряду с увеличением доли микроорганизмов, специализирующихся на разложении растительных остатков, являются показателями увеличения нормы летних осадков. Отметим, что в такие периоды отмечался и рост значений магнитной восприимчивости как следствие оптимизации условий для всех типов почвенных микроорганизмов, в том числе и бактерий-железоредукторов, отвечающих за синтез биогенного магнетита [Khomutova et al. 2019].

На основании разработанного нами подхода к реконструкции годового хода осадков, удалось получить детальную информацию о климатическом фоне установить степень экологического детерминизма развития древних обществ степной зоны.

Эпоха ранней бронзы в степной зоне совпала с периодом довольно мягкого климата. Почвы эпохи энеолита и ямного времени имели хорошо выраженный гумусовый горизонт с высоким содержанием гумуса, но близкое к поверхности залегание солевого горизонта и высокую засоленность, на фоне высоких значений микробной биомассы. Это свидетельствует о малоснежных мягких зимах и высоких нормах осадков в летний период. В составе стада доминировал крупный рогатый скот (КРС), второе место занимал мелкий рогатый скот (МРС).

Эпоха средней бронзы началась в тех же климатических условиях, что и ямное время. Первые признаки аридизации климата отмечены в XXVIII–XXVII вв. до н.э. Дальнейшей общей тенденцией климатических изменений в это период было усиление континентальности климата: зимы становились все более холодными и сухими. При отсутствии снегового покрова не происходило весенней влагозарядки почвы, создавались условия для весенних засух. Это приводило к общему сокращению кормовой базы и обуславливало рост доли мелкого рогатого скота в составе стада. Процесс этот проходил постепенно. Если на развитом этапе средней бронзы КРС составлял заметный удельный вес 30–40%, то в финале средней бронзы он составлял не более 20%, причем только в культурах северной степи и в лесостепи. У культур на территории сухостепной и пустынно-степной зоны мелкий рогатый скот полностью доминировал. Поселения здесь отсутствуют, а находки костей КРС в погребениях единичны и составляют всего 0,1% от всех комплексов с костями животных. Причем, такие памятники тяготеют к предгорной зоне.

В Предгорьях Северного Кавказа в культурах финала среднего бронзового века в погребениях кости КРС представлены в одинаковых пропорциях с костями МРС. В этом регионе на протяжении всей эпохи бронзы соотношение КРС и МРС менялось незначительно, и в экономике, наряду со скотоводством, заметную роль играло земледелие.

В конце III тыс. до н.э. аридизация климата в степной зоне, вызванная снижением количества зимних осадков, достигла своего пика. Этот период ранее рассматривался как палеоэкологический кризис. При этом оставался нерешенным вопрос: каким образом на фоне прогрессирующей аридизации удавалось выживать посткатакомбным культурным группам, практически полностью заселившим всю территорию степи? Ответ на этот вопрос был получен в ходе наших исследований, когда был разработан и апробирован описанный выше методический подход, позволяющий реконструировать годовой ход осадков.

Установлено, что в погребенных почвах, перекрытых курганной насыпью, на пике аридизации в конце III – начала II тыс. до н.э. микробная биомасса превышала показатели современной почвы,

а в ее структуре преобладали бактерии и грибы, разлагающие растительные остатки. Эти признаки убедительно свидетельствуют о значительных объемах растительных остатков, поступавших в почву в тот период. В степной зоне такое возможно только при частых летних осадках, которые не способны изменить химические свойства почв, но поддерживают рост растений в период летней засухи. Таким образом, в финале среднего бронзового века и в посткатакомбный период в степи, несмотря на общую суровость условий выживания, для обществ древних скотоводов открывалась возможность круглогодичного выпаса скота – в зимний период благодаря холодным и бесснежным зимам, летом – благодаря частым небольшим осадкам, предотвращавшим полное выгорание степи. Но, тем не менее, общий аридный фон и весенние засухи, по всей видимости, были ограничивающим фактором, который послужил причиной практически полного отказа от разведения КРС и перехода на разведение МРС, не столь требовательного к количеству и качеству корма.

Резкая смена природных условий имела место в начале позднего бронзового века. Палеопочвенные данные и результаты спорово-пыльцевого анализа свидетельствуют о значительном увеличении влагообеспеченности, причем наиболее ярко это проявилось в зимний период. Высокие нормы зимних осадков привели к рассолению почв, накоплению гумуса, мощной влагозарядке почвы. В целом, эпоха поздней бронзы – это период демографического всплеска. Количество памятников этого времени в разы превосходит показатели предшествующих этапов бронзового века. Кочевое скотоводство полностью заменяется пастушеским, чему способствовала заметно возросшая продуктивность пастбищ. Показателен и состав стада для основного ареала срубной культуры. Первое место здесь занимает КРС, второе лошадь и только третье МРС. Симптоматичным является то, что только в эпоху поздней бронзы свинья стала демонстрировать стабильный показатель – 5–7%, что свидетельствует об уровне оседлости населения, который был обусловлен природно-климатическими факторами.

Это способствовало расцвету срубной культуры, но только в той части степи, где была возможность стравливать и заготавливать на невыпасной период грубые корма. В пустынно-степной зоне такой возможности не было, что вызвало резкое сокращение населения вследствие несоответствия хозяйственной модели изменившимся условиям среды.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисов А.В., Мимоход Р.А.* Аридизация: формы проявления и влияние на население степной зоны в бронзовом веке // РА. 2017. № 2. С. 48-60.
- Демкин В.А., Лукашов А.В., Ковалевская И.С., Скрипниченко И.И.* О возможности историко-социологических реконструкций при почвенно-археологических исследованиях. Пущино: ОНТИ НЦБИ АН СССР, 1988. 20 с.
- Демкина Т.С., Борисов А.В., Хомутова Т.Э.* Сравнительная характеристика современных и погребенных почвенных комплексов в пустынно-степной зоне Волго-Донского междуречья // Почвоведение. 2019. № 11. С. 1295–1306.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Ч.: Высшая антропологическая школа, 2002. 348 с.
- Иванов И.В.* Почвоведение и археология // Почвоведение. 1978. № 10. С. 17-28.
- Иванов И.В., Демкин В.А., Губин С.В.* Вопросы истории развития степных почв в голоцене. Препринт. Пущино, 1978. 24 с.
- Khomutova T., Kashirskaya N., Demkina T., Kuznetsova T., Fornasier F., Shishlina N., Borisov A.* Precipitation pattern during warm and cold periods in the Bronze Age (around 4.5-3.8 ka BP) in the desert steppes of Russia: Soil-microbiological approach for palaeoenvironmental reconstruction // Quaternary International. 2019. DOI: 10.1016/j.quaint.2019.02.013

И. А. Файзуллин

Ильдар Асхатович Файзуллин,
Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия; ildar-1988@mail.ru

Подвижное скотоводство позднего бронзового века в степях Оренбуржья

Аннотация. Основной формой хозяйства в эпоху позднего бронзового века в среде населения Евразийских степей являлось скотоводство. Скотоводство носило подвижный характер и заключалось в частом перемещении населения. Косвенным признаком подвижности населения является сооружение легких наземных построек. Этот факт свидетельствует о достаточной мобильности древних скотоводов, которые могли быстро построить или отремонтировать эти здания в условиях кочевого быта. В это время на более высокий уровень выходит развитие металлургии. Наличие стационарных поселений может говорить о более высоком уровне металлообработки, чем в предыдущие эпохи. На всех исследованных поселениях позднего бронзового века обнаружены следы металлообработки. Основными маркерами наличия процесса выплавки металла и производства готовых изделий являются: наличие металлических изделий, находки шлаков, остатки печей и наличие специализированных построек для данного производства. С развитием металлургии на новый уровень выходят и другие производства. Мастера работы по кости, имея в своем арсенале орудия из бронзы, начинают изготавливать более качественные изделия, применяя более сложные технологические приемы. Вероятнее всего, сходные процессы были и в изготовлении одежды, домостроительстве, деревообработке, охоте и, конечно же, в военном деле. Население, приспособившись к экологическим и климатическим условиям степного пояса, смогло вывести свое хозяйство на очень высокий уровень. Дальнейшее накопление археологических данных о хозяйственной деятельности населения степной зоны Евразии должно расширить наши представления об ее интенсивности.

Ключевые слова: археология, Оренбургская область, поздний бронзовый век, поселение, скотоводство

Ильдар Асхатович Файзуллин,
Орынбор мемлекеттік
педагогикалық университеті, Орынбор қ., Ресей

Орынбор даласындағы кейінгі қола дәуіріндегі жылжымалы мал шаруашылығы

Аннотация. Еуразия даласының тұрғындары арасында кейінгі қола дәуіріндегі шаруашылықтың негізгі нысаны – мал шаруашылығы болды. Тұрғындардың жиі көшіп қонуына байланысты мал шаруашылығы қозғалмалы болды. Тұрғындардың үнемі қоныс аударуының жанама белгісі – жеңіл жер үсті құрылыстарының салынуы. Бұл көшпелі тұрмыс жағдайында осы тұрғынжайларды тез салып немесе жөндей алатын ежелгі малшылардың жеткілікті дәрежедегі ұтқырлығының дәлелі. Бұл кезде металлургияның дамуы неғұрлым жоғары деңгейге көтерілді. Тұрақты қоныстардың болуы алдыңғы дәуірлерге қарағанда металл өңдеудің жоғары деңгейін көрсете алады. Кейінгі қола дәуірінің барлық зерттелген қоныстарынан металл өңдеудің іздері табылды. Металды балқыту және дайын өнімді өндіру процесінің болуының негізгі белгілері: метал бұйымдарының болуы, қождардың табылуы, пеш қалдықтары және осы өндіріске арналған

мамандандырылған құрылыстардың болуы. Metallургияның дамуымен басқа да өндірістер жаңа деңгейге шығады. Қолдарында қоладан жасалған қару-жарақтары бар сүйек өңдеу шеберлері күрделі технологиялық әдістерді қолдана отырып, сапалы бұйымдар жасай бастайды. Осы секілді процестер киім тігуде, үй құрылысында, ағаш өңдеуде, аң аулауда және, әрине, әскери істерде де орын алған болуы мүмкін. Дала белдеуінің экологиялық және климаттық жағдайларына бейімделген тұрғындар өз шаруашылығын өте жоғары деңгейге көтере алды. Еуразияның далалық аймағы тұрғындарының шаруашылық қызметі туралы археологиялық деректердің одан әрі жинақталуы оның қарқындылығы туралы біздің түсінігімізді кеңейтуге тиіс.

Түйін сөздер: археология, Орынбор облысы, кейінгі қола дәуірі, қоныс, мал шаруашылығы

Ildar Faizullin,

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

Mobile pastoralism of the Late Bronze Age in the steppes of the Orenburg region

Abstract. The main form of economy in the Late Bronze Age among the population of the Eurasian steppes was cattle breeding. Cattle breeding was mobile and consisted in frequent population movement. An indirect sign of the mobility of the population is the construction of light ground structures. This fact testifies to the sufficient mobility of ancient pastoralists who could quickly build or repair these buildings in a nomadic way of life. At this time, the development of metallurgy is reaching a higher level. The presence of stationary settlements may indicate a higher level of metalworking than in previous eras. Traces of metalworking have been found on all the studied settlements of the Late Bronze Age. The main markers of the presence of the metal smelting process and the production of finished products are: the presence of metal products, slag finds, furnace residues and the presence of specialized buildings for this production. With the development of metallurgy, other industries are also reaching a new level. Masters of bone work, having bronze tools in their arsenal, begin to produce better products using more complex technological techniques. Most likely, there were similar processes in the manufacture of clothing, housebuilding, woodworking, hunting and, of course, in military affairs. The population, having adapted to the ecological and climatic conditions of the steppe zone, was able to bring their economy to a very high level. Further accumulation of archaeological data on the economic activity of the population of the steppe zone of Eurasia should expand our understanding of its intensity.

Keywords: archaeology, Orenburg region, Late Bronze Age, settlement, pastoralism

Археозоологические данные, полученные с поселений эпохи бронзы Западного Оренбуржья, являются ключевым показателем для определения местного животноводства того времени. Уже давно не вызывает никаких сомнений, что население эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи занималось производящим хозяйством [Мерперт, Пряхин 1979: 10–13; Синюк 1996: 266–283].

В эпоху энеолита–ранней бронзы население обладало достаточно развитым производящим хозяйством [Моргунова 2014: 256–293; 2017: 50–69], ядром которого являлось скотоводство. В энеолите на территории Волжско-Уральского междуречья произошёл отбор определенных видов животных, наиболее приспособленных к степным условиям, позднее адаптированным для кочевничества [Моргунова 2017: 54]. К категории таких животных относятся крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и верблюд. Кости всех перечисленных животных были обнаружены как на бытовых, так и на погребальных памятниках позднего бронзового века (далее – ПБВ) в рассматриваемом регионе.

К настоящему времени мы располагаем археозоологическим материалом семи поселений эпохи бронзы на территории Западного Оренбуржья: Ивановское, Токское, Горный, Покровское, Малоюлдашевское, Сорочинское и II Кузьминковское.

Остеологические коллекции с рассмотренных поселений показывают доминирование костей домашних животных. Мясная и молочная направленность хозяйства для срубной культуры в этой

связи видится самой основной. Останки диких животных присутствуют в небольшом количестве, при этом имеют широкий видовой набор. Они использовались для добычи мяса, шкур и рога.

Животноводство – один из важнейших факторов экономики древнего населения, без изучения которого невозможно научное восстановление истории ранних этапов того или иного общества. Особенно остро это касается тех народов, которые проживали на территории степного пояса Евразии. Территория современного Западного Оренбуржья практически целиком находится в степной зоне [Чибилев 2008: 195–197], где скотоводство – первое и фундаментально основное занятие производящего общества.

В настоящее время достаточно обосновано отсутствие земледелия на территории Западного Оренбуржья в эпоху бронзы. Исследователями, проводившими палинологические исследования, дано заключение, что на указанной территории, несмотря на большое количество проб пыльцы, культурные растения не обнаружены. Были исследованы шесть поселений: Токское, Ивановское, Родниковое, Покровское, Кузьминковское и Горный. В общей сложности было взято 24 пробы. Кроме того, ни на одном из фрагментов керамики не зафиксировано достоверных отпечатков зерен культурных злаков [Лебедева 2004: 247].

По количественному и видовому соотношению домашних животных бытовые памятники Западного Оренбуржья, в целом, соотносятся с ближайшими регионами. Так, на огромном пространстве Евразии в позднем бронзовом веке доминирование крупного рогатого скота было отмечено еще В.И. Цалкиным. Отмечено, что в этот период состав стада мало чем отличался от более раннего времени, однако при этом увеличивается роль лошади [Цалкин 1970: 253–254].

На поселениях выявлены кости свиньи. Они встречены практически на всех поселениях, однако их количество составляет небольшой процент. Исключением является II Кузьминковское поселение на котором выявлено 9% останков свиньи от общего количества костей. В ряде работ по поселениям бронзового века отмечают сложности при определении костей свиньи. Сложность вызывает размежевание домашних и диких видов [Косинцев, Варов 1996: 29; Гак и др. 2019: 24]. Е.Е. Кузьмина отмечала полное отсутствие свиньи в стаде андроновцев [Кузьмина 2008: 22]. Можно предположить, что кости свиньи, найденные на поселениях, могут принадлежать диким видам и являться свидетельством охоты.

Дискуссионным является вопрос о соотношении кухонных остатков и состава стада на поселениях. Еще В.И. Цалкин отмечал прямую зависимость кухонных остатков от состава стада. В настоящее время его анализ, построенный на небольших выборках, пересмотрен, поскольку его выводы сводятся к тому, что все домашние животные, разводимые в поселке, были употреблены в пищу. Однако помимо употребления в пищу животные могли использоваться в ритуальных и хозяйственных целях. Так, на Горном забои животных были столь массовыми в летнее время, что вряд ли все мясо забитых животных было съедено. В этой связи следует согласиться с Е.Е. Антипиной, которая отмечает, что кости из кухонных остатков на поселении отражают лишь мясной рацион населения, а не деятельность по его обеспечению [Антипина 1997: 23]. В то же время других диагностирующих данных по древнему животноводству в настоящее время нет.

В настоящее время достаточно сложным представляется вопрос о степени подвижности населения в позднем бронзовом веке. Ранее модель придомного скотоводства в рассматриваемую эпоху в научной литературе являлась доминирующей. Эта модель ведения хозяйства объяснялась пастушеством на прилегающей к поселкам территории, где скот так или иначе регулярно возвращался на поселение, а в зимнее время для него был заготовлен корм [Мерперт, Пряхин 1979: 10–13; Обыденнов, Обыденнова 1992: 57–66; Васильев 2010: 82]. В настоящее время авторы также не исключают подобную модель животноводства [Русланов 2015: 20–21]. В этой связи особый интерес вызывают работы А.Ю. Рассадникова. Археозоологические исследования, проведенные на поселе-

нии Каменный Амбар в Южном Зауралье, позволили автору сделать вывод о придомном содержании скота в радиусе 15 км вокруг древнего поселения [Рассадников 2020: 46].

Данные строились на изучении костей домашних животных, а так же на наблюдениях за современным выпасом скота. Последние наблюдения для нас выглядят несколько некорректными по причине того, что современные животноводы в качестве подкормки для скота используют продукты земледелия (корма из культурных злаков), которые значительно упрощают уход за животными. Еще одним свидетельством стойлового содержания скота автор называет группу дефектов суставной поверхности, при этом называя ее лишь косвенным признаком для придомного животноводства.

Однако стоит отметить, что такая форма ведения хозяйства достаточно сложна, так как скот при выпасе вытаптывает кормовую базу вокруг поселения. При перевыпасе происходит уплотнение почвы и ее иссушение, в травостое выпадают ценные кормовые растения, затем разрушается почвозащитная дернина и активизируются процессы водной и ветровой эрозии. Такие процессы называют пасквальной, или пастбищной, дигрессией [Смирных 2014: 96–99]. В то же время даже на современном этапе в сельской местности фураж, которым кормят скот в зимнее время, во многом является результатом земледелия (солома, и сами злаки). Заготовка сена для всего стада, которое должно быть значительным в силу доминанты скотоводства, в позднем бронзовом веке была затруднительна. Заготовка кормов в больших количествах даже в настоящее время вызывает сложности у сельского населения в засушливые годы.

Достаточно серьезным доказательством подвижности степного населения в эпоху поздней бронзы на территории Оренбургского Предуралья является традиция возведения наземных построек. Всего на рассматриваемой территории известно 11 построек, 9 из которых наземные. В трех случаях зафиксированы столбовые конструкции, а в остальных случаях отсутствовали даже столбы. Котлованы построек практически не заглублялись в материк, достаточно часто имели неопределенные очертания, близкие к прямоугольным. Отсутствие остатков строительного материала для крыши и стен, гипотетически, может говорить о легкой конструкции построек. Видимо, производственной необходимости для сооружения сложных построек на поселении, где жители занимались преимущественно подвижным животноводством, не было.

Лишь два комплекса с территории Оренбургского Предуралья имеют более сложную конструкцию: постройки с Хутора Горного на Каргалах и на Токском поселении. Обе постройки оставлены металлургами и имеют целый набор узкоспециальных находок и конструктивных ходов при строительстве [Файзуллин 2015: 81–82]. В литературе отмечался особый способ ведения хозяйства металлургов, которые, видимо, получали сельскохозяйственные продукты уже в готовом виде [Антипина 2004: 222–223].

Для достаточно успешной заготовки кормов на зиму населению были необходимы специальные навыки и соответственно специальные орудия. В ходе раскопок бытовых памятников Западного Оренбуржья на площади поселений с наземными постройками обнаружено всего два бронзовых серповидных орудия на Ивановском поселении. Остальные серпы связаны с находками четырех кладов, которые насчитывают 10 орудий: Овсянка, Ново-Красноярский, Майоровский и Васильевский [Обыденнов 1989: 90–91], а также 13 орудий с поселения у хутора Горный на Каргалах. Долгое время исследователи связывали с этими орудиями возможность заготовки сена, однако в настоящее время их чаще определяют как секачи, орудия для рубки веток и тростника [Кузьминых 2004: 84]. В то же время существует предположение об использовании орудий этого типа в качестве оружия [Лебедева 2004: 247].

К орудиям для заготовки кормов также относили тупики из нижних челюстей КРС и лошади. Так, С.С. Березанская считала, что они являлись обоймами для вставки серпов [Березанская 1990: 41].

Однако во множестве работ, посвященных косторезному производству у населения ПБВ, возможность использования орудий из нижних челюстей крупного рогатого скота и лошади для сенокошения не установлена. В большинстве случаев их интерпретируют как кожевенные орудия [Усачук 2012: 140–146; Усачук, Файзуллин 2016: 128–150; Панковський, Філатов 2011: 77–81].

В вопросе о возможности заготовки фуража для зимнего содержания скота и подвижности основного стада наиболее обоснованной выглядит позиция Е.Е. Антипиной. В целом ряде своих работ она обосновывает подвижный способ ведения хозяйства у населения рассматриваемой эпохи. Автором отмечено, что при доминировании скотоводства оно может существовать лишь в подвижных формах [Антипина 1997: 20–32; Антипина, Моралес 2005: 29–44]. Отметим, что достаточно близкой выглядит идея П.А. Косинцева, предполагающего, что большая часть скота в теплое время года отгонялась на дальние пастбища, а к зиме возвращалась обратно и выпасалась возле поселения [Косинцев 2003: 135].

Учитывая тот факт, что климатические условия территории Западного Оренбуржья в рассматриваемый период были более благоприятными, чем сейчас, что проявлялось в оптимальном соотношении влаги и тепла, обеспечивавшего максимальную продуктивность степных экосистем [Моргунова и др. 2010: 94; 2014: 114–115], с большой долей уверенности можно предположить возможность подвижности большей части стада, которое имелось у населения в это время.

Основной формой хозяйства в эпоху позднего бронзового века у населения Евразийских степей являлось скотоводство. Вероятно, скотоводство носило подвижный характер и заключалось в достаточно частом перемещении населения. Согласно археологическим данным население степной зоны в эпоху позднего бронзового века не могло заготавливать достаточное количество кормов, позволяющих содержать скот на территории поселений в зимнее время, поскольку отсутствие земледелия делало это практически невозможным. Косвенным признаком подвижности населения является сооружение легких наземных построек. Этот факт свидетельствует о достаточной мобильности древних скотоводов, которые могли быстро построить или отремонтировать эти здания в условиях кочевого быта. Предполагается, что в рассматриваемый период люди чаще всего использовали кочевой способ ведения хозяйства, интенсивности которого во многом способствовала климатическая ситуация, сложившаяся в Волго-Уралье в позднем бронзовом веке.

Стабильная экономика на базе животноводства, которое практически полностью покрывало их потребности в пропитании, позволило населению вывести на более высокий уровень металлургическое производство и другие отрасли хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипина Е.Е. Методы реконструкции особенностей скотоводства на юге Восточной Европы в эпоху бронзы // РА. 1997. № 3. С. 20-32.
- Антипина Е.Е. Глава 7. Археозоологические материалы // Каргалы, т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горнометаллургического производства: Археобиологические исследования. М: Языки славянской культуры, 2004. С. 182-239.
- Антипина Е.Е., Моралес А. «Ковбои» Восточноевропейской степи в позднем бронзовом веке // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2005. Вып. 4. С. 29-44.
- Березанская С.С. Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев: Наукова думка, 1990. 152 с.
- Васильев И.Б. Срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: «Офорт», 2010. С. 64-86.
- Гак Е.И., Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю., Кайзер Э. Хозяйственная модель поселения среднедонской катакомбной культуры Рыкань-3 // РА. 2019. № 2. С. 19-34.
- Косинцев П.А. Животноводство у населения Самарского Поволжья в эпоху поздней бронзы // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара: СамГПУ, 2003. С. 43-51.

- Косинцев П.А., Варов А.И.* Ранние этапы животноводства в Волго-Уральском регионе // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. Самара: «Поволжье», 1996. С. 29-31.
- Кузьмина Е.Е.* Арии – путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 556 с.
- Кузьминых С.В.* Глава 2. Металл и металлические изделия // Каргалы, т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 76-100.
- Лебедева Е.Ю.* Глава 8. Археоботанические исследования // Каргалы, т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 240-247.
- Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д.* Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж: ВГУ, 1979. С. 7-24.
- Моргунова Н.Л.* Приуральская группа памятников в системе Волжско-Уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. 348 с.
- Моргунова Н.Л.* Истоки и факторы возникновения кочевого скотоводства в степях Волжско-Уральского междуречья в раннем бронзовом веке // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: изд. центр ОГАУ, 2017. Вып. 13. С. 50-69.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярев А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А.* Скворцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 160 с.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Хохлова О.С., Хохлов А.А.* Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2014. 172 с.
- Обыденнов М.Ф.* Бахчинский клад срубной культуры в Южном Приуралье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 85-92.
- Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Саратовский университет, Самарский филиал, 1992. 176 с.
- Панковський В., Філатов Д.* Кістяна індустрія поселення Розанівка // Аркасівські читання. Матеріали I Міжнародної науково-практичної конференції. Миколаїв: МНУ імені В.О. Сухомлинського, 2011. С. 77-82.
- Рассадинов А.Ю.* Оседлое скотоводство на рубеже III–II тыс. до н. э. в Южном Зауралье по археозоологическим материалам поселения Каменный Амбар // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3. С. 46-64. DOI: 10.21285/2415-8739-2020-3-46-64
- Русланов Е.В.* Структура стада домашних животных у населения лесостепного Приуралья в эпоху бронзы // АрхЛаб. Известия археологической лаборатории Башкирского государственного университета. 2015. Вып. 1. С. 16-27.
- Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: Изд-во Воронежского пед. ун-та, 1996. 350 с.
- Смирных А.Г.* Основные типы антропогенных ландшафтов Оренбургской области // Оренбургская область: география, экономика, экология. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2014. С. 96-99.
- Усачук А.Н.* Коллекция костяных изделий Степановского поселения // Ю.М. Бровендер. Степановское поселение срубной общности на Донском кряже. Алчевск: ДонГТУ, 2012. С. 140-156.
- Усачук А.Н., Файзуллин И.А.* Костяные изделия Токского и Покровского поселений эпохи поздней бронзы в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ООО «ИПК Университет», 2016. Вып. 12. С. 127-148.
- Файзуллин И.А.* К вопросу о функциональном назначении построек эпохи бронзы с территории Западного Оренбуржья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 80-86.
- Цалкин В.И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970. 280 с.
- Чибилев А.А.* Бассейн Урала: история, география, экология. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 312 с.

**Н. Б. Щербаков,
И. А. Шутелева,
Т. А. Леонова**

**Николай Борисович Щербаков, sherbakov@rambler.ru
Ия Александровна Шутелева, shutelevai@gmail.com
Татьяна Алексеевна Леонова, leonotan@mail.ru
Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы,
г. Уфа, Россия**

Модель семейных отношений в социуме позднего бронзового века Южного Приуралья по результатам палеогенетических анализов на примере Казбуруновского археологического микрорайона

Аннотация. Население развитого позднего бронзового века Южного Приуралья отличается культурным разнообразием, представляющим значительную миграционную динамику в регионе. Казбуруновский археологический микрорайон демонстрирует высокую концентрацию памятников, обладающих хронологическим единством (1890–1630 до н.э.). Палеогенетические исследования погребенных в курганах и на поселениях представили как генетическое разнообразие населения, так и генетическое родство отдельных индивидов. Это позволило реконструировать системы родства населения Казбуруновского археологического микрорайона. Генетическое родство индивидов с мужским биологическим полом в три раза превышает генетическое родство индивидов с женским биологическим полом. Это свидетельствует о том, что патрилокальная модель семейных отношений, как и матрилокальная модель не были достаточно устойчивыми в обществах позднего бронзового века. Захоронения родственников как в разных частях одного кургана, так и в нескольких самостоятельных курганах, отличались погребальным обрядом и инвентарем. Результаты проведенных палеогенетических исследований доказывают, что социальные отношения индивидов позднего бронзового века превалировали над родственными.

Ключевые слова: археология, Южное Приуралье, поздний бронзовый век, радиоуглеродное датирование, палеодемография, палеогенетика

**Николай Борисович Щербаков,
Ия Александровна Шутелева,
Татьяна Алексеевна Леонова,
М. Акмулла атындағы Башқор мемлекеттік
педагогикалық университеті,
Уфа қ., Ресей**

Казбурунов археологиялық ықшам ауданының мысалында палеогенетикалық талдаулар нәтижелері бойынша Оңтүстік Орал бойының соңғы қола дәуірі қоғамындағы отбасылық қатынастар моделі

Аннотация. Аймақтағы маңызды көші-қон динамикасын көрсететін Оңтүстік Орал бойының дамыған соңғы қола дәуірінің тұрғындары мәдени алуан түрлілігімен ерекшеленеді. Казбурунов археологиялық ықшам ауданы хронологиялық бірлігі (б.д.д. 1890–1630 жж.) бар ескерткіштердің шоғырлануын көрсетеді.

Қоныстардағы және обалардағы жерлеулерді палеогенетикалық зерттеулер жеке адамдардың генетикалық туыстығы мен тұрғындардың генетикалық жағынан әртүрлілігін көрсетті. Бұл Казбуруновск археологиялық ықшам ауданы тұрғындарының туыстық жүйелерін реконструкциялауға мүмкіндік берді. Аталық биологиялық жынысы бар жеке адамдардың генетикалық туыстығы әйелдік биологиялық жынысы бар жеке адамның генетикалық қатынасынан үш есе жоғары. Бұл соңғы қола дәуіріндегі қоғамдағы отбасылық қатынастардың патрилокалды моделі сияқты матрилокалды үлгінің де жеткілікті тұрақты болмағанын көрсетеді. Бірнеше жеке обалардағы сияқты бір обаның әр жеріндегі туыстардың жерленуі жерлеу дәстүрімен және заттарымен ерекшеленеді. Жүргізілген палеогенетикалық зерттеулердің нәтижелері соңғы қола дәуіріндегі тұлғалардың әлеуметтік қатынастарының туыстарынан басым болғанын дәлелдейді.

Түйін сөздер: археология, Оңтүстік Орал бойы, соңғы қола дәуірі, радиокөміртекті мерзімдеу, палеодемография, палеогенетика

**Nikolai Shcherbakov,
Iia Shuteleva,**

Tatiana Leonova,

Bashkir State Pedagogical University M. Akmulla,
Ufa, Russia

**Model of family relations in the society of the late Bronze Age of the Southern Urals
according to the results of paleogenetic analyzes
on the example of the Kazburun archaeological microdistrict**

Abstract. The population of the developed Late Bronze Age of the Southern Urals is distinguished by cultural diversity, representing significant migration dynamics in the region. The Kazburun archaeological microdistrict demonstrates a high concentration of monuments with chronological unity (1890-1630 BC). Paleogenetic studies of those buried in mounds and settlements have presented both the genetic diversity of the population and the genetic kinship of separate individuals. This made it possible to reconstruct the kinship systems of the population of the Kazburun archaeological microdistrict. The genetic relationship of individuals with the male biological sex is three times higher than the genetic relationship of individuals with the female biological sex. This indicates that the patrilocal model of family relations, as well as the matrilocal model, were not sufficiently stable in the societies of the late Bronze Age. Burials of relatives both in different parts of the same mound, and in several independent mounds, differed in funeral rites and inventory. The results of the conducted paleogenetic studies prove that the social relations of individuals of the late Bronze Age prevailed over related ones.

Keywords: archaeology, Southern Trans-Urals, Late Bronze Age, radiocarbon dating, paleodemography, paleogenetics

Казбуруновский археологический микрорайон, где были проведены палеодемографические и палеогенетические исследования, расположен на территории современного Аургазинского района Республики Башкортостан (Южное Приуралье). Территория археологического изучения в географическом отношении связывается с восточным краем Русской платформы. Современные природные условия микрорайона достаточно благоприятны. Естественнонаучные исследования памятников позднего бронзового века Казбуруновского археологического микрорайона позволили соотнести климат позднего бронзового века как гумидный в отличие от аридного и экстрааридного климата Центральной Азии [Гольева и др. 2018: 45–58]. Расположение памятников археологии, как поселений, так и курганных могильников, связывается со средними реками Южного Приуралья. На территории Аургазинского района к таким относится система реки Уршак: это реки Аургазы, Турсугали, Кузьелга, Узень, Белокаменка, Белый Ключ и ряд других, которые являются их притоками [Хисматов 1995]. Вследствие такой насыщенности степными реками, которые меняют русла, площадки поселений и курганных могильников находятся на берегах стариц и оврагов, образованных пересохшими руслами. Казбуруновский археологический микрорайон соотносится со средним течением реки Уршак. Бассейн этой реки слабохолмистый, низкокзалесенный, с доминированием ландшафта с луговыми степями, остепненными лугами и небольшими широколиствен-

ными лесными массивами, включая липу и дуб, также встречаются природные выходы карста [Атлас Республики Башкортостан 2005]. Комплексные почвенные исследования выявили на поселениях позднего бронзового века Казбуруновского археологического микрорайона тростниково-рогозовую растительность, камыш, в конструкциях построек поселений встречена береза [Sherbakov et al. 2010: 29–36].

К объектам исследования на территории Казбуруновского археологического микрорайона были отнесены памятники позднего бронзового века, объединенные одним культурно-хронологическим горизонтом, соотносимым со срубно-алакульским кругом [Рутто 2003]. Обследованными памятниками археологии являются Усманово-2, поселение; Усманово-3, поселение; Казбуруновские I курганы и четыре поселения Мурадым-1, 7–9. Радиоуглеродное датирование (AMS) было проведено на трех исследуемых памятниках археологии это Казбуруновские I курганы; Мурадым-1, Усманово-3. В качестве материала для датирования был выбран коллаген костей и фрагменты сосудов. Датирование остеологических материалов с Мурадым-8 не дало результатов в связи с сильным засолением образцов. Хронологический период дат, калиброванных по 1 сигме, разместился в рамках 1890–1630 до н.э. (OxCalv 4.0). В результате археологических исследований антропологический материал был получен на Казбуруновских I курганах и Мурадым-1. Эти данные стали базой для палеодемографических построений.

Казбуруновские I курганы были открыты А.Х. Пшеничнюком в 1968 г. С 2009 г. археологический памятник исследуется Н.Б. Щербаковым, И.А. Шутелевой и Т.А. Леоновой. Раскопанные с 2009 г. курганы расположены в центральной части могильника Казбуруновские I курганы и, соответственно, включались в центральную группу курганов. В целях полного исследования данной группы курганов проведение археологических работ проходило в несколько этапов – в 2009 г. были изучены курганы № 5, 16, в 2012 г. – № 22, в 2013 г. – № 23, в 2018 г. – № 17. Полы курганов № 22, 23 были соединены, поэтому во время проведения археологических раскопок 2012–2013 гг. было полностью раскопано все межкурганное пространство между ними.

Погребальная обрядность на Казбуруновских I курганах связана со срубно-алакульскими традициями с преобладанием срубной. В кургане № 5 было выявлено два погребения. В центре кургана было обнаружено погребение мужчины возрастом 50–59 лет. Костяк был расположен практически по линии С–Ю, на левом боку. В этом же кургане, в погребении № 2, было выявлено захоронение подростка женского пола возрастом 12–14 лет. Погребенный подросток также лежал на левом боку. В погребении находился сосуд со знаками. В кургане № 16 было также выявлено два погребения. Одно из них принадлежало ребенку возраста 8–9 лет, от которого сохранились только фрагменты костей свода черепа, несколько ребер и небольшой фрагмент верхней челюсти. Центральное погребение (погребение № 1) было совершено в каменной (кальцитовой) цисте, что является экстраординарным способом погребения для Центральной Башкирии. Погребенный находился на левом боку, по линии С–Ю. В кургане № 23 было выявлено семь погребений, что само по себе является неординарной ситуацией для курганных захоронений срубной и алакульской культур правобережной части р. Уршак, в курганах которых, как правило, встречается одно или два погребения. В погребении № 4 было выявлено парное захоронение мужчины (погребение № 4 правое) и женщины (погребение № 4 левое), расположенных лицом друг к другу. Женщина, лежавшая в левой части могильной ямы, была 25–30-летнего возраста. Мужчина, лежавший справа, был 30–35 лет. У мужчины был сломанный винтообразный перелом правой большеберцовой кости. В этом же кургане находились два кенотафа – погребения № 1 и 7, в которых не были обнаружены костные останки, но были выявлены сосуды. В кургане № 17 была расчищена разрушенная каменная ограда, были исследованы шесть детских погребений (из которых пять

погребений принадлежали инфантам) и одно женское погребение (взрослое). В качестве сопроводительного инвентаря в кургане № 17 было расчищено 10 развалов сосудов срубной культуры, в погребении № 5 (погребение ребенка) были выявлены два фрагмента бронзового желобчатого браслета, один фрагмент бронзового изделия и один альчик. Судя по особенностям погребального обряда и инвентаря кургана № 17 с каменной оградкой, он относится к локальному варианту срубно-алакульской культуры Демско-Уршакского междуречья позднего бронзового века, также как курганы № 16 (с каменной цистой) и 22 (с каменной выкладкой).

Были проведены палеогенетические исследования серии из 17 погребенных (включая детей) в пяти курганах Казбуруновского I курганного могильника [Krzewińska et al. 2018]. В результате были получены антропологические характеристики 17 погребенных: биологический пол погребенных, выявлены разнообразные для одной группы населения гаплогруппы по мтДНК и по Y-хромосоме (MtDNA Haplogroup, Y Haplogroup), установлена родственность отдельных индивидов группы. Практически во всех случаях удалось провести секвенирование (корреляции) с современными базами гаплогрупп. Проведенные палеогенетические исследования позволили определить биологический пол детей и подростков до пубертата. Из общего числа детей, погребенных на Казбуруновском I курганном могильнике инфантов (девять погребенных), только один был мужского пола, остальные (восемь погребенных) – имели женский биологический пол.

Палеогенетические анализы погребенных в Казбуруновских I курганах (mtDNA) показали, что все мужчины, погребенные на Казбуруновских I курганах, были носителями гаплогруппы R1a в различных вариациях (R1a-Y40 – R1a-Z93). Это также может свидетельствовать о высокой степени генетического разнообразия по сравнению с другими популяциями бронзового века [Krzewińska et al. 2018].

Две линии ДНК (mtDNA) были обнаружены у двух мужчин, что наводит на мысль об общей материнской родословной. Высокое изменение материнской линии резко контрастировало с вариацией Y-хромосомы, поскольку все погребенные мужчины были носителями одной линии: R1a1a1. Опираясь на полученные данные, удалось проследить две линии родства: 1-й степени между двумя мужскими костяками и двумя женскими костяками, а также 2-й степени между мужским и женским костяками. Представители 1-й степени родства были обнаружены в одном кургане № 23, в погребениях № 3 и 5 (биологический пол мужской). Также представители 1-й степени родства были обнаружены в погребении № 6 (биологический пол женский) и в погребении № 2 (биологический пол женский) того же кургана. Согласно данным, полученных путем выделения мтДНК, можно сделать вывод о том, что речь идет о матери и дочери. Исходя из антропологических определений, был определен возраст погребенных: погребение № 6 (25–30 лет) и погребение № 2 (9–13 лет). В кургане № 23, погребения № 3 и 5, исходя из данных гаплогруппы и мтДНК можно заключить, что погребенными были сиблинги мужского биологического пола. Антропологическое определение возраста погребенных было следующим: погребение № 3 (33–40 лет), погребение № 5 (25–30 лет). Представители 2-й степени родства были выявлены в погребении № 1 кургана № 4 (биологический пол мужской) и погребении № 2 кургана № 16 (биологический пол женский). Результаты антропологического анализа представили возраст погребенных: погребение № 1 кургана № 5 (50–59 лет) и погребение № 2 кургана № 16 (5–6 лет (± 12 мес.)). Опираясь на данные палеогенетических исследований, можно заключить, что в курганах № 4 и 16 были погребены дед и внучка. Захоронения родственников как в разных частях одного кургана, так и в нескольких самостоятельных курганах, отличались погребальным обрядом и инвентарем. Палеогенетические анализы позволили соотнести курган № 17 с женско-детским курганом, так как все погребенные там являются индивидами женского биологического пола. Парное погребение взрослых мужчи-

ны и женщины, обнаруженных в обваловке Мурадым-1, поселения, не дало родственность, но представило следующие гаплогруппы: мужское погребение – T2a1, женское погребение – J1c5e [Krzewińska et al. 2018].

Проведенные на Казбуруновском археологическом микрорайоне комплексные исследования подтвердили теорию о захоронении родственников в одном курганном могильнике, как в одном, так и в нескольких близкорасположенных курганах. Однако помещение в один курган не только родственников, а также наличие у близких родственников атрибутов разных культур - срубной или андроновской демонстрирует преобладание социальных отношений индивидов позднего бронзового века над родственными.

ЛИТЕРАТУРА

- Атлас Республики Башкортостан / Отв. ред. И.М. Япаров. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. 412 с.
- Гольева А.А., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б.* Проблематика полеозеологических реконструкций экспонированных культурных слоев длительного постселитебного функционирования (на примере памятников эпохи поздней бронзы Республики Башкортостан) // Поволжская археология. 2018. № 3 (35). С. 45-58.
- Рутто Н.Г.* Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем, 2003. 212 с.
- Хисматов М.Ф.* Минерально-сырьевой потенциал республики // Экономика и управление. 1995. № 2. С. 123-127.
- Krzewińska M., Kilinc G.M., Juras A., ..., Shcherbakov N., Shuteleva I., Leonova T., ..., Gotherstrom A.* Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads // Science Advances. 2018. 4 (10). P. 1-12.
- Sherbakov N., Shuteleva I., Obydenova G., Balonova M., Khohlova O., Golyeva A.* Some Results of the Application of a Complex Approach to the Research of the Late Bronze Age Muradymovo Settlement in the Volgo-Ural Region [Text] // Interdisciplinaria Archaeologica – Natural Sciences in Archaeology. 2010. Vol. I. P. 29-36.

A. Z. Bayburt

Ahmet Ziya Bayburt,
Dokuz Eylul University, Izmir, Türkiye;
ahmetziyabayburt@gmail.com

The Understanding of the Cultural Relationship between Sayan-Altai and Central Kazakhstan from the Bronze Age to the Classical Turkic Period

Abstract. Cultural relations between Sayan-Altai and Central Kazakhstan gained serious visibility through the end of the Late Bronze Age. Begazy-Dandybay culture is of special importance in understanding these relations. The relationship of Begazy-Dandybay culture with Sayan-Altai and Central Kazakhstan cultures has been identified in different ways by researchers. While we were describing the culture, we set out especially on the analysis of ceramic finds and burial customs. We divided ceramic material into two main groups using archaeological style-critical methods. On the other hand, we tried to follow the possible cultural transfer process of Begazy-Dandybay burial customs from the Early Iron Age to the Classical Turkic Period (Old Turkic Period). The results made it possible for us to observe how the cultural traditions reached the Classical Turkic Period (Old Turkic Period) through the Tasmola culture of Central Kazakhstan and the Sayan-Altai Tagar and Pazyryk culture.

Keywords: Late Bronze Age, Sayan-Altai, Central Kazakhstan, Begazy-Dandybay culture, Classical Turkic Period

Ахмет Зия Байбурт,
Докуз Эйлул университеті, Измир қ., Түркия

Қола дәуірінен классикалық түркі дәуіріне дейінгі Саян-Алтай мен Орталық Қазақстан арасындағы мәдени байланыстар туралы түсініктер

Аннотация. Саян-Алтай аймағы мен Орталық Қазақстан арасындағы мәдени қарым-қатынастар кейінгі қола дәуірінің соңына қарай елеулі мәнге ие бола бастады. Бұл қатынастарды түсінуде Беғазы-Дәндібай мәдениетін зерттеу ерекше рөлге ие және маңызы. Оның қазіргі Саян-Алтай және Орталық Қазақстанның мәдениеттерімен байланысы зерттеушілер тарапынан әртүрлі анықталған. Мәдениетті сипаттап және талдау жасай отырып, біз керамика мен жерлеу ғұрыптарын қарастыруға басымдық бердік. Бір жағынан керамиканың безендірілуін зерттеуде ерекше маңызға ие археологиялық әдістер мен тәсілдерді пайдалана отырып, керамикалық материалды екі негізгі топқа бөлдік. Екінші жағынан, археологиялық материалдардан мүмкін болатын ерте темір дәуірінен классикалық Түркі дәуіріне дейінгі Беғазы-Дәндібай жерлеу дәстүрлерінің мәдени ауыстыру процесін қадағалауға тырыстық. Алынған нәтижелер Орталық Қазақстанның Тасмола мәдениеті және Саян-Алтайдың тағар және пазырық археологиялық мәдениеттері арқылы классикалық түркі кезеңіне дейін сақталған мәдени дәстүрлердің берілу механизмін бақылауға мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: соңғы қола дәуірі, Саян-Алтай, Орталық Қазақстан, беғазы-дәндібай мәдениеті, классикалық түркі кезеңі

Ахмет Зия Байбурт,
Университет Докуз Эйлул, Измир Турция

Представления о культурных связях между Саяно-Алтаем и Центральным Казахстаном от эпохи бронзы до классического тюркского периода

Аннотация. Культурные взаимоотношения между Саяно-Алтайским регионом и Центральным Казахстаном приобрели серьезную значимость в конце эпохи поздней бронзы. Для понимания этих взаимосвязей особую роль и значение имеет изучение бегазы-дандыбаевской культуры. Ее связь с Саяно-Алтаем и

Центральным Казахстаном определяется исследователями по-разному. Описывая и анализируя культуру, мы специально делаем акцент на рассмотрении керамики и погребального обряда. С одной стороны, используя особо значимые археологические методы и подходы в изучении оформления керамики, мы разделили все керамические материалы на две группы. С другой, мы попытались проследить на материалах археологии возможный процесс культурного переноса погребальных обрядов бегазы-дандыбаевской культуры из раннего железного века в классический Тюркский период. Полученные результаты позволили нам проследить механизм передачи культурных традиций, сохранившихся в классическом Тюркском периоде через тасмолинскую культуру Центрального Казахстана, Саяно-Алтайскую тагарскую и пазырыкскую археологические культуры.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, Саяно-Алтай, Центральный Казахстан, бегазы-дандыбаевская культура, классический тюркский период

Introduction

To understand the cultural relations between Sayan-Altai and Central Kazakhstan, the cultural development of these two areas should be identified. We think that the Late Bronze Age cultures provide important data in explaining both the developmental stage of the Early Iron Age Saka cultures and the emergence of the early nomads, which affected the Eurasian Steppe until the Classical Turkic Period. It has been revealed by scholars that there is no disconnection in the transition from the Karasuk culture in Sayan-Altai [Bokovenko 2006: 860–877] and the Begazy-Dandybay culture in Central Kazakhstan to the Early Iron Age Saka Cultures [Beisenov 2014: 149–163]. Both cultures are thought to have an important role in the formation of the Early Iron Age local Saka cultures. However, the relationship between Begazy-Dandybay culture and Karasuk culture is a matter of debate. Many different views have been put forward on the subject until today. M.P. Gryaznov, N.L. Chlenova and E.E. Kuzmina stated that the Begazy-Dandybay culture is a different cultural development from the Andronovo community and associated it with the Karasuk culture [Gryaznov 1952: 129–162; Chlenova 1972: 58–63; Kuzmina 2007: 78–79]. A.Kh. Margulan and K.A. Akishev who did important researches on Begazy-Dandybay culture emphasize this culture is a local development of Central Kazakhstan [Akishev 1953: 3–18; Margulan 1998: 147–153]. L.V. Koryakova, A.V. Epimakhov and V.V. Varfolomeev define the Begazy-Dandybay culture as a late bronze age extension of the Andronovo community and evaluate Begazy-Dandybay culture as same of Alekseev (Sargary) culture [Koryakova, Epimakhov 2006: 161–170; Varfolomeev 2011: 49, 50].

Ceramic

We aim to present our own suggestions on the definition of culture and cultural relations through the material published from the first excavations of the Begazy-Dandybay culture in Central Kazakhstan to the present day. In this regard, burial rites have been a priority area for us. Despite this, we lack certain judgments regarding anthropological material and the position of the deceased in grave. Therefore, we should examine the finds of the burial gifts, which are part of the burial rites. Ceramic finds have an important place in the problem of cultural origin of the Late Bronze Age in Central Kazakhstan. There are significant differences between the ceramic finds according to the places where they were obtained. Various opinions have been put forward about the reason for these proportional differences between the vessels obtained from the settlements and ordinary tombs and the vessels obtained from the elite tombs structures called “mausoleums”. Many researchers think that there are two different cultures. V.V. Varfolomeev, on the other hand, draws attention to the fact that the numerical ratio of the vessels obtained mainly from the mausoleums is low compared to all the complexes in the region and thinks that they may be imported goods belonging to the surrounding cultures such as Karasuk, İrmen, Suzgun [Varfolomeev 2013: 167–192]. V.G. Loman considers these vessels as local production and states that the origin may be in the South of Kazakhstan and around the Aral Sea [Loman 2013: 247–257].

First of all, we need to divide the Late Bronze Age complexes of the Central Kazakhstan into three: 1 – Elite tomb structures called “Mausoleums”, 2 – Ordinary tombs that are basic structures, 3 – Temporary¹ settlements. While vessels with similar characteristics to those of Karasuk culture are dominantly found in mausoleums, they are rarely encountered in ordinary tombs and their rates are very low in temporary settlements [Beisenov et al. 2014: 143–163]. In that case, which group of finds should we focus on in describing the culture? In my opinion, the mausoleums, which show a unique structure compared to the surrounding complexes, play an important role in defining the Late Bronze Age cultural development of Central Kazakhstan.

Sixty-nine whole vessels that published, obtained from mausoleums and ordinary burial located near the mausoleums and thus their relationship with the mausoleums can be interpreted more clearly, were re-evaluated by us according to “archaeological style-critical methods” [Bayburt 2019: 212–243; 2022: 127–150]. Our classification have been done on the vessels that are preserved in their entirety. We aimed to see which types of vessels were preferred as burial gifts and their style characteristics for the mausoleums and the ordinary burial of the Late Bronze Age found together with the mausoleums in the same complexes. Vessels, I and II divided into two main groups and various subgroups under these assemblages.

Group I vessels have a higher neck compared to the other group, spherical body, round or flat bottom. They have thinner walled than the group II. The outer surfaces finely polished and they were elaborate produced. Group I-A consists of round-bottom vessels, group I-B consists of vessels with the same form but with a flat bottom. Both subgroups are divided into various subgroups according to the decorations and the areas where they are applied on the vessel surface [Bayburt 2019: 212–243]. Including I-B group (I-B-6) reflects successful imitations of the decorative elements of the Andronovo culture. In our opinion, this ornamental style was adopted by a large populace during the Bronze Age. It must have been practiced in their distinctive vessels by different cultures that came into contact with the vast lands from which the Andronovo community spread. Group II consist round-shouldered or conical form with flat bottom vessels. Thick walled compared to the first group. It is usually unpolished. It suggests that they were produced more carelessly than most Group I vessels. Group II vessels contain various subgroups according to their decorations and forms [Bayburt 2019: 212–243]. Group II vessels are more rarely encountered in mausoleums. The production technique and forms resemble the Andronovo style, but decoration tradition is not observed. Interestingly, the decorations differ from this classical Andronovo traditions.

The most important difference between the Group I vessels and the Group II vessels is the vessel production technique. In my opinion, vessel making techniques allow us to distinguish more clearly than decorations. Decoration is an application area that can be imitated more easily according to the form and construction technique of the vessels. However, vessel production techniques may indicate transmission that requires direct communication between people and generations. The Group I vessels “are molded by the technique of extrusion from a coma clay” [Margulan 1998: 374; Gryaznov 1952: 147]. It is understood that they were produced in same method as the Karasuk vessels [Gryaznov 1952: 136; Kuzmina 2007: 78]. The second group of vessels is thought to have been produced according to *the coil-built / tape method technique* similar to the Andronovo community [Gryaznov 1952: 147; Kuzmina 2007: 67–69, 71–72, 75–76].

We would think that the use of Group I vessels in burial customs and their ritual features are more common. Group I-A round-bottom vessels, which have difficulty in standing on a flat surface that is not

¹ We analyze this statement to be more accurate since it does not have the characteristics of an agriculture-based economy unlike the Near East settlements. Eurasia steppe settlements was used as shelters, barns, warehouses, metallurgy production centers. In our opinion, they are seasonal (temporary) settlements based on stockbreeding used by nomads.

suitable for ordinary daily use. The Group I vessels are burnished, thin-walled and carefully manufactured. Ritual use precludes ordinary daily use. The Group II of vessels, which are understood to be produced more carelessly in various forms and with thick walls, are vessels with a larger area for daily use. We would think that they are generally used as storage and kitchen vessels. Therefore, it is not surprising that it is numerically dominant in settlements. The rarity of the Group I vessels in ordinary burials may indicate that the area of use was more under the control of the elite and/or more likely in general in private ceremonies.

Group I vessels must be related to the Karasuk culture. The round-bottomed Karasuk vessels are a unique traditional style. According to A.S. Güneri, the tradition of round-bottomed vessels produced in the Karasuk culture is associated with round-bottomed vessels of the Okunev culture (2500–1500 BC) [Güneri 2022: 924–939]. Its origin is traced back to the Yenisei-Lena Neolithic cultures. Neolithic Yenisei-Lena cultures were transferred to Altai Neolithic, Eneolithic Afanas'yev/Proto-Okunev culture, then Okunev culture, and Okunev culture was transferred to Karasuk culture in the second half of the 2nd millennium BC. In this process, large forms are replaced by smaller forms. It can be assumed that the large round-bottomed forms were probably used for cooking meat, while the smaller round-bottomed vessels were used for milk and *кумис* [Güneri 2022: 940–941]. A similar view regarding the usage area of the Group I vessels obtained from the mausoleums is expressed by A.Kh. Margulan. He states that the round-bottomed vessels may have been designed for *кумис* and milk [Margulan 1998: 171]. He also refers that the round-bottom, spherical-body wares resemble wooden vessels used by the Kazakhs through the Middle Ages [Margulan 1998: 186]. It can be thought that in the Neolithic and Eneolithic Ages in Sayan-Altai, in periods when flat-bottom vessels is not common, the use of round-bottom vessels are for ordinary daily needs. Although flat-bottom vessels are common in the Bronze Ages (Okunev and Karasuk culture) in Sayan-Altai, the production of round-bottom vessels were not stopped the production and they were used predominantly in Karasuk culture [Güneri 2022: 1196–1201]. According to A.S. Güneri, the fact that round-bottom vessels are produced alongside flat-bottom vessels indicates that different meanings are attributed to round-bottom vessels. The author argues that some petroglyph depictions in the Tagar culture of the 1st millennium BC and the bowl or goblet held in one (right) hand of the *tashbaba/каменная баба* representing the Classical Turkic Period of the 1st millennium BC are directly related to the milk/*кумис* libation [Güneri 2022: 939–940].

We see similar expressions in early medieval travelers. Ibn-i Fadlan reported the burial customs of the *Guz* (Oghuz) Türks, whom he encountered around the Aral sea during his travels in 922 AD. He gives information based on his observations and hears about how a kurgan is made, wooden statues are placed around it, horse sacrifice and how the burial chamber of the deceased individual is arranged. Ibn-i Fadlan reports that the deceased is handed a goblet containing *nabidh* (trans. wine but probably fermented mare's milk/*кумис* as an alcoholic beverage mentioned) [Lunde, Stone 2012: 53–54].

In the light of the information above, we can think that the first Group I vessels are produced for the application of milk/*кумис* libation in the burial ritual and placed in the grave to be left as a death gift. The fact that two round-bottom vessels obtained from the Dandybai mausoleum were later added to the pedestal to form a goblet supports our view. It is possible that the first group of vessels has connections with the libation tradition dating back to the Classical Turkic Period and Middle Age. E.E. Kuzmina, who focuses on the construction technique of the Group I vessels, states that it is known only by the Shor and Yakut Turks in ethnographic periods. Therefore, she states that the Begazy-Dandybay culture could be a “Proto-Turkic” culture [Kuzmina 2007: 79].

Fig. 1. Kherek-sur in Central Mongolia [Photography by A.Z. Bayburt, 2015 – OTAK Archive]

Mausoleums

The mausoleums are located near river valleys and settlements where cultures develop. Despite the fact that all of them were destroyed by robbers, considering the relative richness, size and complex architecture of the finds, it is understood that they are elite tomb structures that are clearly distinguished from ordinary burials. In my opinion, mausoleums should be priority complexes in defining the Late Bronze Age Central Kazakhstan culture. Mausoleum-type tombs and Group I vessels are artifacts that emphasize the ritual meanings rather than ordinary and daily needs and reflect the whole of common movements, feelings and thoughts in the cultural development of the region. It is thought that 650–700 tons of granite material was used in the construction of a mausoleum. It has been calculated that it requires at least a thousand times more labor than the construction of ordinary tombs [Beisenov et al. 2017: 453]. Its construction is only possible with the organized movement of the people living in the region. In this respect, we do not see two different cultures under the name of Begazy-Dandybay and Alekseev cultures, whose complexes are separated from each other with definite lines. Mausoleums reflect the traces of the common movement and thus the dominant culture. Therefore, these complexes have been pointed out under the name of “Begazy-Dandybay culture” since the first studies in Central Kazakhstan, especially in A.Kh. Margulan’s studies. In this case, how should the Begazy-Dandybay culture be defined? To define culture, we must first identify the dominant culture. Dominant culture is the culture that represents the dominant archaeological style in period in the defined the area. Subculture, on the other hand, is the name given to the cultures that are accepted or thought to exist based on certain concrete data in the

Fig. 2. Classical Turkic Period Burials with balbals in Mongolian Altai
[Photography by A.Z. Bayburt, 2017– OTAK Archive]

dominant culture. According to this definition, the Late Bronze Age of Central Kazakhstan is a formation that includes the existing Alekseev culture in the region as a subculture and developed under the influence of Karasuk migrations. This definition can be valid for at least the Central Kazakhstan within the vast area where the Alekseev culture expand².

Undoubtedly, mausoleums are the complexes that have the most important role in this definition. Structures similar to mausoleums are not seen in the Karasuk culture. For this reason, the Begazy-Dandybay culture cannot be a local variant or an ordinary extension of the Karasuk culture. Begazy-Dandybay culture is a unique culture shaped by the effect of Late Bronze Age Karasuk migrations. It has created its own unique development within the conditions of the Central Kazakhstan. Similar mausoleums were not encountered in the Eurasian steppes during the Bronze Ages³. Central Kazakhstan is located on a transi-

² The vessels similar to Group I was found in many complexes outside Central Kazakhstan were found in many complexes in North and East Kazakhstan, Baraba forest-steppe, Irtysh region and Kulunda steppe, Aral-Syr Darya, Semireç'ye Reigon and Kyrgyzstan to a more or lesser extent. It should not be overlooked that a different type of ceramic tradition from the Andronovo community ceramics was widespread in the Late Bronze Age. The metallurgy of the Andronovo community continues into the Cenral Kazakhstan complexes of Late Bronze Age. Despite this, metal objects that are frequently found in Karasuk complexes are also encountered in the complexes of Central Kazakhstan. For exemple, *Karasuk dagger* was found in Atasu-I and Kent settlements in Central Kazakhstan. In general, there are no serious changes in metallurgy in the Late Bronze Age. This may be due to the fact that there are always objects of high commercial value among cultures, whose production is always needed.

³ Tagisken mud-brick mausoleums on Syr Darya shore and Karaoba mud-brick mausoleums on Irtysh river shore can be evaluated within the Begazy-Dandybay culture.

Fig. 3. Pazyryk Kurgan with balbals in Mongolian Altai [Photography by A.Z. Bayburt, 2017– OTAK Archive]

tion route between the Ural and the Altai. It is not an isolated region closed to surrounding cultures. Therefore, different traditions and practices can easily find a place for themselves in this area. Its geography of mountlets provides sheltered areas. The region is rich in mines, especially copper and tin, which are raw materials of bronze. Therefore, the strategic importance of the region has always been at the forefront during the Bronze Ages. These features strengthen the sovereignty concern over the property right of the region. The reason why this type of structures with distinctively elite tomb features are seen in Central Kazakhstan in the Bronze Age must have been a conflict environment that would support different social statuses. The Sayan-Altai is an isolated area surrounded by mountains and taiga. We cannot say the same situation for the Sayan-Altai.

However, we can observe similar structures/features in the Early Iron Age. Tagar culture kurgans are similar to Begazy mausoleums. In Tagar kurgans, as in Begazy mausoleums, generally vertical and horizontal large stone slabs are used on the outer walls. The lines extending between the tomb chamber and the outer walls of the Aibas-Darasy mausoleum resemble the Arzhan and kurgans of Tuva regions in Early Iron Age [Chugunov 2002: 144–147]. L.R. Kyzlasov refers to the Begazy-Dandybay culture through the log construction and burial chamber design with two intertwined square walls in the center of the Arzhan-1 kurgan [Kyzlasov 1977: 73–76]. The connections between the Begazy-Dandybay culture and the Tasmola culture, which is the Central Kazakhstan local Saka culture, were frequently mentioned by A.Z. Beisenov and his colleagues. The scholars associate the dromos tradition of the Tasmola culture kurgans with the Begazy-Dandybay culture [Beisenov et al. 2016: 29–30].

In Begazy-Dandybay culture, dromos are seen in Buguly-III, Sarykol' tomb 7 and Begazy 1–6 mausoleums. The dromos is an important characteristic of the tomb architecture, which we see especially emphasized in the Begazy mausoleums. The meaning of dromos is not just about the direction of the entrance to the tomb. At the same time, it is clear that special meanings are attributed to the dromos. In this respect, the Begazy-Dandybay culture is the only one to have developed a distinctive dromos tradition within itself during the Late Bronze Age and possibly before. From a general perspective, the dromos can be associated with the orientation of the tomb structures. The walls of the mausoleums are always oriented according to the compass direction. Dromos are always articulated to the Eastern edge of the outer wall when applied. The most important difference is the dromos of the Buguly-III mausoleum, which forms a corridor between the burial chamber and its outer walls. The exact direction of Dromos points to the Northeast. Deviations in orientation should relate to the summer and winter solstices. Similar deviations are seen in the dromos of Tasmola tombs [Beisenov et al. 2016: 29–30]. The main direction should be determined according to the sunrise. More generally, the structures must be oriented relative to the sun for a specific technic. The direction of the entrance to the burial chamber is the proof that the structure was oriented according to a certain direction.

It has been noted that the dromos identified belonging to the Tasmola culture always extend towards the East [Beisenov et al. 2016: 29–30]. A.Z. Beisenov states that the dromos extending to the East were transferred to Western Kazakhstan through the Tasmola culture and to Scythian barrows in the Don river basin in Ukraine [Beisenov 2020: 141–142]. The dromos of the Besshatyr Kurgans in Semirech'ye, similar to the Begazy mausoleums, and the dromos of Shilikty Kurgan 5 in East Kazakhstan again extend to the East [Kizlasov 1977: 73]. The same can be said for the Tagar kurgans in Sayan-Altai. The Ulu Salbyk Kurgan has a similar dromos attached to its eastern wall. According to L.S. Marsadolov, the walls of the dromos and the kurgan were planned according to astronomical observations and the movements of the sun [Marsadolov 2014: 59–65]. The dromos, made of large slabs of horizontally and vertically positioned stones extending to the East, continues the tradition of Begazy mausoleums.

Building dromos makes it easy for us to determine the direction of the structures. In the absence of dromos, we can follow the direction of the structures over other evidences. For example, the entrance to the burial chamber of the Issyk Kurgan must be from the East, according to K.A. Akishev. It is a remarkable proof that the Eastern side of the burial chamber is cleared of objects and that a transition area is left between the bones of the deceased and the vessels. According to K.A. Akishev, this setting is related to the dromos, which we know from the Besshatyr Kurgans [Akishev 1978: 43]. For this reason, it can be thought that the entrance of the Issyk Kurgan was positioned towards the East. Along with such inferences, we also have more distinctive structures added to the tomb architecture. For example, extensions called “mustache” in Tasmola culture tombs extend towards the East [Kadyrbaev 1966: 309]. Kherekurs which are common in Mongolia, Trans-Baikal, Altai, and Tuva, resemble a stone-paved “road” dromos between the fence and the kurgan. In the same way, we have determined that the kherekurs burial mounds paving roads always extend to the East direction, which we determined in the studies we carried out in the Central Mongolia region by Dokuz Eylül University under the leadership of A.S. Güneri [Güneri et al. 2018: 42–47]. Another sign that the tomb structure is positioned towards the East is balbals and anthropomorphic sculpture. *Tashbaba/каменная баба* and balbals seen in Classical Turkic Period tombs are always positioned to the East. The Tonyukuk temple is surrounded by a double wall like the Begazy mausoleums [Güneri et al. 2018: 90–106]. The balbals extending in two parallel rows to the Eastern side of the Tonyukuk temple resemble the dromos of the Begazy mausoleums. Although the architectural elements are different but the general plan of the Tonyukuk temple resembles the Begazy mausoleums. The Eastern orientation of the structures shows the developmental line extending to the Classical Turkic Period⁴.

⁴ The remarkable change in the Eastern orientation is the Xiongnu elite burial structures in the Gol Mod Complex. The dromos of the tombs extend towards the South. A similar situation is also valid for the dromos of the

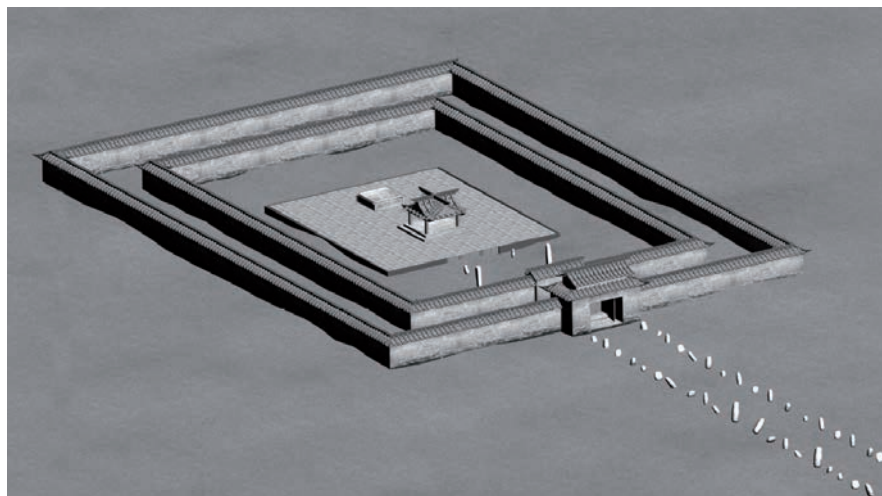

Fig. 4. Restitution of Tonyukuk Temple – after: [Güneri et al. 2018]

Early examples of balbals are found in the Kurgans of the Early Iron Age Pazyryk culture. Our studies carried out since 2001, covering the Mongolian Altai under the leader of A.S. Güneri on behalf of Dokuz Eylul University, revealed clearly that the Pazyryk Kurgans in the region have balbals extending to the East [Bayburt 2018: 28]. The balbals of the Altaian Pazyryk kurgans have been photographed by us first time here. Balbal was found in nineteen different

Pazyryk kurgans in Mongolia Altai. It has been determined that the Pazyryk kurgans have at least three and at most five balbal rows. The existence of balbals in the Pazyryk culture provides a direct link between the Classical Turkic Period and the Pazyryk culture. The fact that the balbals are oriented only towards the East indicates the existence of traditions that continue in the period between the Begazy-Dandybay culture and the Classical Turkic Period. The Pazyryk culture, which was influential in the Altai, and the Korgantas late period of the Tasmola culture with contemporary. A.Z. Beisenov and his colleagues revealed that the Korgantas people, which do not differ sharply from the Tasmola population, are directly related to the Sayan-Altai Pazyryk population [Beisenov et al. 2015: 104–105].

The tradition of making sculpture-stelae begins with the Okunev culture (2500–1500 BC), which developed in the Sayan-Altai within the steppe cultures. According to A.S. Güneri, the sculptures-stelae of the Okunev period may show the transformation of the art of sculpture into simple forms, in a common development line extending to the sculptures of the early nomads and subsequently to the Classical Turkic Period *tashbaba/каменная баба* [Güneri 2022: 802–810]. Stelae can be found alongside burial complexes (such as Buguly-III mausoleum and Sangru-III mausoleum 2), in burial chamber (Begazy mausoleum 1, Begazy mausoleum 2, Buguly-III) or separately from burial complexes or in groups or singly. The dating of those found separately from the burial complexes and the culture they belong to is controversial. Despite this, stelae dated to the Bronze Age in Central Kazakhstan are generally associated with the Begazy-Dandybay culture [Margulan 1998: 331–348; Beisenov 2020: 142]. For this reason, the Early Iron Age Tasmola culture stelae are considered to be directly related to the Begazy-Dandybay culture. It has been determined that “Kurgan 37 Warrior” belonging to the Tasmola culture and stelae placed around the Besshatyr kurgans in Semirech’e [Beisenov 2016: 189–197]. Although the Stelae resemble the later Pazyryk culture and Classical Turkic Period balbals, their placement and orientation are different. However, the fact that the stelae form sequential lines around the burials indicates that they may have similar ritual meanings to the balbals. The stelae seen in the Tasmola culture, in the later period, definitely develop into a balbal in the Pazyryk culture practices of the Altai and appear as the practitioners of a typical tradition of the Classical Turkic Period. Anthropomorphic sculptures related with the kurgans are

shoroon bumbagar kurgans dated to the end of the Classical Turkic Period (Uighur). In my opinion, the Southward orientation of the dromos can be interpreted as a result of the Chinese influence occasionally seen in the Mongolian steppes. The orientation of the buildings may have been towards the South, that is, towards China.

unearthed in the Kosoba, Begazy, Baydaly, Taldy-2 and Jilandy borrows belonging to the Tasmola culture [Beisenov 2017: 59–61]. These statues can be considered as part of the burial rites. The *tashbaba/каменная баба* placed right next to/in front of the Classical Turkic Period burials and sanctuaries should have similar construction purposes. This similarity may indicate links between Tasmola culture and Classical Turkic Period [Beisenov 2017: 59–61].

Conclusion

The Andronovo community left its place to the Alekseev culture in the middle of the 2nd millennium BC. The reason for this change must be the Karasuk migrations. Karasuk culture is associated with Irmen Culture in Upper Ob' and Slab Grave Culture in Mongolia-Trans Baikal [Güneri 2022: 923–924]. The areas where the metal artifacts belonging to the Karasuk culture are seen extend as far as the Baikal region, Mongolia and Northern China in Late Bronze Age [Askarov et al. 1992: 450–458]. The migrations of Karasuk culture prepare the Early Iron Age Saka spread in a wide area from Kazakhstan to China. Both the Karasuk culture and the Begazy-Dandybay culture influenced the Early Iron Age Saka cultures. I suggest that the Begazy-Dandybay culture, which developed in Central Kazakhstan, is a unique Late Bronze Age culture that has close relations with its contemporary Karasuk culture. Begazy-Dandybay culture Group I ceramics are a part of the Sayan-Altai tradition, which has been transferred from the Neolithic period to the Karasuk culture without interruption. The fact that the vessels similar to the Group I are more or less spread over a wide area should be considered by the researchers. Nevertheless, the usage area of the I group of vessels in the Central Kazakhstan is more special.

The mausoleums of the Begazy-Dandybay culture form a prototype of the elite tombs of the Saka cultures of the 1st millennium BC. The dromos, which we think are especially emphasized in the Begazy mausoleums, are located in the East. Building dromos and positioning according to the East has spread over a wide area, especially in Kazakhstan and Sayan-Altai. It is clear that this orientation, which we can call the “East orientation phenomenon”, was made according to the sunrise. I think it has to do with “the cult of the Sun”. It has become a tradition in the positioning of buildings in the Classical Turkic period. A.Z. Beisenov and his colleagues state that the gates of the Kazakh “*yurt*” are always located to the East [Beisenov et al. 2017: 30]. It is determined that stelae is placed in and around the burial chamber of the mausoleums. The stelae placed around the kurgans appear in the Besshatyr kurgans and Tasmola culture complexes in the early period, and in the Pazyryk culture in the later period. It was placed around the tombs, probably as a product of the same way of thinking as *tashbaba/каменная баба* and balbals we see in the Classical Turkic period. The burial rites of the Begazy-Dandybay culture allow us to follow the special practices transferred through the Early Iron Age cultures from the Bronze Ages to the Classical Turkic Period.

REFERENCES

- Akışev K.A. Epokha Bronzy Tsentralnogo Kazahstana: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Leningrad: Hermitage, 1953. 18 p.
- Akışev K.A. Kurgan Issyk. İskusstvo sakov Kazahstana. Moscow: İskusstvo Publishers, 1978. 140 p.
- Askarov A., Volkov V., Odjav N. Pastoral and Nomadic Tribes at The Beginning of The First Millennium B.C. // ed. Dani A.H., Masson V.M. History of Civilizations of Central Asia. Vol. 1: The Dawn of Civilization Earliest Times to 700 B.C. Paris: Unesco Publishing, 1992. P. 450-463.
- Bayburt A.Z. Dokuz Eylül Üniversitesi'nin Mogolistan'da Yürüttüğü Arkeolojik Çalışmalar // Türk Eskiçağ Bilimleri Enstitüsü Haberler. 2018. No. 44. P. 25-28.
- Bayburt A.Z. Merkezî Kazakistan Son Tunç Çağı Begazy-Dandıbay Kültürü: Çevresel İlişkiler ve Köken Sorunu, DEÜ: Master thesis, 2019. 354 p.
- Bayburt A.Z. İskit Kültürünün Oluşum Evresinde Begazy-Dandıbay Kültürü. Ankara: Atayurt, 2022. 225 p.

- Beisenov A.Z.* Results of New Researches of the Sak Time in Central Kazakhstan // International Academic Conference on Cultural Exchange Between Korea and Altai Regions. Almaty, 2014. P. 149-167.
- Beisenov A.Z.* Burial and Ritual complex 'Kurgan 37 Warriors' in Central Kazakhstan // Cultural Exchange on Silk Road and Altaic World, Asian Academic Research Series. Korea: Gachon University 2016. Vol. 7. P. 189-197.
- Beisenov A.Z.* Tasmola Culture. Stone Sculptures and Menhirs // Istoriya i arkheologiya Turana. 2017. No. 2. P. 59-66.
- Beisenov A.Z.* Tasmola: A Ray of Gold, Glittering in the Steppe // Istoriya i arkheologiya Turana. 2020. No. 5. P. 138-162.
- Beisenov A.Z., Varfolomeev V.V., Kasenalin A.Y.* Pamyatniki Begazy-Dandybayevskoy Kulturi Tsentralnogo Kazakhstana. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2014. 192 p.
- Beisenov A.Z., Duisenbai D., Akhiyarov I., Sargizova G.* Dromos Burials of Tasmola Culture in Central Kazakhstan // Anthropologist. 2016. No. 26 (1). P. 25-33.
- Beisenov A.Z., Ismagulova A.O., Kitov E.P., Kitova A.O.* Naselenie Centralnogo Kazakhstana v I tysyacheletii do n.e. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2015. 188 p.
- Beisenov A.Z., Kukushkin I.A., Duisenbai D.B.* Karagandinskaya oblast: Karajartas, mogilnik // Sakralnaya geografiya Kazahstana: Reyestr obyektov prirody, arkheologii, etnografii i kul'tonoy arkhitektury, ed. K.M. Baypakov. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2017. P. 451-453.
- Bokovenko N.A.* The Emergence of the Tagar Culture // Antiquity. 2006. No. 80 (310). P. 860-879.
- Chlenova N.L.* Khronologiya pamyatnikov karasukskoi epokhi. Moskva: Nauka, 1972. 248 p.
- Chugunov K.V.* Khereksury Tsentralnoy Azii: K Voprosu Ob Istokah Traditsii // Severnaya Yevraziya v Epohu Bronzy: prostranstvo, vremya, kultura / ed. A.A. Tishkin. Barnaul, 2002. P. 142-150.
- Gryaznov M.P.* Pamyatniki Karasukskogo etapa v Tsentralnom Kazakhstane // Sovyetskaya arkheologiya. 1952. No. 16. P. 129-162.
- Güneri A.S.* Türk Altay Kuramı: Arkeolojik Belgeler Işığında Kuzey Asya'da Türklerin Erken Kültür Tarihi. Ankara: Atayurt, 2022. 1285 p.
- Güneri A.S., Berkant E.B., Avcı A., Bayburt A.Z., Yalnız A., Çoban R., Yüksel F.A.* Tonyukuk 2015: Dokuz Eylül Üniversitesi Adına Moğolistan'da Yapılan Arkeolojik Çalışmalar. İzmir: DEÜ, KAM Yayınları, 2018. 151 p.
- Kadyrbayev M.K.* Pamyatniki tasmolinskoj kultury // Margulan A.Kh., Akishev K.A., Kadyrbayev M.K., Orazbayev A.M. Ancient culture of Central Kazakhstan. Alma-Ata: Nauka, 1966. P. 303-433.
- Kyzlasov L.R.* Uyuksky kurgan arzhan i vopros o proishojdenii sakscoy kul'ture // Sovyetskaya arkheologiya. 1977. No. 2. P. 69-86.
- Koryakova L.V., Epimakhov A.V.* The Urals and Western Siberia in The Bronze and Iron Ages, Cambridge World Archaeology, Cambridge: University Press, 2006. 383 p.
- Kuzmina E.E.* The Origin of the Indo-Iranians. Ed. J.P. Mallory. Leiden-Boston: Brill, 2007. 762 p.
- Loman V.G.* O kulturnih tipah pamyatnikov finala epohi bronzy Kazahstana // Begazy-dandybayevskaya kultura Stepnoy Yevrazii. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny 65-letiyu Zh. Kurmankulova / ed. A.Z. Beisenov. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2013. P. 247-259.
- Lunde P., Stone C.* (trans.). Ibn-i Fadlan and the Land of Darkness: Arab Travellers in the Far North. London: Penguin, 2012. 304 p.
- Marsadolov L.S.* The Great Salbyk Barrow in Siberia (Archaeoastronomical Aspects of its Studying) // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2014. No. 2 (2). P. 59-65.
- Margulan A.Kh.* Begazy-Dandybayevskaya Kultura Tsentralnogo Kazakhstana. Margulan Sochineniya. Tom 1. Almaty: Atamura, 1998 (first edition 1979). 400 p.
- Varfolomeev V.V.* Begazy-dandybayevskiy fenomen: kultura i subkultura // Margulanovskiye chteniya—2011: materialy mejdunarodnoy arheologicheskoy konferentsii / ed. M.K. Khabdulina. Astana: Gumilyov Eurasian National University, 2011. P. 49-51.
- Varfolomeev V.V.* Keramika superstratnogo oblika iz pamyatnikov begazy-dandybayevskoy kultury // Begazy-dandybayevskaya kultura Stepnoy Yevrazii. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny 65-letiyu Zh. Kurmankulova / ed. A.Z. Beisenov. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2013. P. 167-197.

Н. Т. Рахимов

Набиджон Турдиалиевич Рахимов,
Худжандский государственный университет
имени академика Б.Г. Гафурова,
г. Худжанд, Таджикистан; nabir@mail.ru

Памятники кайракумской культуры предгорной полосы: Наволи

Аннотация. В статье представлены материалы по изучению памятников позднего бронзового и раннежелезного века Северного Таджикистана. Самая большая концентрация разных памятников зафиксирована в ущелье Наволи, верховья р. Арглы. Территория ущелья разделена на две части поперечной линией из камней. В верхней части ущелья обнаружено около 100 пунктов петроглифов. Основной сюжет – горные козлы. В нижней части Наволи отмечены курганные могильники. Автор представил результаты раскопок нескольких курганов. Изучение петроглифов и курганов показало, что эти памятники связаны между собой и относятся к кайракумской культуре (поздний бронзовый и ранний железный век). Изучение памятников эпохи бронзы на северных склонах Туркестанского хребта даёт очень важный материал по истории, хозяйству, духовной культуре и направлениям миграций племён конца II – первой трети I тыс. до н.э. на территории Таджикистана.

Ключевые слова: Северный Таджикистан, предгорья Туркестанского хребта, кайракумская культура, археологические памятники, петроглифы, курганы

Набиджон Турдиалиевич Рахимов,
Академик Б.Г. Гафуров атындағы
Худжанд мемлекеттік университеті,
Худжанд қ., Тәжікстан

Тау етегі белдеуіндегі кайракум мәдениетінің ескерткіштері: Наволи

Аннотация. Мақалада Солтүстік Тәжікстандағы соңғы қола және ерте темір дәуірі ескерткіштерін зерттеу бойынша материалдар ұсынылған. Әртүрлі ескерткіштердің ең көп шоғырлануы Арглы өзенінің жоғарғы ағысындағы Наволи шатқалында тіркелген. Шатқалдың аумағы көлденең тас сызығымен екі бөлікке бөлінген. Шатқалдың жоғарғы бөлігінен 100-ге жуық петроглиф табылды. Негізгі сюжетті тауешкілер құрайды. Наволидің төменгі бөлігінде обалы қорымдар белгіленген. Автор бірнеше обалардың қазба жұмыстарының нәтижелерін ұсынады. Петроглифтер мен обаларды зерттеу бұл ескерткіштердің бір-бірімен байланысты екенін және кайракум мәдениетіне (соңғы қола және ерте темір дәуірі) жататынын көрсетті. Түркістан жотасының солтүстік беткейлеріндегі қола дәуірінің ескерткіштерін зерттеу Тәжікстан территориясындағы б.д.д. II мыңж. соңынан – I мыңж. тайпаларының тарихы, шаруашылығы, рухани мәдениеті және қоныс аударуы бойынша өте маңызды материал береді.

Түйін сөздер: Солтүстік Тәжікстан, Түркістан жотасының етегі, кайракум мәдениеті, археологиялық ескерткіштер, петроглифтер, обалар

Nabijon Rahimov,
Khujand State University
named after academician B.G. Gafurov,
Khujand, Tajikistan

Sites of the Kairakkum culture of the foothill strip: Navoli

Abstract. The article presents materials on the study of monuments of the Late Bronze and Early Iron Age of Northern Tajikistan. The largest concentration of various monuments is recorded in the Navoli Gorge, the upper reaches of the Argly River. The territory of the gorge is divided into two parts by a transverse line of stones. About 100 points of petroglyphs were found in the upper part of the gorge. The main subject is mountain goats. Burial mounds are marked in the lower part of Navoli. The author presented the results of excavations of several mounds. The study of petroglyphs and mounds showed that these monuments are interconnected and belong to the Kairakkum culture (late Bronze and Early Iron Age). The study of Bronze Age monuments on the northern slopes of the Turkestan ridge provides very important material on the history, economy, spiritual culture and directions of migration of tribes of the late 2nd – first third of the 1st millennium BC on the territory of Tajikistan.

Keywords: Northern Tajikistan, foothills of the Turkestan Range, Kairakkum culture, archaeological sites, petroglyphs, barrows

В середине XX в. в западной части Ферганской долины, к востоку от г. Худжанд (Согдийская область, Таджикистан), в урочище Кайраккум был обнаружен очаг культуры степной бронзы, названной по местности наибольшей концентрации памятников «Кайраккумской культурой». Первооткрыватель Кайраккумской культуры Б.А. Литвинский изучил остатки поселений и могильников племён, обитавших в долине Сырдарьи во второй половине II – в первой трети I тыс. до н.э. Было установлено, что основным занятием племён Кайраккумской культуры было скотоводство, кроме которого они занимались земледелием и металлургией. Также была отмечена тесная культурная связь кайраккумских племён с носителями андроновской культуры [История 1998: 151–153; Литвинский и др. 1962: 405].

Долгое время считалось, что единственным памятником за пределами основного ареала Кайраккумской культуры является навес Актанги в северных складках Туркестанского хребта, где отмечены слои эпохи бронзы, датированные XIV/XI – VI вв. до н.э. [Литвинский, Ранов 1964: 18–20].

В 2006 г. сотрудники Таджикско-Германской экспедиции обнаружили в Наволи – одном из боковых ущелий долины высокогорной р. Арглы (Деваштичский р-н, Согдийская обл., РТ) курганы и петроглифы, часть которых относится к эпохе поздней бронзы. Наволи – не очень широкая долина, образованная правым притоком р. Арглы – Наволисаем. Поперечная стена, сложенная из камней (каменный ряд), делит долину на две части: в верхней части обнаружены петроглифы, ниже от каменной стены зафиксированы отдельные курганы и небольшие их скопления, включающие, как правило, 4–7 курганов разных размеров [Рахимов 2016: 90-92].

Следует отметить, что само название ущелья и сая, его интерпретация представляют определённый интерес для исследования. Топоним Наволи связан с древней ирригацией: в древнем Согде специальные водорегулирующие устройства (специальные фашины для перекрытия потока воды или углубления дна канала) в головных ирригационных сооружениях назывались «навала» или «навола» [Андрианов 1986: 13]. В таджикском языке «нов» обозначает лоток или трубу для проведения воды. И действительно, образуясь из родников верхней части ущелья, ручьи сливаются в местности Дуоба в довольно многоводную и бурную речку, но к конусу выноса ущелья почти вся вода уходит под грунт, выбиваясь на поверхность в 2–3 км ниже по долине Арглы. В этом районе начинаются и корезы древней Уструшаны.

В верхней части ущелья Наволи обнаружены петроглифы. Изображения нанесены на поверхностях отдельных больших и среднего размера камней по горным склонам. Зона петроглифов образует своеобразный полумесяц, начинающийся от самых верхних родников, по правому берегу ручья и до родников следующего восточного ущелья. Рисунков на камнях много в верхней части, по пути к родникам Дуба. Всего зафиксировано 97 пунктов. Рисунки нанесены на плоских поверхностях валунов и камней. На одних камнях – одиночные фигуры животных, на других, более крупных по размеру, – по несколько рисунков. Основным сюжетом рисунков являются горные козлы (козероги), встречаются и изображения других животных, солярные знаки, линии (рис. 1, XIII, XVII; 2, IX, XII, XXV; 3, XXIV). Так, у самого ручья, чуть выше берега, лежит камень с изображением 4-х козлов. Композиция интересна тем, что три козла обращены головой на запад и их рога сильно загнуты назад и закручены. Четвертый козел обращен головой в противоположную сторону. Контуры его рогов также отличаются: рога поднимаются прямо над головой и только на самом конце слегка отогнуты назад (рис. 3, XVIII).

Среди петроглифов особый интерес вызывают изображения боевых колесниц, которые, как правило, связывают с арийскими племенами и датируют эпохой бронзы. Так, среди петроглифов восточного бокового ущелья много-

значительными являются рисунки на большом камне с плоской поверхностью (2.3×1 м). Рисунки покрыты тёмно-коричневой, с багровым отливом, патиной. Среди рисунков козлов – изображение колесницы. Колесница имеет два колеса, в каждом из которых обозначены по четыре спицы. Отчётливо просматривается дышло и поперечный брус – ярмо (рис. 1, XIXa). Аналогичные изображения известны по материалам других памятников, например, схожее изображение Тамгалы датировано исследователями памятника XIV–XI вв. до н.э. [Ариана... 2006: 660].

Другое изображение отмечено на большом валуне в верховьях речки. Здесь изображена пара колесниц, движущихся навстречу друг другу. Изображённые колесницы также двухколёсные, но имеют кузов прямоугольной формы. Еще несколько петроглифов содержат отдельные колёса и другие элементы колесниц. Изображения колесниц на петроглифах эпохи бронзы хорошо известны в исторической литературе и интерпретированы многими исследователями [Ранов 2006: 132–134; Генинг 1977: 63–73]. Особое разнообразие изображений колесниц известно в Саймалыташе. Они датированы III – началом II тыс. до н.э. [Ариана 2006: 334; Бернштам 1952; 1997; Ташбаева 2004: 75]. Принято считать, что эти изображения имеют сакральный характер. Установлено, что культ колесниц существовал длительное время и первоначально был теснейшим образом связан с солярным культом. Впоследствии представления, связанные с колесницами, всё более усложняются и сакрализуются.

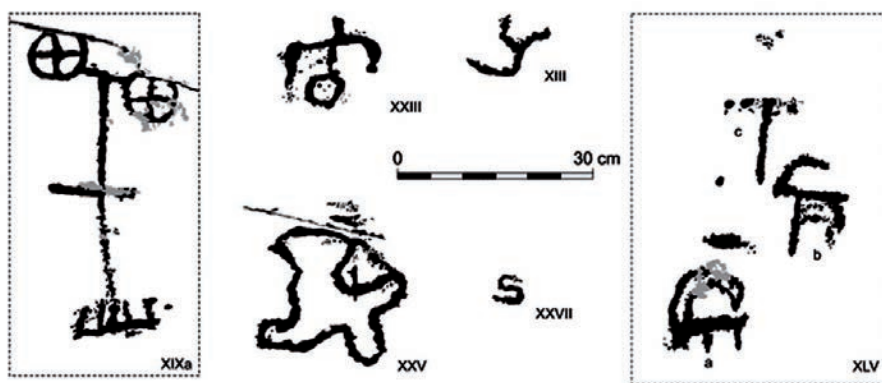

Рис. 1. Петроглифы Наволи. Сюжеты. Колесница

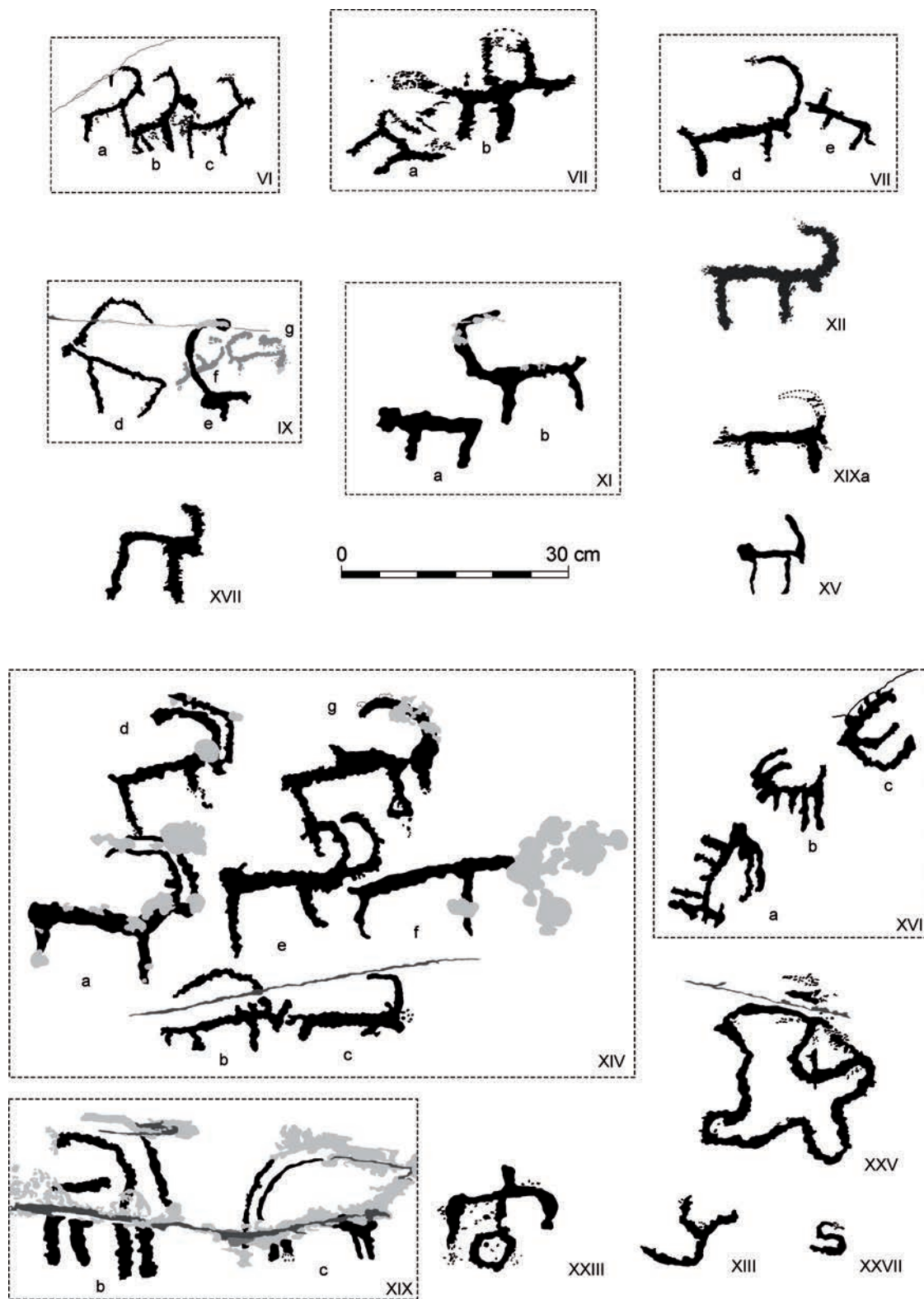

Рис. 2. Петроглифы Наволи. Варианты изображений козорогов

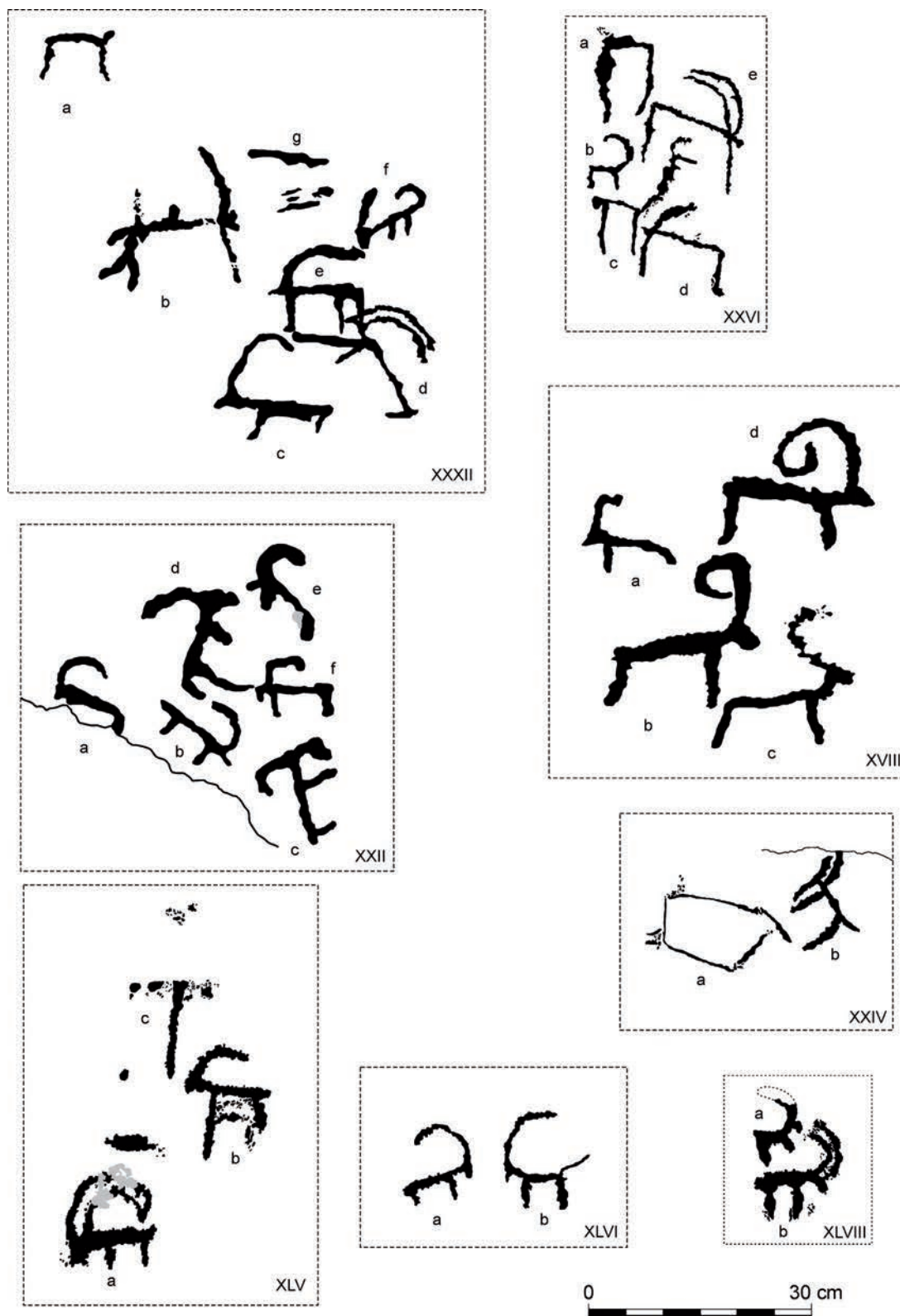

Рис. 3. Петроглифы Наволи. Композиция из 4-х козорогов

В Авестийских текстах упоминается «страна добрых колесниц» - Хванирата, которая располагалась между реками Ранха (Сырдарья) и Вахва – Датья (Амударья). Одна из характерных традиций ариев – любовь к боевым колесницам: они сопровождали «хваниритцев» даже после смерти. В одном из погребений древних арийцев в Челябинской области (Синташта) археологи обнаружили остатки колесниц. По мнению известного археолога В.Ф. Генинга, «синташтский комплекс можно соотнести с традициями арийских (индоиранских) народов до прихода их в Иран и Индию» [Генинг 1977: 63–73; Хайдаров, Одегов 2006: 12].

Лошади и колёсный транспорт, а именно лёгкие скоростные колесницы, становятся особенно важными для быстрых и динамичных перемещений индоарийских племён на рубеже III–II тыс. до н.э. В какой-то мере распространение индо-ариев было связано исключительно с использованием ими колесниц. С внедрением колесниц становятся возможными сверхдальние перемещения сквозь обширные пространства Евразии. Для изготовления колёсного транспорта была необходима развитая металлургия. Необходимы были металлические орудия для работы с твёрдыми породами дерева из горных лесов. Именно из них изготавливались повозки. Исходя из аналогий, можно датировать петроглиф Новоли с колесницей концом эпохи бронзы, т. е. рубежом II–I тыс. до н.э. [Байтилеу 2007: 18]

В 10–15 м выше и к северо-востоку от описанного большого камня был зафиксирован другой камень, но меньший по размеру. Здесь тоже изображение горного козла, но в определенной степени стилизованное и отражающее сложную мифологию древних скотоводческих племен, обитавших на этой территории. В самой глубине восточного бокового ущелья, там, где начинается ручей, лежит большой валун с плоской верхней поверхностью, покрытой рисунками. Изображения на этом камне отличаются количеством и размерами: много маленьких рисунков, изображения козлов сильно стилизованные. А на другом валуне (площадь поверхности 90×90 см) – сцена охоты. С правой стороны стилизованная фигура охотника: длинная шея, одна рука отогнута назад, другая – вытянута вперед. Изогнутой линией показан лук. Лучник делает шаг для стрельбы. Перед ним – три фигуры горных козлов. В верхнем углу камня – еще один козел, но изображение сильно стилизованное (рис. 3, XXXII).

Еще один интересный камень – в средней части сая Новоли, по правому берегу ручья. Камень крупный, кубической формы (1×1.5×1.5 м), с плоскими поверхностями, покрытыми рисунками. На верхней поверхности выбиты изображения нескольких козлов разных размеров. Некоторые изображения – не очень отчетливые. Петроглифы покрыты плотной темной патиной.

На боковой поверхности камня, обращенной на запад, сохранились рисунки трех крупных и двух (?) небольших оленей. Очень интересны изображения крупных оленей. У переднего – круто загнутые рога (как у козлов). Следующий за ним олень имеет рога в виде прямой линии, от которой отходят ветки в одну сторону. Одна передняя нога согнута, что указывает на движение козла. Третий олень, несколько меньший по размерам, имеет прямые, почти вертикально поставленные рога в виде прямой линии, от которой отходят две ветки в разные стороны. Судя по размерам и рогам, это изображение молодого оленя. Ниже трех крупных оленей есть изображение еще двух оленят. Над изображениями оленей выбита фигура человека, а еще выше – собака (?). Похожие сцены известны и на многих других памятниках наскального искусства Центральной Азии. Как отмечает К.И. Ташбаева, мирные и спокойные позы медленно идущих животных дают возможность предположить, что в этих рисунках изображены стада, скорее всего, домашних животных [Ташбаева 2004: 98]. Это подтверждают фигуры человека (пастуха?) и собаки, изображенных ря-

дом с животными. Несомненно, эти сюжеты характеризуют скотоводческое хозяйство населения, оставившего рисунки.

Рисунки на разных поверхностях отличаются техникой выбивки. По всей вероятности, петроглифы верхней поверхности, более реалистичные, ранние (VII–V вв. до н.э.). Петроглифы на боковой поверхности выполнены более схематично, т. н. «линейной» техникой и, следовательно, относительно поздние (I–VI вв. н.э.).

Следует отметить и петроглиф, вероятно изображающий сцену ритуальных танцев: две человеческие фигуры, а между ними – козел, стоящий на прочерченном овале. Фигуры людей отличаются друг от друга: верхняя фигура более массивная, с выраженным признаком пола. Руки этого человека вытянуты в стороны, в одной из них предмет в виде заостренной палки (?). Нижняя фигура более изящная. Отличается фигуры и формой головы.

Интересен валун в верховьях Новолиса, примерно в 3 м выше начала ручья. Рисунок нанесен на плоской поверхности валуна (1.3×1.3 м), обращенного на юг. Здесь мы видим сцену охоты: изображение охотника (человек, натягивающий тетиву лука) и горного козла.

Наиболее интересным по сюжету и содержанию является петроглиф у самого родника, откуда берет начало ручей Новоли. Это камень среднего размера с изображением сцены жертвоприношения: человек с поднятыми вверх руками (мольба, молитва), фигурки козлов (жертвы).

Особый интерес вызывает изображение в левом верхнем углу камня. Здесь изображение двух вертикально стоящих козлов. Животные расположены строго симметрично с соединенными передними и задними конечностями. Изображения обоих козлов настолько схожи в деталях, что создают зеркальное отражение друг друга.

Трудно сказать, это изображение представляет отдельный сюжет или же создает одну композицию с изображением человека и других козлов. Прямых аналогий нет, хотя антропоморфные фигуры и парное изображение животных известны и по другим памятникам.

В предгорных ущельях (Дукчи, Кабутак, Наволи и др.) долины Арглы зафиксированы и могильники, оставленные ранними скотоводческими племенами. Как было отмечено, в долине Наволи открыты и раскопаны несколько курганов (Наволи 4В, 4С, 4Д, 4Е), связанные с петроглифами.

Курган Наволи 4Е – один из крупных по размеру, расположен на высоком правом берегу Новолиса. Курган сложен из камней средних размеров. Раскопки показали, что погребение было нарушено грабителями ещё в древности. В восточной половине обнаружен небольшой сильно разрушенный череп. Уровнем ниже найдены кости нижних конечностей. В западной половине – фрагменты ещё одного черепа и кости. Предположительно, это совместное захоронение взрослого и ребенка. Керамика представлена мелкими фрагментами. Хотя форм не сохранилось, фрагменты предположительно относятся к кайракумской керамике. Другой большой курган был раскопан в соседнем ущелье Тукчи, примыкающем к Наволи с востока. Курган Тк-3А – крупный, диаметром 14 м, расположен на господствующей высоте, сложен из крупного известняка. Высота искусственной части кургана – 1.4 м. Однако кажется высоким из-за расположения на верхней части холма естественного происхождения. Поверхность кургана сильно задернована. В центральной части поверхности углубление, образованное от вынутых камней. Это указывает на то, что курган был ограблен. При зачистке первого ряда камней были найдены крупные зубы коровы. Далее зачищен новый ряд камней, между которыми найдены фрагменты костей. В южном секторе – много фрагментов керамики. В основном, это фрагменты одного сосуда, разбитого в древности, т. к. края излома очень старые. Сосуд лепной, изготовлен из глины серого цвета. Тесто грубое. Венчик,

подправленный в срезе, слегка отогнут наружу. На фрагментах – остатки орнамента, по которому сосуд можно отнести к керамике андроновского круга.

Ниже по уровню дневной поверхности найдены другие кости. В западной части ямы, на глубине 50–70 см от дневной поверхности, найдены два фрагмента черепа – лобная часть и висок. Позже была найдена и затылочная часть черепа. Череп оказался придавлен камнем. По соседству другой плоский камень придавил керамический сосуд.

Изучение ситуации расположения курганов и сюжетов петроглифов Наволи указывают на несомненную связь между ними. При раскопках могильника Наволи не был получен яркий датирующий материал, многие курганы были ограблены, кости скелетов перемещены. Однако обкладывание могильной ямы плоскими камнями, каменные ящики и другие элементы погребальной обрядности, а также отдельные фрагменты серо-глиняной керамики с характерным орнаментом, указывают на принадлежность населения к кайракумской культуре бронзового века. Очевидно, что у кайракумцев-скотоводов сезонные перегоны скота зависели от климата: в мае–сентябре, когда в долине Сырдарьи очень жарко и трава высыхает, скот перегонялся на юг, в горные пастбища Туркестанского хребта. Находки курганов и петроглифов подтверждают это. А сцены охоты и пастбы среди петроглифов Наволи свидетельствуют о занятиях этих племён.

Учитывая близость расположения и датирующих материалов Актанги и памятников верховий Арглы, можно говорить о памятниках эпохи позднего бронзового века на северных склонах Туркестанского хребта. Эти памятники дают материал о сезонных и устойчивых миграциях племён Кайракумской культуры. При этом нельзя точно говорить о том, насколько долгим было пребывание кайракумских племён на северных склонах Туркестанского хребта. Но сейчас ясно, что горные вершины хребта не стали для племён степной бронзы неодолимым препятствием. Более того, горные перевалы стали путями перегона скота и миграции.

Известно, что во второй половине II тыс. до н.э. андроновские племена двигались с севера на юг, по направлению к земледельческим оазисам. Направление миграций, очевидно, зависело от конкретных для каждого случая причин. Учитывая новые материалы, сейчас нельзя говорить об односторонних миграциях. Во всяком случае, к югу от Туркестанского хребта, теперь уже в верхней части долины р. Зарафшан, обнаружены следы пребывания племён андроновского круга – найдены отдельные захоронения этих племён, петроглифы Сои Сабаг в Горной Матче, а также могильник XII–XI вв. до н.э. – Дашти Кози, где были обнаружены три черепа «андроновцев» и вскрыто много погребений с андроновской керамикой [Бостонгухар 1998: 210; Исаков, Потёмкина 1989: 145–167].

Таким образом, изучение памятников эпохи бронзы на северных склонах Туркестанского хребта может дать очень важный материал по истории, хозяйству и миграциям племён бронзового века на территории Таджикистана.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрианов Б.В. Древняя ирригация Хорезма, Согда и Бактрии (историко-типологический анализ) // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. – VIII в. н.э.: тезисы докл. конф. Ташкент: Фан, 1986. С. 12-14.
- Ариана и Арианавейджа. Худжанд: Ношир, 2006. 778 с.
- Байтилеу Д.А. К истории изучения петроглифов Казахстана (по материалам исследований 70–80-х годов XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, философия. 2007. Т. 6, вып. 3. Археология и этнография. С. 17-23.
- Бернштам А.Н. Наскальные изображения Саймалы-Таш // СА. 1952. № 2. С. 50-68.

- Бернштам А.Н.* Наскальные изображения Саймалы-Таш // Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 1997. Т. 1. С. 288-407.
- Бостонгухар С. (Бобомуллоев С.)* Верховья Зарафшана во II тыс. до н.э. Душанбе: Дониш, 1998. 210 с.
- Генинг В.Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индо-иранских племен // СА. 1977. № 4. С. 63-73.
- Исаков А.И., Потёмкина Т.М.* Могильник племён эпохи бронзы в Таджикистане // СА. 1989. № 1. С. 145-167.
- История таджикского народа. В 6-ти т. Т. 1. Древнейшая и древняя история. Душанбе: Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ, 1998. С. 151-153.
- Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А.* Древности Кайрак-Кумов. Древнейшая история Северного Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1962. 405 с.
- Литвинский Б.А., Ранов В.А.* Раскопки навеса Ак-Танги в 1961 г. // Археологические работы в Таджикистане. 1964. Вып. 9. С. 3-24.
- Ранов В.А.* Колесницы Ариев по данным петроглифов Ақджилги (Восточный Памир) // Арийская цивилизация в контексте евразийских культур / Сост.: А. Раджабов, Р. Мукимов, П. Джашедов, Х. Назаров. Душанбе, 2006. С. 132-134.
- Рахимов Н.Т.* Археологические памятники Горной Уструшаны. Худжанд: Ношир, 2016. 222 с.
- Ташбаева К.И.* Памятники Кыргызстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы: ЮНЕСКО-Республиканский НИПИ ПМК, 2004. С. 75.
- Хайдаров Ш., Одегов В.В.* Следы арийской цивилизации в Прикамье. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 486 с.

Н. С. Бяшимова

Бяшимова Нургозель Сарыевна,
Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана,
г. Ашгабат, Туркменистан; nurgozel-b@mail.ru

Параллели в искусстве Южного Туркменистана и Ирана в эпоху энеолита

Аннотация. В статье делается попытка сравнения памятников декоративно-прикладного искусства раннеземледельческих племен Туркменистана и Ирана в эпоху энеолита. На территории Ирана известно большое число памятников энеолита, особое внимание среди которых привлекают поселения Сиалк, Гиссар, Шахри-сохте и Сеистан. На территории Южного Туркменистана большой интерес представляют такие памятники, как Гарадепе, Геоксюр, Намазга, Алтындепе. Привлекает внимание столь высокое сходство расписной керамики Ирана с южно-туркменистанскими образцами. Рассматривается орнамент эпохи энеолита, характерная черта всех зооморфных и антропоморфных образов юга Туркменистана и северного Ирана – предельная их орнаментальность.

Ключевые слова: Южный Туркменистан, Иран, энеолит, ранние земледельцы, культура, искусство, керамика, орнамент, знаки-символы

Нургозель Сарыевна Бяшимова,
Түрікменстан Ғылым академиясының Тарих
және археология институты,
Ашхабад қ., Түрікменстан

Энеолит дәуіріндегі Оңтүстік Түркіменстан мен Иран өнеріндегі ұқсастықтар

Аннотация. Мақалада энеолит дәуіріндегі Түркіменстан мен Иранның ежелгі жер игеруші тайпаларының сәндік-қолданбалы өнер ескерткіштерін салыстыруға талпыныс жасалды. Иран аумағында көптеген энеолит ескерткіштері белгілі, олардың арасында Сиалк, Гиссар, Шахри-сохте және Сеистан қоныстары ерекше назар аудартады. Гарадепе, Геоксюр, Намазга, Алтындепе сияқты Түркіменстанның оңтүстік территориясындағы ескерткіштер үлкен қызығушылық тудырады ма? Иранның безендірілген керамикасының оңтүстік түркіменстандық үлгілерімен өте ұқсастығы назар аудартады. Энеолит дәуірінің ою-өрнегі және Түркіменстанның оңтүстігі мен Иранның солтүстігіндегі барлық зооморфты және антропоморфты бейнелерге тән белгілер қарастырылады.

Түйін сөздер: Оңтүстік Түркіменстан, Иран, энеолит, ежелгі жер игерушілер, мәдениет, өнер, керамика, ою-өрнек, таңба-белгілер

Nurgozel Byashimova,
Institute of History and Archaeology
of the Academy of Sciences of Turkmenistan,
Ashgabat, Turkmenistan

Parallels in the art of Southern Turkmenistan and Iran in the Eneolithic Era

Abstract. The article attempts to compare the monuments of decorative and applied art of the early agricultural tribes of Turkmenistan and Iran in the Eneolithic era. Many of Eneolithic monuments are known on the territory of

Iran, among which the settlements of Sialk, Hissar, Shahri-sokhte and Seistan attract special attention. On the territory of Southern Turkmenistan, such monuments as Garadepe, Geoxyur, Namazga, Altyndepe are of great interest. Such a high similarity of painted ceramics of Iran with South Turkmen samples attracts attention. The ornament of the Eneolithic era is considered, a characteristic feature of all zoomorphic and anthropomorphic images of southern Turkmenistan and northern Iran is their extreme ornamentation.

Keywords: Southern Turkmenistan, Iran, Eneolithic, early farmers, culture, art, ceramics, ornament, signs-symbols

Памятники искусства Туркменистана нераздельны с культурой других народов Центральной Азии и Ближнего Востока, у которых историко-культурное прошлое получило отражение в искусстве.

Раннеземледельческие культуры Туркменистана и Ирана с их великолепными памятниками искусства всемирно известны. На территории Ирана известно большое число памятников раннеземледельческих племен. Здесь следует, в первую очередь, назвать древнейшее поселение Сиалк, расположенное на территории плодородного оазиса в центре Ирана, к югу от города Кашана. Оно отражает длительный период в истории Кашанского оазиса, поскольку общая мощность слоев Сиалка I достигает почти 12 м [Массон 1964: 41]. Сиалк до настоящего времени остается основным объектом, дающим представление о древнейших земледельцах Иранского плато [Ghirshman 1938: 10–24; Amiet 1961].

Большой интерес представляют и такие памятники, как Гиссар, Шахри-сохте и Сеистан, которые привлекают внимание исследователей на столь высокое сходство расписной керамики с южно-туркменистанскими образцами, что в ряде случаев можно говорить о полной идентичности. При этом в одних случаях говорится о сходстве с керамикой Гарадепе, в других – с посудой геоксюрского типа.

Исследование духовного мира людей первобытности и древности всегда составляло неотъемлемую часть археологической науки. Одной из самых ярких и увлекательных страниц первобытного искусства является орнамент расписной керамики энеолита как определенного ряда декоративно-изобразительного искусства. Орнамент, который строится по законам ритма и симметрии в окружающей человека природе и перенесенным в смысловую сферу примитивного абстрактного обобщения.

Рождение первых примитивных видов орнамента путем нанесения краски на поверхность сосуда в виде изображений происходит в неолитический период. Роспись производилась одним цветом. В результате неравномерного обжига роспись приобретала различные оттенки: темно- и светло-коричневые. Элементы росписи немногочисленные, но, тем не менее, можно видеть несколько типов орнаментации. Это такие мотивы, как струйчатый, скобчатый, сетчатый, вертикальные и горизонтальные полосы, треугольники. Многие из этих мотивов обнаруживают вполне ощутимые связи с блестящей расписной посудой энеолитической эпохи.

Древняя керамика Южного Туркменистана настолько выразительна и декоративно богата, что дает как бы зримую характеристику больших археологических этапов, отличающих вехи становления и развития целых археологических культур. Хотя каждая отдельная археологическая культура и даже каждый центр производства изделий отличаются своей манерой исполнения и определенными стилистическими особенностями, для нас существенны общие, объединяющие черты, которые отличают искусство эпохи энеолита.

Художественное творчество не отделилось от производственного процесса и поэтому ведущими проявлениями этого творчества были художественные изделия, созданные в ходе повседневного, необходимого обществу производства.

Керамическое искусство в эпоху энеолита совершенствуется и достигает значительного расцвета. Прежде всего, резко увеличивается набор керамических форм. Но самое главное – увеличивается разнообразие орнаментальных мотивов, в основе которых прослеживаются четкие традиции предшествующего времени. Об изменениях свидетельствует и распространение сложных композиций росписи настенной и на керамике и элементов орнамента.

Эпоха энеолита создала определенный тип орнаментов, своего рода символы декоративно-изобразительного искусства. Орнамент, наблюдаемый в окружающей человека природе, постепенно, по законам ритма и симметрии, переносится в смысловую сферу абстрактного обобщения.

В пору раннего энеолита (V тыс. до н.э.) обычай украшения посуды росписью достаточно распространен – почти 30% глиняных сосудов орнаментированы. В росписи южно-туркменистанской керамики, также как и на северо-иранской, господствуют композиции из крупных геометрических элементов, главным образом, горизонтальных рядов силуэтных треугольников, сплошь закрашенных внутри черной или темно-коричневой краской. Наряду с этим гончары довольно широко используют рисунки в виде метоп, шахматной доски, пило-видных полос, зигзагообразных переплетенных лент. Встречаются и единичные узоры – то ли дерево, то ли колос.

В последующих этапах эпохи в геоксюрской орнаментации одно из основных мест занимает мотив простого равноконечного креста, изображенного в большом количестве вариантов.

Древние мастера начинают использовать и зооморфные сюжеты. Наиболее излюбленным мотивом становятся фигуры горных козлов. Хотя рисунки обнаруживают уверенную руку мастера, гончары изображали лишь схему, самые характерные признаки животного: слегка изогнутое туловище, изображенное одной плавной линией, прямые линии ног и заброшенные назад большие рога.

Роспись с козлами является древнейшим изображением животного на расписной посуде Центральной Азии и Ирана, причем изображения одного из наиболее популярных животных – горного безоарового козла. Они особенно типичны для посуды с одноцветной росписью.

Рис. 1. Изображение креста. Энеолит Анау (Южный Туркменистан)

В керамическом комплексе типа Намазга II и особенно в комплексе Намазга III (IV–III тыс. до н.э.) широко распространены изображения птиц различной конфигурации. До Намазга II рисунки птиц на расписной керамике юга Туркменистана не встречались и, скорее всего, это изображение проникло в керамическую орнаментуку под влиянием расписной керамики Ирана, где воспроизведения птиц встречаются уже на посуде нижних слоев Гияна [Массон 1964: 364]. Однако вполне возможно, что у племен юга Туркменистана это изображение ассоциировалось с местными тотемическими представлениями, что привело к устойчивости об-

раза. Изображения птиц встречаются на расписной керамике южно-туркменистанских памятников в III тыс. до н.э.

Примечательны рисунки длиннохвостых, четвероногих животных, тела которых усыпаны пятнышками, отчего археологи условно их называют "барсами". Интересно отметить, что на Гарадепе изображения барсов встречаются чаще, чем в Силалке. В отличие от птиц, рисунки этих животных быстро исчезают. В III тыс. изображения "барсов" схематизируются, что приводит к замене отдельно вписанных фигур чисто орнаментальными поясами с точечным заполнением. Во II тыс. эта орнаментальная схема отсутствует.

Очень редко, но встречаются сосуды и с антропоморфными изображениями. В некоторых случаях позы антропоморфных изображений напоминают терракотовые фигуры "божеств-богинь". На поселении Гарадепе в слоях позднего энеолита обнаружен фрагмент стенки глубокой чаши, на которой нанесена роспись густой темно-коричневой, почти черной краской по желтоватому фону. В центре изображена сидящая человеческая фигура с прямыми подквадратными плечами, короткими отрезками рук до локтя. Голова "птицевидной" формы изображена в профиль, плечи в фас, ноги в профиль. Такой прием художественного изображения широко распространен в искусстве всего Древнего Востока. По обе стороны этой фигуры помещены два более крупных изображения людей, которые полностью не сохранились. Небольшая фигурка, изображенная в центре, является воспроизведением женской статуэтки в характерной сидячей форме, которая широко распространена в Южном Туркменистане в эпоху позднего энеолита в слоях Намазга III. Поэтому можно считать, что на фрагменте расписной чаши воспроизведена культовая сцена поклонения скульптурному изображению женского божества. На сосуде из Алтындепе (III тыс. до н.э.) сохранились изображения трех фигур. На дне, внутри сосуда черной краской нарисована крупная сидячая человеческая фигура, изображенная так же,

Рис. 2. Изображение козлов у дерева.
Акдепе, эпоха бронзы
(Южный Туркменистан, окрестности
Ашгабата)

Рис. 3. Изображение козла у креста.
Алтындепе, эпоха бронзы (Южный Туркменистан)

Рис. 4. Изображение барана на крышке оссуария. Шасенемгала, I в. до н.э. (Северный Туркменистан)

как и на предыдущем фрагменте. Перед ней крестообразная фигура, отдаленно напоминающая схематизированное изображение человека, с поднятыми вверх руками. Над этими двумя изображениями вертикально нарисована извивающаяся змея, с хвостом, закрученным в кольцо.

Перед нами, несомненно, единая тематическая сцена поклонения человека антропоморфному божеству, которое, в свою очередь, связано со змеей – символом изобилия.

Этот сюжет можно объяснить таким образом: с переходом к земледелию жизнь и благополучие людей стали напрямую зависеть от капризов природы – от солнца, от небесной влаги – дождя. Если змея – носительница добра, охранительница всего самого ценного, воды и водной стихии, то древний человек здесь молит о воде – о дожде. А также, если учесть, что “богиня-мать” была божеством плодородия, а змея – один из ее символов, также связан с идеей изобилия, то основная цель сюжета – молитва о плодородии.

Иногда “богинь” сопровождает орнамент в виде пирамиды. Сопоставляя их со знаками шумерской и эламской письменности, одни исследователи считают, что это горы, другие связывают с идеей рождения, произрастания и появления [Антонова 1977: 111; Курбансахатов 1980: 26–28].

Характерная черта всех зооморфных и антропоморфных образов юга Туркменистана и северного Ирана – предельная их орнаментальность.

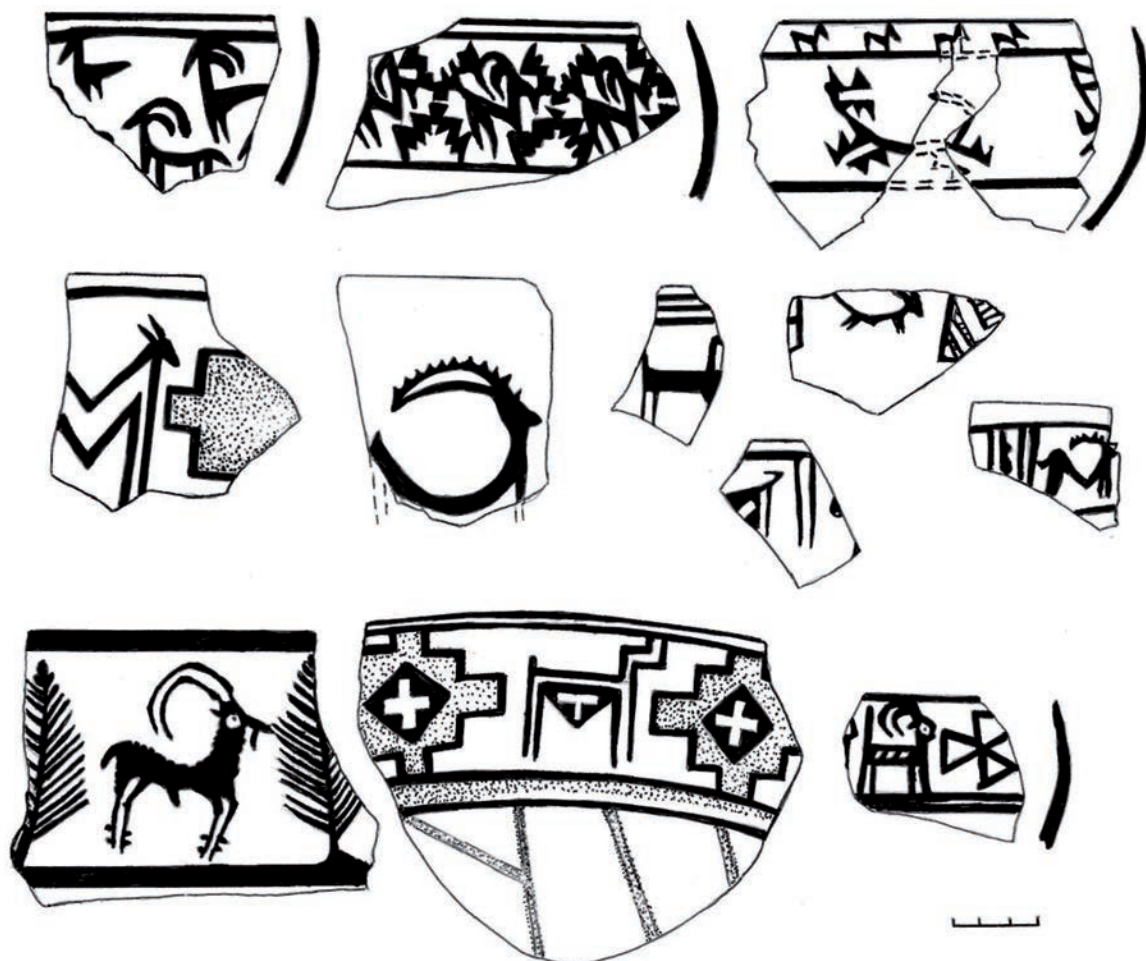
До середины IV тыс. до н.э. культурный уровень в предгорьях Копетдага в целом был одинаковым, независимо от территориального расположения поселений. Находки археологов показали, что во второй половине IV тыс. до н.э. вместо бывшего единообразия существовали две отличные друг от друга группы памятников прикладного искусства.

Гарадепинскую керамику отличает узорная вязь измельченного рисунка, но керамику геоксюрского стиля характеризует строгость и ритмичность орнаментальных схем с введением в роспись второго цвета [Хлопин 1964: 36]. Для расписной керамики Алтындепе характерен геоксюрский стиль с постепенной трансформацией исходных элементов этого стиля в измельченный ковровый рисунок, характерной для местной посуды III тыс. до н.э. [Массон 1977: 183; Шишкин 1981: 208].

Несмотря на различия между не только двумя группами памятников, но и между несколькими районами, типологическая общность основных орнаментальных мотивов присуща для всего Южного Туркменистана и для памятников Северного Ирана, одним из которых является фризовая роспись на глиняной керамике.

Орнамент – условное и абстрактное искусство, но в то же время орнамент не бывает настолько абстрактным, чтобы не обнаруживать какими-то своими чертами связи с вещами реаль-

Таблица 1 – Изображение креста и козлов. Южный Туркменистан энеолит–бронза

ного мира. Орнаментальное искусство определяет характер древнеземледельческой культуры. Его преобладание в то время говорит о многом. Обобщение, выражение общего, нарастание тенденции символизма – это определяет искусство скотоводов и земледельцев и этим же воплощается в их мировосприятии и миропонимании.

Изобразительные мотивы эпохи энеолита были в значительной мере основаны на символах. Знаки-символы: мир растений, реальных и фантастических животных, боготворимых антропоморфных изображений – составлял круг этого искусства. Выражением таланта и духовной жизни народа стал орнамент. Это не просто украшения, а своего рода загадочное "письмо", за знаками которого скрыты важные детали жизни древних людей, их взгляды на природу и человека.

Исследователями доказано, что в энеолитическую эпоху на территориях Туркменистана и Ирана занимались выращиванием зерновых, поэтому нет сомнения, что в этих земледельческих общинах процветал культ плодородия с различными ритуальными церемониями. Они были связаны, главным образом, с верой в Землю как великую мать – источник плодovitости и плодородия. Земля считалась не только кормилицей, но и силой, дающей жизнь. Поэтому даже простейшие геометрические элементы орнаментов эпохи энеолита уже имели особый смысл.

Остановимся только на некоторых из них. Например, треугольник считается символом женской плодовитости и элементом культа плодородия. Изображение креста – один из самых древних символов в искусстве многих племен Ближнего Востока, где он определяется как имеющий магический смысл оберега, перечеркивающего движение недобрых сил. Крест в круге – давно признан солярным символом. Древнейшим ареалом символического знака креста является район раннеземледельческих культур, включающий Иран и Среднюю Азию. Вариант знака восьмилучевой звезды с входящим в его состав крестом – результат развития символа креста, превращающегося в пору позднего энеолита в восьмиконечную фигуру. Простой и более усложненный вид изображения креста, по-видимому, как древнейший символ-оберег, широко применялся и в последующий период – в эпоху бронзы. Большой интерес представляют печати-штампы, распространенные в энеолите и бронзовом веке на территории Туркменистана, Ирана, Афганистана и Северо-Западной Индии [Антонова 1984: 72–73].

Вышеперечисленные элементы через тысячелетия дошли до наших дней и изображены в орнаментике ковровых изделий, одежды туркмен, где они, в отличие от иранских, являются основой многих орнаментальных узоров.

Из растительных элементов особое значение имеет мотив дерева, который связан с культом “древа жизни” и символом плодородия земли. Изображение дерева используется в различной связи и последовательности. Исследователи считают, что на многих южно-туркменистанских рисунках изображено дерево хвойной породы – “арча”- можжевельник, “<...> которая играла, как показывают палеоботанические материалы, весьма существенную роль в хозяйственной жизни древних земледельцев подгорной зоны” [Лисицына 1965: 82]. Часть рисунков напоминают не дерево, а колос, появление которого связано с повсеместным широким развитием земледелия. Дерево изображалось не только отдельно, но и в сочетании с животными и птицами [Массон 1956: 304].

Стилизованные изображения деревьев дошли до наших дней в орнаментике Туркменистанских ковров, где они изображены в орнаменте “алем” – что означает “вселенная”, который применяется как в начале, так и в конце ковра.

Зооморфные мотивы также имели свою семантику. Уже давно исследователи предполагают существование особого символического смысла изображений козла. Большое значение имеют образы горного козла и барана в энеолитических поселениях Туркменистана и Ирана. Это композиции на сосудах из памятников Анауской культуры и Тали Бакуна. Считается, что козел – символ великого божества, оберегающего от зла, божество плодородия, символ сверхчеловеческой мощи, вожак земли и т. д. [Антонова 1984: 100–105]. Следует отметить, что древний художник, создавая изображение козла, мог иметь в виду не домашнюю козу, а дикого безоарового козла, обитающего в горах Копетдага и являвшегося одним из главных объектов охоты. Костные остатки подтверждают это, так как в остеологическом материале эпохи неолита преобладают кости безоарового козла [Ермолова 1977: 31]. Аналогичные изображения козлов встречаются в петроглифах Тувы [Маннай-оол 1967: 140–146].

Почитание горного козла и барана как оберег от всего злого – болезни, “сглаза” и др., сохранилось до наших дней. Рога горного барана или козла прикрепляют над воротами, дабы сохранить семью от неприятностей. В горных районах Туркменистана до сих пор верят в силу этих животных. Например, на кладбищах аула Нохур вывешивают рога над могилой, считается, что баран или козел переносит душу усопшего через мост «Сырат» в рай.

Во всех орнаментальных композициях туркменских ковров и других предметов декоративно-прикладного искусства туркмен самым распространенным элементом являются “гочак”, который является прототипом-символом этих животных. Орнамент “гочак”, как правило, наносится как заключительный элемент, на край орнаментальной полосы, как бы оберегающий растительный и животный мир, что составляет – орнамент.

Талисманом-оберегом считались и пернатые, которые довольно часто изображались на энеолитической керамике. Они являлись символами здоровья, удачи и счастья. С птицами связаны и космогонические представления. Семантическая связь “птица-солнце” объясняется ассоциациями в представлении древнего человека: солнце содержится и движется в воздушном пространстве подобно птицам [Пиотровский 1953: 119–128].

Птицы являются также элементом узора туркменских ковров, где они схематизированы или чаще всего, нанесены частично, например, “гуш-дырناк” (птичьи когти), гуш-ызы (след птицы) и др. В текинских коврах основной элемент ковра – центральный “гёл” называется “гушлы-гёл” (гёл с птицами). Таким образом, следы почитания животных и растений с эпохи энеолита дошли и отразились в современном народном творчестве туркмен, что не оставляет сомнения об их местном происхождении.

Орнаментальные композиции эпохи энеолита, применяющиеся в современном ковроткачестве, указывают на древние истоки этого вида искусства. По всей вероятности, традиция ковроткачества уходит своими корнями в эпоху энеолита. У племен, населявших южные районы Туркменистана, имелись на это все исходные предпосылки.

Обнаруженные многочисленные пряслица, служившие для изготовления шерстяных ниток, не оставляют сомнения, что в этот период существовало ткачество. Раскопки Сумбарских могильников эпохи поздней бронзы дали новые открытия в области древнейшей истории местного населения. В восьми женских погребениях, всегда в сочетании с пряслицами, а иногда еще и со спицами – шилами было найдено 16 оригинальных предметов, изготовленных из бронзы, которые являются древнейшими ножами для перерезания ворсовых нитей ковра [Хлопин 1979: 31]. Отработанность и законченность формы коврового ножа эпохи бронзы может свидетельствовать о том, что этот инструмент отнюдь не был только что изобретен, а имел к тому времени длительные традиции своего использования [Хлопин 1980: 31-36]. Точно такие же, но уже железные ножи – “кесер” являются орудием труда современных туркменских ковровщиц.

С эпохи энеолита до сегодняшних дней дошли до нас, почти в неизменном виде, геометрические орнаменты и нашли свое применение в орнаментах прикладного искусства Туркменистана. Но в иранских современных коврах преобладают натуральные изображения животных и птиц, геометрические орнаменты перешли на второй план. Исходя из этого, а также наличия орнаментальных композиций на керамике эпохи энеолита с элементами зеркальной симметрии, что в отличие от иранских характерно для туркменских ковров и элементов орнамента, которые неизменно дошли до нашего времени в ковровом искусстве туркмен, следует, что древность туркменского ковроткачества можно считать более глубокой, чем его реальные следы.

Так генетическое родство этих узоров открыло возможности для новой постановки вопросов этногенеза ряда земледельческих племен Туркменистана. Не исключено, что в дальнейшем будет доказано, что корни современного населения подгорной равнины и межгорных долин Копетдага уходят вглубь культур на этой же территории вплоть до времени становления производящего хозяйства.

Устанавливаемая археологическая общность южно-туркменистанских поселений с древними энеолитическими поселениями Ирана служит показателем исторически сходных процессов культурного развития, протекавших в разных регионах часто самостоятельно, иногда – в результате этнических миграций. Но уже сама эта общность – свидетельство включения Южного Туркменистана и Ирана в круг прогрессирующих мировых культур эпохи энеолита, подготовивших переход к более высоким этапам развития человеческого общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова Е.В.* Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М: Гл. ред. вост. лит., 1977. 152 с.
- Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М: Гл. ред. вост. лит., 1984. 262 с.
- Ермолова Н.М.* Животные в скульптуре и в жизни древнего населения Туркменистана // Памятники Туркменистана. 1977. № 2 (24). С. 31.
- Курбансахатов К.* Антропоморфные изображения у древних земледельцев Туркменистана // Памятники Туркменистана. 1980. № 1 (29). С. 26-28.
- Лисицына Г.Н.* Орошаемое земледелие эпохи энеолита на Юге Туркмении. М.: Наука, 1965. 168 с.
- Маннай-оол М.Х.* Древнее изображение горного козла в Тыве // Советская археология. 1967. № 1. С. 140-146.
- Массон В.М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А. Куфтина // Труды ЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад, 1956. С. 291-373.
- Массон В.М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.-Л: Наука, 1964. 468 с.
- Массон В.М.* Алтын-депе в эпоху энеолита // Советская археология. 1977. № 3. С. 164-188.
- Пиотровский Б.Б.* О некоторых ошибках археологов в связи с учением Н.Я. Марра о семантике // Против вульгаризации марксизма в археологии / Отв. ред. А.Д. Удадьцов. М.: изд-во АН СССР, 1953. С. 119-128.
- Хлопин И.Н.* Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.; Л.: Наука, 1964. 172 с.
- Хлопин И.Н.* К истокам туркменского ковроделия // Памятники Туркменистана. 1979. № 1 (27). С. 7-9.
- Хлопин И.Н.* Изготовление ворсовых ковров в Средней Азии в эпоху бронзы // КСИА. 1980. Вып. 161. С. 31-36.
- Шишкин И. Б.* У стен великой Намазги. М.: Наука, 1981. 2-е изд., доп. 194 с.
- Amiet P.* La Gliptique mesopotamienne archaique. Paris: Éditions du Centre national de la recherché scientifique, 1961. 454 p.
- Ghirshman R.* Fouilles de Sialk près de Kashan / Musee du Louvre. Serie archeologique. Fouilles de Sialk. Paris, 1938. T. V. Vol. I.

**С. Н. Разумов,
С. Д. Лысенко,
Н. П. Тельнов,
В. С. Синика**

Сергей Николаевич Разумов,
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
г. Тирасполь, Молдова; razum_22@mail.ru
Сергей Дмитриевич Лысенко,
Институт археологии Национальной Академии наук Украины,
г. Киев, Украина; suraganga@yandex.ru
Николай Петрович Тельнов,
Виталий Степанович Синика,
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
г. Тирасполь, Молдова; sinica80@mail.ru

Сосуд с пиктограммами начала позднего бронзового века из Северо-Западного Причерноморья

Аннотация. В статье публикуется сосуд с пиктограммами из комплекса Днепро-Прутской бабинской культуры начала позднего бронзового века Глиное–Клин 1/6, исследованного в 2020 г. на левобережье Нижнего Днестра. В погребении обнаружены костяки взрослого человека и младенца, а также биконический сосуд с пиктографической композицией. Исходя из двух имеющихся радиоуглеродных дат, захоронение датируется XIX – первой половиной XVIII в. до н.э. В результате анализа пиктограмм на сосуде сделано предположение о том, что они передают сюжет «основного индоевропейского мифа» о поединке верховного божества-громовержца со змеем/драконом. Находки сосудов с подобными композициями преимущественно в могилах детей и подростков позволяют выдвинуть версию об их связи с обрядами инициации.

Ключевые слова: археология, поздний бронзовый век, бабинская культурно-историческая общность, погребальный обряд, сосуд, пиктограмма, мифология

Сергей Николаевич Разумов,
Т.Г. Шевченко атындағы Приднестровск мемлекеттік университеті,
Тирасполь қ., Молдова
Сергей Дмитриевич Лысенко,
Украина Ұлттық Ғылым академиясының Археология институты,
Киев қ., Украина,
Николай Петрович Тельнов,
Виталий Степанович Синика,
Т.Г. Шевченко атындағы Приднестровск мемлекеттік университеті,
Тирасполь қаласы, Молдова

Солтүстік-батыс Қара теңіз маңынан табылған кейінгі қола дәуірінің басына жататын пиктограммалары бар ыдыс

Аннотация. Мақалада 2020 ж. зерттелген төменгі Днестрдің сол жағалауындағы Глиное–Клин 1/6 кейінгі қола дәуірінің басындағы Днепр-Прут кешенінен алынған бабин мәдениетінің пиктограммалары бар ыдыс қарастырылады. Жерлеуден ересек адам мен сәбидің сүйектері, сондай-ақ пиктографиялық композициялары бар биконикалық ыдыс табылды. Қолда бар екі радиокөміртекті мерзімге сүйене отырып, жерлеу б.д.д.

XIX ғ. – XVIII ғ. I жартысына жататыны анықталды. Ыдыстағы пиктограммаларды талдау нәтижесінде, бұл бейнелер «негізгі үнді-еуропалық мифтің» жоғарғы найзағай құдайының жылан/айдаһармен жекпе-жек туралы сюжетін жеткізеді деген болжам жасалды. Осындай композициялы ыдыстардың көбіне балалар мен жасөспірімдердің қабірлерінен табылуы олардың инициация рәсімдерімен байланысы туралы нұсқаны ұсынуға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: археология, кейінгі қола дәуірі, бабино мәдени-тарихи қауымдастығы, жерлеу салты, ыдыс, пиктограмма, мифология

Sergey Razumov,

T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Moldova

Sergey Lysenko,

Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

Nikolai Telnov,

Vitaly Sinika,

T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Moldova

Vessel with pictograms from the early Late Bronze Age from the North-West Black Sea region

Abstract. The article publishes a vessel with pictograms from the grave of the Dnieper—Prut Babino culture of the early Late Bronze Age Glinoe/Klin 1/6, studied in 2020 on the left bank of the Lower Dniester. The bones of an adult and a baby were found in the burial, as well as a biconical vessel with a pictographic composition. Based on the two available radiocarbon dates, the grave is dated to the 19th — the first half of the 18th century BC. As a result of the analysis of the pictograms on the vessel, an assumption was made that they convey the plot of the “main Indo—European myth” about the duel of the supreme thunder god with a serpent/dragon. The finds of vessels with similar compositions mainly in the graves of children and adolescents allows us to put forward a version of their connection with initiation rites.

Keywords: archaeology, Late Bronze Age, Babino cultural and historical community, funerary rite, vessel, pictogram, mythology

Изучение мировоззрения, мифологических представлений населения степи и лесостепи Восточной Европы эпохи бронзы является областью научных интересов многих исследователей. Вместе с тем, именно реконструкции идеологических аспектов вызывают наибольшие затруднения ввиду полного отсутствия письменных источников. Наряду со следами культовых действий (в первую очередь, погребально-поминальных ритуалов), важнейшими источниками для таких реконструкций являются изобразительные (монументальная скульптура, мелкая пластика, петроглифы и т. п.). Среди последних, особенно для эпохи поздней бронзы, пристальное внимание специалистов привлекают керамические сосуды с изображениями, не принадлежащими к элементам регулярной орнаментации.

Хотя публикации таких сосудов появились ещё в конце XIX — начале XX в. [Городцов 1897: 385–390; 1907: 243], первые обобщающие работы вышли лишь в 1950–1960-х гг., в связи с заметно увеличившейся базой источников [Формозов 1953: 193–200; 1963: 180–183]. С тех пор и вплоть до настоящего времени в центре внимания исследователей находятся сосуды со знаками срубной культурно-исторической общности — созданы каталоги источников, карты памятников, разработаны классификации знаков и символов, сделаны попытки интерпретации многофигурных композиций [Захарова 2000: 8–19; Отрощенко 2019: 53–57].

К 1980-м гг. были выделены основные признаки погребальных комплексов более ранней, чем срубная, бабинской культурно-исторической общности (до 2000-х гг. более употребительным был термин «культура многоваликовой керамики»). Соответственно, были атрибутированы отдельные бабинские сосуды с пиктограммами [Ковалёва 1989: 57, рис. 12], что позволило поднять вопрос о бабинских истоках срубной знаковой системы [Отрощенко 1988: 53; 2005: 241; Захарова

2000: 96]. Однако дальнейшего развития изучение знаков на бабинской керамике не получило, поскольку, в связи с резким сокращением масштабов исследований курганов Северного Причерноморья в 1990-х гг., источниковая база пополнялась крайне медленно. Таким образом, каждая такая находка имеет особое значение для исследований в области духовной культуры населения причерноморских степей рубежа среднего и позднего бронзового века. В первую очередь, речь идёт об артефактах со сложными многофигурными композициями, воплощавшими мифологические сюжеты. Несомненно, к таковым относится и сосуд из погребального комплекса Днепро-Прутской культуры бабинской культурно-исторической общности, публикуемого в данной работе.

Летом 2020 г. сотрудники НИЛ «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко провели исследование двух курганов группы «Клин» в 3,5 км к северо-востоку от с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра.

В кургане № 1 группы «Клин» исследованы 11 погребений: четыре захоронения раннего бронзового века (по два усатовской культуры и ямной культурно-исторической общности); одно погребение ингульской катакомбной культуры среднего бронзового века; два захоронения бабинской культурно-исторической общности; одно погребение позднего бронзового века (вероятно, сабашиновской культуры); два захоронения начала раннего железного века; одно неопределённое (разрушено распахой). Также было зафиксировано 13 ритуальных ям, впущенных в насыпь, предположительно, в эпоху средневековья.

Впускное погребение 6 (рис. 1) было обнаружено в 11 м к югу от центра кургана на глубине 0,5 м от R_0 .

Погребальное сооружение представляло собой яму неправильной формы, которая, очевидно, являлась камерой подбоя, размерами около 1,4×0,7 м, глубиной 1,06 м от R_0 . Длинной осью она была ориентирована по линии З–В. Её западная часть была разрушена средневековой ямой № 7 (рис. 1). Входная яма предположительно располагалась севернее камеры.

Костяк 1 взрослого человека (женщина?) лежал сильно скорченно на животе с разворотом на правый бок, головой на восток. Левая рука была согнута в локте под острым углом, кисть лежала на правом локте. Правая плечевая кость лежала перпендикулярно позвоночнику, под нижней челюстью. Правая рука была согнута в локте под прямым углом, кисть лежала под левым коленом. Пятки были притянуты к тазу. У левого плеча лежал на боку лепной биконический сосуд (1).

Костяк 2 (младенец) зафиксирован между правой стопой и тазом, частично перекрыт костями стопы. Возможно, первоначально он лежал на левом боку головой на ССВ.

Описание находки. Лепной горшок (рис. 1). Венчик плавно отогнут; край слегка утолщён наружу, закруглён. Тулово округлобоко-биконическое, с максимальным расширением немногим выше середины высоты сосуда. Дно массивное, слабо вогнутое, с выраженной закруглённой закраиной. Выше изгиба корпуса расположен налипший валик, полукруглый в сечении. Тесто с примесью мелкого шамота, мелкого песка. Цвет серовато-жёлтый, серый, чёрный; изнутри — чёрный. Поверхности заглаженные, шероховато-заглаженные. На внешней поверхности местами — чёрный нагар. Высота горшка 125–128 мм, венчика — 15–23 мм. Расстояние от среза венчика до валика 40–42 мм. Высота нижней части сосуда 70–75 мм. Диаметр венчика 105×107 мм, шейки — 100×102 мм, по валику — 118×122 мм. Диаметр тулова 120×123 мм, дна — 82×85 мм. Толщина венчика 6–8 мм. Толщина стенок 5,5–8 мм, в придонной части — до 9 мм. Толщина дна около 14 мм; вогнуто до 1 мм.

По срезу венчика и валику сосуд украшен наклонными вдавлениями, нанесёнными округлой в сечении палочкой. Выше валика вплотную к нему проходит горизонтальная бороздка, ме-

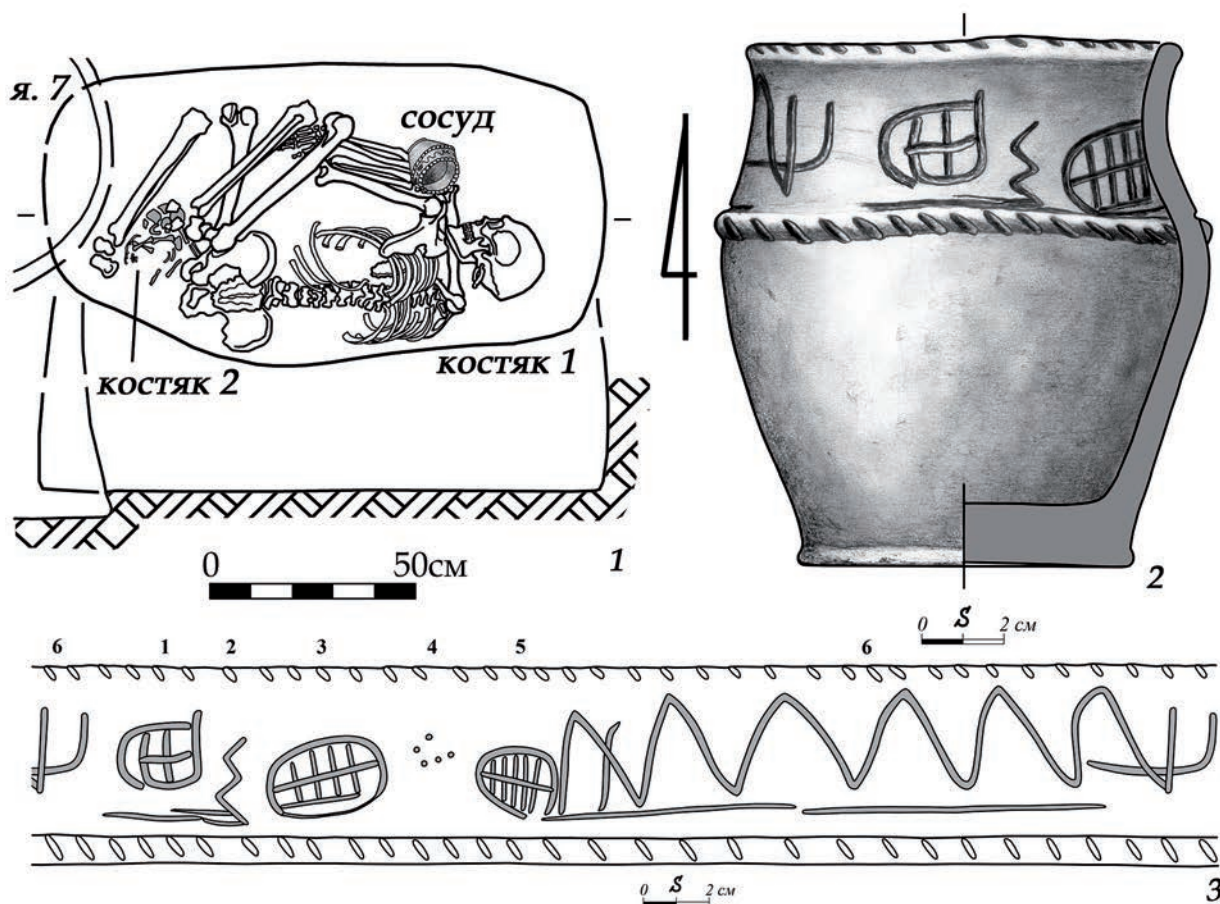

Рис. 1. Погребение в кургане 1 группы «Клин» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра:
1 – план и разрез захоронения; 2 – сосуд из могилы; 3 – орнамент сосуда

стами прерывающаяся. На шейке сосуда бороздками и наколами нанесен сложный нерегулярный орнамент, образующий композицию из отдельных пиктограмм. Слева направо прослеживаются следующие знаки:

- крест, вписанный в округлую рамку с дополнительной дугой слева;
- вертикальный зигзаг, упирающийся в горизонтальную линию;
- наклонённый вправо овал, внутри которого расположены четыре поперечные линии, перечёркнутые одной продольной (ещё одна линия, видимо, связана с подправкой нижнего контура овала);
- пять вдавленных точек — ниже наклонная линия из трёх, выше - из двух вдавлений;
- наклонённый влево овал, внутри которого расположены пять поперечных линий, перечёркнутые одной продольной;
- длинный горизонтальный зигзаг из 13 отрезков; вторая от начала линия перечёркнута ещё одной дополнительной; окончание зигзага накладывается на изогнутую в виде «бумеранга» линию, образуя на конце зигзага две вертикальные параллельные линии.

Рассмотрим основные черты погребального обряда комплекса Глиное–Клин 1/6. Погребальное сооружение, впущенное в южную полу кургана усатовской культуры, очевидно, представляло собой подбой. Впущенные в южную и восточную части насыпи подбойные сооружения наиболее характерны для бабинских комплексов различных курганных могильников, изученных нами в окрестностях с. Глиное [Лысенко и др. 2021: 176]. Отметим, что подбойно-катакомбные могилы, по данным Р.А. Литвиненко, составляют 65,5% от всех сохранившихся погребальных сооружений днепроднестровского локального варианта Днепр-Прутской бабинской культуры [Литвиненко 2008: 97].

Сильная скорченность на правом боку, ориентировка головой на восток, положение рук — все эти особенности также присущи бабинским комплексам региона [Лысенко и др. 2021: 177].

Не оставляет сомнений в культурной принадлежности погребения б биконический сосуд, стоявший у правого локтя костяка 1. Е.Н. Савва выделил аналогичные сосуды в тип IV, отметив, что на 1991 год в Пруто-Днестровском регионе было найдено 13 экземпляров [Савва 1992: 34, рис. 7: 11–14].

По костям взрослого человека в 2021 г. в Киевской Радиоуглеродной лаборатории были получены две радиоуглеродные даты. Первая из них: Ki—20251; 3420±50 BP (рис. 2, 1), калиброванные интервалы — 1σ — 1864–1630 гг. до н.э., 2σ — 1883–1548 гг. до н.э. (OxCal v4.4.4 Bronk Ramsey (2021); Reimer et al (2020)). Вторая дата: Ki—20283; 3610±50 BP (рис. 2, 2), калиброванные интер-

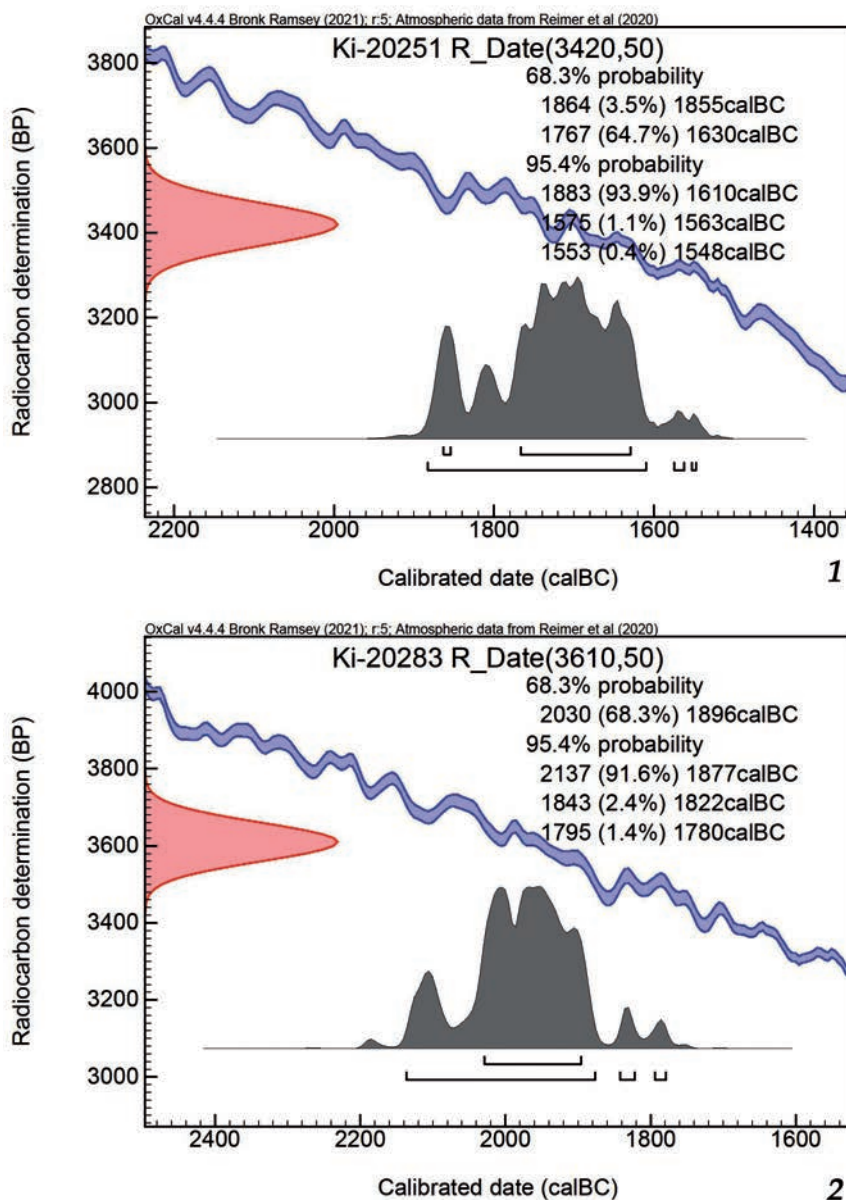

Рис. 2. Калиброванные радиоуглеродные даты погребения Глиное/Клин 1/6

валы — 1σ — 2030-1896 гг. до н.э., 2σ — 2137-1780 гг. до н.э. (OxCal v4.4.4 Bronk Ramsey (2021); Reimer et al (2020)). Обе эти даты являются корректными, поскольку их калиброванные интервалы практически совпадают на достаточном отрезке по второй сигме (1883-1780 гг. до н.э.).

Таким образом, исходя из имеющихся дат, комплекс можно отнести к XIX — 1-й пол. XVIII в. до н.э.

Следует заметить, что менее чем в двух метрах в том же кургане 1 группы «Клин» находилось впускное бабинское захоронение 3 — взрослого человека, также уложенного сильно скорченно на правом боку головой на восток. Оно было также датировано в Киевской радиоуглеродной лаборатории в 2021 г.: Ki—20248; 3370±50 BP, калиброванные интервалы — 1σ — 1740-1546 гг. до н.э., 2σ — 1867-1518 гг. до н.э. (OxCal v4.4.4 Bronk Ramsey (2021); Reimer et al (2020)), что в целом согласуется с датами погребения 6.

В том же диапазоне находятся и радиоуглеродные даты бабинских захоронений в подбоях из других курганных могильников в окрестностях с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра [Лысенко и др. 2021: 179]. Отметим, что и для подбойных погребений Днепро-Прутской бабинской культуры Нижнего Поднепровья и Побужья были опубликованы ¹⁴C даты, позволяющие рассматривать большинство этих комплексов в пределах XIX-XVIII вв. до н.э. [Мимоход 2011: 36–48; Ніколова, Разумов 2012: 106–107].

Итак, определившись с культурно-хронологической принадлежностью комплекса, вернёмся к интерпретации изображений на нём. Мы выделили шесть основных элементов композиции (рис. 1). Перечислим их слева направо.

Первый — крест, вписанный в округлую рамку с дополнительной дугой слева. Подобные символы на бабинских и срубных сосудах интерпретируются исследователями как изображение колесницы [Захарова 2000: 64–77, рис. 39; Сергеева 2001: 10–18; Отрощенко 2005: 235–242; 2019: 70; Гаврилюк та ін. 2007: 135].

Второй элемент — вертикальный зигзаг, упирающийся в горизонтальную линию. Такой символ распространён в различных культурах — обычно он рассматривается как изображение молнии [Сидоров 2009: 120].

Третий элемент композиции — наклонённый вправо овал, внутри которого расположены четыре поперечные линии, перечёркнутые одной продольной.

Четвёртый элемент — пять вдавленных точек, расположенных в две линии, сходящиеся слева под острым углом. Внизу — наклонная линия из трёх точек, над ней линия из двух. Наиболее вероятным, по нашему мнению, является трактовка этого элемента в качестве изображения созвездия. Характерные три расположенные рядом точки можно соотнести с Поясом Ориона. Отметим, что с созвездием Ориона связан ряд мифологических представлений о Космической охоте, берущих начало ещё в верхнем палеолите. Позднее у ряда индоевропейских народов Небесный Охотник стал отождествляться с мифическим родоначальником и/или богом-громовержцем [Берёзкин 2017: 78–90]. Примечательным является и тот факт, что созвездие Большой Медведицы, известное у практически всех европейских и ряда азиатских народов под названием «колесница» или «повозка», в декабре, в том числе во время зимнего солнцестояния, располагается на небе слева от Ориона [Рут 2010: 19; Берёзкин 2017: 180–185].

Пятым элементом можно назвать почти аналогичный третьему овал, наклонённый влево, внутри которого расположены пять поперечных линий, перечёркнутые одной продольной.

Непосредственно к пятому элементу справа примыкает шестой длинный горизонтальный зигзаг из 13 отрезков; вторая от начала линия перечёркивает ещё одну — вертикальную, нанесённую ранее; окончание зигзага накладывается на изогнутую в виде «бумеранга» линию, об-

разуя на конце зигзага две вертикальные параллельные линии. Снизу пятый и шестой элементы подчеркнуты горизонтальной линией. Исходя из целого ряда аналогий [Захарова 2000: 66], мы предполагаем, что пятый и шестой элементы изображают, соответственно, голову (с зубастой пастью?) и тело змеи. Так, и на бабинской [Ковалева 1989: рис. 12, 3; Савва 1992: рис. 19, 3; 29, 2], и на срубной керамике [Захарова 2000: 66; Отрощенко 2019: 60, рис. 8] известны изображения змей, на которых голова передавалась неправильным овалом или треугольником, иногда заштрихованным. Если принять такую трактовку, то аналогичный овал, расположенный между зигзагом и пятью точками (третий элемент), можно также считать головой змеи, но отделённой от туловища. Две линии у «шеи» и «хвоста» змеи, соединённые горизонтальной линией снизу и нанесенные на сосуд первыми, могут изображать змеиное логово (пещеру?).

Таким образом, один из вариантов интерпретации композиции на сосуде из комплекса Глиное–Клин 1/6 может быть следующим: герой на колеснице (божество?) с помощью молнии (в образе молнии?) обезглавливает своего демонического противника, скрывающегося в логове и имеющего змеиную природу. Изображение в виде пяти точек части созвездия Ориона (небесного воплощения Космического Охотника, родоначальника людей, громовержца) справа от символа колесницы (созвездие Большой Медведицы) может указывать на то, что победа героя (освобождение благ, воды, скота, тепла) и воспроизводившие её регулярные обряды были связаны с зимним солнцестоянием. Если принять такой вариант «расшифровки» изображений на публикуемом сосуде, она вполне согласуется с мнением исследователей относительно композиций на ряде сосудов срубной культурно-исторической общности, считающихся воспроизведением так называемого «основного индоевропейского мифа» [Захарова 2000: 77]. Напомним, что «основной» (или один из основных, по другим версиям) индоевропейский миф имеет в основе поединок верховного бога-громовержца с хтоническим противником, изображаемым в виде змея или дракона. С помощью молнии громовержец разбивает змея на части, а также разбивает скалу/пещеру, где тот находился, и выпускает на волю различные блага (воду, коров и т. д.) [Иванов, Топоров 1974: 40–41].

Впрочем, мы не считаем данную интерпретацию единственно возможной. Другие авторы могут предлагать иные трактовки данной, несомненно, неординарной композиции.

Прямые аналогии публикуемому сосуду в материалах бабинской культурно-исторической общности нам не известны, однако отдельные элементы его композиции присутствуют на ряде артефактов. В первую очередь следует назвать биконический сосуд из комплекса Мерены 1/12 на правом берегу Нижнего Днестра. Под краем его венчика имеется наклепной валик с ногтевыми вдавлениями. Под валиком была прочерчена волнистая одинарная, а местами двойная линия, в ячейках которой нанесены различные точечные и штриховые знаки [Дергачёв, Сава 2003: 538–539, рис. 10, 4]. К сожалению, венчик сохранился не полностью, поэтому интерпретация изображения в качестве змеи остаётся под вопросом. Больше сходство с публикуемым изображением (но с передачей «головы» в другой манере) имеет пиктограмма змеи, изображённая между двумя валиками под венчиком биконического сосуда из комплекса Данчены 1/47, также на правом берегу Нижнего Днестра [Савва 1992: 64, рис. 19, 3]. В Нижнем Поднепровье также известны пиктограммы змей на двух бабинских сосудах [Ковалёва 1989: 57, рис. 12]. Изображения, трактуемые исследователями как символы колесниц, известны на двух бабинских сосудах из Нижнего Поднепровья, а также в составе сложной композиции на сосуде из погребения Астанино 23/13 (подросток) в Крыму [Отрощенко 2005: 235–242; 2019: 70].

Наконец, следует упомянуть о связи сосудов позднего бронзового века с пиктограммами с погребениями детей и подростков (включая совместные со взрослыми, как в нашем случае).

Впервые о тяготении срубных сосудов со знаками к детским погребениям написал В.В. Отрощенко в 1988 г. [Отрощенко 1988: 151]. Позднее Е.Ю. Захарова отметила, что по её подсчётам сосуды со знаками срубной общности присутствуют примерно поровну в погребениях детей и взрослых [Захарова 2000: 27–50]. В целом, это верное наблюдение, однако, если учитывать не отдельные знаки, а только сложные композиции, количество захоронений с ними детей и подростков заметно преобладает. По этому поводу мы можем высказать осторожное предположение. Известно, что обряды инициации включали в себя в качестве важнейшей части усвоение новыми полноправными членами социума системы его мифологии, в том числе изучение основных космогонических мифов, запретных для непосвящённых [Элиаде 1999: 12–13]. Следовательно, размещение в могилах людей, не успевших пройти инициацию (инициацию служителя культа/шамана?), сосудов с композициями на сюжеты основных космогонических мифов, могло считаться некоей заменой реального посвящения.

Подведём итоги. Судя по имеющимся в настоящее время источникам, знаковая система срубной культурно-исторической общности формировалась на основе знаков и символов бабинской общности, ярким примером чему служит публикуемый нами сосуд. Очевидно, эта система в Северном Причерноморье начала складываться ещё в среднем бронзовом веке, если не ранее [Тощев 1995: 38; Пустовалов 2005: 94–98]. В любом случае, бабинский сосуд с пиктограммами, изображающими, по нашему мнению, сюжет космогонического мифа, в настоящее время является наиболее ранней из датированных находок такого рода (XIX — 1-я пол. XVIII в. до н.э.). Размещение подобных сосудов в захоронениях преимущественно детей и подростков может указывать на их связь с обрядами инициации.

ЛИТЕРАТУРА

- Берёзкин Ю.Е. Рождение звёздного неба: представления о ночных светилах в исторической динамике. СПб.: МАЭ РАН, 2017. 316 с.
- Гаврилюк Н.О., Рассмакин Ю.Я., Разумов С.М., Остапенко М.А., Дараган М.М., Ковальов М.В., Мінаєва Н.І. Розкопки курганів на о. Хортиця у 2006 р. // Археологічні дослідження в Україні 2005-2007. 2007. № 9. С. 130-136.
- Городцов В.А. Заметки о глиняном сосуде с загадочными знаками. Археологические известия и заметки. М.: Товарищество Типографии А.И. Мамонтова. 1897. Т. V (12). С. 385-390.
- Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе. М.: Типография Г. Лиссонера и Д. Собко, 1907. Т. 1. С. 211-285.
- Дергачёв В.А., Сава Е.Н. Исследование курганов в окрестностях сёл Мерень и Кирка // Stratum plus. 2003. № 2 (2001–2002). С. 526-562.
- Захарова Е.Ю. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж: Центрально-Чернозёмное кн. изд-во, 2000. 164 с.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 342 с.
- Ковалёва И.Ф. Социальная и духовная культура племён бронзового века (по материалам Левобережной Украины). Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского гос. ун-та, 1989. 90 с.
- Литвиненко Р.О. Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток): дис. ... доктора іст. наук // Науковий архів ІА НАНУ. № 2008/879. 759 с.
- Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Лысенко С.С., Синика В.С., Тельнов Н.П. Погребения эпохи поздней бронзы из курганов групп «ДОТ», «Сад» и «Водовод» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2021. № 13. С. 164-201.
- Мимоход Р.А. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 28-53.

- Ніколова А.В., Разумов С.М.* Поховання культури Бабине Сугоклейської Могили // Археологія. 2012. № 3. С. 96-108.
- Отрощенко В.В.* Письмена срубной культуры // Studia Praehistorica. 1988. № 9. С. 151-178.
- Отрощенко В.В.* Колісниця бабинської культури в графічному та рельєфному відтворенні // Матеріали та дослідження з археології Східної України. 2005. № 4. С. 235-242.
- Отрощенко В.В.* Знаки на кераміці доби пізньої бронзи // Археологічна Кермологія. 2019. № 1 (1). С. 53-77.
- Пустовалов С.Ж.* Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. Київ: Шлях, 2005. 412 с.
- Рут М.Э.* Словарь астронимов. Звёздное небо по-русски. М.: АСТ, 2010. 288 с.
- Савва Е.Н.* Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (по материалам погребального обряда). Кишинёв: Штиинца, 1992. 226 с.
- Сергеева М.С.* Міфологічний образ колісниці у графіці населення степів Східної Європи доби бронзи // Археологія. 2001. № 1. С. 10-18.
- Сидоров В.В.* Реконструкции в первобытной археологии. М.: ТАУС, 2009. 216 с.
- Тоцев Г.Н.* Грунтовый могильник катакомбного времени на Мамай-горе // Древности степного Причерноморья и Крыма. 1995. № 5. С. 32-40.
- Формозов А.А.* Сосуды срубной культуры с загадочными знаками // ВДИ. 1953. № 1. С. 193-200.
- Формозов А.А.* Сосуды со знаками эпохи энеолита и бронзы и история письменности // ВДИ. 1963. № 2. С. 180-183.
- Элиаде М.* Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. СПб.: Университетская книга, 1999. 356 с.

**И. В. Шевнина,
А. В. Логвин**

**Ирина Викторовна Шевнина, shevnina_i@mail.ru
Андрей Викторович Логвин, logvin_a@mail.ru**
Костанайский региональный университет им. А. Байтұрсынова,
г. Костанай, Республика Казахстан

«Приходящий в мир умерших приносит дары...»* (о содержимом сосудов из синташтинских погребений Тургая)

Аннотация. Статья посвящена погребальным сосудам, помещаемым в могилу, которые, по всей видимости, имели глубокий символический смысл и, несомненно, являлись участниками погребального ритуала. Традиционно исследователями предполагается, что в них находилась жертвенная пища и напитки, т. к. часто в них фиксируются пищевые пригары. При этом археологами отмечаются сосуды, в которых вместо пищи и напитков находятся те или иные предметы, кости животных, а также в необычном положении, например, перевернутые вверх дном, «сосуд в сосуде» и т. д. В количественном отношении их в рамках одного могильника единицы. Погребальный сосуд - не простоместилище для жертвенной пищи и напитков, его роль была гораздо шире, он активно использовался в различных обрядах, ритуалах, сопровождал умершего в мир иной. Семантическая нагрузка ритуалов, связанных с погребальным сосудом, как видно связана с культом плодородия, женского начала, с «актом творения», который одновременно и неразрывно связан со смертью, зачатием и возрождением.

Ключевые слова: Тургайский прогиб, синташтинская культура, погребальный обряд, сосуд в погребальном обряде, могильник Бестамак, могильник Каратомар

**Ирина Викторовна Шевнина,
Андрей Викторович Логвин,**
А. Байтұрсынов атындағы Қостанай өңірлік университеті,
Қостанай қ., Қазақстан

«Өлгендер әлеміне келгендер сыйлық ала келеді...» (Торғайдың синташты жерлеу орындарынан табылған ыдыстардың құрамы туралы)

Аннотация. Мақала қабірге қойылған терең символдық мағынаға ие және жерлеу рәсімінде пайдаланылғаны сөзсіз жерлеу ыдыстарына арналған. Зерттеушілер дәстүр бойынша оларда құрбандық тағамдары мен сусындар болған деп болжайды, өйткені көбінесе олардың түбінде тамақтың күйген қалдықтары табылады. Сонымен қатар, археологтар тамақ пен сусындардың орнына қандай да бір заттар жануарлардың сүйектері, сондай-ақ ерекше жағдайда, ыдыстың ішінде төңкеріле «ыдыстағы ыдысты» және т. б. болғандығын атап өтеді. Жерлеу ыдысы тек құрбандық тағамдары мен сусындарға арналған ыдыс қана емес, олардың рөлі әлдеқайда кең болды, ол әртүрлі рәсімдерде, салт-жораларда белсенді қолданылды, қайтыс болған адаммен о дүниеге ілесіп барған. Жерлеу ыдысымен байланысты рәсімдердің семантикалық жүктемесі – құнарлылық, әйелдік бастама, өліммен, туылумен және жанданумен бір уақыттағы және үзіліссіз «жаратылыс актісімен» байланысты.

Түйін сөздер: Торғай ойпаты, синташты мәдениеті, жерлеу салты, жерлеу салтындағы ыдыс, Бестамақ қорымы, Қаратомар қорымы

Irina Shevnina,
Andrey Logvin,

Kostanay Regional University named after A. Baitursynov,
Kostanay, Kazakhstan

**“He who comes to the world of the dead brings gifts...”
(on the contents of vessels from the Sintashta burials of Turgay)**

Abstract. The article is devoted to burial vessels. The vessels placed in the grave, apparently, had a deep symbolic meaning, and, undoubtedly, were participants in the funeral ritual. Traditionally, researchers assume that the vessels contained sacrificial food and drinks, since food burns are often recorded in them. At the same time, archaeologists note vessels in which, instead of food and drinks, there are certain objects, animal bones, as well as vessels in an unusual position, for example, turned upside down, “a vessel in a vessel”, etc. In quantitative terms, there are only a few such vessels within one burial ground. The burial vessel, not just a container for sacrificial food and drinks, its role was much wider, it was actively used in various ceremonies, rituals, accompanied the deceased to another world. The semantic load of the rituals associated with the burial vessel, as can be seen, is connected with the cult of fertility, the femininity, with the “act of creation”, which is simultaneously and inextricably linked with death, conception and rebirth.

Keywords: Turgay trough, Sintashta culture, funeral rite, vessel in the funeral rite, Bestamak burial ground, Karatomar burial ground

Введение. Сосуды, помещаемые в могилу, по всей видимости, имели глубокий символический смысл и, несомненно, являлись участниками погребального ритуала. Традиционно исследователями предполагается, что в сосудах находилась жертвенная пища и напитки, так как часто в них фиксируются пищевые пригары. При этом археологами отмечаются сосуды, в которых вместо пищи и напитков находятся те или иные предметы, кости животных, а также сосуды в необычном положении, например, перевернутые вверх дном, «сосуд в сосуде» и т. д. Еще К.В. Сальников выдвинул предположение, что одни сосуды в погребениях могли служить хранилищем ритуальной пищи покойнику, а другие (перевернутые вверх дном, например) имели, по-видимому, какое-то иное назначение [Сальников 1952: 67]. В количественном отношении таких сосудов в рамках одного могильника единицы. Обратившись к синташтинским могильникам Тургайского прогиба, мы обнаружили всего 13 таких погребений с двух памятников - Бестамак и Каратомар.

Могильник Бестамак находится в северной части Тургайского прогиба у самого истока р. Убаган, правого притока Тобола (Аулиекольский р-н, Костанайская обл., Северный Казахстан). Памятник исследовался Тургайской археологической экспедицией с 1991 по 2013 гг.¹

Могильник Каратомар находится на левом берегу тобольского рукава Каратомарского водохранилища у северо-восточной окраины разрушенного поселка Халвай, в 5,5 км к ЮЗ от курганов Халвай 3 и 5 (р-н Беимбета Майлина, Костанайская обл., Казахстан). Могильник состоит из шести курганов. В данном исследовании привлечены материалы курганов № 1 и 2. Исследование могильника проводилось в 2017–2020 гг. Тургайской археологической экспедицией.

Описание погребений. При анализе материалов могильников Бестамак и Каратомар были отобраны погребения, где были зафиксированы сосуды с содержимым (артефакты, камни, кости животных) или поставленные в нетрадиционном положении:

1. перевернутые вверх дном;
2. «сосуд в сосуде»;
3. сосуды, в которых находились кости животных;
4. сосуды, в которых находились бронзовые, костяные и деревянные артефакты;
5. сосуды, в которых находились камни и бронзовые артефакты;
6. сосуды, в которых находились камни.

¹ Выражаем благодарность и глубокую признательность В.Н. Логвину и С.С. Калиевой за возможность работы с неопубликованными материалами могильника Бестамак, исследовавшегося в 1990-х гг.

Описание погребений с сосудами, перевернутыми вверх дном

Бестамак. Погребение в яме 9. В прямоугольной камере лежала женщина² 20–25 лет в скорченном положении на левом боку головой на северо-запад. У ее ног, вдоль восточной стенки, зафиксированы черепа и кости конечностей теленка³, коровы и овец. В области шеи женщины найдены ожерелье из круглых, «рогатой» пастовых бусин и двух костяных пронизок. При расчистке костяка найдены также пластинчатые выпукло-вогнутые браслеты. Рядом с погребенной были найдены бронзовый нож с костяной рукояткой, три бронзовые скрепки и бронзовая проколка. Два сосуда стояли в изголовье, два других - у северной стенки, один из них стоял вверх дном (рис. 2, 1) [Калиева и др. 1992: 38–46].

Бестамак. Погребение в яме 55. Вокруг ямы был сооружен ров, в восточной части которого зафиксирован проход. Мужчина 20–25 лет лежал в скорченном положении на левом боку головой на северо-запад. Кисти рук располагались перед лицом. К западу от черепа найдено скопление костей двух овец и двух ягнят. Среди них обнаружены два фрагмента костяного диска с отверстием в центре. Чуть южнее лежал топор-тесло. К северу от этого скопления обнаружены фрагментированные кости конечностей КРС, фрагменты ножевидной пластины и 11 кремневых наконечников стрел. У нижней челюсти погребенного находился большой нож и пест. У лица стоял маленький сосудик. Рядом с ним найдена проколка, фрагмент бронзовой иглы и нож. В районе колена погребенного лежал камень, все плоскости которого зашлифованы. У ступней лежал абразив. За спиной, в области таза, найдены куски песчаника, неопределимая кость и каменный нож. Два сосуда стояли в северо-восточном углу (в ногах) погребальной камеры, рядом лежала скрепка. Один из них был поставлен вверх дном (рис. 2, 2). В северо-восточном секторе могилы найдены сочлененные шейные позвонки КРС, а в северо-западном секторе - ножевидная пластина и поперечный скол с нуклеуса [Логвин, Калиева 1994: 23–28].

Описание погребений, где сосуд находился в сосуде

Бестамак. Погребение в яме 35. Над погребением, на перекрытии была уложена пара лошадей. Передние конечности южной лошади были отчленены от туловища. Одна из них вместе с лопаткой в анатомическом порядке лежала под костяком, лопатка находилась в области таза, а копыто в области груди. Кости второй ноги располагались частью между костяками обоих животных, частью в районе задних конечностей, лопатка была в «брюхе» лошади, между верхними и нижними ребрами. У северной лошади почти все кости находились в анатомическом порядке, только передняя правая конечность была расчленена в суставах и сложена у основания шеи. Рядом с задними конечностями лошадей найдены кости конечностей четырех овец. Перекрытие, прослеженное по древесному тлену, состояло из поперечных плах, уложенных на продольную балку в центре могильной ямы, опиравшейся на три кола-столбика. Два кола располагались у торцовых стенок могилы, а один примерно посередине. Костяк женщины 30–35 лет находился под перекрытием на левом боку головой на северо-запад, ноги подогнуты в коленях, руки согнуты в локтях, кисти рук находились перед лицом. На левой руке находился браслет. В области шеи обнаружены пастовые бусины, в височной области правой части черепа - каменные бусины из медистого песчаника и пастовые бусины. Вдоль западной стены ямы (в изголовье) размещались развалы четырех сосудов. Маленький сосуд (рис. 2, 10) находился внутри большого (рис. 2, 9). Рядом лежал серп. В юго-западном углу ямы найдена проколка и две скрепки. У черепа женщины лежали в анатомическом порядке кости крыла утки и астрагал КРС. Между черепом и развалом большого сосуда находился обломок бронзового орудия. Рядом с сосудами, ближе к центру ямы, лежали

² Все антропологические определения выполнены А.В. Колбиной.

³ Все остеологические определения выполнены Л.Л. Гайдученко.

Рис. 1. Погребальные сосуды: 1, 2 - могильник Бестамак, погребение № 111. Положение «сосуд в сосуде»;
3 – могильник Бестамак, яма № 163. Кости жеребенка в сосуде;
4 – могильник Каратомар, курган № 1, погребение №3. Остатки камней в деревянном блюде;
5 – могильник Каратомар, курган № 1, погребение № 4. Остатки кожи на бронзовом котле;
6 – могильник Каратомар, курган № 1, погребение № 4. Бронзовые тесла в бронзовом котле

Рис. 2. Погребальные сосуды: 1–10 – могильник Бестамак; 11 – могильник Каратомар, курган № 2.
 1 – погребение № 9. Положение «сосуд вверх дном»; 2 - погребение № 55. Положение «сосуд вверх дном»;
 3 – погребение № 17. Сосуд с костями животного; 4, 5 – погребение № 111. Положение «сосуд в сосуде»;
 6, 7 – погребение № 131. Положение «сосуд в сосуде»; 8 – яма № 163. Сосуд с костями животного;
 9, 10 – погребение № 35. Положение «сосуд в сосуде»

два ножа, стамеска с роговой рукояткой и штыковидное орудие, а в северном углу ямы найдены два каменных наконечника и шлифованный камень. За спиной погребенной находилась костяная проколка, а в районе бедра бронзовый «шплинт». Непосредственно у ступней обнаружено бронзовое орудие с деревянной рукояткой, видимо, стамеска. Восточнее ступней лежали бронзовая проколка с деревянной рукояткой, астрагал, бронзовая игла и две скрепки. У южной стенки ямы найдены фрагмент трубчатой кости, костяное пряслице и сосуд [Калиева, Логвин 2008: 38–43].

Бестамак. Погребение в яме 111. Над погребением было зафиксировано перекрытие, на котором были обнаружены череп лошади, челюсти лошади, барана и кости этих животных. Погребенная женщина 40–50 лет находилась на левом боку, в слабо скорченном положении, кисти рук перед лицом, головой на запад. При расчистке костяка был обнаружен следующий комплект украшений: в районе ушной раковины, на правой и левой стороне черепа бронзовые подвески в 1,5 оборота; в районе головы была найдена маленькая бронзовая бляшка; на руках бронзовые браслеты с остатками ткани на них. В районе запястья левой руки - два клыка животного с отверстиями для подвешивания. На правой руке был найден обломок бронзовой бляшки. Кроме того, при расчистке скелета фиксировались пастовые и каменные бусины. В северном углу ямы находились мелкие кости животных. У северо-восточной стенки камеры были обнаружены каменный пест, бронзовый нож в деревянных ножнах (вокруг ножа фиксировались мелкие кости животных), бронзовые шило, нож и игла. Кроме описанного выше комплекта, была найдена необожженная, растрескавшаяся на кусочки, глина (по петрографическому определению – каолин), которой в древности была придана прямоугольная форма. Те же кусочки необожженной глины фиксировались на ноже, игле, шиле и вокруг них. Возле ступней погребенной было зафиксировано небольшое охристое включение. В погребальную камеру было поставлено четыре сосуда. Большой сосуд был найден по центру северо-западной стенки (в изголовье). При расчистке этого сосуда (рис. 1, 1; 2, 4) в нем был обнаружен маленький сосудик (рис. 2, 5), рядом с сосудом был положен бронзовый топор с остатками оплетки на нем. За спиной и у северо-западной стеки находилось еще по сосуду.

Бестамак. Погребение в яме 131. Погребенная женщина старческого возраста (< 60) находилась на левом боку в слабо скорченном положении, головой на юго-запад. Кисти рук располагались перед лицом. Череп завалился лицевой частью вниз. В районе затылка и груди женщины найдено ожерелье, состоявшее из низки бронзовых, каменных и пастовых бус. На руках бронзовые браслеты. В районе локтя правой руки – три бронзовых подвески в 1,5 оборота, расположение которых позволяет предположить, что они были прикреплены к рукаву платья погребенной, причем две подвески оказались одна в другой. В южном углу, за головой, был поставлен сосуд, у сосуда – остатки деревянного изделия. В ногах женщины было поставлено два маленьких сосуда, причем в сосуд баночного типа (рис. 1, 2; 2, 6) был поставлен сосуд горшечного типа (рис. 2, 7). В северном углу ямы было найдено два ребра животного лошади или КРС, положенные под наклоном [Логвин и др. 2009: 85–90].

Описание погребений с сосудами, в которых находились кости животных

Бестамак. Погребение в яме 17. Костяк женщины 25–30 лет лежал на левом боку в слабо-скорченном положении головой на северо-запад. У ступней ног обнаружен развал сосуда. Второй развал найден в изголовье (рис. 2, 3). В нем были ребра и позвонки одной овцы. Рядом с черепом были найдены бронзовые игла и проколка, клинышек, каменные наконечник стрелы и пластина, две бронзовых «дробинки», каменная плитка-абразив. На каждой руке было по одному браслету. На черепе обнаружены большое (справа) и малое (слева) височные кольца, а в области шеи пастовые и каменные бусины [Калиева, Логвин 2008: 37–38].

Бестамак. Яма 163. В яме были зафиксированы фрагменты черепа жеребенка, под которыми находился сосуд. В сосуд были помещены расчлененные ноги жеребенка (рис. 1, 3; 2, 8). Человеческих костей обнаружено не было, но по жертвенному комплексу и его расположению в яме (западный угол) вполне возможно предположить, что они просто не сохранились, а яма является захоронением новорожденного ребенка.

Описание погребений с сосудами, в которых находились бронзовые, костяные и деревянные артефакты

Бестамак. Погребение в яме 5. На перекрытии вдоль северной, восточной и южной стенок располагались три конских костяка в стоячем положении. У северного костяка все кости расположены в анатомическом порядке. У восточной лошади задние конечности в сочленении были отделены в тазовом суставе и поставлены рядом с передними. У южной лошади кости задних конечностей (от голени и ниже) были отчленены от бедренных костей и также поставлены перед передними. В центре западной половины могильной ямы лежал костяк свиньи. Ниже свиньи расчищено парное захоронение. Погребенные лежали в слабо скорченном положении, головой на запад, лицом друг к другу. В изголовье размещены восемь сосудов, между ними 10 кремневых наконечников стрел. Лежавший на левом боку костяк определен как мужской 18–20 лет. Правая рука согнута и кистью прикрывает кисть левой руки женщины. Левая рука также согнута, но вынесена вверх таким образом, что кисть оказалась над головой. На ней обнаружен тлен древесины с бронзовым гвоздиком. Рядом с лучевой костью левой руки найдена каменная крестовидная булава, а у основания кисти этой же руки большая плоская бляшка. В области шеи отмечены пастовые бусины очень плохой сохранности. В юго-западном углу (в изголовье), в сосуде (рис. 3, 15) был найден бронзовый нож (рис. 3, 16). Костяк второго погребенного определен как женский 8–10 лет. У теменной кости черепа лежал топор-тесло. На левой руке был зафиксирован пластинчатый выпукловогнутый браслет. На левой стороне черепа найдена плакированная желтым металлом подвеска в 1,5 оборота и чуть ниже остатки ожерелья, в составе которого халцедоновая бусина, костяная пронизка, кусочек бирюзы с просверленным в нем отверстием, три бронзовые бочонкообразные бусины и пастовые бусины плохой сохранности. Ниже черепа располагался накосник. У щиколоток обнаружена низка бронзовых бусин. За спиной погребенной, на развале сосуда, найдена бронзовая проволока, которой, видимо, был обернут деревянный предмет прямоугольного сечения. Рядом с сосудом лежал листовидный ножичек [Калиева, Логвин 2008: 49–50].

Бестамак. Погребение в яме 21. Женщина 50–60 лет лежала на левом боку в слабо скорченном положении головой на запад. На руках было по одному бронзовому браслету. На черепе обнаружены две подвески в 1,5 оборота, по одной с каждой стороны. Среди костей черепа найдены также две бронзовые бочонковидные и две пастовые колечковидные бусины. Один сосуд стоял в изголовье (рис. 3, 19). В нем найдены обломки скрепок, обломок бронзовой пластины, кусочек руды и кусочек шлака с большим содержанием меди и много (67) мелких глинистых стяжений. Рядом с сосудом лежал нож с остатками деревянной рукоятки и ребра овцы. Второй сосуд находился за спиной, третий сосуд стоял недалеко от груди (рис. 3, 20). В нем найдена бронзовая игла (рис. 3, 21) [Калиева и др. 1992: 79–81].

Бестамак. Погребение в яме 24. Зафиксированы останки двух погребенных. Пол и возраст определить не удалось, если судить по инвентарю, то, скорее всего, левый костяк принадлежал мужчине, а правый - женщине. Мужчина был положен на левый бок головой на запад. Женщина лежала на правом боку, голова находилась на груди мужчины, у подбородка, а левая рука поверх туловища мужчины. За спиной мужского костяка найден каменный пест и вислобушный топор с бойком на обухе. У лобной части черепа располагались тесло-топор и нож. У его ног найдена

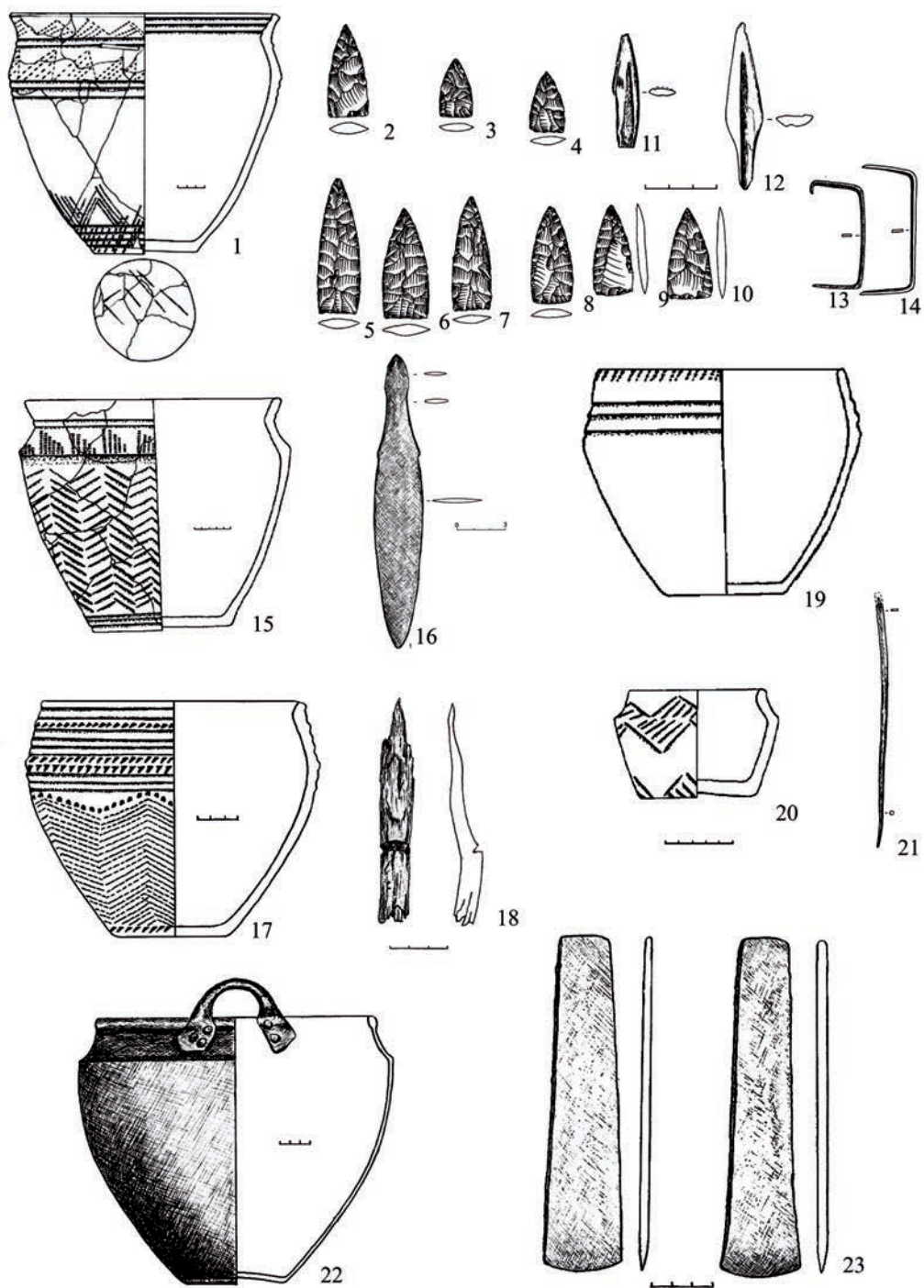

Рис. 3. Погребальные сосуды и их содержимое: 1–16, 19, 21 – могильник Бестамак;
17, 18, 22, 23 – могильник Каратомар, курган № 1. 1–14 – погребение № 24; 15, 16 – погребение № 5;
19–21 – погребение № 21; 17, 18 – погребение № 3; 22, 23 – погребение № 4. 1, 15, 17, 19, 20 – керамика;
2–4, 5–10 – камень; 11, 12 – кость; 13, 14, 16, 21–23 – бронза; 18 – дерево

первая фаланга КРС. У западной стенки стоял сосуд (в изголовье) (рис. 3, 1), в котором были два кусочка руды, два костяных и 10 каменных наконечников (рис. 3, 2–12), две бронзовые скрепки (рис. 3, 13, 14). Рядом с сосудом находились астрагалы овцы (22), сайги (4), кабана (1) и бронзовая игла. Пять астрагалов овцы имеют зашлифованные боковые плоскости. В северо-западном углу был найден развал маленького сосуда, а рядом с ним бронзовая скрепка, четыре кусочка бронзы и проколка. На руках женского костяка обнаружено по одному браслету и четыре кольца на кисти левой руки. Недалеко от колец найдены две подвески в 1,5 оборота и бронзовый гвоздь. Чуть ниже располагалась гривна, каменные бусины и три выпукло-вогнутые бляшки. В районе спины находилось накосное украшение с листовидными бронзовыми подвесками на концах. Рядом с накосником были прослежены фрагменты ткани. На щиколотках находились бронзовые бусины [Калиева 1992: 102–106].

Каратомар. Курган № 1. Погребение в яме 3. Над погребением в древности было сооружено деревянное перекрытие. На нем были уложены черепа и кости МРС (не менее 4-х особей), череп и конечности лошади (?). Стены погребальной камеры облицованы досками. На дне погребальной камеры было обнаружено парное захоронение очень плохой сохранности. Оба погребенных были уложены на левый бок, в слабо скорченном положении, руки согнуты в локтях, кисти перед лицом, головой на северо-восток. Возраст левого костяка 18–20 лет, правого – 16–18 лет, пол определить не удалось. В районе затылка левого костяка обнаружено ожерелье из бирюзовых и халцедоновых колечковидных бусин. С правой стороны черепов обоих погребенных, в районе уха, найдено по шесть маленьких бронзовых подвесок в 1,5 оборота. В головах, между черепами, располагался керамический сосуд, в который был помещен обломок концевой части деревянного копья, в положении острием вверх (рис. 3, 17, 18). На кистях левого костяка было найдено деревянное овальное блюдо с «ушками», очень плохой сохранности. Блюдо было наполнено камнями (рис. 1, 4). При расчистке, в районе предплечий левого костяка отмечен ярко красный тлен, за его спиной был найден в положении на боку керамический сосуд. В районе сгиба ног лежал берестяной сосуд [Логвин, Шевнина 2018: 123–125].

Описание погребений с сосудами, внутри которых находились камни и бронзовые артефакты

Каратомар. Курган № 1. Погребение в яме 4 было ограблено в древности. Зафиксировано перекрытие из бревен, горбыля березы и сосны. Бревна были уложены поперек, опираясь концами на края ямы и центральную продольную балку. На перекрытии были зафиксированы челюсти лошадей. Стенки погребения облицованы досками. На дне погребальной камеры найдены два маленьких баночных сосуда. Под полом погребальной камеры (на глубине 3 м) был обнаружен «тайник» с бронзовым сосудом (котлом) (рис. 3, 22). Внутри сосуда зафиксирован песок и камни, которыми он был, по всей видимости, заполнен специально, поскольку сам сосуд был вкопан в суглинок. В сосуде, на уровне его шейки, были найдены два бронзовых топора-тесла, установленные на ребро параллельно друг другу и направленные лезвиями в противоположные стороны относительно друг друга (рис. 1, 6; 3, 23). На сосуде прослеживаются остатки кожи, предположительно он находился в кожаной «сумке-чехле» [Логвин, Шевнина 2020: 234–237].

Описание погребений с сосудами, в которых находились камни

Каратомар. Курган № 1. Погребение в яме 3. Подробное описание погребения дано выше. Напомним, что на кистях левого костяка 18–20 лет было найдено деревянное овальное блюдо с «ушками», которое было наполнено камнями (рис. 1, 4) [Логвин, Шевнина 2018: 123–125].

Каратомар. Курган № 2. Погребение в яме 4. Над погребением было зафиксировано перекрытие из бревен, которые были уложены поперек ямы на продольное бревно, проходящее вдоль

всей ямы и служившее центральной опорой перекрытия. На перекрытии находились череп и кости МРС. Само погребение сильно потревожено грызунами. На дне ямы были обнаружены кости ног и таза женщины 35–40 лет, верхняя часть скелета отсутствовала. Судя по положению ног, умершая лежала на левом боку с полусогнутыми ногами, головой на север с небольшим отклонением к западу. В южном углу ямы были обнаружены фрагменты черепа человека, бронзового височного кольца, браслета, подвески в 1,5 оборота и две пастовые бусины. Около таза человека находились один развал орнаментированного керамического сосуда, придонная часть от другого сосуда и фрагменты бронзового браслета. За спиной найден бронзовый гребень, под которым зафиксированы остатки кожи и дерева (футляр?). В северном углу ямы обнаружено округлое берестяное изделие, которое, вероятно, является донной частью берестяного сосуда. Рядом с ним зафиксировано изделие из плетеных веточек. Аналогичное изделие зафиксировано и в юго-восточном углу ямы. По всей видимости, это плетеные корзины. В ногах стоял керамический сосуд с «шишечками», наполненный опоковидными камнями (рис. 2, 11).

Обсуждение и выводы. Попытаемся каждый «сюжет» с сосудом разобрать отдельно.

Сюжет 1. Переворачивание сосуда вверх дном.

Каких-либо закономерностей выявить не удалось. В одном случае перевернутый сосуд был поставлен у ног погребенного мужчины, в другом случае - в изголовье погребенной женщины. Сами сосуды горшечной формы, орнаментированные. В одном случае маленьких размеров, в другом - средних. В объяснении семантического значения переворачивания сосудов в погребениях по археологическим и этнографическим источникам разные исследователи едины, что действие переворачивания так или иначе связано с «Нижним миром» или же «тем светом» [Балакин 1998: 208; Косарев 2003: 150–151; Львова др. 1988: 144–145; Толстой 1990: 119–128; и др.]. С.В. Сотникова предполагает, что переворачивание сосуда могло являться частью магического обряда изгнания болезни или отправления души-тени в Нижний мир. Так же, изучая Ригведу, исследователь приходит к выводу, что такое действие могло являться частью ритуальных действий космогонического характера, а переворачиваемый сосуд мог быть наполнен каким-то напитком, например, Сомой/Хаомой, символизирующим космические воды, поступающие с небес на землю и обеспечивающие постоянное возрождение жизни [Сотникова 2006: 25–3; 2015: 231–243].

Сюжет 2. «Сосуд в сосуде».

Такое положение сосудов встречено только у женщин. Все сосуды орнаментированные, только один баночной формы, остальные – горшечной. Две женщины зрелого возраста от 30 до 50 лет, одна – старше 60 лет. Положение, когда маленький горшечный сосуд находится в большом горшечном сосуде, наблюдается в изголовье у женщин зрелого возраста, а у пожилой женщины оба сосуда маленького размера установлены в ногах, причем в сосуд баночного типа установлен сосуд горшечного типа. Сосуд является универсальным символом женского начала и символизировал утробу Великой Матери и движение внутрь. В свою очередь, символом Богини Матери являлись чаша, котел... Как известно, Великая Мать покровительствует плодородию почвы, скота, людей..., участвует в сотворении мира... [Купер 1995: 199, 316]. В связи с этим считаем вполне возможным предложить следующую смысловую нагрузку ритуала помещения маленького сосуда в большой: утроба женщины (большой сосуд) – движение внутрь (помещение маленького сосуда в большой) – беременность. Возможно, такое положение сосудов как-то связано с деторождением? Или захороненные женщины имели при жизни много детей? И эта заслуга была отмечена таким ритуалом? В отношении помещения горшечного маленького сосуда в маленький баночный у женщины старше 60 лет можно отметить, что, скорее всего, это действие несет ту же семантическую нагрузку. Возможно, ритуал помещения сосуда в сосуд – это воспроизведение акта творения, ко-

торый всегда связан одновременно со смертью, зачатием и возрождением? Известно, что у многих народов сосуд является символом плодородия, а при помощи сосуда боги разных народов «творят мир» (индоарии, древние шумеры, греки и т. д.) [Прищенко, Цыганова 2021: 108–113]. Плодородие же земли, как правило, связывается с плодovitостью женщины, им введома «тайна» творения. «Таинством, которое требует “смерти” семени, для того чтобы дать ему новое рождение, тем более чудесное, что оно происходит путем потрясающего умножения». В свою очередь культ плодородия и культ умерших были также связаны между собой. Подобные мифо-ритуальные сценарии бытовали как на Ближнем Востоке, так и у индоиранцев [Элиаде 2001: 42–44].

Сюжет 3. Кости животных в сосуде.

Судя по размерам костей (ребра и ноги), в сосуды были положены довольно большие куски мяса и они явно превосходили размеры сосудов. При расчистке ямы № 163 могильника Бестамак кости ног жеребенка частично торчат из сосудов. Вряд ли они варились в этом горшке. Либо были положены после варки, либо были положены в сыром виде. Сосуды были поставлены в изголовье в одном случае женщины, в другом, скорее всего, ребенка. Считается, что это жертвенная пища. А сосуды предназначались для трапезы в мире мертвых. Мясо при коллективном пиршестве, кроме живых и умерших, могло предназначаться и богам [Антонова 1999: 26].

Сюжет 4. Камни и артефакты в сосудах.

Все сосуды, в которых находились камни, были найдены на могильнике Каратомар. Сосуды с камнями находились в парном погребении молодых людей 18–20 лет (курган № 1, погребение 3), женщины 35–40 лет (курган № 2, погребение 4), под полом погребальной камеры (курган № 1, погребение 4). Какой-либо системы проследить не удалось. Отметим, что нахождение жертвенной пищи в данных сосудах сомнительно, а расположение камней имеет вариации. Например, в погребении № 4 кургана № 1 камни были уложены на дно бронзового сосуда (котла), затем засыпан песок и на уровне горловины котла в песок установлены на ребро бронзовые тесла. А в яме № 3 кургана № 1 камни были уложены в деревянное овальное блюдо. И только в яме № 4 кургана № 2 в ногах погребенной женщины 35–40 лет на дне сосуда с шишечками были уложены лишь камни. Все зафиксированные камни опокovidные и необработанные. По всей видимости, значение камня было велико в ритуалах синташтинцев, косвенно на это указывают и сами сосуды, в которые были положены камни: красивый сосуд с шишечками, деревянное блюдо с ушками, единственный (на данный момент) известный бронзовый синташтинский котел. Камни различной формы из погребений часто интерпретируют как магические, ритуальные, связывают с гаданием [Куприянова 2011: 88]. Согласно М. Элиаде, люди всегда поклонялись камням, верили в их сакральность, в то, что они могут защитить от мертвецов, особенно это касалось погребальных камней. Душа предков, бога, тотема «жила» в камне [Элиаде 1999: 208, 212]. Боги часто связываются с камнями, например, по одной из версий Митра был рожден из камня, в пещере [Амфитеатров 1907: 72]. «Заклученная» в камень душа действовала во благо и содействовала плодородию. У многих народов присутствует вера в оплодотворяющую силу камней. Более того, поклонялись именно необработанным камням (например, древние греки) [Элиаде 1999: 212, 223]. Непокрытый резьбой, необработанный камень в системе первобытного символизма есть женское начало [Купер 1995: 125–126]. Видимо, не случайно сосуд только с камнями был установлен в погребении зрелой женщины (Каратомар, курган № 2, яма № 4).

Анализируя сосуды, в которых кроме камней были найдены и другие артефакты, отдельно остановимся на бронзовом котле с теслами и камнями (Каратомар, курган № 1, яма № 4). Символизм этого «сюжета», как нам кажется, может указывать на дуальность, например, расположение

тесел рабочим лезвием друг против друга вполне можно трактовать как разное направление, разные дороги, пути, жизнь-смерть, начало-конец и т. п.

Сосуды с артефактами зафиксированы в изголовье у погребенных лишь в одном случае у женщины 50–60 лет (Бестатак, № 21). При этом данное погребение единственное, где обнаружено два сосуда, внутри которых находились бронзовые и костяные предметы. В изголовье был поставлен сосуд средних размеров, в котором были обломки бронзовых скрепок, пластины, кусочек руды и шлаков, а также много (67) глинистых стяжений. У груди стоял маленький сосудик с бронзовой иглой внутри. В парных погребениях Бестатака, в яме № 5 в сосуде был найден бронзовый нож, а в яме № 24 – два кусочка руды, два костяных и 10 каменных наконечников. А в парном погребении № 3 кургана № 1 Каратамарского могильника в сосуде был найден деревянный наконечник.

Принято считать, что положенные вещи в могилу должны обеспечить всем необходимым покойника на «том свете». М.Ф. Косарев, опираясь на этнографические данные, считает, что это заблуждение, а основная масса погребального инвентаря, как и погребальная пища, помещалась в могилу с целью обеспечить покойника на время его путешествия в Нижний мир [Косарев 1984: 218]. Нередко с покойником передавали «гостинец» (какую-либо вещь) умершим сородичам [Косарев 1984: 208]. Также не исключается, что некоторые вещи призваны помочь покойнику не заблудиться на дорогах, ведущих в страну мертвых. Исследователь допускает, что именно такую роль и играл погребальный сосуд [Косарев 1984: 209]. Е.В. Антоновой при изучении ритуалов древней Месопотамии также отмечаются вещи, необходимые для путешествия в мир мертвых. Среди них упоминаются удобные в пути кожаные сосуды [Антонова 1999: 28]. Возможно, бронзовый котел с могильника Каратамар (курган № 1, яма 4) был уложен в кожаный мешок (остатки кожи (рис. 1, 5) были зафиксированы на внешней стороне котла) для удобства транспортировки в мир иной? В.В. Цимиданов, изучая древности срубной культуры, высказал предположение, что сосуды, в которых находились те или иные предметы, выступали в роли «почтовых ящиков» для отправки посланий в иной мир. Сосуды из погребений, в которые клались определенные вещи, призваны были выполнять ту же функцию, что и в обычной жизни. Покойники при этом могли выступать в роли посредников, которые вручали данные «послания» богам или предкам [Цимиданов 2016: 63–66].

Е.В. Антонова, пишет, что в месопотамских ритуалах известны «погребальные подношения», получателями которых указываются духи предков, боги, демоны, а также сами умершие. Среди «подношений» упоминаются: пища, украшения, орудия, одежда, колесница, осел... [Антонова 1999: 23–26].

В засыпке могильной ямы в месопотамском обряде археологами зафиксированы вещи, которые могли принадлежать друзьям или родственникам умершего. Подобный элемент обряда мы видим и на могильнике Бестатак и нам уже приходилось об этом писать ранее [Шевнина, Логвин 2021: 58–70]. Речь идет о случаях, когда украшения лежат в каких-то скоплениях находок, но не на самом погребенном. Например, над ногами погребенного мужчины (погребение № 140) был зафиксирован «наброс» разнообразного инвентаря (всего 25 изделий из бронзы и камня). Местонахождение украшений не на погребенном, а в скоплениях находок мы связываем с тем, что они могли не принадлежать этому человеку и были положены, например, в качестве подарка. В пользу этого тезиса говорит и то, что «подарки-амулеты» в трех погребениях могильника Бестатак, в силу разных причин, действительно не принадлежали умершим. Например, комплект из браслета и клыков лисицы из ямы № 2 слишком маленького размера, чтобы его носила взрослая женщина 40–50 лет. Скорее всего, он принадлежал ребенку. Браслеты, найденные у затылка муж-

чины из ямы № 45, судя по всему, ему также не принадлежали, поскольку не было зафиксировано ни одного случая ношения браслетов мужчинами в бестамакской общине. Бляха-медальон из ямы № 140 также, скорее всего, не принадлежала мужчине, поскольку находилась не среди личного инвентаря, а среди «наброса» над погребенным [Шевнина, Логвин 2021: 58–70].

Таким образом, очевидно, что не все погребальные сосуды наполнены лишь жертвенной пищей и напитками, более того, не весь погребальный инвентарь относится к погребенному человеку и его будущей жизни в ином мире. Часть его вполне можно соотнести с подношениями для богов или же усопших предков. К категории «подарков для богов» или «подарков для усопших предков» можно отнести: 1) артефакты в сосудах; 2) части туши животных; 3) камни; 4) украшения, найденные не на усопшем, а в скоплениях, по каким-либо причинам не подходящим для данного покойника (размер, пол усопшего и т.д.); 5) артефакты, найденные в заполнении ямы, над погребенным (при условии, что нет признаков ограбления).

При этом все же большая часть сосудов в погребальном обряде, по всей видимости, действительно использовалась для жертвенной пищи и напитков, так как известно, что необходимая часть обряда – это коллективное пиршество между живыми, умершими и богами. Погребальная же пища предназначалась не только самому умершему, но и тем, кого он должен был встретить на том свете, и цель этих приношений не только благополучие умерших, но и живых [Антонова 1999: 25–27].

Завершая наш обзор, хочется отметить, что погребальный сосуд - не просто вместилище для жертвенной пищи и напитков, его роль была гораздо шире, он активно использовался в различных обрядах, ритуалах, сопровождал умершего в мир иной. Семантическая нагрузка ритуалов, связанных с погребальным сосудом, как видно, связана с культом плодородия, женского начала, с «актом творения», который одновременно и неразрывно связан со смертью, зачатием и возрождением.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова Е.В. Место умерших в жизни живых и погребальный инвентарь: археологические факты и исторические свидетельства (Месопотамия) // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М.: Восточная литература, 1999. 248 с.
- Амфитеатров А.В. Старое в новом. СПб.: Общественная польза, 1907. 267 с.
- Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск: Изд-во: Наука, 1998. 283 с.
- Калиева С.С., Колбин Г.В., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак // Маргулановские чтения. Петропавловск: Изд-во Петропавловского педин-та, 1992. С. 57-59.
- Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. Вып. 9. С. 32-58.
- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 243 с.
- Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.
- Купер Дж. Энциклопедия символов. Серия символы. Кн. IV. М.: Золотой век, 1995. 401 с.
- Куприянова Е.В. В поисках истоков древней медицины: Аркаим и вокруг (археология расследования). Челябинск: Жираф, 2011. 177 с.
- Логвин В.Н., Калиева С.С. Раскопки могильника Бестамак. Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции в полевом сезоне 1993 года // Архив ИА КН МОН РК. Д. 2429.
- Логвин А.В., Шевнина И.В. Исследование синташтинского могильника Каратомар, кургана 1 (предварительное сообщение) // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. М-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Самара, 8–11 октября 2018 г.) / Гл. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 123-125.

- Логвин А.В., Шевнина И.В.* Синташтинское погребение № 4 кургана 1 могильника Каратомар (предварительное сообщение) // *Степная Евразия: бронзовый мир: сб. науч. тр. к 80-летию Г.Б. Здановича.* Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. С. 234-237.
- Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В.* Погребение женщины старческого возраста на могильнике Бестамак // *Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии. Маргулановские чтения – 2008 / Отв. ред. В.В. Варфоломеев.* Караганда: Сарыаркинский археол. ин-т, 2009. С. 85-90.
- Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
- Толстой Н.И.* Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд.* М.: Наука, 1990. С. 119-128.
- Прищенко С.В., Цыганова И.В.* Сосуд в мифопоэтической традиции: атрибут бога и актер инициации // *Общество: филология, история, культура.* 2021. № 11. С. 108-113.
- Сальников К.В.* Курганы на озере Алакуль // *МИА СССР.* М.: АН СССР, 1952. Т. 1. № 24. С. 51-71.
- Сотникова С.В.* О символике перевернутого сосуда и его роли в андроновском ритуале // *Теория и практика археологических исследований.* 2006. Вып. 2. С. 25-31.
- Сотникова С.В.* Андроновские ритуальные комплексы с перевернутыми сосудами: сравнительная характеристика и интерпретация // *Проблемы истории, филологии, культуры.* 2015. № 3. С. 231-245.
- Цимиданов В.В.* Сосуды – «почтовые ящики» в обрядах срубной культуры // *Теория и практика археологических исследований.* 2016. Т. 16. № 4. С. 57-77.
- Шевнина И.В., Логвин А.В.* Синташтинские украшения в контексте одного могильника (по материалам некрополя Бестамак) // *Образ женщины в отражении веков: по материалам из Большого Тургая и сопредельных регионов. Коллективная монография / Отв. ред. Г.А. Базарбаева, Г.С. Джумабекова.* Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. С. 58-70.
- Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
- Элиаде М.* История веры и религиозных идей. От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Критерион, 2001. Т. 1. 464 с.

Ш. Наджафов

Шамиль Наджафов,
Институт археологии, этнографии и
антропологии НАН Азербайджана,
г. Баку, Азербайджан; shamil_necefov@mail.ru

Каменные орудия древнего поселения Ястытепе

Аннотация. В 2010–2014 гг. Казахская археологическая экспедиция проводила регулярные археологические раскопки поселения Ястытепе. За это время был изучен культурный слой, толщиной в 2,2–2,4 м на участке общей площадью в 300 м², систематизированы материалы и сняты стратиграфические размеры. Артефакты, обнаруженные на поселение Ястытепе, типичны для ходжалы-гедабекской археологической культуры. Они идентичны для поселений эпохи поздней бронзы–раннего железа Западного Азербайджана. Значительную группу артефактов составляют каменные изделия: зернотерки, молотильные орудия, скребков, ступы и пестики; точильные и режущие инструменты, изготовленных из обсидиана. Малое количество метательных камней является показателем редкого использования этих орудий во время охоты. Предметы, изготовленные из обсидиана также малочисленны. Каменные орудия, найденные на поселении Ястытепе, имеют важное значение для изучения культуры земледелия древних жителей Гянджа-Казахского региона.

Ключевые слова: Казахская археологическая экспедиция, Ястытепе, поселения, археологические раскопки, период поздней бронзы и раннего железа, каменные артефакты

Шамиль Наджафов,
Әзірбайжан ҰҒА Археология, этнография
және антропология институты,
Баку қ., Әзірбайжан

Ястытепе ежелгі қонысынан табылған тас құралдар

Аннотация. Казах археологиялық экспедициясы 2010–2014 жж. Ястытепе қонысында тұрақты археологиялық қазба жүргізіп тұрды. Осы уақытта жалпы көлемі 300 м² жерде 2,2–2,4 м қалыңдықта мәдени қабат зерттелді, материалдары жүйеленіп, стратиграфиялық өлшемі алынды. Ястытепе қонысынан табылған артефактілер ходжалы-гедабек археологиялық мәдениетіне тән. Олар Батыс Әзірбайжанның кейінгі қола-ерте темір дәуіріндегі қоныстар үшін бірдей. Табылған жәдігерлердің үлкен тобы тастан жасалған бұйымдар: дәнүккіш, ұнтақтағыш құралдар, қырғыштар, келілер мен келсаптардан; обсидианнан жасалған қайрағыш және кескіш құралдардан тұрады. Лақтырғыш құралдардың аз мөлшерде табылуы бұл құралдардың аң аулау барысында сирек қолданылғандығының белгісі болып табылады. Обсидианнан жасалған бұйымдар да аз мөлшерде табылды. Ястытепе қонысынан табылған тас құралдар Гянджа-Казах аймағының ежелгі тұрғындарының жер өңдеуші мәдениетін зерттеу үшін ерекше маңызға ие.

Түйін сөздер: Казах археологиялық экспедициясы, Ястытепе, қоныс, археологиялық қазбалар, кейінгі қола-ерте темір кезеңі, тастан жасалған артефактілер

Shamil Najafov,
Institute of Archaeology, Ethnography & Anthropology,
Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Azerbaijan

Stone tools of Yastitepe settlement

Abstract. During the explorations carried out by the Kazakh archaeological expedition in 2010–2014 in the settlement of Yastitepe in the territory of Aghstafa district, an area of 300 square meters was excavated and the cultural stratum of 2.2–2.4 m was studied. Examples of material culture found at the Yastitepe settlement are typical of the Khojaly-Gedabey archaeological culture. The obtained artifacts are typical for the settlements of the Late Bronze-Early Iron Ages in the western district of Azerbaijan. A large group of artifacts found at the Yastitepe settlement during archaeological excavations are stone products. The stone product mainly consists of stones from the bottom and top of the quern, forging tools, grinders, mortar and pestles, whetstones, slingshots and weights, cuttings made of obsidian, etc. As a result of long-term use, some stone tools did not retain their original dimensions. These tools are an indication of the important role of agriculture in the economic life of the ancient inhabitants of Yastitepe, along with cattle-breeding.

Keywords: Kazakh archaeological expedition, Yastitepe, settlement, archaeological excavations, Late Bronze-Early Iron Ages, stone tools

Памятники поздней бронзы и раннего железа (2-я пол. II тыс. – начало I тыс. до н.э.) известны в научной литературе под названием ходжалы-гедабекская культура. В Азербайджане, Восточной Грузии и на исторических землях западного Азербайджана были обнаружены многочисленные памятники, связанные с ходжалы-гедабекской культурой. Исследователи справедливо характеризуют ходжалы-гедабекскую археологическую культуру как яркую страницу древней истории Азербайджана. Хронологические рамки этой культуры охватывают период XIV–XIII вв. до н.э. до VIII в. до н.э., и она была названа так, из-за нахождения археологических материалов, характерных для этой культуры впервые в Ходжалы в Карабахском регионе и в Гедабеке в западном регионе.

Часть памятников ходжалы-гедабекской культуры воссоединены также под названием Гянджа-Казахской группы. Материальные источники, обнаруженные с памятников ходжалы-гедабекской культуры в Гянджа-Казахском регионе, позволяют в целом получать определенную информацию о хозяйстве и общественной структуре общества периода поздней бронзы и раннего железа в бассейне средней Куры.

Памятник Ястытепе, являясь поселением периода поздней бронзы и раннего железа (конец II – начало I тыс. до н.э.), расположен на территории села Даг Кесемен Акстафинского района. Поселение Ястытепе растянуто в западно-восточном направлении. Оно состоит из невысокого холма округлой формы и занимает площадь около 1,5–2 га. Высота холма достигает 3,2 м. На самом же деле территория памятника была гораздо больше нынешнего [Наджафов 2012: 57–58]. Основываясь на проводимые наблюдения и на информацию, полученную от пожилых представителей местного населения можно прийти к выводу о том, что территория памятника была около 2,5–3 га. Со временем, в результате запустения, склоны холма, где расположено поселение, были с помощью техники срезаны и расширены участки для посева. Это предположение подтверждают также находки археологических материалов вблизи холма, где расположен памятник.

Впервые этот памятник был зафиксирован и внесен в реестр М.М. Гусейновым и Т.А. Бунятовым [Бунятов, Гусейнов 1957: 185]. В 1957–1961 гг. И.Г. Нариманов и Ф.М. Мурадова провели здесь первые археологические исследования, в результате которых выявили фрагменты керамических сосудов, зернотерки, глиняные печати и другие материалы [Мурадова, Нариманов 1973: 46].

В 2010–2014 гг. Казахская археологическая экспедиция (рук. Ш.Н. Наджафов) проводила регулярные археологические раскопки на территории памятника. За это время был изучен культурный слой мощностью 2,4 м на раскопчном участке общей площадью в 300 м², систематизированы материалы и сняты стратиграфические размеры.

Во время раскопок был прослежен только один культурный слой, относящийся к периоду поздней бронзы и раннего железа. Такая толщина культурного слоя указывает на продолжительность и интенсивность жизни на этом месте. Стратиграфия от дневной поверхности до грунта глубиной в 2,5 м была тщательно изучена, были взяты материалы для лабораторных анализов, обнаружены материально-культурные образцы, имеющие очень важное научное значение [Наджафов 2021: 77–78]. Произведенные археологические раскопки создали условия для получения содержательной информации о толщине культурного слоя и об особенностях обнаруженных материально-культурных образцов и т. д.

Раскопками были вскрыты остатки больших прямоугольных строений с интересными очажными сооружениями и многочисленные хозяйственные ямы; добыто большое количество вещественного материала, характеризующего хозяйство и быт, культуру и искусство древних поселенцев холма.

Значительную группу артефактов, найденных на поселении во время археологических раскопок составляют каменные изделия. Каменные изделия состоят в основном из зернотерок, молотильных орудий, скребков, ступ и пестиков; точильных и режущих инструментов, изготовленных из обсидиана (рис. 1–3; фото 1–2).

Наличие на поселении огромного количества каменных изделий свидетельствует о большой роли каменной индустрии в жизни древних обитателей Ястытепе [Наджафов 2013: 88–89]. Для изготовления орудий труда и предметов вооружения поселенцами были широко использованы разнообразные породы, которыми богаты окрестности.

Интересен и тот факт, что вблизи поселения берег, и русло р. Акстафачая усеяны небольшими кремневыми валунами. В обрывистой террасе реки также встречаются кремневые валуны. Естественно, что в хозяйственной жизни поселенцев использовался кремнь из Акстафачая. Но, несмотря на это на поселении Ястытепе обсидиановые предметы в количественном соотношении доминируют над кремневыми изделиями, хотя обсидиановые залежи не отмечены в данном районе (рис. 1). Видимо, обсидиан завозился сюда из ближайших районов Грузии, где имеются его залежи [Наджафов 2019: 144–145]. К многочисленным каменным орудиям, непосредствен-

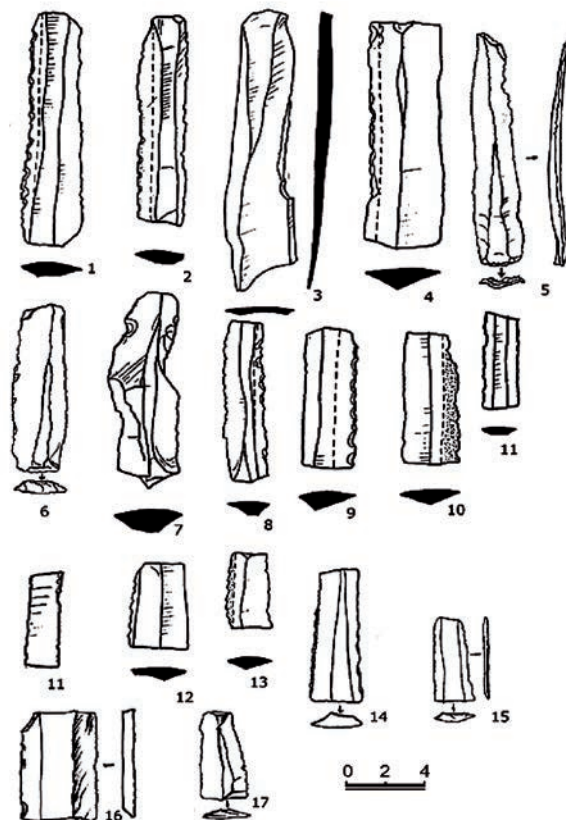

Рис. 1. Обсидиановые ножевидные пластинки и вкладыши

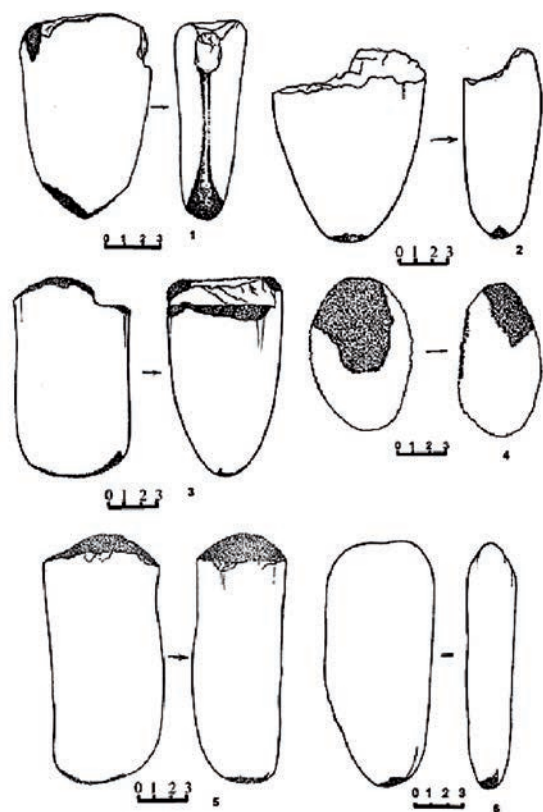

Рис. 2. Терочки и пестики

рого типа выделяются своей массивностью. Они изготовлены из больших плит твердого песчаника или же из туфогенной лавы. Что же касается третьего типа – лодьевидных зернотерок, то они составляют основную часть всех найденных зернотерок Ястытепе (фото 2). Имеющиеся образцы изготовлены из сероватых и красноватых туфов.

Зернотерки и терки в большом количестве известны в материалах из древних памятников Азербайджана и всего Кавказа. К древним сельскохозяйственным орудиям Ястытепе следует отнести также единственный экземпляр каменной мотыги, найденной в 2011 г. на небольшом ровном участке, примыкающем к изучаемому холму. Для изго-

но связанным с сельскохозяйственным хозяйством древнего населения Ястытепе, относятся также зернотерки, терки, песты и др.

Зернотерки найдены в большом количестве (фото 2). Они представлены целыми или в обломках. Основная часть их выявлена в хозяйственных ямах. Отдельные экземпляры были собраны и с поверхности поселения. Для изготовления зернотерок использованы местные туфовые камни и твердые песчанки. Следы использования прослеживаются почти на всех зернотерках. По форме зернотерки делятся на три типа: 1) овальные, 2) прямоугольные, 3) лодьевидные. Зернотерки первого типа найдены в незначительном количестве. Рабочая часть их плоская, без каких-либо прогибов, но со следами сработанности. Они имеют округлое основание. Зернотерки вто-

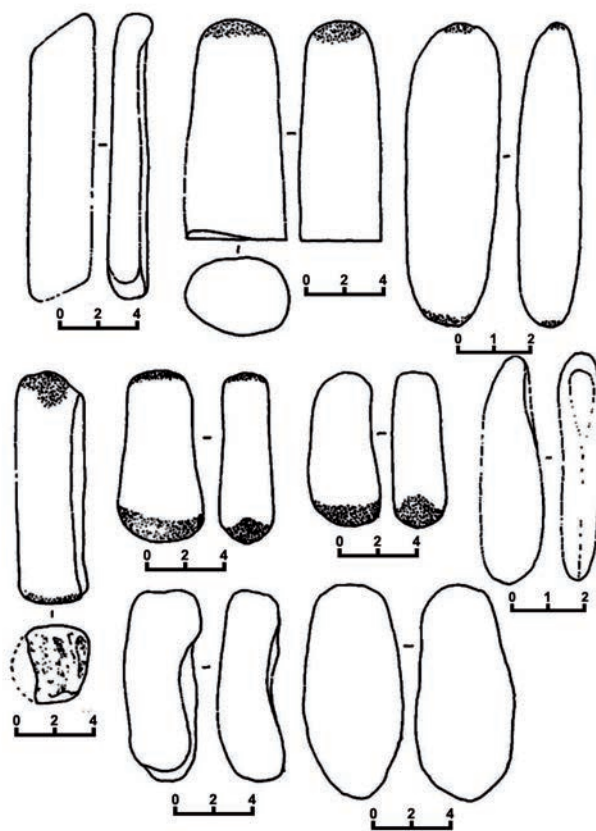

Рис. 3. Каменные орудия (терочки, пестики и др.)

Фото 1. Терочники, пестики и топор

товления каменной мотыги был использован плоский речной голыш серого цвета [Наджафов 2012: 60–61].

Значительная часть зернотерок изготовлена из булыжников. Все они, можно сказать в расколотом виде, и повторяют друг друга по форме и содержанию. У верхних же терок одна сторона плоская, а другая выпуклая. На раскопчном участке найдено множество весовых камней. Не вызывает сомнений длительное использование этих камней в быту. Поверхность у них хорошо выглажена. У большинства прослеживаются следы обработки.

Некоторые ступы очень маленькие и расколоты на части (фото 1). Их пестики состоят в основном из булыжников серого цвета. Пестики, используемые при давке и молотье, выбраны и изготовлены в основном в соответствии с размерами ступок. Некоторые ступки изготовлены из пористого туфа. Точильные камни, находятся в ряду наиболее часто обнаруживаемых археологических материалов. Обе стороны орудий продолговатой формы хорошо обтерты и обработаны. Встречаются, орудия как большого, так и маленького размера. Метательные камни попадались очень редко. Малое количество метательных камней является показателем редкого использования этих камней во время охоты.

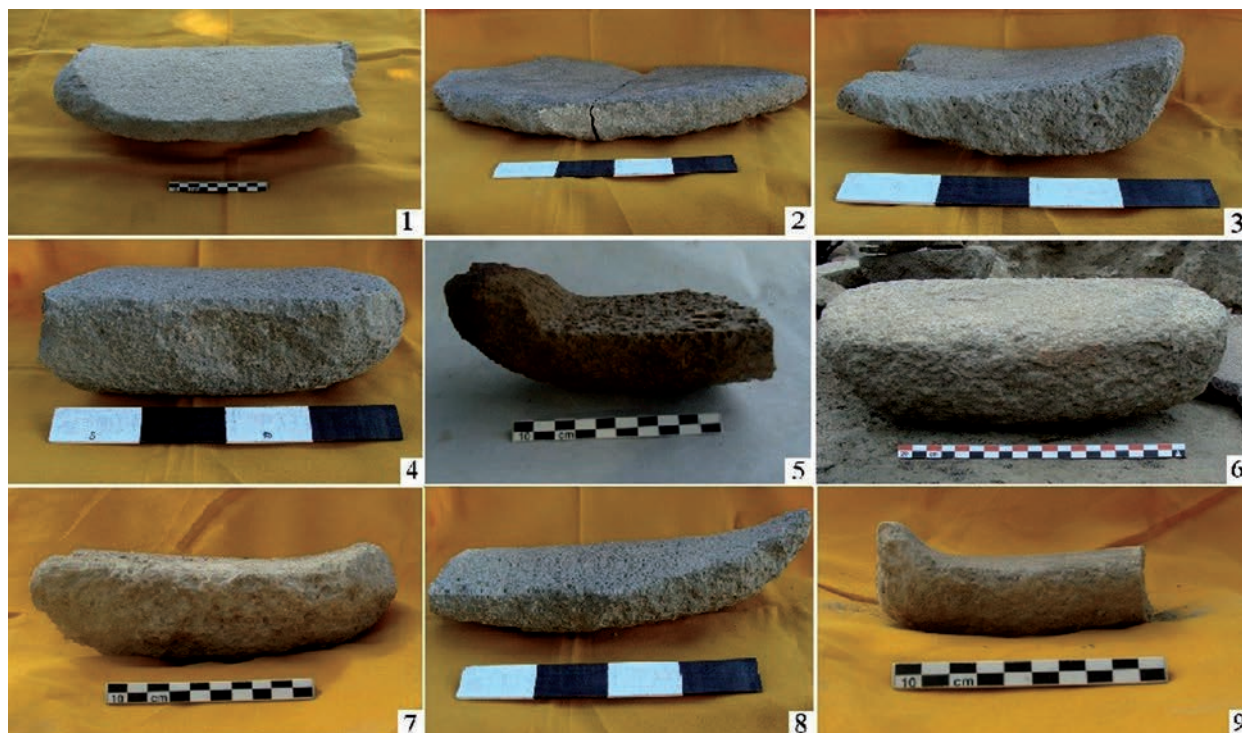

Фото 2. Каменные зернотерки

Топоры представлены целыми предметами и их фрагментами (фото 1.8). Три из них сделаны из продолговатых, один из-под треугольных галек плотного камня серого и синевато-серого цвета. Следует указать, что шлифованные каменные топоры в других ранних памятниках Азербайджана встречаются очень мало. Надо также отметить, что каменные клиновидные топоры хорошо известны из энеолитических памятников Древнего Востока [Наджафов 2021: 77–79].

В коллекции имеется один обломок грузила с желобком для привязывания. Оно вторично использовано как терка и на его поверхности сохранились следы красной охры.

Скрепки же имеют продолговатую и овальную форму. На большинстве из них наблюдаются следы обработки.

Каменная литейная форма имеет квадратную форму и незаметно суживается к отбитому концу. По продольной оси и поперек формы имеются сквозные отверстия. По всей вероятности, форма предназначена для отливки металлических булавок с проушинами.

Орудия труда, изготовленные из обсидиана также малочисленны (рис. 1). Обсидиановые камни черного цвета имеют простые формы и маленькие объемы. Режущие инструменты из обсидиана очень маленького размера и представлены в основном осколками. Эти осколки, изготовленные из прозрачного обсидиана черного цвета, в основном трех- и многогранные, одна сторона у них хорошо сформирована для резки. Концы наконечников стрел из осколков обсидиана очень острые.

Каменные артефакты с поселения Ястытепе находят аналогии среди материалов поселений поздней бронзы и раннего железа, находящихся на территории Казахского и Акстафинского районов, таких как: Молламей, Сарытепе, Бойуктепе, Оджагтепе, Таватепе, Ганлы Тойре, Гияметтепе, Сарвантепе, Ангут тепе, Даш Салахлы, Надирбейтепе, Новрузлутепе, Тойретепе и др. [Наджафов и др. 2015: 199–200].

Эти каменные артефакты, найденные на поселении Ястытепе имеют важное значение для изучения культуры земледелия древних жителей Гянджа-Казахского региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Бунятов Т.А., Гусейнов М.М.* Результаты археологических поездок в Акстафинский и Казахский районы в 1955 г. // Труды Музея истории Азербайджана. Т. II. Баку: Элм, 1957. С. 184-188.
- Мурадова Ф.М., Нариманов И.Г.* О древнем поселении Ястытепе // Материальная культура Азербайджана. Т. VII. Баку: Элм, 1973. С. 46-55.
- Наджафов Ш.Н.* Краткие сведения об археологических раскопках в древнем поселении Ястытепе (2010–2012 гг.) // Азербайджан и азербайджанцы. 2012. № 3–4. С. 57-64.
- Наджафов Ш.Н.* Некоторые проблемы и результаты исследований поселений эпохи бронзы на территории Гянджа-Казахского региона // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования. Тезисы науч. конф. мол. ученых (г. Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2013 г.) / Отв. ред. В.А. Алекшин. сост. А.А. Бессуднов. СПб.: Изд-во РАН, 2013. С. 88-89.
- Наджафов Ш.Н.* Фактор естественно-географические условия среды обитания населения бассейна среднего течения реки Куры в эпоху бронзы (Этно-археологические исследования по памятникам Гянджа-Казахского региона бронзового периода) // Вестник Бакинского университета. Сер. гум. наук. 2019. № 4. С. 138-146.
- Наджафов Ш.Н.* Об итогах археологических исследований на поселении Ястытепе // Новые материалы и методы археологического исследования (материалы VI межд.конф. молодых ученых) (г. Санкт-Петербург, 16–19 марта 2021 г.) / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: Изд-во РАН, 2021. С. 77-79.
- Наджафов Ш.Н., Ахмедова Г.Р., Гаджиева Г.Н.* Археологические раскопки 2013–2014 гг. на поселении Ястытепе // Археологические исследования в Азербайджане 2013–2014. Баку: Университет Хазар, 2015. С. 194-201 (на азерб. яз.).

Р. С. Мусаева

Райхан Сериковна Мусаева,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан; argin_rr@mail.ru

Каменные навершия эпохи бронзы из Западного Казахстана (по материалам памятников срубной культуры)*

Аннотация. В статье приводятся данные о двух образцах каменных наверший из материалов погребальных памятников срубной культуры Западного Казахстана. Оба предмета были введены в научный оборот ранее, однако их публикация в труднодоступных и малоизвестных научному кругу изданиях затрудняет их использование в качестве аргументирующего аспекта в вопросах культурно-хронологического определения. Предварительно оба экземпляра определены как навершия булавы, приведены размеры и детальная характеристика каждого предмета. Несмотря на мультикультурность феномена таких инсигний власти, как навершия булавы, наличие образцов двух разных форм среди малочисленных западно-казахстанских памятников срубной культуры доказывают включение местного населения в единую историко-культурную общность и позволяет поставить вопрос о сложной социальной структуре общества того времени.

Ключевые слова: каменные навершия булавы, инсигнии власти, срубная культура, Западный Казахстан

Райхан Серікқызы Мұсаева,
Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

Батыс Қазақстанның қола дәуірі тас шоқпарлары (қима мәдениеті ескерткіштерінің материалдары бойынша)

Аннотация. Мақалада Батыс Қазақстандағы қима мәдениетінің жерлеу ескерткіштерінен табылған тас шоқпарлар туралы деректер келтіріледі. Шоқпарлардың екеуі де бұрын ғылыми айналымға енгізілген, дегенмен ғылыми басылымдар қол жетімсіз әрі кең таралмаған басылымдарда жарияланғандықтан олардың мәдени-хронологиялық анықтау мәселесіндегі дәлелді аспектілерін анықтау қиындық туғызады. Екі археологиялық олжа шоқпар ретінде анықталып, әр заттың өлшемдері мен егжей-тегжейлі сипаттамалары келтірілді. Тас шоқпар басы сияқты билік белгісінің көпмәдениеттілігіне қарамастан, Батыс-Қазақстандық қима мәдениеті ескерткіштерінің арасында екі түрлі нысандағы үлгілердің болуы жергілікті тұрғындардың біртұтас тарихи-мәдени қауымдастыққа қосылғанын дәлелдейді және сол кездегі қоғамның күрделі әлеуметтік құрылымы туралы мәселе көтеруге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: тас шоқпарлар басы, билік белгісі, қима мәдениеті, Батыс Қазақстан

Raikhan Mussayeva,
Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

Stone pommels of the Bronze Age from Western Kazakhstan (based on the materials of the monuments of Srubnaya culture)

Abstract. The article provides data on stone pommel found in burial monuments of the Srubnaya culture of Western Kazakhstan. Both items were previously included in scientific circulation, but since scientific works are

© 2022 Мусаева Р.С.

*Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2022, ИРН проекта BR 11765630.

published in publications that are not available and widely distributed, it is difficult to determine their cultural chronology, distribution area. Two archaeological finds were identified as pommels, and the dimensions and detailed descriptions of each item were given. Despite the small number of monuments belonging to the Srubnaya culture in the country, the two different stuffed pommels found in them indicate that the local population on the territory of Eurasia has joined a single historical and cultural community. It also allows us to answer questions about the complex social structure of society at that time.

Keywords: stone pommel, power sign, Srubnaya culture, Western Kazakhstan

Каменные навершия булавы являются одним из распространённых символов власти у племён эпохи бронзы. Подобные предметы, как правило, маркируют экстраординарные погребения и являются транскультурным феноменом [Калиева и др. 1992; Юдин, Матюхин 2006; Крамарев 2015, Цимиданов 2004: 74; Кириченко, Наджафов 2021: 5]. На территории Казахстана каменные навершия булавы представлены чаще изделиями шаровидной или близкой к грушевидной формы [Кукушкин, Бедельбаева 2020: 36; Нелин 1995: 132; Мургабаев и др. 2021; Логвин и др. 1991; Логвин, Шевнина 2008: 190]. Крестовидное навершие было обнаружено в могильнике Бестамак [Калиева, Логвин 2008: 49].

Среди западно-казахстанских памятников срубной культуры были обнаружены два экземпляра каменных наверший из могильников Мамай и Спартак [Ким и др. 1993; Кушаев, Кокебаева 1978], малоизвестных отечественным исследователям. Отсутствие подобных сведений вполне объяснимо публикацией материалов полевых работ в редких и труднодоступных изданиях [Ким и др. 1993; Кушаев 1992]. Предварительно оговорим, что погребения с навершиями относятся к покровской или раннесрубной стадии на основании погребального обряда и сопровождающего инвентаря [Ким и др. 1993; Кушаев¹ 1992: 67].

Первое каменное навершие было обнаружено В.А. Кригером в 1981 г. при исследовании кургана № 2 могильника Спартак, открытого в 1927 г. П.С. Рыковым [Кригер 1981]. В южной стенке могильной ямы центрального погребения находился вход в катакомбу, в которой и было совершенно основное погребение. Квадратной формы катакомба имела размеры 2,3×2,4 м, у входа была оставлена ступенька длиной 0,75 м, высотой от дна ямы на 0,65 м [Кригер 1981; Лопатин 2010: 72]. У южной стены могильной ямы обнаружено захоронение взрослого человека в полускорченном положении на левом боку головой на ЮЗЗ. Руки согнуты в локтях, кисти рук располагались у лица. Под погребенной зафиксирован темно-коричневый тлен. Сопроводительный инвентарь включал плоскодонный лепной сосуд с широким устьем, орнаментированный по горлу и плечу горизонтальными линиями и заштрихованными треугольниками, расположенными над- и под линиями; бронзовый нож лавролистный формы; каменный оселок прямоугольной формы, одна сторона которого имела характерный паз для заточки; бронзовое шило с квадратным в сечении остриём и округлым черешком для насадки деревянной рукояти; заточенную грифельную кость лошади; четыре костяных заполированных кольца, изготовленных из трубчатой кости животного, три из которых имели резной орнамент, и шаровидной² формы каменное навершие булавы (рис. 1).

Интересующее нас навершие изготовлено из известняка, поверхность изделия тщательно заполирована. Диаметр навершия в широкой части 7,2 см, диаметр отверстия 0,7-0,9 см, высота изделия 4,5 см. Индекс L/B составляет 0,625 см. Навершие имеет сквозное расширяющееся отверстие, вокруг которого сделан валик. Автором статьи данный экземпляр отнесён к грушевидным навершиям с бортиком у основания. В.В. Ткачев отмечает, что подобный бортик выполнял функцию втулки и придавал дополнительную опору в месте крепления к рукояти [Ткачев 2007: 190].

¹ Г.А. Кушаев отмечал, что данное погребение относится к полтавкинской культуре [Кушаев 1992: 67].

² В отчете В.А. Кригера данный предмет описывается именно как шаровидной формы.

По типологии Н.М. Малова, разработанной для памятников с территории Поволжья, данное изделие можно отнести к варианту Б типа 2 наверший булавы срубной культуры, с индексом соотношения высоты к диаметру = 0,7 [Малов 1991: 36]. По типологии В.В. Килейникова, базирующейся на памятниках Подонья, Спартаковское навершие относится к варианту I-е [Килейников 2004: 138]. Данный экземпляр отличается сильно раздутыми боками, что приближает его к форме, близкой к шаровидной, однако уплощенная нижняя часть и наличие бортика указывает на схожесть с грушевидными образцами. Наиболее ближайшие аналогии встречаются в курганах синташтинской – Танаберген II, 7/22 [Ткачев 2007: 190]; синташтинско-петровский – Бестамак, яма 140 [Логвин, Шевнина 2008: 190]; андроновской – могильник Баганалы, каменный ящик 10 [Мургабаев и др. 2021]; срубной культуры: могильник В. Бакылей 6/6, Натальинский 2, 6/1 [Малов 1991: 36], могильник Селезни 2 1/1 [Килейников 2004: 138].

Второй экземпляр навершия булавы был обнаружен при исследовании могильника Мамай Г.А. Кушаевым и Г.К. Кокебаевой в 1978 г. [Кушаев, Кокебаева 1978].

Центральное погребение располагалась в кургане № 3. В прямоугольной могильной яме размерами 3,0×2,4 м был погребён мужчина в скорченном положении на левом боку, головой на север. Кисти рук перед лицом, скорченность средняя. Исследователи отмечают, что дно ямы было посыпано охрой, в связи с чем нижние части скелета, примыкавшие ко дну ямы, были окрашены в красный цвет [Кушаев, Кокебаева 1978: 24, Кушаев 1993: 37].

Погребенного сопровождал глиняный горшковидный сосуд с широким устьем и «защипами», расположенными в верхней части широкого тулова; бронзовый кинжал-нож лавролистной формы, с обоюдоострым лезвием линзовидным в разрезе, с широкими выступами в верхней части, образующими перекрестие и крестовидное каменное навершие булавы (рис. 2).

Навершие булавы имело четыре диаметрально расположенных выступающих полушария. Изготовлено из белого мрамора округлой формы. Поверхность тщательно отшлифована. В центральной части навершия имеется круглое сквозное отверстие диаметром до 1,5 см. Высота предмета 4,5 см, диаметр центральной части 4,5 см, а с выступами полушариями - 7,5 см. Индекс L/V равен одному, а, учитывая выступы, составляет 0,6 см. Верхняя и нижняя части булавы плоские, отверстие слегка расширяющиеся [Кушаев 1992]. По типологии Н.М. Малова, навершие относится к типу 1 наверший булавы срубной культуры – крестовидным навершиям, имеющим четыре выступа или выпуклины на корпусе [Малов 1991: 33]. По типологии В.В. Килейникова, данный экземпляр относится к варианту II-в – высокие усеченно-ромбические навершия с бортиком в основании [Килейников 2004: 140]. Аналогичные по форме экземпляры были обнаружены на памятниках: неолита – Варфоломеевская стоянка [Малов 1991: 37]; энеолита – Екатериновский мыс [Королев и др. 2018: 61]; катакомбной, лолинской культур [Мимоход 2013: 513, ил. 70]. Среди

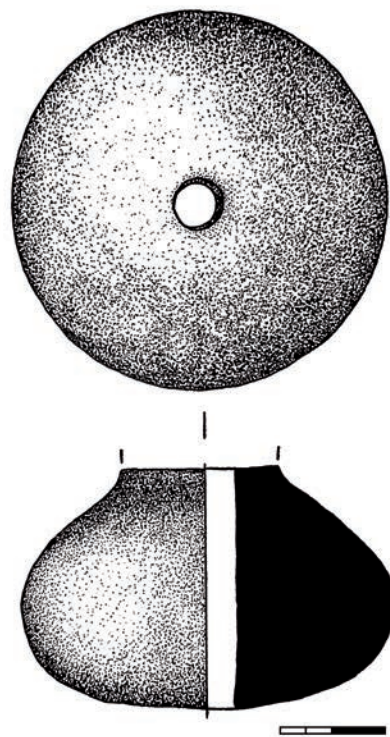

Рис. 1. Могильник Спартак, курган № 2.
Грушевидное навершие

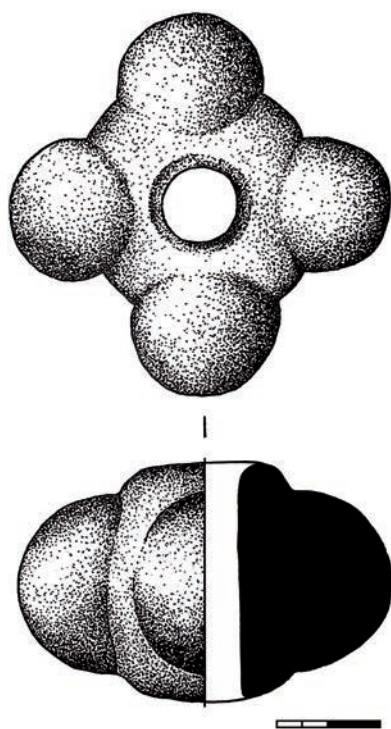

Рис. 2. Могильник Мамай, курган № 3.
Крестовидное навершие

1994: 191; Евтушенко 2003], сына и частичного воплощения бога ветра Вою [Васильков Интернет-ресурс].

Н.М. Малов указывал, что для территории Поволжья погребения с булавами занимают второе место в иерархической классификации после «царских» погребений, включающих в себя комплекс из наконечников стрел и прочего инвентаря [Малов 1991: 38]. По мнению В.В. Килейникова, который выражает свою солидарность с Е.Н. Мельниковым [Мельников 1993], погребения с навершиями булавы можно отнести к воинским [Килейников 2003: 144]. В.В. Цимиданов отмечает, что подобные инсигнии власти, как жезлы/булавы, свидетельствуют о военном пути политогенеза у срубных племен [Цимиданов 2004: 75].

Подытоживая вышесказанное, хочется отметить, что факт обнаружения двух наверший, грушевидной и крестообразной формы, среди небольшого количества известных к настоящему моменту памятников срубной культуры на территории Западного Казахстана является уникальным явлением для отечественной археологической науки. Повторное введение данных предметов в научный оборот позволит обратить внимание научной общественности на казахстанские памятники срубной культуры и включать их в дальнейшем в качестве аргументирующего аспекта в вопросах культурно-хронологического определения срубной культурно-исторической общности.

Проанализированные образцы инсигний власти свидетельствуют о сложной социальной структуре срубных племён, а факт нахождения Спартаковского навершия в редких для подобных предметов погребениях – о высоком общественном положении женщин того времени.

срубных погребений наиболее близкими являются находки из могильников Натальино II, кург. 7 (бронзовое), Никольский III 1/3, Осиновский 1/2 (каменные) [Малов 1991: 39, Памятники 1993: 147], Первый Власовский могильник 3/16 [Килейников 2004: 140]; Бородинский клад [Шишлина 2020].

Необходимо оговорить, что местонахождение каменных наверший и другого сопровождающего их инвентаря из обоих могильников не установлено.

Полифункциональное назначение булавы является общепризнанным явлением, однако для экземпляров из могильников Спартак и Мамай оно скорее ограничено социально-маркирующим фактором. Тщательная заглаженность наверший, отсутствие трещин или иных следов повреждения предметов, изготовление из разных по крепости горных пород, свидетельствует о бережном использовании последних. Вероятнее всего, они отмечают погребение человека, имеющего высокий социальный статус – предводителя племени. Подтверждением этому может служить тот факт, что люди, обладающие инсигниями власти в виде булавы, могли олицетворять бога Индру-громовержца [Килейников 2004: 142; Малов 1991: 30-31; Горелик 1993: 58, Цимиданов 2004: 73]. Образец же каменной булавы с четырьмя выступами был оружием в руках Бхимасены [Кузьмина

ЛИТЕРАТУРА

- Васильков Я. Бхима // Философская энциклопедия [terme.ru](https://terme.ru/termin/bhima.html). URL: <https://terme.ru/termin/bhima.html> (дата обращения: 04.08.2022 г.).
- Горелик М.В. Оружие Древнего Востока. IV тысячелетие – IV в. до н.э. М.: Восточная литература, 1993. 352 с.
- Евтушенко И.П. Арии на Урале. Ч. II // Академия тринитаризма Эл. № 77-6567, публ.10565, 25.07.2003. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02110002.htm> (дата обращения: 04.08.2022 г.).
- Калиева С.С., Колбин Г.В., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак // Маргулановские чтения. Тезисы / Отв. ред. В.Ф. Зайберт. Петропавловск: Лаборатория археологических исследований Петропавловского педагогического института, 1992. С. 57-59.
- Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 9. С. 32-58.
- Килейников В.В. Каменные навершия булав бронзового века лесостепного Подонья // Археологические памятники бассейна Дона: Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2004. С. 131-145.
- Ким М.Г., Кригер В.А., Малов Н.М. Новые погребения начального этапа поздней бронзы степной зоны Южного Приуралья // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы: сб. статей / Отв. ред. И.Д. Парфенов. Саратов: изд-во Сарат. ун-та, 1993. С. 152-161.
- Кириченко Д.А., Наджафов Ш.Н. Новые находки каменных наверший булав Ходжалы-Кедабекской культуры из Азербайджана // Parabellum novum. 2021. № 15 (48). С. 5-23.
- Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. Неординарное погребение энеолитического могильника Екатериновский Мыс // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 58-67.
- Крамарев А.И. Некерамический инвентарь в погребальных памятниках срубной культуры Южного Средневожья // Вопросы археологии Поволжья. 2015. Вып. 5. С. 336-398.
- Кригер В.А. Отчет об археологических работах на территории Уральской области в 1981 г. // Архив ИА КН МОН РК. Ф. 2, оп. 23, д. 1900, 8 л.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племён андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Восточная литература, 1994. 464 с.
- Кукушкин И.А., Бедельбаева М.В. Погребения с булавой: семантические аспекты (по материалам могильника Тундык) // Вещь в контексте погребального обряда: мат-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. С.А. Яценко, Е.В. Куприянова. М.: РГУ, 2020. С. 35-44.
- Кушаев Г.А. Новое в бронзовом веке Западного Казахстана // Маргулановские чтения. Тезисы / Отв. ред. В.Ф. Зайберт. Петропавловск: Лаборатория археологических исследований Петропавловского педагогического института, 1992. С. 65-67.
- Кушаев Г.А. Этюды древней истории Степного Приуралья. Уральск: Диалог, 1993. 172 с.
- Кушаев Г.А., Кокебаева Г.Б. Научный отчет об итогах археологических раскопках в Уральской области в 1978 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 20, д. 1675, 37 л.
- Логвин А.В., Шевнина И.В. Элитное погребение синташтинско-петровского времени с могильника Бестамак // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: сборник научных трудов / Отв. ред. С.Ф. Татауров, И.В. Толпеко. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. С. 190-197
- Логвин В.Н., Калиева С.С., Колбин Г.В. Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Кустанайской области в полевом сезоне 1991 г. // Архив ИА КН МОН РК. Ф. 2, оп. 33, д. 2366, 150 л.
- Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.). Саратов: Наука, 2010. 268 с.
- Малов Н.М. Погребения с булавами и втоками из Наталинского могильника // Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. 1991. С. 15-42
- Мельников Е.Н. Погребения с навершиями булав эпохи бронзы // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999 // Электронная библиотека Annales.info. URL: http://annaes.info/blacksea/small/pogr_bul.htm (дата обращения: 04.08.2022 г.)

- Мимоход Р.А.* Лолинская культура Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. М.: ИА РАН, 2013. Т. 16. 568 с. илл.
- Мургабаев С.С., Бахтыбаев М.М., Малдыбекова Л.Д.* Археологические исследования на могильнике Баганалы // Электронные журнал «Научное обозрение Саяно-Алтая». 2021. URL: <https://sayan-altai.ru/tag/karatau-andronov-culture/> (дата обращения: 04.08.2022 г.)
- Нелин Д.В.* Погребения эпохи бронзы с булавами в Южном Зауралье и Северном Казахстане // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. III Международная научная конференция (Челябинск, 29 мая-4 июня 1995 г.): тезисы докладов. Ч. V, кн. 1. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. 187 с.
- Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье // Археология России (Свод археологических памятников. Вып. В 1-10. Т. 1). Саратов: изд-во Саратовского гос. ун-та, 1993. 200 с.
- Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы: монография. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с., илл.
- Цимиданов В.В.* Социальная структура срубного общества. Донецк: Институт археологии НАН Украины, 2004. 204 с.
- Шишлина Н.И.* Бородинский клад // Блог исторического музея. URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=2458> (дата обращения: 04.08.2022 г.)
- Юдин А.И., Матюхин А.Д.* Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов: Науч. кн., 2006. 116 с.

Д. А. Кириченко

Дмитрий Александрович Кириченко,
Институт археологии, этнографии и антропологии,
Национальная Академия наук Азербайджана,
г. Баку, Азербайджан; dmakirichenko@mail.ru

**О каменных навершиях булавы
из историко-краеведческого музея г. Масаллы
(Азербайджанская Республика)**

Аннотация. В статье исследованы каменные навершия эпохи ранней–средней бронзы из экспозиции историко-краеведческого музея г. Масаллы (Азербайджан). Артефакты были обнаружены в местности Худабахыш юрду. Экземпляр № 1 шаровидной формы, был изготовлен из змеевика; № 2 – крестовидной формы, изготовлен из белого мрамора; экземпляры № 3 и 4 – шаровидной формы, изготовлены из известняка. Экземпляр № 1 происходит из разрушенного кургана эпохи средней бронзы. Из этого кургана имеется еще одно каменное навершие шаровидной формы, изготовленное из песчаника (№ 5). Экземпляр № 2 является пока единственной находкой подобного плана (навершие крестовидной формы с четырьмя выступами-шишечками) в Азербайджане. Булава относится к мариупольскому/мариупольско-бородинскому типу каменных наверший. Аналогии булаве (№ 2) из Худабахыш юрду мы можем встретить на памятниках эпохи средней бронзы в Дагестане, а также на памятниках археологической культуры Бабино. Экземпляры № 3 и 4 могут относиться как к эпохе ранней бронзы, так и к последующим историческим периодам. Артефакты № 1 и 2 были импортного происхождения, а № 3–5 – местного производства.

Ключевые слова: Азербайджан, археология, эпоха ранней бронзы, эпоха средней бронзы, погребения, каменные навершия булавы

Дмитрий Александрович Кириченко,
Әзірбайжан ҰҒА Археология, этнография
және антропология институты,
Баку қ., Әзірбайжан

**Масаллы қаласының тарихи-өлкетану музейіндегі күрзінің тас басы туралы
(Әзірбайжан республикасы)**

Аннотация. Мақалада Масаллы қ. (Әзірбайжан) тарихи-өлкетану музейінің экспозициясынан ерте-орта қола дәуірінің тас мүсіндері зерттелген. Артефактілер Худабахыш юрду жерінен табылды. № 1 шар тәріздес пішінді, ирек түтіктен жасалған; № 2-крест тәрізді ақ мәрмәрден жасалған; № 3 және 4 даналар – шар тәріздес пішінді, әктастан жасалған. № 1 дана орта қола дәуіріндегі бұзылған обадан табылған. Бұл обадан құмтастан жасалған шар тәрізді пішіндегі тағы бір тас басы табылды (№ 5). № 2 дана әзірше осы тектес бұйымның Әзірбайжанда табылған жалғыз үлгісі болып табылады (төрт дөңес түйінді крест тәрізді бастары). Бұл бас Мариуполь/Мариуполь-Бородино тас бастары түріне жатады. Худабахыш юрдудан табылған күрзілілердің аналогтарын біз Дағыстандағы орта қола дәуірінің ескерткіштерінен, сондай-ақ Бабино археологиялық мәдениетінің ескерткіштерінен таба аламыз. № 3 және 4 даналар ерте қола дәуіріне де, кейінгі тарихи кезеңдерге де қатысты болуы мүмкін. № 1 және 2 артефактілер импортталған, ал № 3–5-жергілікті өндіріс.

Түйін сөздер: Әзірбайжан, археология, ерте қола дәуірі, орта қола дәуірі, жерлеу орны, күрзінің тас басы

Dmitry Kirichenko,
Institute of Archaeology, Ethnography and Anthropology,
Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Azerbaijan

**About stone mace heads from Historical-Local museum of Masally city
(Azerbaijan Republic)**

Abstract. The article studies stone mace heads of the Early-Middle Bronze Age periods exhibited in Historical-Local museum of Masally city (Azerbaijan Republic). These artifacts were found in the area of Khudabakhish yurdu. Exemplar no. 1 is of a globular shape, was made from green serpentinite; No 2 – cross-shaped form, was made of white marble; exemplars No 3–5 – globular shape, were made of marble, limestone and sand stone. Exemplar No 1 and 5 were found in a crushed barrow and probably dates to the Middle Bronze Age. Exemplar no. 2 is the single artifact of this shape (cross-shaped mace head with four bulges) in Azerbaijan. The mace belonged to Maripol/Mariupol-Borodino type of stone mace heads. Analogies of Khudabakhish yurdu item (No 2) can be found on monuments of the Middle Bronze Age in Dagestan and monuments of Babino archaeological culture. Exemplars No 3–5 may belong to the Early Bronze Age and the following historical periods. Artifacts No 1 and 2 belong to imported items; 3–5 – were of local production.

Keywords: Azerbaijan, archaeology, the Early Bronze Age, The Middle Bronze Age, burials, stone mace heads

В статье рассмотрены каменные навершия булавы, которые представлены в экспозиции историко-краеведческого музея г. Масаллы¹ (Масаллинский р-н, Азербайджан). Артефакты были обнаружены в местности «Худабахыш юрду» (рис. 1), на западной окраине с. Хишкедере, в 15 км к югу от г. Масаллы.

О двух каменных навершиях булавы (экземпляры № 1, 5) из «Худабахыш юрду» сообщает азербайджанский археолог к.и.н. Ф.Р. Махмудов [Mahmudov 1973: 2–3; Махмудов 2008: 43]. Он отмечает, что материал был передан сельским учителем Р.М. Тагиевым [Mahmudov 1973: 2] и происходит из разрушенного кургана, который датируется в пределах III тыс. до н.э. [Mahmudov 1973: 4]. Курган имел каменное покрытие и был разрушен при земляных работах [Махмудов 2008: 42]. Помимо каменных наверший булавы, в кургане была обнаружена также и половина каменного топора [Mahmudov 1973: 4; Махмудов 2008: 43], а также каменный предмет дисковидной формы, который Ф.Р. Махмудов считает или булавой, или пряслицем [Mahmudov 1973: 3].

В настоящее время в экспозиции историко-краеведческого музея г. Масаллы представлено пять каменных наверший булавы из местности Худабахыш юрду.

№ 1 (Dk-4, Инв. 4). Каменное навершие шаровидной формы (рис. 2), зеленого цвета, изготовлено, на наш взгляд, из змеевика, хорошо отполировано. Посередине имеется двустороннее округлое отверстие, отмечен бортик (выступающая окантовка) в основании. Размеры: диаметр 6,1 см, высота 5 см, диаметр отверстия 1,8 см.

№ 2 (Dk-3, Инв. 3). Каменное навершие крестовидной формы (рис. 3), белого цвета, с четырьмя округлыми выступами-шишечками, изготовлено из мрамора. Посередине имеется двустороннее округлое отверстие. Размеры: диаметр 6,9 см, высота 4,5 см, диаметр отверстия 1,9 см.

№ 3 (Dk-4779, Инв. 863). Каменное навершие шаровидной формы (рис. 4), бежевого цвета, изготовлено из мрамора. Посередине имеется двустороннее округлое отверстие, отмечен слабо выступающий бортик в основании. Размеры: диаметр 5,7 см, высота 4,9 см, диаметр отверстия 1,7 см.

№ 4 (Dk-14, Инв. 14). Каменное навершие шаровидной формы (рис. 5), светло-серого цвета, изготовлено из известняка. Посередине имеется двустороннее округлое отверстие. Размеры: диаметр 5,7 см, высота 5,2 см, диаметр отверстия 2,1 см.

¹ Автор выражает свою благодарность и признательность директору историко-краеведческого музея г. Масаллы – Э.Р. Тагиевой за возможность публикации материала.

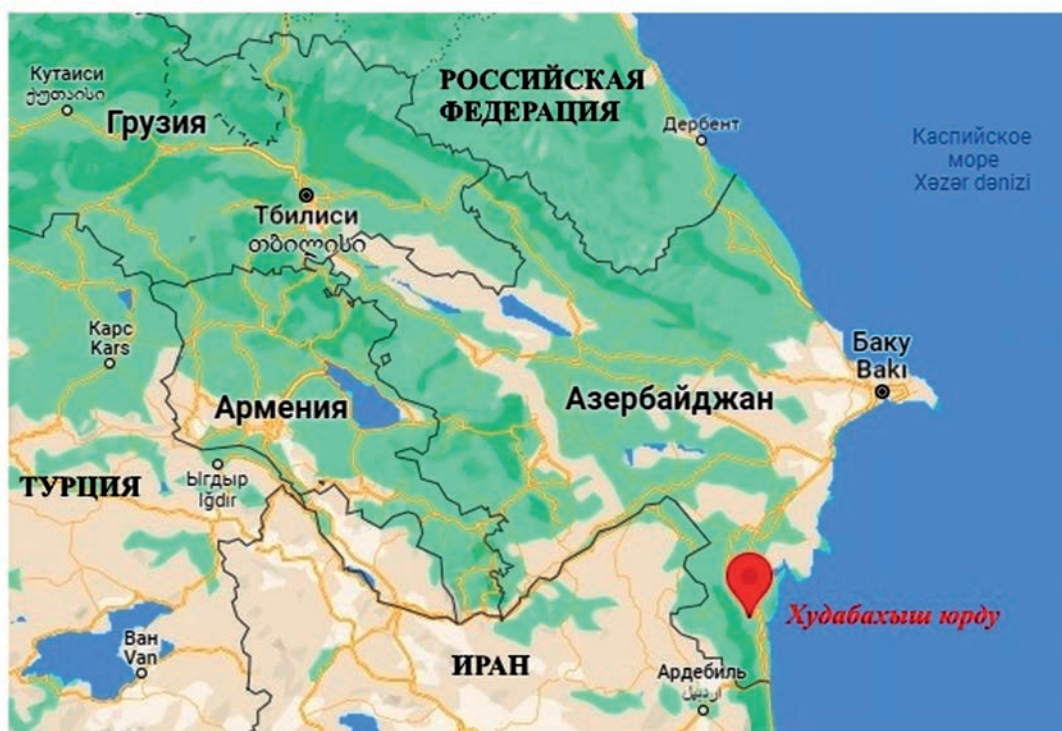

Рис. 1. Месторасположение Худабахыш юрду (с. Хишкедере, Массалинский р-н, Азербайджан)

№ 5. (DK-10, Инв. 10). Каменное навершие шаровидной формы (рис. 6), серого цвета, изготовлено из камня-песчаника. Посередине имеется двустороннее округлое отверстие. Размеры: диаметр 5,6 см, высота 4,3 см, диаметр отверстия 1,1 см.

Особый интерес представляет материал изготовления каменного навершия (экз. № 1) – змеевик. На территории Азербайджана из змеевика был обнаружен обломок булавы с полированной поверхностью из кургана № 13 Кудурлу (Шекинский район) [Ахундов 2001: 109]. Хронологически курган 13 Кудурлу следует отнести к концу III – рубежу III–II тыс. до н.э. [Ахундов 2001: 132]. Вероятно, артефакты из разрушенного кургана Худабахыш юрду и кургана 13 Кудурлу почти синхронны. Навершия булавы из змеевика были выявлены в Дагестане [Мунчаев, Смирнов 1956: рис. 3а.3; Магомедов 2000: 71; 2018: 56, 60–61]. Булавы из змеевика известны в катакомбной культуре. Эту породу камня степняки

Рис. 2. Каменное навершие булавы № 1

Рис. 3. Каменное навершие
булавы № 2

Рис. 4. Каменное навершие
булавы № 3

Рис. 5. Каменное навершие
булавы № 4

Рис. 6. Каменное навершие
булавы № 5

получали из Центрального Предкавказья [Мунчаев, Смирнов 1956: 200]. Навершия из змеевика встречаются и в Поволжье. В частности, каменные навершия, правда, из уральского змеевика, были обнаружены и у населения срубной культуры Поволжья [Малов 1991: 32]; на поселении Лебяжинка V были выявлены булавы из этого камня, изделия связываются с покровским культурным слоем [Кузьмина и др. 2017: 175].

Крестовидная форма булавы (экз. № 2) из Худабахыш юрду отмечена впервые на территории нашей республики. Навершие следует, вероятно, отнести к мариупольскому типу каменных крестовидных наверший по классификации, которую предложил археолог др. Б. Говедарица [Говедарица 2005–2009: 420], или к мариупольско-бородинскому типу по классификации украинского археолога д.и.н. В.И. Клочко [Klochko 2001: 31]. Крестовидные

навершия булавы с выступами-шишечками встречаются в периоды халколита – средней/поздней бронзы на территории причерноморских степей [Говедарица 2005–2009; Klochko 2001], в Дагестане [Магомедов 2018: 60, рис. 8], Верхнем Поднестровье [Бандрівський, Конопля 2006: 212, рис. 2], Подонье [Килейников 2004], Поволжье [Малов 1991].

Наибольшее сходство булава (№ 2) из Худабахыш юрду обнаруживает с крестовидными булавами эпохи средней бронзы из Дагестана. Помимо формы (крестовидная с четырьмя выступами-шишечками), навершия из каменной гробницы у пос. Дружба, катакомбы 11 Великентского могильника I, каменной гробницы у с. Кулецма были также изготовлены из мрамора [Магомедов 2018: 57–59]. Булава из Худабахыш юрду находит свои аналогии и среди каменных крестовидных

наконечник археологической культуры Бабино². Вероятно, крестовидное наконечние булавы из Худабакшыш юрду следует датировать эпохой средней бронзы, как и дагестанские находки.

Шаровидная форма каменных наконечников булавы широко представлена на территории Азербайджана [Кириченко, Наджафов 2021]. К сожалению, трудно конкретно датировать экземпляры № 3–5. Они могут относиться как к эпохе ранней бронзы, так и к последующим периодам.

Таким образом, каменные наконечники булавы из историко-краеведческого музея г. Масаллы относятся к разным историческим эпохам. Вероятно, экземпляры № 3–5 были местного производства, а экземпляры № 1 и 2 – импортного. Артефакты № 1 и 2 свидетельствуют о связях населения юго-восточного региона Азербайджана в эпоху средней бронзы с районами Северного Кавказа и причерноморских степей. Однако нельзя исключить и тот факт, что булавы вместе с их владельцами могли проникнуть в период средней бронзы на самый юг Азербайджана, учитывая тот факт, что они принадлежали «мобильным» воинам-скотоводам. Дальнейшие археологические исследования и находки смогут пролить свет на данную проблематику.

² Автор выражает свою признательность д.и.н. В.И. Ключко за информацию по поводу сходства крестовидных каменных наконечников булавы культуры Бабино и булавы крестовидной формы из Худабакшыш юрду.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахундов Т.И. Северо-Западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку: Элм, 2001. 332 с.
- Бандрівський М., Конопля В. Нові знахідки наконечника булав і бойового молота доби енеоліту-ранньої бронзи з Верхнього Подністров'я // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 2006. Вип. 10. С. 211-214.
- Говедарица Б. Каменные крестовидные булавы медного века на территории Юго-Восточной и Восточной Европы // *Stratum plus*. 2005–2009. № 2. С. 419-437.
- Килейников В.В. Каменные наконечники булав бронзового века лесостепного Подонья // Археологические памятники бассейна Дона: межвуз. сб. науч. трудов / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2004. С. 131-145.
- Кириченко Д.А., Наджафов Ш.Н. Новые находки каменных наконечников булав Ходжалы-Кедабекской культуры из Азербайджана // *Parabellum novum*. 2021. № 15 (48). С. 5-23.
- Кузьмина О.В., Колев Ю.И., Ластовский А.А., Турецкий М.А. Материалы эпохи бронзы поселения Лебяжинка V // Вопросы археологии Поволжья. 2017. Вып. 6. С. 124-278.
- Магомедов Р.Г. Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2000. 120 с.
- Магомедов Р.Г. Об использовании крестовидного наконечника булавы эпохи бронзы в качестве маховика ручной смычковой дрели-воротка // Вестник ДНЦ РАН. 2018. № 71. С. 50-63.
- Малов Н.М. Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. 1991. № 2. С. 15-42.
- Махмудов Ф.Р. Культура Юго-Восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку: Нафта-Пресс, 2008. 216 с.
- Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (Курганная группа у станции Манас) // СА. 1956. XXVI. С. 167-203.
- Klochko V.I. Weaponry of Societies of the Northern Pontic Culture Circle: 5000-700 BC. (Baltic-Pontic Studies. Vol. 10). Poznan: Institute of Prehistory, 2001. 380 p.
- Mahmudov F.R. 1973-cü ildə (5-15 iyun) Lənkəran zonasına arxeoloji kəşfiyyat səfərinin hesabatı. Bakı, 1973. 15 s.

А. Р. Каспаров

Армен Радионович Каспаров,
Самаркандский государственный
университет имени Ш. Рашидова,
г. Самарканд, Узбекистан; murdacop@list.ru

К интерпретации захоронений с животными в сапаллинской культуре*

Аннотация. Древние погребения как объект исторического познания представляют исключительный интерес для историко-культурной реконструкции. Их информативность и историческая значимость обусловлена сохранением в них целого комплекса археологических артефактов, потенциально наделенных ритуальным смыслом, в силу чего способны отразить различные стороны материальной и духовной культуры древнего общества. Настоящая статья посвящена интерпретации культовой практики захоронений целых туш животных в сапаллинской древнеземледельческой культуре, расположенной на территории Южного Узбекистана. Источниковедческую базу составили более 30 объектов некрополей Бустан VI и VII с захоронением овцы/барана или собаки. В результате их верификации с письменными памятниками древневедийской традиции удалось проследить прямой отсыл рассматриваемого обряда с мифо-ритуальными представлениями индоевропейцев и выделить наиболее актуальные варианты интерпретации подобных могил.

Ключевые слова: эпоха бронзы, сапаллинская культура, захоронения животных, баран, собака, верификация, Веды

Армен Радионович Каспаров,
Ш. Рашидов атындағы Самарқанд
мемлекеттік университеті,
Самарқанд қ., Өзбекстан

Сапалли мәдениетіндегі жануарларды жерлеу орындарын интерпретацияға

Аннотация. Тарихи таным объектісі ретінде ежелгі жерлеулер тарихи-мәдени реконструкция үшін ерекше қызығушылық тудырады. Олардың ақпараттылығы мен тарихи маңыздылығы ғұрыптық мәнге ие археологиялық артефактілердің тұтас кешенін сақтаумен байланысты, сондықтан олар ежелгі қоғамның материалдық және рухани мәдениетінің әртүрлі аспектілерін көрсете алады. Бұл мақала Өзбекстанның оңтүстігінде орналасқан сапалли ежелгі егіншілік мәдениетіндегі тұтас жануар денесін жерлеудің культтік тәжірибесін түсіндіруге арналған. Дерек көзі ретінде Бустан VI және VII қорымдарының қой/қошқар немесе ит жерленген 30-дан астам нысандары алынған. Оларды ежелгі ведалық дәстүрдің жазба ескерткіштерімен верификациялау нәтижесінде, қарастырылып отырған ғұрыптың үнді-еуропалықтардың мифологиялық және ғұрыптық бейнелерімен тікелей байланысын байқауға және мұндай қабірлерді интерпретациялаудың ең өзекті нұсқаларын анықтауға мүмкіндік туды.

Түйін сөздер: қола дәуірі, сапалли мәдениеті, жануарларды жерлеу орындары, қой, ит, верификация, Ведалар

Armen Kasparov,
Samarkand State University named after Sh. Rashidov,
Samarkand, Uzbekistan

On the interpretation of burials with animals in the Sapalli culture

Abstract. Ancient burials as an object of historical knowledge are of exceptional interest for historical and cultural reconstruction. Their information content and historical significance is due to the preservation of a whole complex of archaeological artifacts in them, potentially endowed with ritual meaning, due to which they are able to reflect various aspects of the material and spiritual culture of ancient society. This article is devoted to the interpretation of the cult practice of burial of whole animal carcasses in the Sapalli ancient agricultural culture, located on the territory of Southern Uzbekistan. The source base was made up of more than 30 objects of the necropolises of Bustan VI and VII, with the burial of a sheep / ram or dog. As a result of their verification with the written monuments of the ancient Vedic tradition, it was possible to trace the direct reference of the rite in question with the mythological and ritual representations of the Indo-Europeans and identify the most relevant interpretations of such graves.

Keywords: Bronze Age, Sapalli culture, animal burials, ram, dog, verification, Vedas

Введение. Одним из важных природных ресурсов, которые человек эксплуатировал в своей истории, является животный мир. Со времен существования первобытного общества дикие животные (как правило, объекты охотничьего промысла или хищный зверь) были вплетены в повседневную жизнь человека. Фауна для мира людей – это не только составная часть пищевого рациона, но и поставщик мировоззренческих представлений и верований [Соколова 1972: 5–8]. Наблюдать мы это можем уже с эпохи мустье на примере «захоронения» в гроте Тешик-Таш, где вокруг останков обнаружены вертикально воткнутыми «вилами» в землю рога горного козла [Окладников 1966: 27]. Вера в связь с животными ярко отразилась и в широчайшем распространении одной из ранних форм религиозных воззрений – тотемизме [Токарев 1990: 51–83]. Зачастую не только само животное отождествлялось с силой, воинственностью, грацией, живучестью и т. п., но и череп, лапы, рога, шкура, язык, уши и пр. были предметом особого почитания [Соколова 1972: 72].

В период сложения предпосылок производящего хозяйства и начала доместикикации некоторых диких животных (собака, парнокопытные) прерогатива в тотемистических верованиях переходит именно к одомашненным видам, хотя, безусловно, дикие животные (особенно в племенах, занятых охотничьим промыслом) продолжали играть заметную роль в идеологических представлениях [Антонова 1984: 82–83]. В этот период формируются новые мировоззренческие отношения между божествами, людьми и животными. Характер последних обретает все более усложнившийся и глубокий знак. Его функция как идентификатора свой–чужой в обществе становится не главенствующей, а одной из многих. Археологические исследования погребальных памятников в совокупности с этнографическими данными помогают определить, в какой степени то или иное животное воплощало идеи в духовном мире отдельно рассматриваемого общества. Особенное значение животное приобретает в выполнении разнообразных жертвенных ритуалов, несущих определенную направленность и символизм.

Такая тесная связь людей и животных не могла исчезнуть в одночасье. Верования трансформировались, сменялись представления, но верификация существования человеческого и животного оставалась неизменной. В мифопоэтическом сознании животные выступают как один из вариантов мифологического кода, на основе которого могут составляться целые сообщения, в частности, мифы или мифологизированные сказания [Топоров 2008: 364]. Мы не ставим своей целью рассмотреть значение представителей фауны для сообществ с разной экономической направленностью и территориальной привязкой, так как это не входит в область заявленной темы. Наша

основная задача – изучение и анализ весьма ограниченного видового разнообразия животного мира, отраженного в погребальной практике сапаллинской культуры (далее СК) и кардинально реформированное миропонимание земледельцев Северной Бактрии в эпоху бронзы.

Культурно-историческая принадлежность. Указанная культура древнеземледельческая, занимает территорию Южного Узбекистана и входит в круг протогородской цивилизации древневосточного типа [Аскарлов 1973; 1977; Аскарлов, Абдуллаев 1983; Аванесова 1989: 63–77]. Ее хронологические рамки охватывают всё II тыс. до н.э., за время которого последовательно сменились пять этапов: сапаллинский, джаркутанский, кузалинский, моллалинский, бустанский, каждый из которых имел свои характерные черты и особенности. В настоящее время выявлено три микрооазиса этой культуры – Шурчинский, Бандыханский и Шерабадский. Последний сложился на базе двух саев – Уланбулак и Бустан (небольшие водные артерии) и был наиболее развитой и густонаселенной частью СК. Именно здесь расположены некрополи Бустан VI и Бустан VII (далее Б-VI, Б-VII), на материалах которых базируется наше исследование. На обоих памятниках исследования проводились Самаркандским государственным университетом в рамках полевой археологической практики силами студентов и магистров исторического факультета под руководством проф. Н.А. Аванесовой. В течение 17 полевых сезонов (1987–1989 – Б-VII и 1990–2008 – Б-VI) было открыто и изучено более 600 объектов погребального и не погребального назначения, из которых часть была связана с закланием животных. Некрополь Б-VI был организован сапаллинцами на правом берегу высохшего русла Бустанся (бывший приток Амударьи) в Сурхандарьинской области и функционировал в заключительное время существования культуры (XIII–X вв.). Б-VII расположен буквально по соседству, на противоположном берегу Бустанся, однако начал формироваться значительно раньше – в XVIII–XVII в. до н.э. При этом необходимо отметить, что 80% всех могил относятся к заключительному периоду СК и синхронны по времени своего создания погребальным комплексам Б-VI. Таким образом, это дает возможность говорить о едином (или чрезвычайно близком) обрядово-ритуальном процессе, происходящем на этих памятниках. К сожалению, оба памятника остались исследованными не до конца. Кроме того, некрополь Б-VII оказался достаточно сильно потревожен в древности – более 40% всех погребений с останками человека дошли до нас в ограбленном или разрушенном состоянии.

Стоит отметить, что обсуждаемые памятники являются не только специализированными площадками для захоронения людей: здесь происходили различного рода ритуалы и обряды. Трансформация местных устоев (в т. ч. и мировоззрения) существенно усиливается с продвижением в Индию через Северную Бактрию индоариев, которые частично ассимилировавшись с сапаллинским обществом, привнесли свои традиции как в материальную, так и в духовную культуру [Аванесова 2010: 107–134; 2013: 38–39; Каспаров 2022а: 350–356], заложив основы совершенно иных представлений, основанных на мифо-ритуальном понимании и космогонических представлениях, отраженных впоследствии в ведических и авестийских литературных памятниках.

Для отправления культов, в т. ч. ритуального заклания, близкие усопшего, вероятно, использовали животных, централизованно предоставляемых священнослужителями. По мнению первооткрывателя СК А.А. Аскарлова, в храме Джаркутан хозяйственный двор № 3, изолированный от остальной части прихрамового хозяйства, мог использоваться для содержания приносимых в жертву «священных» стад баранов [Аскарлов, Ширинов 1989: 19; Ионесов 1990: 105]. Косвенно этот довод подтверждает существовавшая храмовая централизация, которая касалась и других вопросов проведения культовых мероприятий, как, например, создание вотивных металлургических изделий или глиняных поделок, которые в том числе использовали в ритуалах с жи-

вотными. На заключительных этапах культуры монументальность храмового комплекса теряет свою актуальность.

Попытка объяснения погребений туш жертвенных животных в СК проводится не впервые. Полученный в результате первых стационарных работ материал выявил несколько захоронений барана и позволил А.А. Аскаркову высказать предположения относительно вопросов их интерпретации [Аскарков 1973: 104, 139; 1977: 42, 137–139]. Трактовка подобных ритуалов предпринята и его учеником – В.И. Ионесовым, диссертация которого хоть и была нацелена на проблему становления и развития раннеклассовых отношений, но строилась на основе рассмотрения погребальных памятников Южного Узбекистана [Ионесов 1990: 91, 97, 112]. Конечно, не обошла стороной этот вопрос и основной исследователь рассматриваемых могильников – Н.А. Аванесова. Ею были верифицированы некоторые погребения жертвенных животных некрополя Б-VI с письменными ведическими и авестийскими источниками [Аванесова 2008: 75–93]. Обратила внимание на сапаллинские погребения животных специалист по культурам ранних земледельцев Ближнего и Среднего Востока Е.В. Антонова, проводя параллели рассматриваемых древностей с месопотамскими реалиями [Антонова 1980: 16–23].

Сравнительный типологический анализ и интерпретация. Среди большого количества могил своим обрядом ярко выделяются погребения целых туш животных. Таких могил относительно немного (всего – 31) – около 5% в каждом из упомянутых нами некрополей. В большинстве случаев в качестве главного атрибута оправления культа являлась овца или баран (кочкар). В двух случаях известно захоронение собаки. Как правило, в могилу помещали одну тушу животного, но известны случаи, когда в одной камере находились две особи одного вида. При этом имело место преднамеренное обезглавливание животного. Практически все костные останки животных лежат в анатомическом порядке, уложены, как правило, на бок, реже на согнутых под брюхо конечностях. В отдельных случаях, вероятно, имело место связывание конечностей животного.

Рассматривая общее количество¹ всех могил обоих некрополей, где животное выполняло особую функцию, можно выделить три основные группы: 1) могилы с индивидуальным захоронением животного; 2) совместные захоронения животного с человеком или его отдельных фракций; 3) погребение животного с монофункциональными глиняными поделками², выполнявшими также символическую функцию – передачу определенного смыслового образа от мира людей в мифологизированный мир богов (рис. 1).

Из указанного числа могил особого внимания заслуживают два случая захоронения

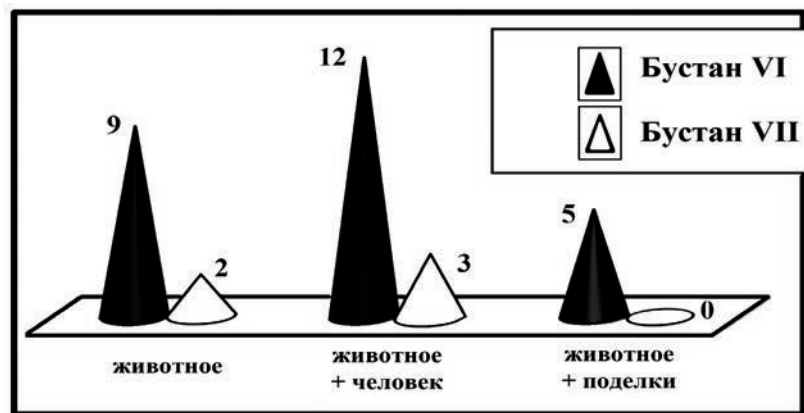

Рис. 1. Системный анализ погребений с животными в некрополях Бустан VI–VII

¹ Из-за ограниченных рамок настоящей работы мы не сможем представить чертежи всех рассматриваемых погребений, однако они в полном объеме опубликованы в монографии Н.А. Аванесовой «Бустан VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии». Самарканд, 2013.

² О назначении монофункциональных глиняных поделок см. [Аванесова, 2004; Каспаров 2022б].

собак, зафиксированных в некрополе Б-VI. Первое привлечение собаки к мифо-ритуальному пониманию трансцендентного мира сапаллинцев известно с раннеджаркутанского времени (XVIII–XXVII вв. до н.э.) в виде коллективного захоронения пяти собак на холме Джаркутан 5 [Ионесов 1990: 100; Аскарлов, Ширинов 1993: 126]. Черепа лежали мордами друг к другу, образуя круг над скоплением костей скелета. Близкая ситуация имела место в Синташтинском археологическом комплексе, однако вместо черепов собак зафиксированы черепа лошадей [Генинг и др. 1992: рис. 44]. Во всех остальных рассматриваемых могилах мы наблюдаем захоронения овцы/барана. Подобные могилы зафиксированы на поселении Сапалли, хронологически относящиеся к началу формирования СК, причем как индивидуальные [Аскарлов 1973: 103], так и совместные захоронения человека с бараном [Ионесов 1990: 97].

Рассматривая устройство погребальных камер в комплексах с обрядовым применением животного, отметим, что ее средние размеры и тип, в целом, не отличается от захоронений умерших людей. Если тип камеры предполагал наличие входного проема (21 могила), заметим, что он не имеет четкой ориентировки и обустроивался, видимо, по вторичным признакам. Можно лишь отметить преобладание северо-западной, западной, а также южной ориентировки (7, 5 и 4 могил соответственно). Размеры могильных ям органично соотносятся с конкретным ритуалом и находящимся в них инвентарем. Мы не видим непропорционально больших размеров камер, как например, можно наблюдать в некоторых могилах с трупосожжением [Аванесова 2013: 19] и зафиксированным *in situ* фактическим материалом, что свидетельствует о неизменяемости объемов внутреннего наполнения камеры.

Отдельно в контексте рассматриваемой группы могил можно выделить два погребения с остатками овец, расположенные фактически по соседству на квадратах А'/5' (М 240) и Я/4' (М 264). Эти два захоронения, хронологически относящиеся к бустанскому периоду, возможно, являлись одномоментными и взаимосвязаны друг с другом.

Выделим еще два объекта из группы индивидуальных захоронений животных – могилы молалинского времени М 183 и М 237 (рис. 2). В отличие от предыдущих объектов, находятся они на значительном отдалении друг от друга, но при этом имеют много общих характерных черт. Во-первых, сама конструкция камер (грунтовая яма), имеющих примерно однотипную округлую форму, близких по размерам и глубиной. У края ямы установлен своеобразный знак из сырцового кирпича для обозначения места захоронения овцы (М 183) или стелы в четыре кирпича, положенных один на другой (М 237). Во-вторых, местоположение животного – у стены в северной или северо-западной части камеры, а также способ его укладки – овца, видимо, лежала на правом боку (судя по черепу) и, вероятно, предварительно была связана, т. к. кости сгруппированы очень плотно. В-третьих, достаточно богатый набор находок и подношений. В могилах обнаружено по 9–10 гончарных сосудов различных форм, локализованных в одном месте. Кроме того, в обеих камерах под костными остатками мясных подношений (хвостовые позвонки, часть грудинки) расчищены следы органического тлена (вероятно, небольшие тарелки). Здесь же обнаружены фрагменты вотивных металлических ножей, каменные и бронзовые бусы, подвески. Все вышеописанное позволяет полагать о проведении определенного ритуала с проведением конкретных действий и обрядов.

Назначение животного в погребальной практике по сей день остается весьма дискуссионным вопросом. В качестве объекта обрядового действия их применение известно чрезвычайно широко как в географическом плане, так и в хронологическом срезе. Попытки ограничить их применение определенными рамками не получили всеобщего одобрения, а лишь привели к новым, зачастую полярным взглядам. В итоге можно выделить несколько основных интерпретаций. Рас-

смаатривая погребения животных на поселении Сапаллитепа, Е.В. Антонова не полностью соглашается с А. Аскарковым, который интерпретирует погребения коз и овец как воплощение богатства по мужской линии или заменители пропавшего человека [Аскарков 1977: 42, 137–139, 141]. Проводя аналогии с месопотамскими ритуалами, она трактует погребения с животными как искупительную жертву за тех, кому удалось избежать смерти. Ученый базирует свои выводы на том, что во время похоронных действий были соблюдены все особенности ритуала как если бы хоронили человека [Антонова 1980: 21–22]. В Вавилоне, например, для избавления от недугов в жертву приносили козу³. Ее закалывали и хоронили как человека, произнося при этом заклинания. Подобные ритуалы, направленные на искупления греха путем послания божествам заменителей людей, были известны у хеттов [Антонова 1984: 111].

Вероятным объяснением захоронения животного в отдельных случаях является вера в его связь со сверхъестественными силами и ассоциирование с божествами. В подтверждение этой версии говорят отдельные погребения некрополя Б-VI, где некоторые животные были украшены, в т. ч., золотыми спиралевидными подвесками (М 331, М 359, М 396), золотой серьгой с дисковидным раструбом (М 331), которые были расчищены в области рогов. Отметим, что в этих случаях «божественное» начало олицетворял кочкар (от тюркского “коч”) – баран-производитель с ярко выраженными массивными рогами. При этом, золотые украшения у человека зафиксированы в Б-VI лишь в одном случае – М 37 [Аванесова 2013: 45, 101, табл. 8]. Золото отождествляется в мифологии многих народов как священный металл бессмертия, его связывали с культом солнца. Не исключением стал и ведизм, где сходные ассоциации красной линией проходят по мифо-ритуальным представлениям древних индоариев [АВ V, 4-4, XIX, 26-1,2; РВ I, 35-2; III, 44-3 и др.]. В этом контексте находит свое объяснение и использование в этих целях именно самца-производителя. В РВ не раз проводится параллель между Индрой и бараном, как его проявлением [РВ I, 51-1, 52-1, VIII, 3-40, VIII, 97-12]. В толкованиях Саяны одной из легенд, Индра однажды пришел в облике барана к риши Медхьятитхи [Елизаренкова 1989б: 573, 575; 1989в: 669, 727]. А принимая во внимание то, что баран у пастушеского населения мог считаться символом жизни [Антонова 1990: 57], его привлечение к большинству обрядов представляется весьма логичным.

Совершенно очевидно, перед нами уникальный ритуал, в котором кочкар представлял либо божество, либо особый дар, посвященный божеству. В пользу этого говорит довольно богатый набор votивных металлических и глиняных изделий. Особый интерес представляют находки интереснейшего погребения барана М 331 (рис. 3). Помимо стандартного типа сосудов, в камере обнаружен votивный инвентарь: алтарь-жертвенник на ножках, котелок с двумя петлевидными ручками, черешковый крюк, вилкообразный жезл и др. Причем все миниатюрные копии бронзовых и глиняных изделий плотно локализованы у южной стены на остатках тлена белого цвета органического происхождения [Аванесова 2013: 354, табл. 35]. Указанные артефакты являются ярким этноопределяющим маркером степных культур, часть из которых является архетипом набора ритуальных атрибутов кочевников скифо-сакского мира. На наличие специфических постсрубно-андроновских древностей указывают и иные артефакты данного погребения [Аванесова 2008: 82–83]. Глиняные поделки представлены ложкой-черпаком, тремя конусовидными фишками и округлым алтарем с лазуритовой вставкой. И вероятно, инкрустация неслучайна, ведь синий цвет в индоарийской мифологии символизирует вечность и постоянство, а также ассоциируется с колесом ночного солнца [РВ I, 130], а сама лазуритовая вставка, возможно, ассоциируется со звездами. Особый ритуальный окрас отражает поставленный прямо на морду животного биконической формы горшок, покрытый яркой охрой, внутри которого сохранились угольки. Охра – природная

³ Коза и баран приравнены во многих религиозных воззрениях [Антонова 1984: 84]

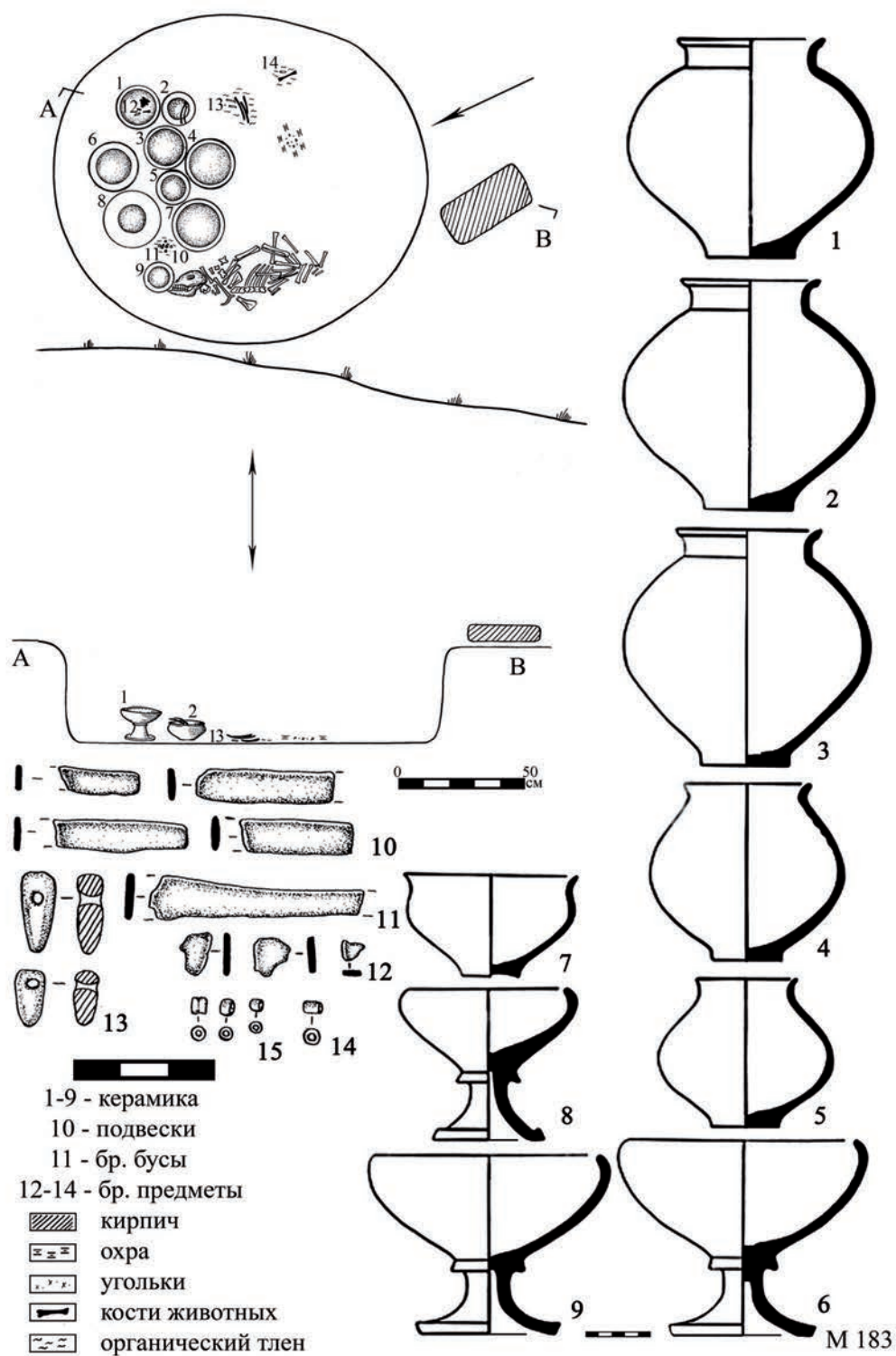
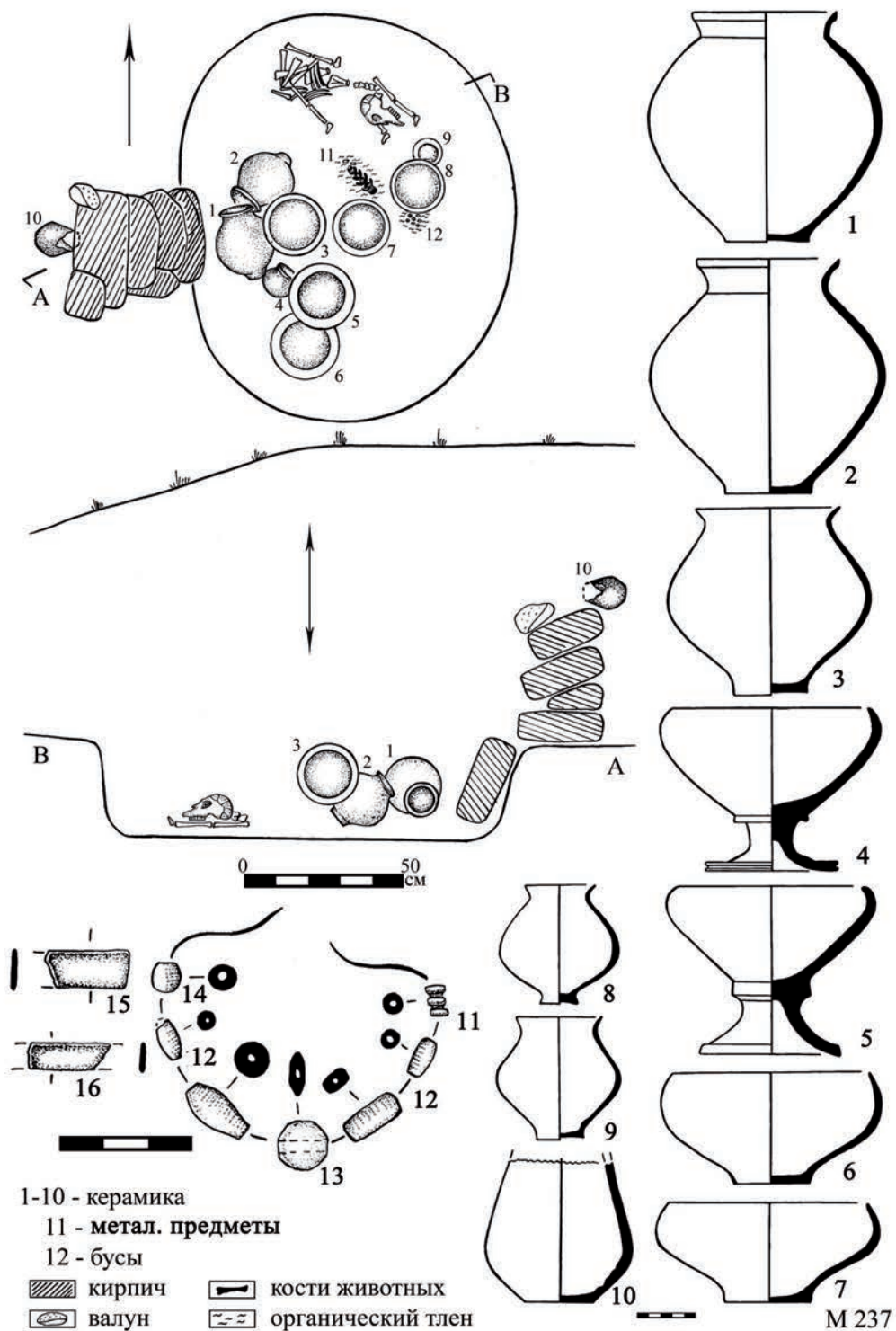

Рис. 2. Бүстан VI: индивидуальне захоронения овцы М 183 и М 237

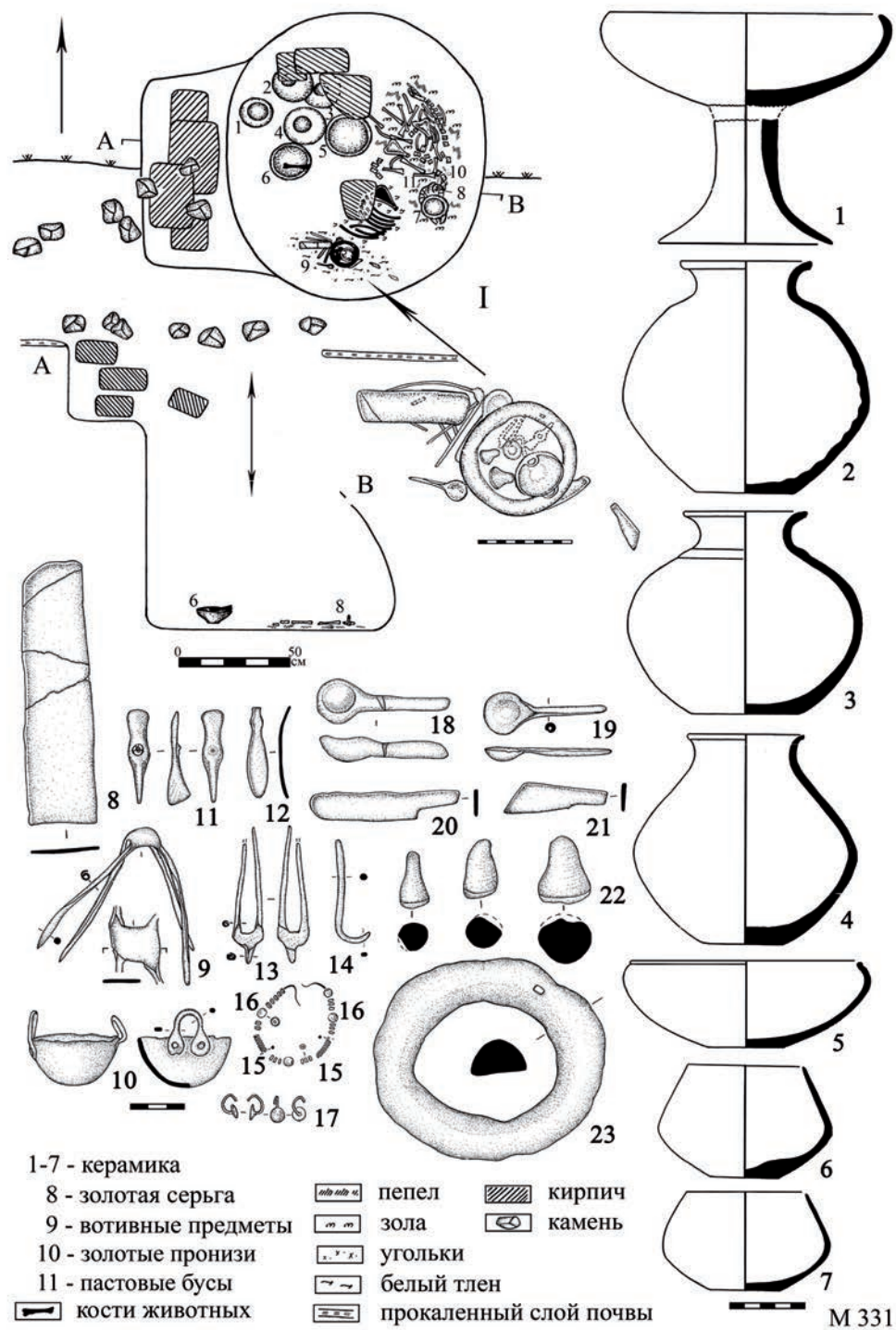

Рис. 3. Бустан VI: статусное захоронение кочкара М 331

краска красного цвета, с древнейших времен используется в качестве ритуального субститута крови, т. е. символа жизни [Элиаде 2002: 11]. Сохранившиеся на дне этого сосуда следы горения показывают, что он, вероятно, выполнял роль «курильницы», хотя по своим морфологическим характеристикам ничем не отличался от идентичной ему посуды в других комплексах могильника. Надо полагать, что перед нами ритуальное «окуривание» жертвы. Нечто похожее можно наблюдать, например, в более поздней традиции населения Минусинской котловины Южной Сибири, которое «окуривало» или «подкуривало» леканы⁴ своих онгонов⁵ чаще всего жиром, бараньим или иным салом <...> и двигали их так, чтобы лекана окружал дым» [Зеленин 1936: 36].

В целом, огненная стихия в могильнике Б-VI представлена чрезвычайно широко в сравнении с другими памятниками СК [Аванесова 2013: 23]. Н.А. Аванесова связывает этот факт с инфильтрацией в среду местного населения кочевых племен Евразии [Аванесова 2013: 6]. С последними связано появление в погребениях регламентированных кусков мясного подношения: в миске у входа и на полу в центре камеры расчищены трубчатая кость (задняя ножка овцы), лопатка и ребра (грудинка). Остатки тлена, по-видимому, свидетельствуют о том, что мясо находилось на деревянной тарелке или блюде. Указанный набор кусков жертвенного мяса, видимо, составлял часть ритуала и был применим как при захоронении человека, так и при обрядово-поминальной деятельности.

Необходимо остановиться и на самом животном М 331. Анатомического положения костяк не сохранил, однако, судя по положению костей, баран был уложен на левый бок. При этом череп по шейным позвонкам искусственно вывернут в противоположную сторону. Под тушей расчищена зольная посыпка. По палеозоологическим определениям Б.Х. и А.Р. Батыровых, кочкар был репродуктивного возраста 24–26 месяцев. Этот возраст жертвенного животного неслучаен. Здесь уместно сделать небольшое отступление и вспомнить ритуал, имевший место у таджиков, призванный предотвратить смерть детей. Жертвенный баран некоторое время откармливался, а по достижению двухлетнего возраста его закалывали в присутствии шаманки. Жертвенным мясом угощали престарелых и после того как оно заканчивалось, остатки животного захоранивали на кладбище [Антонова 1990: 104–105].

Таким образом, мы полагаем, что описанный обряд М 331 представляет собой репрезентативные материальные остатки, иллюстрирующие убеждение устроителей рассматриваемого захоронения в том, что баран олицетворяет особу высокого этнического или социального статуса (похожий обряд мы можем наблюдать в совместном захоронении человека с кочкаром в М 396 (рис. 4)). Помимо золотых украшений, знаками чрезвычайного почтения животному является комплекс отмеченных ранее специальных культовых предметов. В частности, артефакты из набора металлических вотивных предметов степного мира (жертвенник, котелок, крюк, ложка-черпак) символизируют ритуальную трапезу, описание которой имеется в «Истории» Геродота [IV, 61].

Одной из достаточно распространенных особенностей в погребальной практике жертвенных животных является у них отсутствие черепа. Еще с неолитического времени череп барана имел особый символизм. В халафской культуре Северной Месопотамии большие рога животного служили объектом поклонения и являлись эмблемой мужской плодовитости. В этой же функции имеются параллели и в Анатолии [Мелларт 1982: 116] Возможно, что в погребениях с обезглавленными баранами (М 89, 403 – Б-VI и М 58 – Б-VII) основная роль отводилась не костяку, а голове (черепу) животного. При этом мясо не съедали или раздавали среди участников действия, а придержива-

⁴ Лекана — древнегреческая ваза, представляющая собой плоскую чашу с двумя горизонтальными ручками по бокам.

⁵ Онгон — дух предка семьи или рода, его культовое изображение в культуре монгольских и тюркских народов.

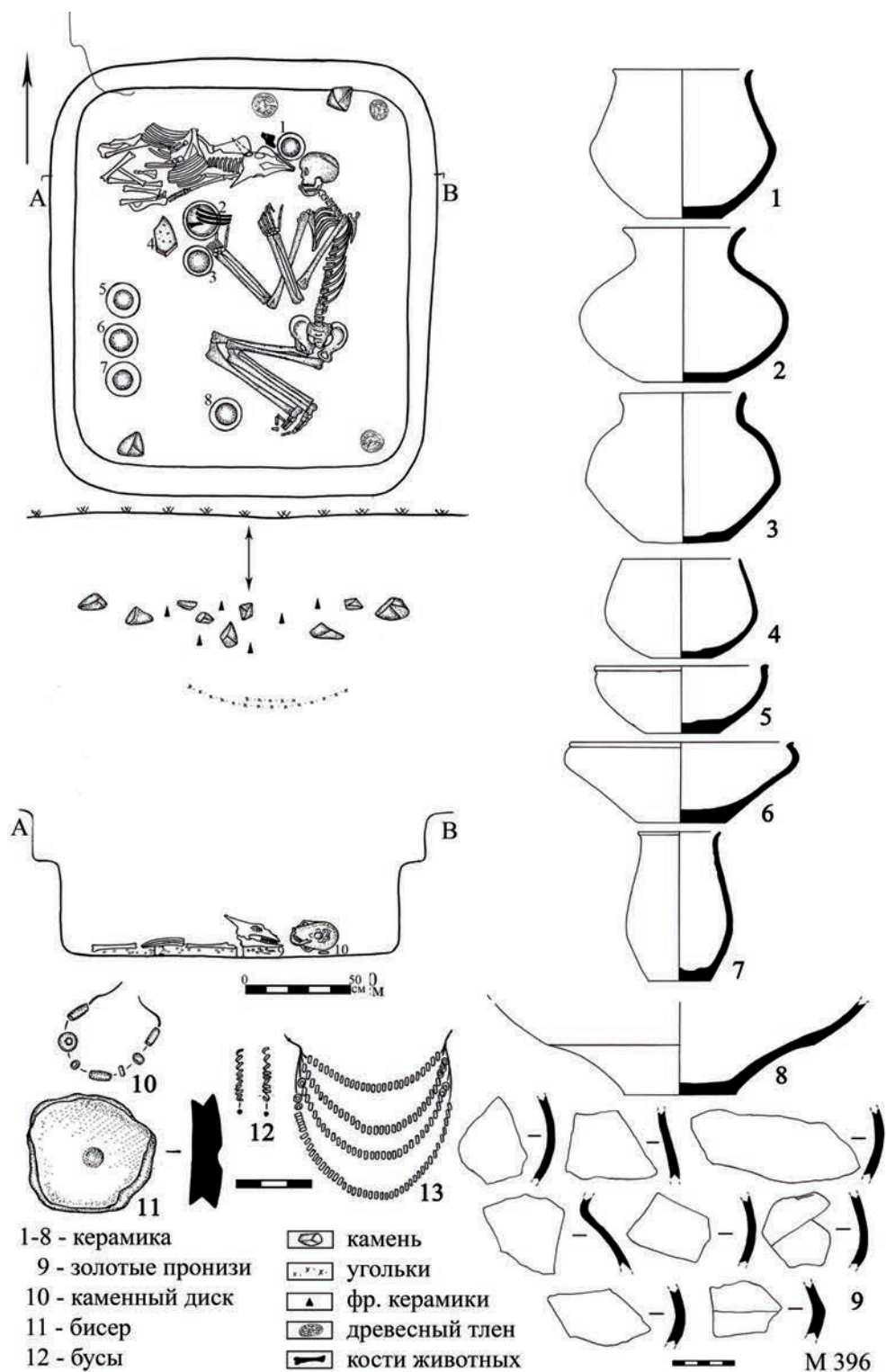

Рис. 4. Бустан VI: Захоронение барана с человеком М 396

ья ритуала, захоранивали в отдельной могиле. Отметим, что погребений с отдельными черепами баранов в СК нет, но вполне возможно, что ритуал и не подразумевал его захоронения.

Вероятным представляется и другое объяснение отсутствия черепа. Так, например, в погребениях М 403 (Б-VI) и М 58 (Б-VII) помимо черепа частично отсутствуют кости передних и задних конечностей (рис. 5). Такая картина может быть связана с особенностями свежевания туши, когда голова и конечности оставались вместе со шкурой. Пример такого варианта снятия шкуры с барана известна, например, в средневековом могильнике Тапхар VI близ Улан-Удэ [Данилов 1982: 231]. Кроме того, у ойротов, якутов, финнов Поволжья и других народов известны коллективные жертвоприношения, когда «шкуру жертвенного животного, часто с головой, сердцем и ногами вывешивали <...>. И эти остатки жертвы оставались тут до их истления» [Зеленин 1936: 167].

Также возможно, барана обрекали на заклятие из-за его шкуры, которая могла использоваться в ритуалах, например, лечебной магии. Для примера можно привести этнографическое описание у некоторых народов Средней Азии способа лечения болезни – кучурма, в буквальном переводе: выселение, переселение, изгнание демона болезни из больного. На каком-то моменте ритуала спину и бедра больного покрывали шкурой только что заколотого барана, мехом наружу [Зеленин 1936: 49]. Стоит лишь заметить, что лечебная магия была широко распространена практически у всех народов мира [Зеленин 1936; Белоусова 2011: 16–17].

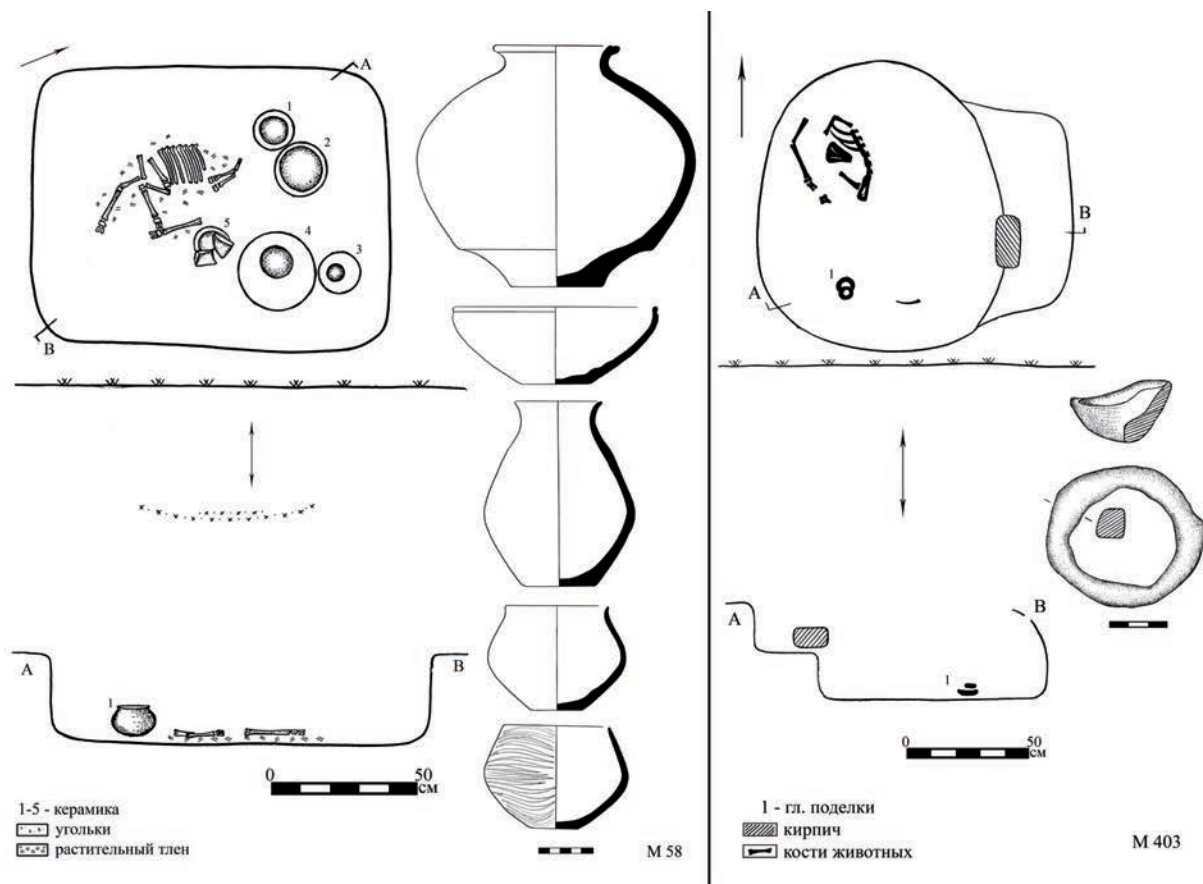

Рис. 5. Захоронение баранов без черепа М 58 из Бустан VII и М 403 могильника Бустан VI

К сожалению, мы не можем останавливаться на каждом погребении с бараном и рассматривать все возможные варианты его назначения в том или ином ритуале. Однако перед тем как перейти к интерпретации погребения собак, нельзя не упомянуть об одном, очень интересном захоронении ягненка в М 25 (рис. 6) некрополя Б-VII. Вкратце опишем данное погребение. Камера подбойной конструкции, строго ориентированной по сторонам света. Вход ступенчатый, оформлен с северной части и заложен плоско положенным формованным кирпичом в один ряд, над которым впоследствии был разведен небольшой костер. Внутри подбоя, на гипсовой обмазке дна, на левом боку мордой на юг уложена туша молодой овцы в возрасте 1–3 мес. Гипсом залита также и голова животного. У крупа расположены шесть керамических сосудов, из них в двух – костные остатки мясной напутственной пищи. Еще три сосуда положены у головы животного, в одном из которых также кости овцы. Рядом с ними на полу – кости крупного рогатого скота (определения палеозоолога СамГУ Б.Х. Батырова), остатки которого встречаются достаточно редко в погребально-поминальной обрядности бустанцев.

Конечно, обилие гипса в обрядовой практике погребения ягненка вызвало особый интерес. Белый цвет (в нашем случае гипс) в ритуальной символике общепризнан в качестве заменителя огня. По всей видимости, белое вещество служило символом чистоты и, наряду с красным и желтым цветом, было связано с обрядом ритуального очищения [Смирнов 1964: 94]. Заменители огненной символики в виде условных знаков, таких как угольки, зола, охра, гипс и пр. являются специфическим этнопоказателем срубных племен, которые, вероятно, и принесли эту традицию в Бактрию. Не случайно отметили и южную ориентировку ягненка. В примечаниях к 42 стиху II Мандалы Т.Я. Елизаренкова, согласно ведийским представлениям, связывает южную сторону с «отцами» — душами умерших предков. «Отцы» составляют в РВ особый класс, отличный от богов, у которых просят различные блага, прежде всего, здорового мужского потомства [Елизаренкова 1989а: 503–504]. Можно предположить, что перед нами представлен обряд жертвоприношения ягненка, совершенный представителями пришлых степных племен. В качестве главной просьбы, вероятно, просили содействия в благополучии продолжения рода именно по мужской линии, что весьма логично в условиях патриархата.

Есть объяснение (правда сугубо теоретическое и не подтвержденное фактическим материалом) обильной заливки морды ягненка гипсовым раствором. Автором настоящей работы высказано предположение, что в рассматриваемом случае перед нами попытка взятия посмертной маски животного. В археологии широко распространено применение погребальных масок, вспомним хотя бы погребальную маску Тутанхамона. В погребениях животных их применение ярко известно в Пазырыкской культуре Алтая [Грязнов 1958; Очир-Горяева 2014: 94–99]. Возможно, в нашем случае мы наблюдаем снятие посмертного слепка с головы или морды ягненка для каких-то особых, обрядовых действий, следующих после получения облика жертвенного животного. В пользу такого суждения служит свойство гипсового раствора – он достаточно пластичен и хорошо применим для создания относительно четкого слепка искомого объекта.

Таким образом, суммируя данные всех захоронений целых туш овцы/барана, дать им однозначную трактовку мы не можем. Разнообразие обрядовых действий в рассматриваемых могилах лишь приумножает варианты их интерпретации, частично находя аналогии в отдаленных и близких культурах и общностях. Однако все они, безусловно, отражают сложные мифо-ритуальные представления сапаллинского общества.

В ритуалах с захоронением животных, были использованы не только бараны и овцы, но и собаки. Мы отмечали, что известно два таких погребения – оба в некрополе Б-VI. Несмотря на то, что в погребении М 76 также обнаружена человеческая кисть руки, автор полагает, что погребение

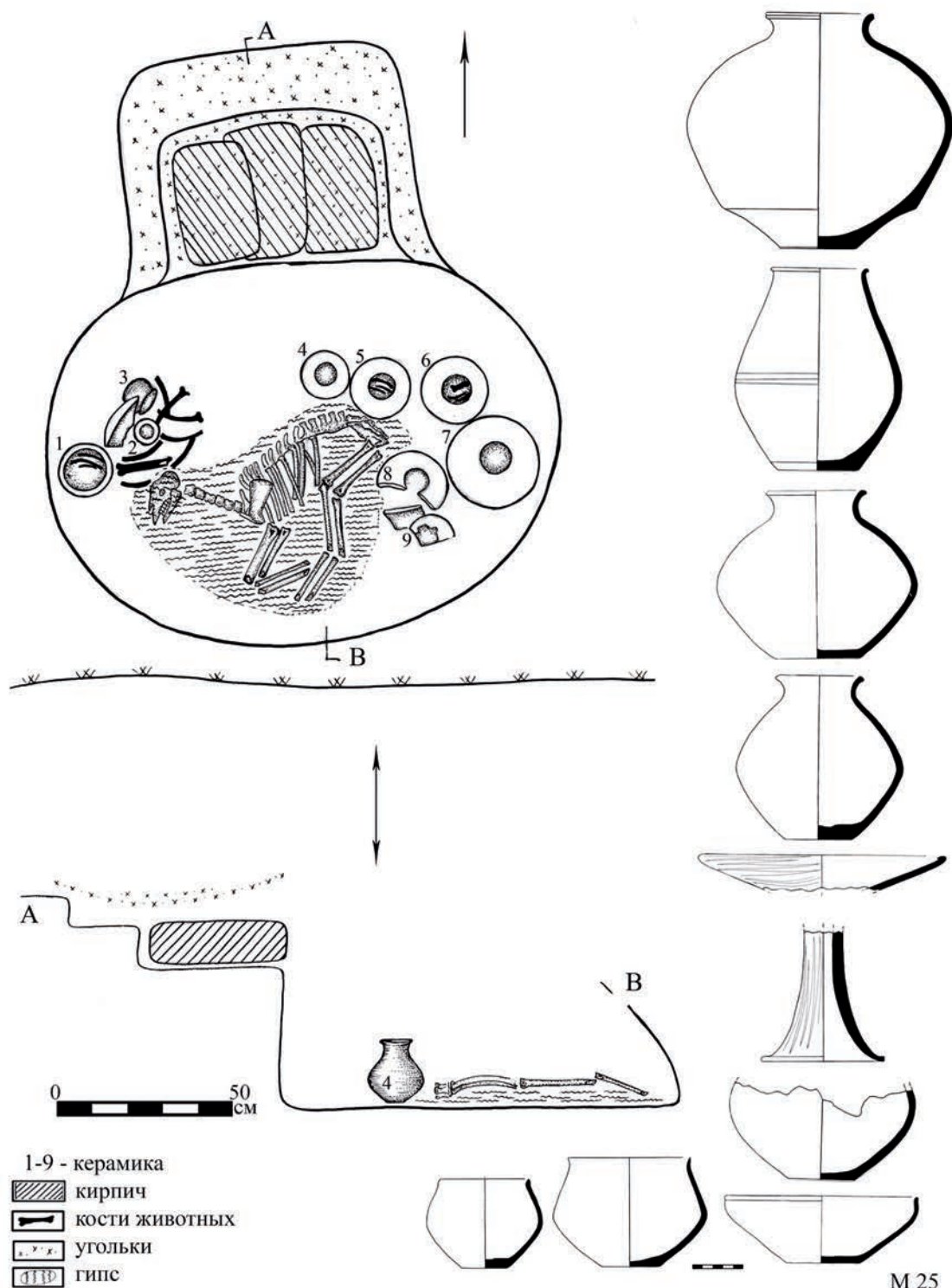

Рис. 6. Бустан VII: Захоронения ягненка с гипсовой обмазкой морды М 25

ние, тем не менее, несет сугубо ритуальный характер. Конструкция камер, размеры и инвентарь погребений, в целом, ничем не отличается от артефактов в прочих закрытых комплексах рассматриваемых могильников.

Остановимся на описании внутреннего содержания камеры М 76 (рис. 7). На дне в центре северной части камеры мордами друг к другу - останки двух собак. Анатомический порядок плохо сохранившихся костей частично нарушен, но установлено, что собаки уложены на бок. Если судить по разным размерам особей, животные были разной породы, но, к сожалению, определения породы собак проведено не было. Между ними у конечностей расчищено скопление костей (задняя часть туши?) взрослой овцы каракулевской породы, имеющей достаточно жирный курдюк (с тюркского – «хвост»), жир которого применяют для ритуального возлияния. Под ногами более крупной особи были помещены пять сосудов горшечной формы и одна миска. В последней, под жертвенными регламентированными кусками мяса (лопатка, грудинка), обнаружена кисть человеческой руки⁶. Еще один сосуд (миниатюрная банка) располагался у задних конечностей второй собаки. У входа расчищен набор глиняных поделок: статуэтка с отбитой головой и моделированными нижними конечностями, миниатюрный чашевидный сосуд конической формы, глиняный округлый алтарь, три конусовидных жетона и три глиняных разновеликих шарика. Здесь же обнаружен небольшой черный камень с тремя выступами.

Фактическая картина, представшая перед нашим взором, напрямую соотносится с мифическими представлениями древних Вед, где говорится о двух псах – вестниках царя мертвых – Ямы [РВ X: 14–10-11]. Являясь сыновьями Сарамы – священной собаки Индры, эти собаки отыскивают людей, которые должны отправиться в нижнее царство. Н.А. Аванесова отмечает, что собака – хранитель входа в ад или сторож моста ведущего в нижний мир, «перевозчик» на переправе мертвых душ. Именно в этой ипостаси и трактуется их захоронение [Аванесова 2008: 85].

Автор выдвигает и еще одно предположение, основная мысль которого заключается в том, что перед нами действительно два пса – Сарамийя (потомки Сарамы). Строки из РВ: «<...> Два вестника Ямы, бродят они среди людей. Пусть они снова сегодня здесь дадут нам Счастливую жизнь, чтобы мы увидели солнце!» [РВ X: 14–12], позволяют думать, что в реалиях М 76 к ним обращаются с конкретной целью, для чего и приносится жертва. В комментариях Т.Я. Елизаренковой к заговору «К небесному псу и трем демонам калаканджа⁷» [АВ VI-80] указывается, что он направлен на исцеление человека, раненного в бок (по другой версии парализованного). Собаки, известные в ведийской мифологии, – это Сарама, которая помогла Индре отыскать похищенных демонами коров, и два пса царя мертвых Ямы [АВ 1989: 393]. Видимо, “небесный пес” виделся своеобразным посредником в передаче даров царю Яме во имя исцеления. Об этом говорится в заклинании: «<...> (То) величие, что есть у небесного пса, — С его помощью мы хотим почтить тебя жертвенным возлиянием» [АВ VI-80-3]. Желанием ублажить Яму, вероятно, объясняется богатое мясное подношение, наличие вотивного сосуда для ритуального питья священного напитка Сомы и необычного черного камня с выступами, который можно трактовать как давящий камень для напитка. Кисть руки же представляется своеобразной «искупительной жертвой». Заговоры «Во искупление долга» применялись как во время жертвоприношений [АВ 1989: 358], так и во время похоронных церемоний. Возможно, для «положительного ответа» и отведения Смерти необходимо было пожертвовать частью себя, но это, конечно, остается в области суждений.

⁶ Отметим, что это не единственный случай (всего их 7), когда кисть руки была помещена в сосуд, однако семантика этого обряда не входит в круг задач, поставленных в рамках нашей работы.

⁷ Калаканджа – название рода асуров.

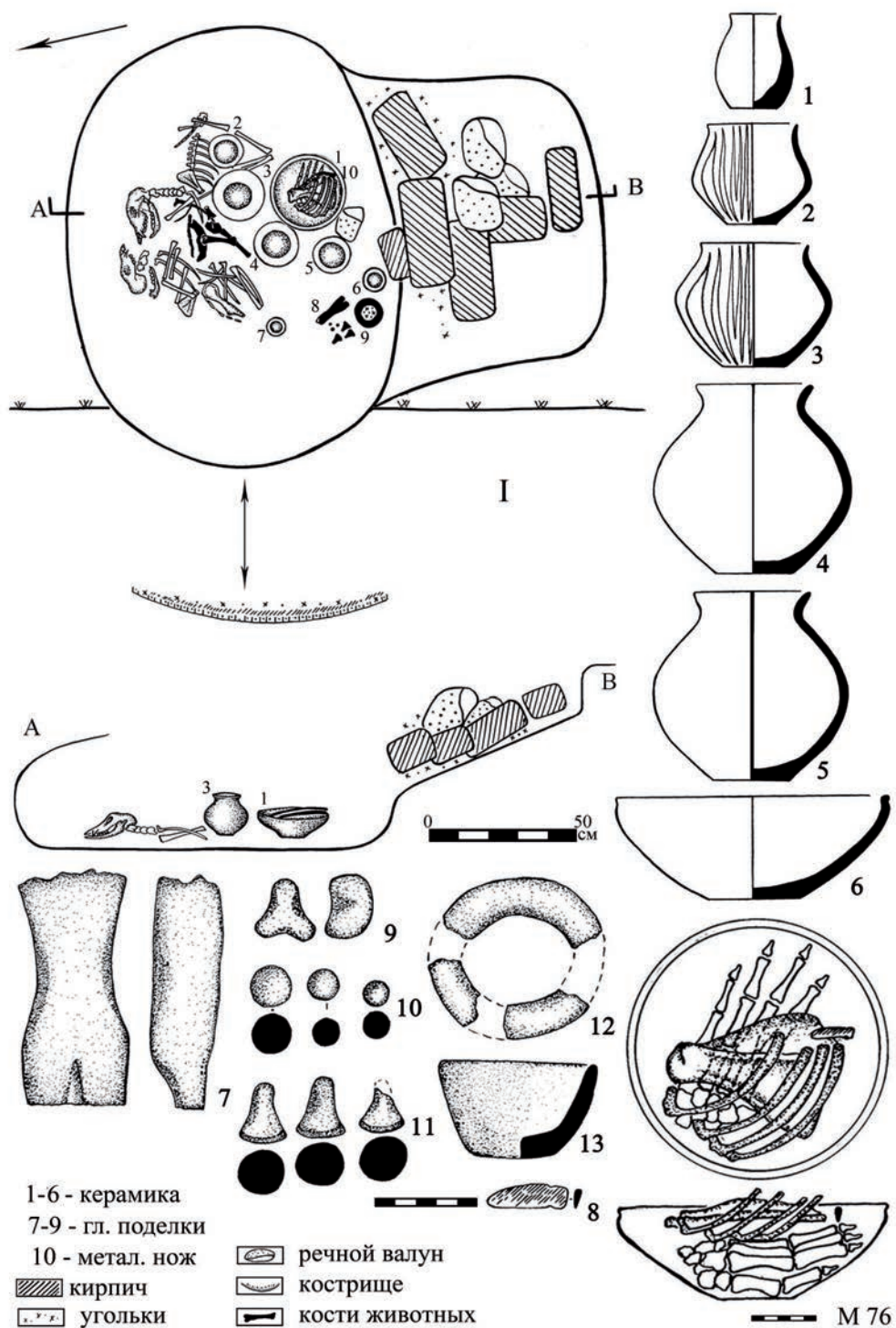

Рис. 7. Бустан VI: погребение двух собак и обряд “псов Сарамий” М 76

Если понимать строки буквально и объект обращения – это одна собака, то представляется, что в нашем случае им выступала более крупная особь, под конечностями которой выставлена посуда. Однако, принимая во внимание значительно более позднюю кодификацию АВ по отношению к нашим памятникам, а также трудности в переводе и комментариях, можно допустить, что в качестве посредников выступали оба пса Сарамийя.

Не менее интересно и погребение М 371 (рис. 8), где у северной стенки камеры, как бы свернувшись клубком на животе, уложена собака. Стоит выделить материальный мир, обнаруженный в астадоне-реликварии с захоронением собаки. Он представляет собой набор из трех монофункциональных, глиняных миниатюрных «факелов», что говорит о явно ритуальном характере этих артефактов. И снова отметим очевидность прямой отсылки к символам мистического огня, обращение к которому в той или иной степени содержится в гимнах всех Мандал РВ, за исключением девятой книги, которая целиком посвящена Соме – божественному напитку. В своих примечаниях к Ригведе Т.Я. Елизаренкова соотносит упоминание факела [РВ III, 55-2] с именем Агни – ведийского божества огня, посредника между людьми и богами [Елизаренкова 1989б: 716]. О том, что посредством упомянутых «факелов» обращаются именно к Агни, говорит фрагмент перевода 16-го гимна III Мандалы в переводе одного из знатоков индийской философии Шри Ауробиндо: *«О щедрый Огонь, множеством факелов своих даруй нам самое большое богатство без скорби, преисполненное героической силы, потомства и мощи»* [Шри Ауробиндо 2008: 160].

Таким образом, реликварий с тремя монофункциональными глиняными факелами есть не что иное, как прямое обращение к Агни с вполне тривиальными, человеческими просьбами. Косвенно адресата подтверждает и обнаруженные в углублении под астадоном с факелами два кремневых наконечника стрел. В культовой литературе Агни часто представляют как разящего ракшасов⁸ стрелка, что не удивительно, ведь основным оружием в РВ были лук и стрелы.

Обратим внимание на троичность многих находок. В последнем случае мы встречаемся с тремя факелами, в погребении собак с кистью руки – три фишки-жетона и три разновеликих круглых шарика. Такое «совпадение» неслучайно. В ведической литературе трехчастность всего сущего проходит красной линией, в частности – трехфункциональность индоиранских богов и космогоническое представление о трех вертикальных мирах [Елизаренкова 1989б: 615, 660]. *Три срока жизни у тебя, о Джатаведас⁹. Три утренние зари — родительницы твои, о Агни. Ими пожертвуй как знаток — ради помощи богов, А также будь жертвователю на счастье и благо* [РВ III, 17-3]. В примечаниях к этим строкам Т.Я. Елизаренкова отмечает объяснения Саяны (или Саяначарья, комментатор Вед, XIV в.), что под тремя сроками жизни подразумевают три вида пищи: масло, растения и сома [Елизаренкова 1989б: 697].

Собака – первое животное, прирученное человеком, и ее культовое, сакральное назначение свойственно многим культурам. Ее почитали не только как животное чисто практического назначения, но и как хранителя домашнего благосостояния, а также проводника усопших в загробный мир. В «Видевдате» смерть собаки рассматривалась в одном ряду со смертью человека [Видевдат Фрагард 5, VII-39]. Как бы не интерпретировали подобные захоронения, они, как правило, связаны с представлениями о нижнем, загробном мире, смертию.

Таким образом, собака в загробном мире сапаллицев, вероятно, связана с ведическими представлениями о двух псах царя мертвых Ямы, которые должны отыскивать людей для нижнего царства. Высказанное предположение об обращении к псам, совершенно не отрицает мифологию РВ, но еще раз показывает возможность общения между миром людей и миром богов и веру последних в возможность “договориться” с высшими силами.

⁸ Ракшасы – в ведийской и индуистской мифологии злые демоны

⁹ Джаватаведас – эпитет Агни, связан с ролью огня при жертвоприношениях.

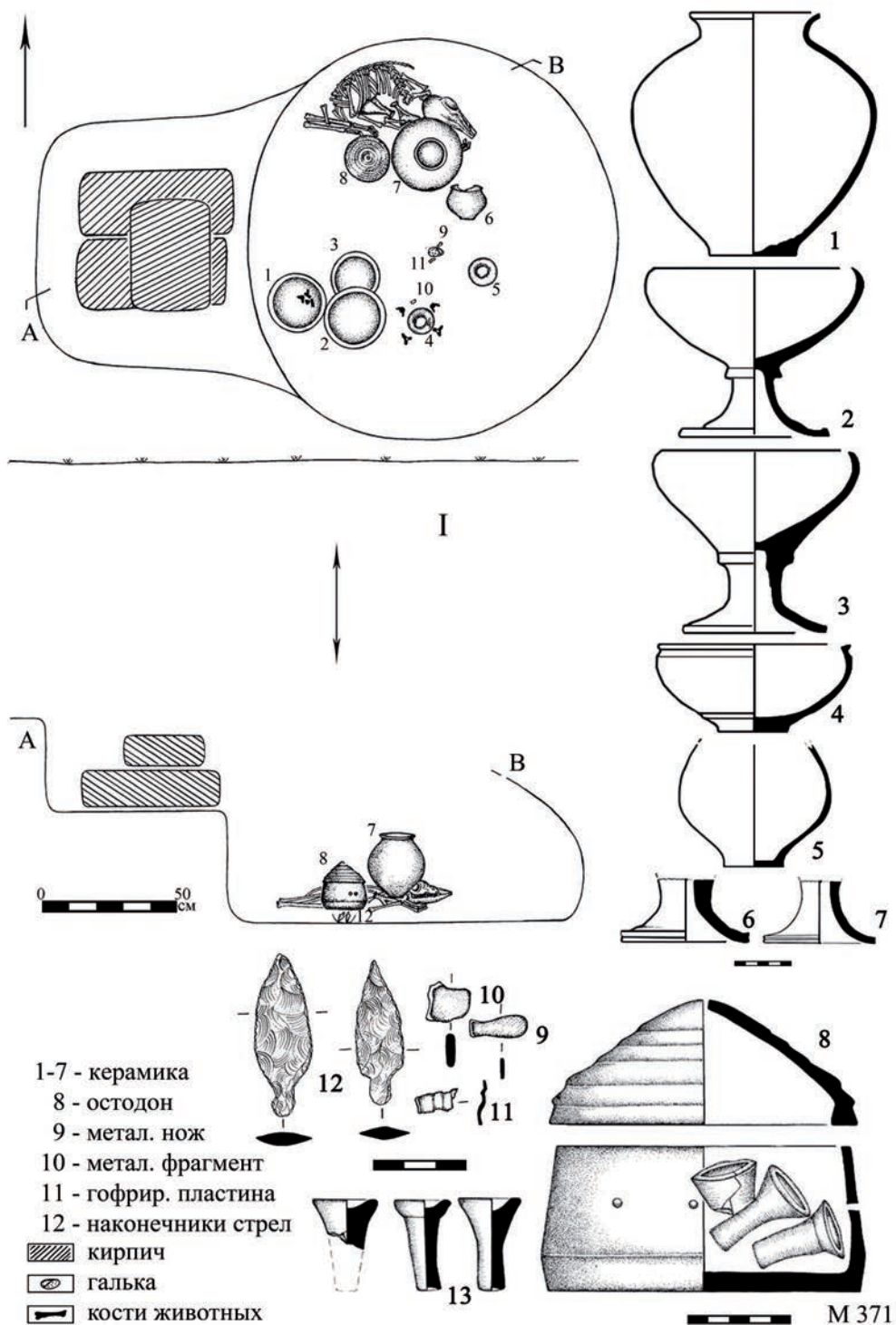

Рис. 8. Бустан VI: индивидуальное погребение собаки М 371

Некоторые выводы. Интерпретация захоронений животных и семантический анализ в контексте в похоронной обрядности некрополей Бустон VI–VII выявили массу соответствий с мифоритуальными представлениями ариев. Их продвижение в Индию, в том числе через территорию Северной Бактрии, и все более усиливающееся влияние на местное оседло-земледельческое население СК повлияло на развитие как материальной культуры, так и мировоззренческих представлений, где наиболее информативным источником является погребально-церемониальная деятельность, где ведийские традиции нашли свое самое широкое отражение. Захоронения туш барана/овцы или собаки было не единичным явлением, что иллюстрирует более 30 закрытых комплексов в рассматриваемых могильниках. Их погребали как совместно с останками человека (причем в самых разных вариантах ингумации и кремации), так и индивидуально, а также вместе с монофункциональными глиняными поделками. Так или иначе, они, безусловно, связаны с жизненно-важными вехами миропредставления каждого сапаллинца.

В рамках представленной работы мы дали несколько вероятных трактовок таких погребений. Во-первых, животное выполняло функцию заменителя человека, тело которого по тем или иным причинам захоронить не представлялось возможным. Об этом говорит сопутствующий инвентарь могил, который в своем составе и месторасположении полностью повторял захоронения человека. Во-вторых, животное могло быть персонифицировано с неким божеством или предназначено ему в жертву. Это объясняет наличие статусного сопроводительного инвентаря. В-третьих, животное как жертва могло быть своеобразным оберегом от разнообразных болезней и хвори, что известно по более поздним этнографическим параллелям. В-четвертых, животное могло выполнять роль “посредника” для взаимосвязи людей с верхним и нижним миром. Это предположение сделано на основании изучения отдельных текстов заклинаний из Атхарвавед.

Однозначно, интерпретация захоронений животных – очень сложная и ответственная задача исследователя по верификации ведических источников с погребальными обрядами СК. Новые открытия, безусловно, придадут импульс к рассмотрению этого вопроса и помогут реконструировать духовный мир эпохи бронзы населения доисторической Бактрии.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н.А. Эпоха бронзы Средней Азии. Учебное пособие. Ч. I. Самарканд: СамГУ, 1989. 119 с.
- Аванесова Н.А. Предметное письмо доисторической Бактрии // *Transoxiana history and culture: м-лы междунар. науч. конф., посвящ. академику Э.В. Ртвеладзе / Отв. ред. А. Саидов.* Ташкент: Ин-т Открытое об.-во, 2004. С. 16-24.
- Аванесова Н.А. Животные в ритуальной практике некрополя Бустон-VI // *Археология, кадимги дунё тарихи ва этнография масалалари.* Самарканд: Изд. СамГУ, 2008. С. 75-93.
- Аванесова Н.А. Проявление степных традиций в Сапаллинской культуре // *Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии: м-лы междунар. науч. конф. (г. Самарканд, 7–8 сентября 2009 г.) / Отв. ред. Ш. Мустафаев.* Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 2010. С. 107-133.
- Аванесова Н.А. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: МИЦАИ, 2013. 640 с.
- Авеста «Закон против дэвов» (Видевдат). Адаптированный пер., иссл. и ком. Э.В. Ртвеладзе, А.Х. Саидова, Е.В. Абдуллаева. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. 301 с.
- Антонова Е.В. О некоторых чертах погребального обряда древних земледельцев Средней Азии и Месопотамии // *СА.* 1980. № 4. С. 16-23.
- Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1984. 262 с.
- Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.: Наука, 1990. 287 с.
- Аскарлов А.А. Сапалитепа. Ташкент: Фан, 1973. 172 с.
- Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. 232 с.
- Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. Ташкент: Фан, 1983. 120 с.

- Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Древнебактрийский храм огня в Южном Узбекистане // Градостроительство и архитектура. Культура Среднего Востока – развитие связи и взаимодействия / Отв. ред. Г.А. Пугаченкова. Ташкент: Фан, 1989. С. 7-24.
- Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы Юга Средней Азии. Самарканд: Фан, 1993. 162 с.
- Атхарваведа Избранное. Пер., ком. и вступит. статья Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1989. 406 с.
- Белоусова Е.В. Магия как форма жизни способ «приручения» мира в культуре: автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2011. 21 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. 408 с.
- Геродот. История. В девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского, под общ. ред. С.Л. Утченко. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- Грязнов М.П. Древнее искусство Алтая. Л.: ГосЭрмитаж, 1958. 95 с.
- Данилов С.В. Ритуальные захоронения баранов в Забайкалье // СА. 1982. № 1. С. 229-233.
- Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Мандалы I-IV. Приложение. М.: Наука, 1989а. С. 426-543.
- Елизаренкова Т.Я. Примечания // Мандалы I-IV. Приложение. М.: Наука, 1989б. С. 544-757.
- Елизаренкова Т.Я. Примечания // Мандалы V-VIII. Приложение. М.: Наука, 1989в. С. 526-731.
- Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири: пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. М.: Изд-во АН СССР, 1936. 436 с.
- Ионесов В.И. Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседлоземледельческом обществе Северной Бактрии (по материалам погребальных комплексов II тыс. до н.э. Южного Узбекистана): дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1990. 200 с.
- Каспаров А.Р. Арии сапаллинской культуры // Электронный журнал «Fan, ta'lim va amaliyot integratsiyasi». 2022а. № 4. С. 350-356. ISSN: 2181-1776
- Каспаров А.Р. Назначение глиняных поделок Сапаллинской культуры // Вестник МИЦАИ. 2022б. Вып. 33. С. 71-78.
- Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Наука, 1982. 149 с.
- Окладников А.П. Средний палеолит – мустьерское время в Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы / Под ред. В.М. Массона. М.; Л.: Наука, 1966. С. 23-50.
- Очир-Горяева М.А. Маскировка коней под мифических животных в пазырыкской культуре Горного Алтая // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 94-99.
- Ригведа. Мандалы I-IV. Серия: Литературные памятники. Т. 1. Изд. подготовила Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989. 768 с.
- Ригведа. Мандалы V-VIII. Серия: Литературные памятники. Т. 1. Изд. подготовила Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989. 743 с.
- Ригведа. Мандалы IX-X. Серия: Литературные памятники. Т. 3. Изд. подготовила Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989. 560 с.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. М.: Наука, 1964. 380 с.
- Соколова З.П. Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972. 215 с.
- Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Изд-во полит. лит., 1990. 622 с.
- Топоров В.Н. Животные // Мифы народов мира. Энциклопедия. Электронное издание. М., 2008. С. 364-371.
- Шри Ауробиндо Гимны мистическому огню. Пер. с англ.: М.Л. Салганик. СПб.: АДТИ, 2008. 560 с.
- Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т. I. От каменного века до Элевсинских мистерий. М.: Критерион, 2002. 464 с.

A. Agalarzade

Anar Agalarzade,
Institute of Archaeology,
Ethnography and Anthropology of the
Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Azerbaijan; anararxeoloq@mail.ru

A zebu image (*Indian humpbacked ox*) on an agate seal in fine arts (ethnoarchaeological research)

Abstract. The article deals with a seal made of agate mineral stone found in a Late Bronze-Early Iron Age grave in Lerik district, in southeastern region of Azerbaijan. The masterly engraved zebu, an Indian humpbacked ox, on the seal shows that the art of the period was at a high stage of development. This finding is considered to be one of the rare finds of the Late Bronze-Early Iron Age Talish-Mugan culture. The zebu on the seal which dates back to the second stage of the mentioned period, that is, to the 11th–10th centuries BC, is believed to have a dominant position in the cattle-breeding farm of the region. According to similar analyses, the discovery of such images in Middle Eastern and Anatolian monuments of the synchronous period shows that zebu was more widespread in the area. As a result of ethno-economic relations, the spread of this cattle in the Asian Near East-Middle East-Anatolian-Caucasian system as a result of ethno-economic relations, the dominant position of it in the economic life of the Bronze Age tribes no doubt, could be due to the fact that it was more productive and more industrious. Therefore, in order to preserve in the memory the superiority of zebu in his farm, the ancient man depicted this animal in art. The image of zebu on agate and metal tablets from archaeological finds, bronze figures of zebu and zebu images on rock petroglyphs are also compelling evidence of the animal's significant use in primitive societies.

Keywords: Talish-Mugan culture, the stone box graves, Late Bronze and Early Iron Age, agate seal, glyptic

Анар Агаларзаде,
ӘҰҒА Археология, этнография
және антропология институты
Баку қ., Әзірбайжан

Бейнелеу өнеріндегі ақық мәрдегі Зебу (үнді өркешті бұқасы) бейнесі (этноархеологиялық зерттеулер)

Аннотация. Мақалада Әзірбайжанның оңтүстік-шығысында орналасқан Лерик ауданындағы соңғы қола–ерте темір дәуірінің тас жәшіктегі жерлеу орнынан табылған ақық мөр қарастырылады. Мәрдегі зебу (үнді өркешті бұқасы) бейнесінің шебер қашалып бейнеленгені сол кезеңдегі глиптика өнерінің жоғары деңгейде болғанын көрсетеді. Бұл мөр соңғы қола-ерте темір дәуіріндегі Талыш-Муган археологиялық мәдениетінің сирек олжаларының бірі болып саналады. Осы дәуірдің екінші кезеңіне, яғни б.д.д. XI–X ғғ. жататын мәрдегі суреті зебудің осы өлкенің мал шаруашылығында басым орынға ие болғанын дәлелдейді. Таяу Шығыс пен Анадолы аймақтарынан табылған синхронды кезеңдегі осыған ұқсас бейнелерге жүргізілген зерттеулер деректері зебудің үлкен аумаққа таралғандығын дәлелдейді. Жануардың бұл түрінің Таяу Шығыс-Анадолы-Кавказ жүйесінде этноэкономикалық байланыстардың нәтижесінде таралуы және қола дәуіріндегі тайпалардың шаруашылық өміріндегі үстемдік етуі, оның өнімділігі мен еңбекқорлылығымен байланысты болуы мүмкін. Зебудің өз шаруашылығындағы маңызды рөлін ұрпақ жадында сақтау үшін ежелгі адам бұл

жануарды өнерде бейнелеген. Ақық мөрлердегі және металл тақталардағы зебу бейнелері, қоладан жасалған зебу мүсіншелері және жартастағы петроглифтердегі зебу бейнелері секілді археологиялық олжалар бұл жануардың алғашқы қауымдардың шаруашылығындағы маңызды рөлін дәлелдейді.

Түйін сөздер: Талыш-муган мәдениеті, тас жәшікті қорымдар, соңғы қола және ерте темір дәуірі, агат мөрі, глиптика

Анар Агаларзаде,
Институт археологии, этнографии и
антропологии НАНА,
г. Баку, Азербайджан

Изображение зебу (*индийский горбатый бык*) на агатовой печати в изобразительном искусстве (этноархеологическое исследование)

Аннотация. В статье рассматривается агатовая печать, обнаруженная в захоронении в каменном ящике эпохи поздней бронзы–раннего железа в Лерикском районе, расположенном на юго-востоке Азербайджана. Мастерски выгравированное изображение зебу (индийский горбатый бык) на печати свидетельствует о том, что искусство глиптики того периода находилось на высоком уровне. Данная печать считается одной из редких находок талыш-муганской археологической культуры эпохи поздней бронзы–раннего железа. Считается, что зебу занимал господствующее положение в животноводческом хозяйстве региона, о чем свидетельствует его изображение на печати, относящейся ко второму этапу указанного периода, т. е. к XI–X вв. до н.э. О более широком ареале распространения зебу свидетельствуют данные аналогичных исследований подобного типа изображений, обнаруженных в ближневосточных и анатолийских памятниках идентичного периода. Распространение данного вида скота в Ближневосточно-Анатолийско-Кавказской системе в результате этно-экономических связей и его господствующее положение в хозяйственной жизни племен эпохи бронзы, несомненно, могло быть связано с его большей производительностью и трудолюбием. С целью сохранения в памяти поколений значительной роли зебу в своем хозяйстве, древний человек изобразил это животное в искусстве. Археологические находки с изображениями зебу на агатовой печати и на металлических табличках, бронзовые фигурки зебу и изображения зебу на наскальных петроглифах убедительно свидетельствуют о значительной роли данного животного в хозяйстве первобытных обществ.

Ключевые слова: талыш-муганская культура, захоронения в каменных ящиках, поздний бронзовый и ранний железный века, агатовая печать, глиптика

Introduction

One of the main archaeological cultures reflecting the level of development of the society in the South Caucasus during the Late Bronze-Early Iron Age was the Talish-Mugan culture spread in the south-eastern region of Azerbaijan. The area of its spread is very wide and covers the plains of Mugan and Lankaran, and Talish mountains. The historical significance of this culture's investigation is that the monuments related to the Talish-Mugan culture show the directions of development of the main sectors of the economy in the 2nd millennium BC and how this process is going. So, if in the 3rd millennium BC, agriculture was predominant in the economy, semi-nomadic and nomadic cattle breeding became the main sector in the 2nd millennium BC [Qoşqarlı, Ələkbərov 1992: 49]. From this viewpoint, in order to study some scientific problems more profoundly, in recent years, research has been launched in the region and a comprehensive study of the Late Bronze-Early Iron Age graves in the area has been set.

Zebu on the agate seal

Paintings with different plots prevail in the Late Bronze-Early Iron Age art of Azerbaijan. Zoomorphic images on pottery, metal objects and stone ornaments are indication of high level of development of art in this period. Among the material culture of the south-east of Azerbaijan belonging to this period, zoomorphic images are of particular interest.

At the end of the 19th century, an archaeological mission headed by French archaeologist Jacques de Morgan was sent to the South Caucasus [Caucase, Egypt 2009: 34]. In 1892, Morgan conducted archaeological excavations in the village of Kraveladi, Lerik district, in the south of Azerbaijan. The village is located on the 20th km of Lankaran–Lerik highway, 3 km south-west of Piran village, Lerik district [Ağalarzadə 2017: 26]. On the south of the village, in the upper left stream of the Lekerchay, in the forest many stone box graves are encountered. Here the Kraveladi II necropolis, which stretches in a north-south direction, consists of stone boxes arranged of large river stones. The roots of the trees growing on these megalithic-type graves under the forest cover, at an altitude of 286 m above sea level, have severely damaged the burial chambers [Rəhimova və b. 2012: 356]. In his book “A scientific trip to Iran” [Morgan 1896], Morgan writes that he recorded 116 graves in the Kraveladi necropolis. He deals with rich material culture samples that have been revealed during the excavations in 10 graves (graves No. 4, 5, 7, 11, 40, 106–110) [Morgan 1896: 21–26]. The grave-type stone box No. 40 measuring by 3.2×1.1×0.8 m is

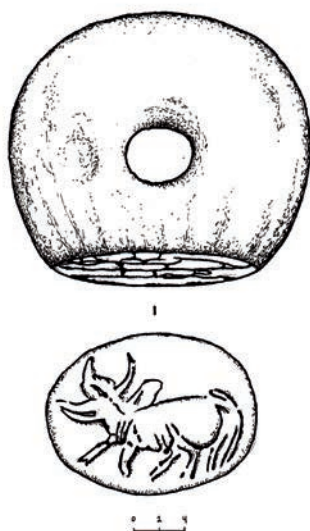

Fig. 1. Indian humpbacked ox on agate
(Azerbaijan, Lerik district, Keraveladi necropolis,
early 1st millennium BC)
after: [Morgan 1896: 95, fig. 99]

remembered for its interesting finds. Morgan revealed pottery vases, bronze dagger heads, glass and paste beads, and a light grey agate mineral seal from the grave. The most interesting among these finds is this *agate seal*. We should note that this find is currently preserved in the Morgan Fund of the National Archaeological Museum in Saint-Germain, France [Ağalarzadə 2013: 69]. The zoomorphic image – a painting of an Indian humpbacked ox called “*Bos Zebu*” was skillfully carved on the agate seal [Morgan 1896: 24]. The seal side of the oval-shaped agate stone is flat and wide. A two-sided hole was made in the center. Most likely, these holes are for hanging the seal on the neck as well (fig. 1).

According to Morgan, zebras belonging to the territory of India had become known during the construction of graves in the south-east of Azerbaijan. Most likely, as a result of certain ethno-economic ties, the Indian ox was brought to the territory of Talish. He believes that the image on this semi-precious stone is interesting in terms of showing the ancient ethno-cultural ties between the peoples of India and the peoples living on the shores of the Caspian Sea [Morgan 1896: 95]. Morgan noted that this image was found in Mazandaran, Gilan in Iran, and Talish, and stated that the ox had played an important role in cattle breeding of the Bronze Age tribes [Morgan 1896: 96].

Brief information about zebus

The importance of the Indian ox in farming and its use in decorative and applied arts, which is known from archaeological material, is also among the interesting facts. There are many different opinions about zebu in modern science. Although Zebu is very close to ordinary neat cattle, there are significant differences between it and ordinary cattle in terms of morphological and physiological features. As a result of scientific investigations conducted over the last 20–30 years, it has been defined that zebu differs significantly from neat cattle in terms of bone structure, development and function of internal organs, and, on the whole, morphological and physiological features. If taken into account that Zebu had spread through ethnic and economic relations, it can be assumed that in the 2nd–1st millennia BC it played a major role in cattle breeding.

According to researcher R. Phillips, in the process of evolution, the *ox-taurine* was divided into two main types – the ordinary neat cattle and the zebu. Ordinary neat cattle are spread in Central and Northern Europe, Russia, and zebu in South Asia, the northern shores of the Mediterranean and Africa. Ordinary neat cattle, originated from ox in high areas with cold climates, but zebu in low-lying, hot climates, and had bred over the thousands of years. The hump on zebu's back (in the southeastern part of Azerbaijan, the humped cattle is called "*gilek*") is usually considered to be its main distinguishing feature. The main features of zebu living in Azerbaijan are: 1) narrow and short head; 2) narrow chest and body; 3) short body; 4) narrow waist and wide back; 5) short and sparse hair; 6) a bulging forehead and 7) edges of eye sockets are protruding [Ibrahimov 2019: 21]. Unlike the camel's fatty hump, zebu's hump is made of muscle. That is why zebu is called "hunched" cattle. Epstein, referring to researcher Rivett, suggests that the hump, although initially, is a characteristic feature for wild taurine. However, according to the author, this feature can also be observed in domesticated animals. A study of ox images in petroglyphs reflecting cattle-breeding, as well as depictions of cattle by ancient "artists", fully confirms Rivett's view [Ibrahimov 2019: 21].

Opinions such as where and when zebu first appeared, also differ. Until recently, many authors claimed that zebu first appeared in India. The main reason for this is that the country is full of zebus. Scientific research conducted in the 30s and 40s of the 20th century has already made it possible to de-

Fig. 2. Animal images on agate
(Azerbaijan, Ismayilli district,
antique Chermedil necropolis, 1st–5th centuries AD)
after: [Jalilov et al. 2013: 217–218]

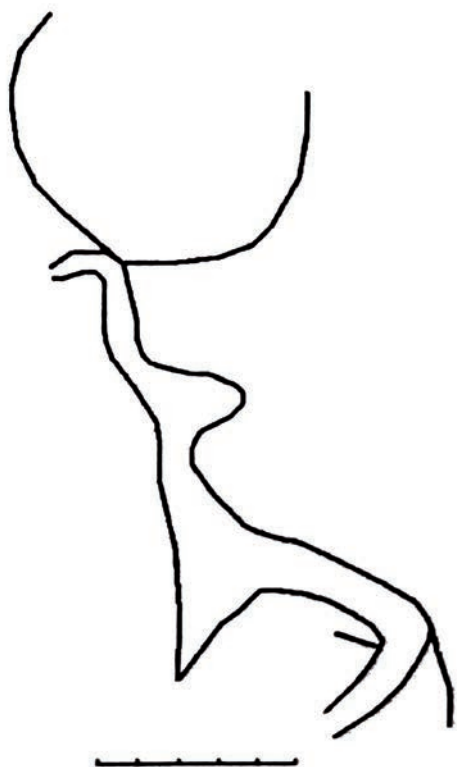

Fig. 3. Zebu on rock paintings (Azerbaijan, Astara region, Sim village, 1st millennium BC, Late Bronze Age) after: [Axundov 2009: 39]

Analogies and comparative analyzes

Still in ancient times, oxen were most likely used as draughts in agriculture. The oldest type of such animal figures in the territory of Azerbaijan are known from the Chalagantepe monument of Shomutepe culture dating back to the 5th millennium BC [Нариманов 1987: 52] and the settlements of the Beyuk Kesik I belonging to the Leilatepe culture of the first half of the 4th millennium BC. Similar examples of these figures are met in the monuments of both Northern Ubaid and Kur-Araz cultures [Müseyibli 2007: 20]. The discovery of ox figures from ancient settlements in Azerbaijan is connected with the belief in the “ox” cult. Researchers associate this with totemism noting that these figures played a key role in farming and religious ideology of the ancient ploughman-cattle breeding tribes [Ağalarzadə

termine the true homeland of zebu. Oliver and Weyer, who studied the history of Indian material culture, note that in India, the thick-humped animals of zebu breed was increased in 2200–1500 years BC in the areas along the road conquered by the Aryan tribes. Thus, in order to determine the homeland of zebu, countries with warmer climates, material culture of which is older, should be considered. Hepe analyzing the origin of animals had concluded that zebu did not inherit its basic properties, especially its high suitability for tropical and subtropical climates, from any wild species, on the contrary, it was able to do so by adapting to environmental conditions. Epstein, based on craniological research, shows that all the features of the zebu’s skull are completely similar to the characteristics of the non-humped off springs of the ox [İbrahimov 2019: 23].

Zebu is widespread in India, Africa and the Middle Eastern countries, the Arabian Peninsula, Azerbaijan and the Central Asian republics. There are 150 million zebu in India alone. In addition to these countries, zebus and zebu-like animals are widespread in the countries of eastern part in South Asia. For instance, zebu-like cattle bred in Indo-China and South China have originated from zebus. Zebu is also bred in Burmah and Indonesia and is widely used for various purposes [İbrahimov 2019: 22].

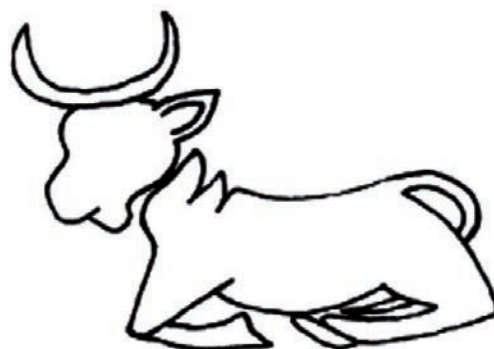

Fig. 4. Ox-zebu depiction on clay (Syria, Tell-Alalakh, 2nd millennium BC) after: [Collon 1975: 283]

2007: 80]. The discovery of bronze ox figures among the samples of material culture in the later historical periods is one of the facts proving this.

During archaeological excavations and causualearthen works, seals associated with the Middle East were found in Azerbaijan. These cover the Middle Bronze Age, most the Late Bronze and Early Iron Ages, the first centuries of the 1st millennium BC. Most of these seals were obtained from well-equipped graves. At the beginning of the 7th century BC seals were widespread in Azerbaijan. During this period, the primitive community system in the region comes to an end, and the transition to an early class society and statehood takes place. This process is considered to be associated with the increased trade and ethnic-cultural ties with other regions. In the 7th–6th centuries BC, seals were brought to Azerbaijan from Assyria, Iran and other countries of the east [Бабаев 2010: 19].

It should be noted that ox figures were very common in the south-eastern region of Azerbaijan. The bronzeneat cattle figures found in the plains of Lan-karan and Masally districts and the depiction of anox head on bronze pins found at the Uzuntepe monument where the Mugan archaeological culture was first discovered, are interesting examples [Ağalarzadə 2019: 162]. Similar clay and bronze figures (fig. 5–6) have been discovered from the graves in Mountainous Talish and Gilan provinces of Iran [Khalatbari 1975: 309; Nəgbiyan 1961: fig. 41,43,44, p. 420–431]. In modern times, ox is used in agriculture for plowing the soil in the highlands as a beast of draught. All these facts prove that despite the centuries past over the traditional principles of agriculture have been preserved. Zebu depictions were also found on rock paintings recorded in several places in the southeastern

Fig. 5. Ox-zebu figures (Iran, Gilan province, Marlik necropolis) after [Nəgbiyan 1378: 430, fig. 41]

region of Azerbaijan, in Astara district. Petroglyphs with the scene of “rural life” engraved on one of the stones in the territory of Sim village of the district, in which horned and humped animal – zebu was depicted. On the left side of the zebu there is ahumpbackedox yoked to two ploughs. Thus, the existing plot is rural life: a farmer ploughs the soil with a pair of zebu oxen [Axundov 2009: 25–27]. 1 km west from the village of Sim, in an area called Rafanug, a description of an ox-zebu engraved in the ravine by the method of thin incision was also revealed (fig. 3) [Axundov 2009: 39]. The Indian humpback ox is still widely used in the household in the villages of Aga Evler, Marian and Dashdibi in Iran’s Gilan province (fig. 8) [Moayed 2004: 117].

Based on Morgan’s research, archaeologists consider the ox seals to be interesting finds of Iron Age monuments of Iran. According to them, these images reflect the vitality, the real image [Jeguier 1905: 10]. A similar image of an Indian humpback ox, but made of metal, was found in 1983 in southeast of Iran. The zebu on this find is depicted sitting with the head tilted back (fig. 7). This embossed find can be considered a unique one [Pittman 1986: 88]. An example depicting a similar ox zebu (fig. 4) is known from the Tell-Alalakh monument of Syria dating back to the 2nd millennium BC [Collon 1975: 283].

Fig. 7. Ox-zebu depiction on metal (Southeast Iran, 1st millennium BC) [Pittman 1986: 88]

Fig. 6. Bronze zebu figures (Iran, Gilan province, Marlik necropolis, II Phase of the Iron Age) after: [Nəgbiyan 1378: 509, fig. 54]

Examples with zebu images on are also found on the seals kept in the Middle East Department of the British Museum. These findings date back to the 8th–7th centuries BC [Mitchell, Searight 2008: 303]. Seals depicting ox-zebu are also found in Urartu monuments of the 1st millennium BC. Here, plot seals – stamps on agate and other minerals are important in terms of studying the art of glyptics of the time [Пилиносян 2003: 109].

M. Huseynova, a researcher of grave monuments of Khojaly-Gedabey culture, which is the main period of cattle breeding, noted that stone box graves attributed to this culture and similar samples found in them are spread over a wide area. The researcher notes that the area where the main economic sector of the society – cattle breeding spread are Central Europe, Southern Ukraine, North Caucasus, Crimea, South Caucasus, northeastern part of Asia Minor, Central Asian Republics, Western Siberia and

Altai, Mongolia and Northern China [Гусейнова 2011: 137]. According to K. Tabaldiyev, at the beginning of the 1st millennium BC, big nomadic cattle breeding societies were formed and in the second half of the first millennium BC, in the Eurasian region this great culture split and emerged in the form of local variants [Табалдыев 2011: 49–51]. These processes also show that the depiction of animals in the art of gliptika (seal) had already been developed [Джафаров 1984: 40–41].

Many images engraved on agate mineral stone have been also found in the ancient monuments of the later period of Azerbaijan. These types of samples found in earth graves No. 6 and 8 of the Chermedil necropolis of the 1st–5th centuries AD, are of interest. Animal images were skillfully engraved on the beads made of agate stones found in grave No. 6. This type of agate seal revealed in grave No 8 is a bead depicted with a deer lying on it (fig. 2). These findings are indicator of the development of the fine arts of the period under review [Cəlilov və b. 2013: 22, 24, 92–93; Jalilov et al. 2013: 217–218]. Similar seals with zoomorphic depiction are known from Mingachevir [Ахундова 2020: 65–67].

Fig. 8. Local cow Indian-humpbacked ox kept on the farm (Iran, Gilan, Aq Evlar village) [Moayed 2004: 145, fig. 4]

Conclusion

It can be concluded from the above-said, that the absolute superiority of zebus in the economic life of the Bronze Age cattle-breeders led to its reflection in the fine arts. Tracing of a seal with the image of zebu on small-sized agate is considered to be a perfect example in terms of fine art.

Although zebus have been used in agriculture for centuries, in recent years in the south-eastern region of Azerbaijan, this animal has already been genetically modified and remains degenerated variant genetically mixed with traditional cattle. All this should be considered as a result of serious changes in the economy. It is not an exception that large-scale archaeological excavations in the south-eastern region of Azerbaijan will reveal more specimens of zebus.

Thus, the study of the seal with ox-zebu depiction, distinguished by its originality among the samples of material culture found in the south-eastern region of Azerbaijan, clarified very interesting facts. The image engraved on the seal visually proves the important role of zebu in the life of the ancient cattle-breeding tribes of the region in the 2nd–1st millennia BC. The image of this animal, skillfully painted on a semi-precious stone, is an indication of its superiority in the economy of the ancient cattle-breeding tribes.

REFERENCES

- Ağalarzadə A.M.* Leylatəpə arxeoloji mədəniyyətinin gil fiqurları“Azərbaycan arxeologiyası, cild 9, Say // Xəzər Universitəsi Nəşriyyatı. 2007. 1–2. S. 78-83.
- Ağalarzadə A.M.* Fransada Azərbaycan izləri // Geostrategiya – aylıq ictimai-siyasi, elmi-populyar jurnal.2013, noyabr-dekabr. № 06 (18). S. 67-71.
- Ağalarzadə A.M.* Azərbaycanın cənub-şərq bölgəsinin Son Tunc – İlk Dəmir dövrü daş qutu və kurqan qəbirləri (Lerik və Yardımlı rayonunun materialları əsasında) // Azərbaycan arxeologiyası. 2017. № 2. S. 22-38.
- Ağalarzadə A.M.* Azərbaycanın cənub-şərq bölgəsinin tunc-ilk dəmir dövrü əhalisinin əkinçilik təsərrüfatı (etno-arxeoloji tədqiqat) // Bakı Universitetinin Xəbərləri. Humanitar Elmlər Seriyası. 2019. № 3. S. 157-164.
- Axundov T.İ.* Astarada 20 gün. Bakı: Şərq-Qərb nəşriyyatı, 2009. 112 s.
- Caucase, Egipte et Perse. “Jacques de Morgan (1857–1924) pionnier de l’aventure archeologique” Cahiers de musee d Archeologie Nationale, Paris: 2009.No 1. 191 p.
- Cəlilov B., Quliyev A., Hüseynov M.* Çərmədil nekropolu. Bakı: Xəzər Universitetinin Nəşriyyatı, 2013. 96 s.
- Collon D.* The seal impression from Tell Atchana (Alalak). Alter Orient and Altes Testament: 1975, 718 p.
- İbrahimov T.* Zebu // “Məktəb press” qəzeti. 2019, avqust-sentyabr, S. 21-23.
- Jalilov B.M., Huseynov M.M., Quliyev A.A.* Late Antique and Early Medieval Necropolis Charmadil // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2012. Bakı: Afpoliqraff, 2013. P. 212-222.
- Jequier G.* Cachets et cylindres archaiques/ Recherches archeologiques. Troisieme serie. Paris, 1905.P. 1-27.
- Khalatbari M.R.* Gilan in the Iron Age. Tehran, 1975. 328 p.
- Qoşqarlı Q.O., Ələkbərov A.İ.* Cənub-şərqi Azərbaycanın arxeoloji xəritəsi” // AEESENEKM (Azərbaycanda arxeologiya və etnoqrafiya elmlərinin son nəticələrinə həsr olunmuş elmi konfransın materialları). Bakı, 1992. S. 48-50.
- Mitchell T.C., Searight A.* Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Leiden, Boston, 2008, 327 p.
- Moayed S.S.* Animal husbandry and native life in Talesh//Archaeological investigations in Talesh, Gilan-1. Excavation of Toule-Gilan. General Office in Iranian Cultural Heritage Organization of Gilan. Gilan: 2004.P. 111-130.
- Morgan J.De.* Mission scientifique en Perse. Tome quatrieme. Recherches archeologiques. Premiere partie.Paris: 1896, Ernest leroux editeur.Chapitre II.P. 14-125.
- Müseiyibli N.Ə.* Böyük Kəsik eneolit dövrü yaşayış məskəni. Bakı, 2007. 227 s.
- Nəgbiyan İ.* Marlikdə qazıntılar. Fars dilində. I cild. Tehran, 1961. 520 p.
- Pittman H.* Art of the Bronze Age: Southeastern Iran, western Central Asia, and the Indus valley. Tehran, 1986.117 p.
- Rəhimova M., Ələkbərov A., Kazanova M., Lorre K.* Azərbaycan-Fransa arxeoloji ekspedisiyasının Lerik rayonunda apardığı çöl-tədqiqat işləri haqqında // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2012. Bakı, 2013. S. 352-357.
- Ахундова Г.К.*Украшение Азербайджана античного периода. Баку: Elm və təhsil, 2020. 280 с.
- Бабаев И.А.* Древние печати Азербайджана // İrs, наследие, heritage. 2010. № 1 (43). С. 18-21.
- Гусейнова М.* Из истории Южного Кавказа Ходжалы Гедабекская культура Азербайджана (XVI–IX вв. до н.э.). Баку: Бизим китаб, 2011. 200 с.
- Джафаров Г.Ф.* Связи Азербайджана со странами Передней Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа (по археологическим материалам Азербайджана). Баку: Элм, 1984. 108 с.
- Нариманов И.Г.* Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку: Элм, 1987. 260 с.
- Пилипосян А.С.* Глиптика Вантоспского (Урартского) Царства (к постановке вопроса) // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. М-лы междунар. конф. (г. Ереван, 17–18 ноября 2003 г.). Ереван, 2003. С. 107-111.
- Табалдыев К.Ш.* Древние памятники Тянь-Шаня. Бишкек: Университет Центральной Азии; V.R.S. Company, 2011. 320 с.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

АлтГУ –	Алтайский государственный университет. Барнаул
АН КазССР –	Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата
АН РТ –	Академия наук Республики Татарстан. Казань
АОИКМ –	Актюбинский областной историко-краеведческий музей. Актюбинск/Актобе
АРТ –	Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад/Душанбе; Москва
АСГЭ –	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург
БНЦ УрО АН СССР –	Башкирский научный центр Уральского отделения Российской академии наук. Уфа
ВААЭ –	Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВГУ –	Воронежский государственный университет. Воронеж
ВДИ –	Вестник древней истории. Москва
ВолГУ –	Волгоградский государственный университет. Волгоград
ГИМ –	Государственный исторический музей. Москва
ГРВЛ –	Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва
ДНЦ РАН –	Дагестанский научный центр РАН. Махачкала
ДонГТУ –	Донбасский государственный технический университет. Лисичанск/Алчевск
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева –	Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева. Астана/Нур-Султан
ИА КН МОН РК –	Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы
ИА НАНУ –	Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев
ИА РАН –	Институт археологии Российской академии наук. Москва
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск
ИИАЭ АН КазССР –	Институт истории археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ИИАЭ ДНЦ РАН –	Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала
ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург
ИИАЭ ДНЦ РАН –	Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук. Махачкала
ИМКУ –	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент; Самарканд

ИЭ КН МОН РК –	Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы
КазНПУ (КазПИ) им. Абая –	Казахский национальный педагогический университет (Казахский педагогический институт) им. Абая. Алма-Ата/Алматы
КарГУ –	Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова. Караганда/Караганды
КАЭЭ ПГГПУ –	Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного педагогического университета
КемГУ –	Кемеровский государственный университет. Кемерово
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР/ Российской Академии наук. Москва
ЛГУ –	Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. Ленинград
МАЭ РАН –	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» Российской академии наук. Санкт-Петербург
МГУ –	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
МИЦАИ –	Международный Институт центральноазиатских исследований. Самарканд
МНУ імені В.О. Сухомлинського –	Миколаївський національний університет імені В.О. Сухомлинського. Миколаїв
НАН РК –	Национальная Академия наук Республики Казахстан
НИПИ ПМК –	Научно-исследовательский и проектный институт памятников материальной культуры. Алматы
НИИ реставрации МКиТРФ –	Научно-исследовательский институт реставрации Министерства культуры и туризма Российской Федерации. Москва
ОГАУ –	Оренбургский государственный аграрный университет. Оренбург
ОГПУ –	Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург
ОНТИ НЦБИ АН СССР –	Объединенное научно-техническое издательство Научного центра биологических исследований АН СССР. Пущино
ПА –	Поволжская археология. Казань
ПОНИЦАА –	Пермский образовательный научно-исследовательский центр авитальной активности. Пермь
РА –	Российская археология. Москва
РГГУ –	Российский государственный гуманитарный университет. Москва
Республиканский НИПИ ПМК –	Республиканский научно-исследовательский и проектный институт памятников материальной культуры Министерства культуры Казахстана. Алматы
СА –	Советская археология. Москва
САИ –	Свод археологических источников. Москва; Ленинград
СамГУ –	Самаркандский государственный университет. Самарканд

СГСПУ –	Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара
СГУ –	Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов
СО РАН –	Сибирское отделение Российской академии наук. Новосибирск
СПбГУ –	Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург
СЭ –	Советская этнография. Москва
ТиПАИ –	Теория и практика археологических исследований. Барнаул
ТомГУ –	Томский государственный университет. Томск
ТюмНЦ СО РАН –	Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук. Тюмень
УрО РАН –	Уральское отделение Российской академии наук. Екатеринбург
ФИА –	Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана. Астана/Нур-Султан
ЧелГУ –	Челябинский государственный университет. Челябинск
ЮНЕСКО –	Специализированное учреждение Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры, включающее достопримечательности в список Всемирного наследия
ЮТАКЭ –	Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ІА НАН України –	Інститут археології Національної академії наук України. Київ.
JAS –	Journal of Archaeological Science. Waltham, Mass

МАЗМҰНЫ СОДЕРЖАНИЕ – CONTENT

Алғы сөз	7
Предисловие	9
Preface	11
Ситдиков А.Г. (<i>Казань, Россия</i>) Международный конгресс археологии Евразийских степей: этапы становления	13
Самашев З. (<i>Алматы, Казахстан</i>) Производственные центры в макроэкономических структурах бронзового и раннего железного веков	23
Сулейманов Р.Х. (<i>Ташкент, Узбекистан</i>) К вопросу о происхождении и роли кочевой цивилизации в Центральной Азии	44
Мерц И.В. (<i>Алматы, Казахстан</i>) Проблемы периодизации и хронологии раннего бронзового века Восточного Казахстана	58
Поляков А.В. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Культурно-исторические процессы на северо-восточной окраине Евразийских степей в эпоху палеометалла	68
Корочкова О.Н. (<i>Екатеринбург, Россия</i>) Среднее Зауралье на переломе эпох: от камня к металлу	80
Аванесова Н.А. (<i>Самарканд, Узбекистан</i>) Эпоха палеометалла Зеравшанской долины в системе евразийских древностей	85
Косинцев П.А. (<i>Екатеринбург, Россия</i>) Колесничные лошади степей Евразии	105
Авси Ауса (<i>Izmir, Turkey</i>) The Problem of the Cultural Continuities from the Paleometal Era to the Iron Ages of Cis-Baikal	110
Байтлеу Д.А., Калиева Ж.С. (<i>Алматы, Казахстан</i>), Искаков А.Ш. (<i>Улытау, Казахстан</i>) К вопросу о месте археологического комплекса Тарангул в системе Уральско-Мугалжарского горно-металлургического центра эпохи палеометалла	110
Сакенов С.К., Ганиева А.С. (<i>Нур-Султан, Казахстан</i>) Материалы могильника эпохи бронзы Тажыгул в решении проблем нуринской археологической культуры	126
Горячев А.А., Галимжанов С.Э., Егорова Т.А. (<i>Алматы, Казахстан</i>) Археологический ландшафт петроглифического комплекса эпохи бронзы гор Архарлы	136
Бобомуллоев Б.С. (<i>Душанбе, Таджикистан</i>) Саразм как контактная зона раннеземледельческих и степных культур	163

Файзуллин А.А. (Оренбург, Россия) Экономика ямной культуры Волго-Уралья и ее влияние на социальную структуру населения раннего бронзового века	181
Борисов А.В. (Пущино, Россия), Мимоход Р.А. (Москва, Россия) Климатические изменения на рубеже средней – поздней бронзы и их влияние на общества древних скотоводов пустынно-степной зоны	190
Файзуллин И.А. (Оренбург, Россия) Подвижное скотоводство позднего бронзового века в степях Оренбуржья	197
Щербаков Н.Б., Шутелева И.А., Леонова Т.А. (Уфа, Россия) Модель семейных отношений в социуме позднего бронзового века Южного Приуралья по результатам палеогенетических анализов на примере Казбуруновского археологического микрорайона	203
Ahmet Ziya Bayburt (Izmir, Türkiye) The Understanding of the Cultural Relationship Between Sayan-Altai and Central Kazakhstan from the Bronze Age to the Classical Turkic Period	208
Рахимов Н.Т. (Худжанд, Таджикистан) Памятники кайракумской культуры предгорной полосы: Наволи	219
Бяшимова Н.С. (Ашгабат, Туркменистан) Параллели в искусстве Южного Туркменистана и Ирана в эпоху энеолита	228
Разумов С.Н. (Тирасполь, Молдова), Лысенко С.Д. (Киев, Украина), Тельнов Н.П., Синика В.С. (Тирасполь, Молдова) Сосуд с пиктограммами начала позднего бронзового века из Северо-Западного Причерноморья	237
Шевнина И.В., Логвин А.В. (Костанай, Казахстан) «Приходящий в мир умерших приносит дары...» (о содержимом сосудов из синташтинских погребений Тургая)	246
Наджафов Ш. (Баку, Азербайджан) Каменные орудия древнего поселения Ястытепе	260
Мусаева Р.С. (Алматы, Казахстан) Каменные навершия эпохи бронзы из Западного Казахстана (по материалам памятников срубной культуры)	267
Кириченко Д.А. (Баку, Азербайджан) О каменных навершиях булавы из историко-краеведческого музея г. Масаллы (Азербайджанская Республика)	273
Каспаров А.Р. (Самарканд, Узбекистан) К интерпретации захоронений с животными в сапаллинской культуре	278
Agalarzade A. (Baku, Azerbaijan) A zebu image (<i>Indian humpbacked ox</i>) on an agate seal in fine arts (ethnoarchaeological research)	298
Қысқартулар тізімі – Список сокращений – List of Abbreviations	307

Ғылыми басылым

Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта. Еуразия даласы археологиясы V халықаралық конгресінің материалдары (Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.). 5 томдық. Алматы – Түркістан: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022. 1 том. 312 б.

Научное издание

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. Т. 1. 312 с.

Scientific edition

Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). In 5 volumes. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 2022. Vol. 1. 312 p.

О.В. Кузнецова – компьютерлік беттеу және дизайн
Ә.М. Манапова, А.Е. Айтбаева – қазақ тіліндегі мәтіндерді аудару және редакциялау
Я.С. Шаяхметова – ағылшын тіліндегі мәтіндерді аудару және редакциялау

Компьютерная верстка и дизайн – О.В. Кузнецова
Перевод и редакция текстов на казахском языке – А.М. Манапова, А.Е. Айтбаева
Перевод и редакция текстов на английском языке – Я.С. Шаяхметова

Computer layout and design – Olga Kuznetsova
Kazakh translation and editing – Aliya Manapova, Aigerim Aitbayeva
English translation and editing – Yana Shayakhmetova

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалды.
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 15.08.2022 жылы қол қойылды. Пішім 84×108 1/16
Шартты б. т. 32,8. Calibri гарнитурасы. Таралымы 140 дана.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана.
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 15.08.2022 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п. л. 32,8. Гарнитура Calibri. Тираж 140 экз.

Original layout prepared at the Margulan Institute of Archaeology.
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 15.08.2022. Format 84×108 1/16
Printed sheet 32,8. Calibri headset. Circulation 140 copies.

“Хикари” баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house «Hikari» hikari.kz24.online